Е. А. Евтушенко

ПАССИОНАРНАЯ ТЕОРИЯ ЭТНОГЕНЕЗА Л. Н. ГУМИЛЁВА: ОСМЫСЛЕНИЕ И ПОПЫТКА ПРИМЕНЕНИЯ

Красноярск

2017

УДК 1(091)
ББК 10603

Рецензент:
Доктор философских наук, профессор **Н. М. Чуринов**

Евтушенко Е. А.
Пассионарная теория этногенеза Л. Н. Гумилёва: осмысление и попытка применения. – Красноярск, 2017. – 425 с. (263с. компьют. текста, 2-е издание, дополненное)

За последние годы о Льве Николаевиче Гумилёве и его пассионарной теории написано уже немало, однако до развития этой уникальной концепции дело пока не дошло (хотя отдельные шаги и предпринимались).

В настоящей работе делается попытка применить метод Гумилёва к новейшей истории России и некоторым проблемам современности, и тем самым показать, что теория этногенеза имеет, кроме чисто научного, еще и прикладное, практическое значение, что в нынешней ситуации нарастания угроз крайне важно.

Вместе с тем автор преследовал еще одну цель – развеять многочисленные мифы о Льве Гумилёве и его концепции, о которой «все слышали», но мало кто знает…

Книга написана живым, доступным языком и может представлять интерес не только для специалистов, но и для самого широкого круга читателей, интересующихся историей, проблемами межнациональных отношений (в России и мире) и перспективами развития Российской цивилизации.

ISBN 978-5-9905628-7-5

Электронный адрес: evevt@mail.ru
Евтушенко Евгений Альбертович

Обращение к читателю (июль 2020 г.)

В 2020 году в компьютерный текст книги были внесены отдельные дополнения, в основном, во второй части. Эти дополнения, помимо всего, были вызваны желанием внести нотку оптимизма в настроения нашей патриотической общественности. Про «электронный концлагерь», «либеральный переворот» и прочие неприятности говорят сегодня многие. И при этом никто толком не знает, что будет дальше – после капитализма, после «модерна», после Путина и т. д.

Чем хорош Гумилёв? Тем, что он учит стратегическому мышлению. То есть, учит видеть далеко, и копать глубоко. С точки зрения тактической в стране действительно «все плохо». С точки зрения стратегической – мы уже победили. Да-да победили. Потому, что наш народ умирать не захотел. Его по всем раскладам уже закопали, а он не захотел! Разумеется, до окончательной победы должно пройти время – год, два, пять, десять. Сколько – нам неведомо, но с точки зрения истории – немного. (Но мы же все хотим – быстро!)

Лев Николаевич нам показал, что этногенез, т. е. движение истории, директивами политиков отменить невозможно, и подтолкнуть невозможно. Он идет по своим *природным* законам. Надо эти законы уяснить. Тогда в голове будет порядок.

У нас сегодня много говорят о «глубинном государстве», но почти ничего – о «глубинном народе». (Один знатный и умный либерал, хорошо знающий теорию Гумилёва, как-то сказал об этом, но его не поняли.)

Теперь – главное. Эта книга о «глубинном народе», который на *данном историческом отрезке* оказался сильнее «глубинного государства». Сегодня мы находимся в начале *нового***,** большого периода Русской Истории. Да и мировой – тоже.

Памятка для читателя

Знакомство с книгой можно начинать с любой главы, просмотрев перед этим главы «Пассионарность» и «Субпассионарии».

Во «Введении» – теория, методология и критика Гумилёва (II ч.).

Этническая история России – в первой части книги (фазы). Ключевая глава по истории России – «Фаза надлома» (XIX – XX вв.).

Национальный вопрос – в первых главах (теория и практика), и во второй части (практика).

Глобальные проблемы современности (глобализация, мировой кризис и др.) и вероятные прогнозы на будущее России и мира – во второй части.

Тема упадка Западной цивилизации – в главе «Фаза обскурации».

Вопросы идеологии (национализм, евразийство, капитализм, социализм и др.) преимущественно во второй части.

Русский вопрос проходит нитью через всю книгу.

Понятие антисистемы – в конце главы «Фаза надлома» (комментарий 1).

О понимании истории – в главе «О мере влияния людей на историю».

Содержание.

Предисловие……..5
Краткая биография……...7
Введение……...……..16
Часть I
Этнос, его свойства и особенности
Стереотип поведения……...30
Этническая структура: субэтнос, этнос, суперэтнос……...40
Комплиментарность……....48
Системный подход……...56
Пассионарность……63
Гармоничные люди……..67
Субпассионарии……...68
Возрасты этноса и разнообразие этнических историй…….....71
Фазы этногенеза. Фаза подъёма (расширение)……76
Фаза акматическая (перегрев)……..86
Фаза надлома (болезнь этноса)……....96
Фаза инерции (золотая осень)……..148
Фаза обскурации (сумерки этноса)……..153
После конца. Мемориальная фаза……...168
Вместо заключения. Оценка теории…..…….....170
Часть II
«Уроки Льва Гумилева».
Или зачем нам нужна теория этногенеза…….178
Развенчание мифов……...179
Глобализация и этногенез....……183
Мировой кризис и этногенез……187
О мере влияния людей на историю…….190
Национальный вопрос.
Об ошибках в советской национальной политике……....195
О национализме и интернационализме……..203
Почему распался СССР? Этнический аспект……207
Возможен ли новый Союз народов?.....215
Об Украине…….217
О патриотизме и антипатриотизме. Маятник истории…….....226
Почему мы никак не построим правильный капитализм?....….....230
Социализм и этногенез……..……..243
Что впереди? Фазовый переход – процесс болезненный……250
О современном моменте. Россия сосредотачивается……..255
Список литературы…...……..258
Приложение справочное. Словарь терминов……260
Приложение А. Кривая этногенеза……..262
Приложение Б. Оси зон пассионарных толчков…….263

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данной работе автор ставил две задачи:

1) В сжатой форме изложить и прокомментировать основные положения пассионарной теории этногенеза.

2) Применить метод этногенеза к периоду, который Л. Н. Гумилёв в своих трудах не затрагивал, а именно – к истории России второй пол. XIX – XX вв. (фаза надлома), а так же к некоторым актуальным вопросам современности (глобализация, русский вопрос, конфликт на Украине, евразийская интеграция и др.)

В книге сделан упор на выявление *закономерностей* исторического процесса. Это очень важно, ибо мало знать историю – ее надо понимать…

Теория этногенеза Льва Гумилёва занимает особое место среди *историософских* (объясняющих историю) концепций. Своим появлением в начале 70-х гг. XX века, она произвела настоящий переворот в исторической науке. Да и не только исторической... Своей концепцией Гумилёв опроверг все традиционные представления о *методологии* истории, поставив во главу угла не привычные и нерушимые экономику-общество-политику, а природное (биосоциальное) явление – этнос.

Вместо линейного и однонаправленного принципа исторического развития, в рамках которого развивалась марксистская и либеральная историография, Гумилёв предложил принцип прерывности этнической истории, согласно которого народы рождаются, достигают пассионарного максимума, а затем – стареют и умирают, освобождая место для новых народов, иногда родственных ушедшим, иногда нет.

Теория Гумилёва положила начало новой науке – этнологии, которая охватывает не только историю, но и географию, биологию, психологию, философию и другие науки. Это отвечает потребностям времени, поскольку строгое разделение наук на естественные и гуманитарные уже устарело.

Лев Николаевич Гумилёв говорил: «Я давно знаю, что такое пассионарность, и что в исторических категориях возможно применять работающие пассионарные подходы. И что решаются исторические проблемы с помощью моей концепции с такой же легкостью, как человек, знающий алгебру, решает арифметические задачи».

Можно сказать, что в отличие от большинства историков, которые со времен Геродота ходили в основном по поверхности истории, Лев Гумилёв пошел вглубь. И далеко вглубь. Когда все занимались исторической арифметикой, он занялся исторической алгеброй. И занялся весьма успешно, поставив тем самым в неудобное положение многих своих коллег. В этом одна из причин критичного отношения к Гумилёву со стороны значительного числа историков – узких специалистов.

Другая причина неприятия Гумилёва, как в советское, так и в послесоветское время, – идеологическая. Дело в том, что пассионарная теория этногенеза категорически не укладывается ни в марксистские, ни в либеральные мировоззренческие рамки. Она – антимарксистская и

антилиберальная по своей идеологии; то есть – антиглобалистская. Именно поэтому концепция Гумилёва до сих пор не получила серьезного научного продолжения в академической среде, традиционно конформистской. Эта удивительная теория еще ждет всестороннего осмысления и дальнейшего развития…

За последние десятилетия мир очень изменился. На наших глазах происходит невиданный исторический перелом, мы входим в качественно новую и очень неспокойную эпоху. Поэтому сегодня нужны новые методы в изучении, как истории, так и современности. Теория этногенеза, которая выстроена не на зыбком основании социально-экономических *следствий*, а на твердом фундаменте природных *причин*, отвечает вызовам времени. Она позволяет: 1) по-новому оценить ход отечественной и мировой истории (особенно в XX в.); 2) выяснить «состояние здоровья» российского суперэтноса (Российской цивилизации) на современном этапе; 3) определить место российского суперэтноса среди других суперэтносов современного мира; 4) составить вероятный прогноз на будущее России и мира.

И в этом ее главное отличие от западных теорий, с их европоцентризмом, «экономизмом» и сомнительными проектами будущего.

Помимо того, концепция Гумилёва ценна своей универсальностью. Это значит, что она убедительно объясняет не только историю и межнациональные отношения, но и многие аспекты политики, экономики, культуры, психологии, даже нравственности (в их динамике), то есть, практически, – все стороны нашей жизни. От уровня отдельной личности до уровня целых цивилизаций. Да-да! Не больше, не меньше. И убедиться в этом вы сможете, прочитав эту книгу.

Для того чтобы понять и оценить научную концепцию очень важно увидеть и оценить личность автора. Поэтому работа предваряется краткой биографией Льва Николаевича Гумилева.

Краткая биография Л. Н. Гумилёва

Лев Николаевич Гумилёв родился 1 октября 1912 года в семье двух поэтов – Николая Степановича Гумилёва и Анны Андреевны Ахматовой в городе Царское Село. С младенческого возраста он был отдан на попечение бабушке – Анне Ивановне Гумилёвой, жившей в небольшом имении в Тверской губернии. С родителями мальчик виделся очень редко, отец находился в постоянных разъездах (с 1914 г. – на войне), мать была погружена в главное дело своей жизни – поэзию. Вскоре семья распалась, и маленький Лев остался жить с бабушкой, о которой навсегда сохранил самые теплые воспоминания – добрейшей души человек, она, как могла, заменила ему родителей.

В 1921 году Николай Гумилёв был обвинён в контрреволюционном заговоре и расстрелян…

В 1929 году, в возрасте семнадцати лет, Лев переезжает к матери в Ленинград для того, чтобы продолжить учебу. Анна Ахматова живет в это время на квартире у своего третьего мужа, профессора искусствоведения Пунина. Хозяин встречает его неласково, но оставляет. Спит Лев на сундуке, в неотапливаемом коридоре. Пунин открыто дает понять, что новый жилец – семье в тягость, что он «не может кормить весь Ленинград». Но юноше деваться некуда, приходиться терпеть.

В 1930 году Лев Гумилёв подает документы в Герценовский институт, но ему отказывают в поступлении из-за дворянского происхождения. Он устраивается рабочим в экспедицию и уезжает в Сибирь. Три года Гумилёв работает в различных экспедициях на низших должностях. В перерывах живет в Ленинграде по квартирам у знакомых. Иногда ему позволяют обедать у Пуниных. В 1934 году ему, наконец, удается поступить в университет на исторический факультет. Лев счастлив! Наконец-то он может заняться своим любимым делом – историей.

Но вскоре судьба наносит ему первый серьезный удар. В августе 1935 года его арестовывают по доносу. Как позже вспоминал Гумилёв, после убийства Кирова в Ленинграде «началась какая-то фантасмагория подозрительности, доносов, клеветы и даже (не боюсь этого слова) провокаций». Всем известно, что он сын царского офицера и «контрреволюционера». В ходе расследования выясняется, что за студентом Гумилёвым ничего нет (в 35-м году еще можно было оправдаться), и его выпускают уже в ноябре. Однако из университета на всякий случай выгоняют. «В ту зиму я очень бедствовал, даже голодал», – вспоминал Лев Николаевич.

Только в конце 36-го года, благодаря помощи ректора университета Лазуркина (который сказал: «Я не дам искалечить жизнь мальчику»), Гумилёв восстанавливается сразу на третий курс. Сдает экзамены экстерном.

Продолжается спокойная жизнь недолго. В 1938-м году его снова арестовывают. На этот раз по доносу профессора филологии Пумпянского, которого Лев уличил во лжи прямо на лекции, когда речь зашла о поэзии

Николая Гумилёва, – профессор буквально издевался над «контрреволюционным поэтом».

Вот что вспоминал об этом аресте сам Лев Николаевич: «По мере чтения доноса следователь Бархударян все больше распалялся. В конце он уже не говорил, а, матерясь, кричал на меня: «Ты любишь отца, гад! Встань…к стене!..» Да, в этот арест все было уже по-другому. Тут уже начались пытки.…Так как я ни в чем не хотел признаваться, то *избиение продолжалось в течение восьми ночей».* Следователь кричал подручным: «Бейте по голове! Он умный!» Помимо обвинений в заговоре против советской власти от арестанта требуют, чтобы он отрекся от отца. Лев на это не идет и ничего не подписывает. Гумилёву дают 10 лет «за терроризм» и отправляют на Беломорканал. После двух месяцев работы на лесоповале он доходит до полного истощения. От гибели его спасает только то, что дело возвращают на доследование – прокурор требует расстрела. Заключенного доставляют в Ленинград. Но в это время расстреливают самого Ежова и того прокурора, который требовал высшей меры. В конце концов, Гумилёв получает «всего» 5 лет и этапируется в Норильск.

Но перед этим, в ленинградской тюрьме, он переживает первое озарение, связанное с будущей теорией этногенеза: ««Кресты» показались мне после лагеря обетованной землей. Там можно было залезть под лавку и лежать. И у меня возникла мысль о мотивации человеческих поступков в истории. Почему Александр Македонский шел в Индию и Среднюю Азию, хотя явно там удержаться не мог и грабить эти земли не мог, не мог доставить награбленное к себе, в Македонию, и *вдруг мне пришло в голову, что его что-то толкало, что-то такое, что было внутри него.* Я назвал это «*пассионарность».* Я выскочил из-под лавки, побежал по камере. Вижу: на меня смотрят как на сумасшедшего, и залез обратно. Так мне открылось, что у человека есть особый импульс, называемый пассионарностью.… Это не просто стремление к иллюзорным ценностям: власти, славе; это алчность, стремление к накоплению богатств, стремление к знанию, стремление к искусствам». То есть, это тот мотор, который все двигает.

В Норильске Гумилёв работает сначала на общих работах, самых тяжелых, затем его повышают до геотехника. В марте 1943 года он освобождается и, поскольку выезд ему запрещен, полтора года работает на Севере в геологической экспедиции. В 1944 году просится добровольцем на фронт. Начальство сначала отказывает, потом все-таки отпускает.

Вспоминая Дальний Север, Лев Николаевич писал: «Я в тех местах провел 1,5 года, и после этого мне первая линия фронта показалась курортом». В мае 1945 года он пишет в письме другу: «О себе: я участвовал в 3 наступлениях: а) освободил Западную Польшу, б) завоевал Померанию, в) взял Берлин, вернее его окрестности… Добродетелей, за исключением храбрости, не проявил, но, тем не менее, на меня подано на снятие судимости… Солдатская жизнь в военное время мне понравилась. Особенно интересно наступать, но в мирное время приходится тяжело».

После демобилизации Гумилёв возвращается в Ленинград. Мать встречает его очень радостно, они разговаривают всю ночь, она читает сыну свои новые стихи. С Пуниным Ахматова уже рассталась, у нее две комнаты, одну из них она отдает сыну.

Гумилёв восстанавливается в университете. Декан истфака Мавродин разрешает сдать экзамены за 4-й и 5-й курс экстерном. «Декан…встретил меня также ласково и приветливо, называл «Лёва», – вспоминал Гумилёв. Студенту уже 33 года. Надо наверстывать упущенное. За один месяц (!) он сдает все экзамены за два курса и сразу же поступает в аспирантуру института Востоковедения. Уже в следующем 46-м году Гумилёв представляет кандидатскую диссертацию. Но защититься ему не дают. Как раз в это время выходит известное постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград», где жестокой критике подвергаются Ахматова и Зощенко. Льва Николаевича выгоняют из аспирантуры с «волчьим билетом». Они с матерью остаются без средств, опять наступают голодные дни. В конце концов, Гумилёву удается устроиться библиотекарем в сумасшедший дом, на мизерную зарплату. Через полгода он получает положительную характеристику и еще через полгода в декабре 1948 г. блестяще защищается в ЛГУ. Это удается сделать благодаря помощи ректора ЛГУ Вознесенского, который на свой страх и риск берет молодого ученого под свою опеку.

Меньше чем через год, осенью 1949 г. следует новый удар, Гумилёва опять арестовывают. На этот раз по доносу «коллег» из института Востоковедения. Коллеги (в большинстве скрытые троцкисты) заметили молодого перспективного ученого, и за «своего» явно не приняли. Позже, вспоминая годы репрессий, Лев Николаевич обычно ограничивался фразой: «да было такое время, когда вожди сажали вождей, соседи – соседей, а ученые – ученых»… Время для доноса было выбрано самое подходящее: в Ленинграде начинаются репрессии по известному «Ленинградскому делу» – руководство города, помимо всего, обвиняют в «русском национализме». Гумилев своих православно-консервативных взглядов не скрывает, притом – он сын опальной Ахматовой – этого достаточно.

Позже Гумилёв скажет: «Первый раз меня посадили за папу, второй – за маму». Но это – если говорить о главных «аргументах», однако были и другие: Гумилёв просто не вписывался в тогдашние идеологические рамки. При Сталине хотя и произошел поворот на национально-патриотические рельсы, но все-таки не до конца. Тогда, как говорил Сталин, были «оба уклона хуже», – и левый и правый. (Имелись в виду троцкисты и бухаринцы, но это же касалось и других уклонистов.) Гумилёв оказался уклонистом-*традиционалистом*, да еще с евразийским оттенком, а это при монополии марксизма в идеологии и засилье «интернационалистов» в гуманитарной науке рассматривалось как опасная ересь. Как «русский шовинизм».

На допросах следователь обвиняет его в антимарксистских взглядах и добивается признания: «Скажи в чем ты виноват, а в чем ты не виноват, мы и сами знаем.…На тебя доносов, знаешь, сколько написано?» И добавляет: «Ну и нравы же у вас там!». (Имеется в виду круг гуманитарной научной

«интеллигенции».) Гумилёв не признает себя виновным, он действительно в недоумении – за что? Прокурор ему на это откровенно говорит: «Вы опасны, потому что вы грамотны. Получите десять лет». И Гумилёв их получает.

Далее следуют лагеря в Караганде, Междуреченске, Омске. Опять тяжелые общие работы, на которых Гумилёв быстро «доходит». Выжить уже не надеется. Но тут ему вновь везет – его, полумертвого, помещают в больницу, где он получает инвалидность. После больницы работает помощником библиотекаря. Это дает возможность заниматься любимым делом. Он пишет в черновиках историю хуннов и половину истории древних тюрок по тем книгам и научным журналам, которые ему присылают с воли (это уже можно). «Пишу как монах, по ночам». Мать посылает ежемесячные посылки на разрешенную сумму в 200 рублей (20 рублей новыми). Это позволяет хоть и впроголодь, но выжить. На фотографии начала 50-х годов, сорокалетний Гумилёв выглядит стариком.

В 1956 году дело Гумилёва пересматривается, и его освобождают с полной реабилитацией. В общей сложности он проводит в заключении 14 лет. Освобождению способствует и то обстоятельство, что профессора Артамонов и Окладников, а так же академики Струве и Конрад пишут на него положительные характеристики. Гумилёв возвращается в Москву, где в это время находится Ахматова, но здесь его ждет разочарование – мать встречает сына совсем не так, как он ожидал. «Когда я вернулся, к сожалению, я застал женщину старую и почти мне незнакомую. Её общение за это время с московскими друзьями – с Ардовым и их компанией, среди которых русских, кажется, не было никого – очень повлияло на неё, и она встретила меня очень холодно, без всякого участия и сочувствия. И даже не поехала со мной из Москвы в Ленинград, чтобы прописать в своей квартире. Меня прописала одна сослуживица, после чего мама явилась, сразу устроила скандал – как я смел вообще прописываться?! (А, не прописавшись, нельзя было жить в Ленинграде!) После этого я прописался у неё, но уже тех близких отношений, которые я помнил в своём детстве, у меня с ней не было».

К этому можно добавить, что, после 1953 года Гумилёв неоднократно писал матери о том, чтобы она начинала хлопотать за него – это уже могло дать результат. Но Ахматова тогда особой активности не проявила. Сын в недоумении, и очень расстроен – что мешает?.. Что-то, видимо, мешало. Или кто-то. Позже, во время очередной размолвки, мать в сердцах скажет сыну: «Я посылала тебе посылки! Тебе этого мало?!»…

После лагеря Гумилёв несколько месяцев мыкается в поисках работы. Устроиться по специальности не может. Но ему опять везет на хороших людей. Профессор Артамонов, «преодолевая очень большое сопротивление», принимает Гумилёва на работу к себе, в Эрмитаж, на ставку беременных и больных. Вскоре Лев Николаевич получает маленькую комнату (12 кв. м) в коммуналке. Он счастлив – наконец-то, на пятом десятке лет у него есть собственное жилье!

Гумилёв начинает усиленно работать. В 1960 году он издает книгу «Хунну»; в 1961 году защищает докторскую диссертацию по древним тюркам.

Эта защита стоила ему больших нервов: сначала все в том же институте Востоковедения его диссертацию «теряют», затем отказывают в рецензии… Позже Гумилёв оформляет диссертацию в книгу «Древние Тюрки», которую печатают без задержки. «Нужно было возражать против территориальных притязаний Китая, и как таковая моя книга сыграла решающую роль. Китайцы меня предали анафеме…», – вспоминал Лев Николаевич.

После книги «Открытие Хазарии», которая с большим интересом была встречена географами, Гумилёва приглашают в ЛГУ, на географический факультет. Позже он вспоминал: «Это было самое мое большое счастье в жизни, потому что географы в отличие от историков, и особенно востоковедов, меня не обижали». Только к пятидесяти годам (!) Лев Николаевич получает возможность работать со студентами: «Я просто был счастлив, что я могу ходить на работу, что я могу читать лекции. На лекции ко мне приходили не только студенты (не смывались, что всех удивляло), но даже в большом количестве вольнослушатели». Лектором он был изумительным. Кроме уникальной эрудиции, Гумилёв обладал довольно редким для преподавателя талантом – говорить увлекательно и очень ясно о самых сложных вещах.

Одну за другой ученый пишет книги: «Поиски вымышленного царства» и «Хунны в Китае». Первая вызывает критику академика Рыбакова, который пишет разносную статью. Гумилёв отвечает статьей, в которой показывает, что академик в своей критической статье допустил 3 принципиальных и 42 фактических ошибки. Так он зарабатывает еще одного врага. Но по-другому Гумилёв не может; будучи в жизни добрейшим и очень тактичным человеком, во всем, что касается дела, он непреклонен и даже беспощаден.

Вторая книга «Хунны в Китае» издается с большим трудом. Редактор Востокиздата Кунин всячески препятствует изданию. В конце концов, книга выходит, но – на картах «перепутаны» все названия, и нет указателя, который сначала портят, переменив страницы, а затем просто «забывают» вставить.

После выхода первых книг по истории Внутренней Азии, которые закрывали белое пятно в домонгольской истории, Гумилёв приступает к главному делу своей жизни – пассионарной теории этногенеза. Он пишет фундаментальную работу «Этногенез и биосфера Земли». В научных кругах она производит эффект разорвавшийся бомбы! Те, кто поумнее сразу понимают, что концепция Гумилёва это больше, чем просто новое слово в науке. Это – революция. Найден новый *метод* в понимании истории, который не только не уступает по масштабу уже устаревшему – марксистскому, но безусловно превосходит его по глубине и исторической правде. Гумилёв убедительно доказывает, что его концепция не очередная научная спекуляция – она работает и подтверждается практикой. Это как раз то, что отвечает вызовам времени и дает выход на очень серьезные вещи – идеологию, политику, геополитику.

В связи с этим у Льва Николаевича начинаются новые трудности. Для того чтобы напечатать книгу, надо пройти обсуждение. Но обсуждать ее ни один институт не берется, отвечая, что «это не по нашей специальности». В этом есть своя правда – работа, действительно, новаторская – на стыке наук.

Тогда Гумилёв решает защитить ее как вторую докторскую по географии, что с большим успехом и делает в 1973 году. Но ВАК работу не утверждает на том основании, что она «больше, чем докторская, а поэтому и не докторская». В конце концов, обходным путем (опять помогают добрые люди) удается получить разрешение на депонирование книги в ВИНИТИ – Всесоюзном институте научной и технической информации (1979 г.). Однако депонирование резко ограничивает круг читателей. Сразу взять книгу нельзя, надо делать заказ и ждать своей очереди. Это почти спецхран. Издать свою главную книгу Гумилёву удается только в 1989 году.

История с депонированием так же не обходится без неприятностей. «Было три выпуска по 10 авторских листов. Первый выпуск прошел легко и спокойно, но потом редакторша Ольга Николаевна Азнем украла остальные два выпуска, унесла их к себе домой и показывала своим знакомым.…Но когда оказалось, что это такое нарушение, скажем мягко, равносильное преступлению, за которое полагается от 3 до 8 лет…она ее сразу принесла». Но все-таки, как могла, навредила – не предупредила о том, что в машинописи должны быть поля с двух сторон (для копирования), и некоторые буквы забила грязно шрифтом на машинке. Всю книгу пришлось перепечатывать заново…

С начала 70-х годов усиливается давление на Гумилёва, как на лектора. Его курс в Ленинградском университете сокращают до минимума, а время от времени вообще запрещают читать лекции. По воспоминаниям заведующего кафедрой географического факультета профессора С. Б. Лаврова, из парткома ЛГУ тогда периодически следовали указания «приостановить» лекции Гумилёва. Очевидно, в партком звонили с «самого верха». В таких случаях Лев Николаевич просил самого близкого ученика Константина Иванова: «Костя, читайте лекции! Не прекращайте читать!». Надо было, во что бы, то не стало, сохранить курс. Это давление на преподавателя Гумилева продолжается до середины 80-х годов.

Большие неприятности доставлял Льву Николаевичу институт этнографии, который возглавлял академик Бромлей. (Гумилёв называл его в шутку «Бармалей»). Это имело свои причины. Целый институт работает над проблемой этногенеза и приходит к выводу, что нация – явление социальное (?!), но тут вдруг появляется какой-то историко-географ Гумилёв, который своей концепцией разбивает все привычные марксистские представления. (Что, впрочем, не мешало Бромлею использовать идеи Гумилёва в своих докладах, книгах и статьях. Об этом плагиате написал Константин Иванов в «Известиях географического общества», №3 за 1985 год). Этими же причинами объясняется и недоброжелательность многих коллег-историков: Гумилёв своей теорией вдребезги разрушал окаменевшие концепции и постулаты, десятилетиями повторявшиеся в монографиях и учебниках. Причем делал это так аргументировано, что спорить с ним было просто невозможно.

Это сегодня его теория заняла прочное место в науке, и количество гумилевцев постепенно растет, а тогда приходилось тяжело. Те академики, которые писали на Гумилёва доносы в ЦК КПСС (Бромлей, Рыбаков, Григулевич), не отвечали на его призывы вступить в открытую дискуссию. Они

были люди умные и прекрасно понимали, что гарантированно проиграют. Поэтому действовали, как это зачастую принято у «творческой интеллигенции», за спиной, исподтишка. Их статьи печатали, а Гумилёву почти никогда не давали ответить. Его вообще очень мало и трудно печатали в 70-х – первой половине 80-х гг. Бромлей как-то откровенно заявил: «Я не могу дискутировать с Гумилевым, у него быстрая реакция, а я тугодум», и, вообще, «Гумилев ходит по всемирной истории как по своей квартире!». Льву Николаевичу оставалось только вышучивать своих недоброжелателей. Иногда довольно едко. В одном письме (позже опубликованном) он писал: «Что же касается собственных позитивных высказываний Ю.В. Бромлея, то я воздержусь от суждений, следуя изречению, приведенному Оскаром Уайльдом, который, будучи… в ковбойском поселке, прочел в трактире такой плакат: «Не стреляйте в пианиста, он играет, как может».

Анатолий Лукьянов, занимавший в конце 1980-х годов очень высокий пост в партийной иерархии, вспоминал, с каким трудом приходилось пробивать издание последних книг Гумилёва: «Древняя Русь и Великая степь», «Тысячелетие вокруг Каспия», «Конец и вновь начало» и др. И это несмотря на смягчение цензуры во времена «перестройки». (Красноречивый факт: когда «Древняя Русь…» была, наконец, отпечатана, кто-то «на корню» скупил весь тираж (!) и вывез на грузовиках в неизвестном направлении. Понадобилось вмешательство Лукьянова, чтобы напечатать новый тираж.) Лукьянов писал: «Разного рода деятели от науки, сплотившиеся вокруг очередного вельможи, не читавшего ни одной работы автора теории этногенеза, умело внушали своему патрону, что «гумилевщина» сродни антимарксисткому идеализму, географическому детерминизму, шовинизму, национализму и т. д.».

В чем только Гумилёва не обвиняли. И в «биолого-энергетическом» подходе к истории (Ю. Афанасьев), и в евразийстве, которое трактовалась как вредная «имперско-изоляционистская установка» (А. Янов и другие ярые «демократы»), и в антипатриотизме, за его «симпатии к агрессорам и завоевателям монголо-татарам». «Я удивляюсь, – говорил Гумилёв, – как это меня не обвинили еще и в космополитизме: был бы полный набор, вместе с русофобией»

За Львом Николаевичем еще с конца 50-х годов был установлен постоянный, негласный надзор КГБ, который усилился с начала 70-х гг. Это так же отпугивало многих коллег-историков. Соседям по квартире (ученый всю жизнь прожил в коммуналках, и только незадолго до смерти получил отдельную квартиру) было поручено «присматривать» за ним. Сначала это был сосед-милиционер; но он оказался человеком добрым и особенно не надоедал. На другой квартире за Гумилёвым следил сосед, работавший тюремным надзирателем. Этот был недобрый и выполнял свои обязанности весьма усердно. В отсутствие Гумилёва в комнате систематически проводились обыски; искали что-то в бумагах. Один раз Лев Николаевич, разозлившись, написал записку: «Начальник, когда шмонаешь, книги клади на место, а рукописи не кради. А то буду на тебя капать!», – и положил в ящик письменного стола… Все это, конечно, нервировало. В день своего 70-летия, в

1982-м году, Гумилёв с некоторым облегчением заметил: «После 70-ти у нас не сажают за политику». Старый лагерник не исключал возможности ареста.

Его отношения с матерью после 1956 года продолжали ухудшаться. Последние пять лет, до ее смерти в 1966 году, они совсем не виделись. Последняя встреча произошла накануне защиты Гумилёвым докторской диссертации: «она …выразила свое категорическое нежелание, чтобы я стал доктором исторических наук, и выгнала меня из дома. Это был для меня очень сильный удар, от которого я заболел». Поводом для ссоры было требование Ахматовой, чтобы сын, хорошо знавший восточные языки, продолжал помогать ей делать переводы стихов – это приносило основной заработок. Но Гумилёв отказался – на носу защита.

Позже, правда, совсем по другому поводу, Лев Николаевич скажет: «Поэт, как правило, помещает в центр мира себя, он – эгоист, ученый, если это настоящий ученый, помещает в центр мир, который он изучает»…

Много сил отняла у Гумилёва тяжба за архив Ахматовой. После ее смерти им завладели «друзья» Ахматовой: родственники Пунина, Ардовы и другие. Бумаги были вывезены в первую же ночь. Незаконные владельцы сразу же начали распродавать архив по частям. Гумилёв же, будучи единственным законным наследником, хотел передать архив государству целиком. Причем бесплатно. «Друзья» отреагировали на это в своем стиле: «Мы всегда говорили, что он ненормальный!». Пришлось судиться. После долгой волокиты суд отказал в иске о взыскании в пользу государства денег (очень больших по тем временам) с «друзей» Ахматовой, и передачи прав Гумилеву. Закон был на стороне Гумилёва, но он проиграл. Судья потом сказала: «Вам как всегда не повезло…». В конце 90-х годов 23 записные книжки Ахматовой всплыли в Италии.

И, тем не менее, несмотря на все неприятности, Гумилёв был доволен своей жизнью после лагеря: «Этот последний период моей жизни был для меня очень приятным в научном отношении, когда я написал все основные свои работы». Всего он написал 12 книг. Наука была смыслом его жизни. Самым страшным наказанием для Гумилёва было лишение возможности заниматься научной работой. Как вспоминали близкие к нему люди: «Мозг у него работал постоянно, как мотор». Отдыхать Лев Николаевич не умел. Один раз уговорили поехать в санаторий подлечиться. (У него была язва желудка и больная печень, позже открылся сахарный диабет). Гумилёв с трудом выдержал неделю отдыха, и вернулся домой – писать…

Спустя 10 лет после освобождения наконец-то налаживается его личная жизнь. В 1967 году Лев Николаевич, в возрасте 55 лет, женится на Наталье Викторовне Симоновской. Брак оказался очень счастливым. Жена оставляет свою работу (она художник) и полностью посвящает себя мужу – налаживает быт, печатает на машинке – обеспечивает тылы. «Мой ангел-хранитель» – говорил про нее Гумилёв. Как позже вспоминали их друзья, Наталья Викторовна подарила Льву Николаевичу еще 10 –15 лет жизни.

Лев Николаевич, вспоминая о своем прошлом, как-то признался: «Я хотел стать священником (в 30-е годы!), но мой духовный отец сказал мне: «Церковных мучеников у нас хватает. Нам нужны светские апологеты». И я стал светским апологетом»...

Известно, что тяжкий крест достается тому, кто может его нести. Гумилёв был глубоко верующим человеком. Бог провел его через страшные испытания. Но Бог хранил его. И помогал ему.

В своей автобиографии, составленной в 1986 году, Гумилёв писал: «Итак, я считаю, что творческий вклад в культуру моих родителей я продолжил в своей области, оригинально, не подражательно, и очень счастлив, что жизнь моя прошла не бесполезно для нашей советской культуры».

Писатель Дмитрий Балашов вспоминал об одном разговоре с Учителем, как он называл Гумилёва. «Я умру в 1991 году, – сказал как-то Лев Николаевич года за четыре до смерти. Книги его еще только собирались выходить. – Не умирайте, Лев Николаевич! – серьезно попросил я его. – Почему? – Потому что, пока книги не вышли, вы должны жить, дабы они вышли без изменений, и после того – дабы не было искушения переврать написанное вами».

Лев Николаевич Гумилёв дожил до выхода своих книг. Он умер в июне 1992 года.

Вся его жизнь была борьбой, которая не прекращалась ни на минуту. И эта борьба была посвящена одной цели – служению Истине!

На таких людях держится не только наука.

Земля русская держится.

А всё-таки я счастлив,
я всегда писал, что думал,
а не то, что велели.
Л. Н. Гумилёв

Введение

Этногенез – это процесс рождения, расцвета, старения и умирания народов (этносов). Первым открыл и описал законы этногенеза русский историк и этнолог Лев Николаевич Гумилёв (1912 – 1992 гг.). Его открытие дало нам универсальный ключ к пониманию законов исторического процесса. Это очень важно для нас, ибо мало знать историю, её надо понимать. А понимают её сегодня, увы, немногие…

Гумилёв отмечал, что учёные издавна искали ответы на вопросы: почему возникают и исчезают, казалось бы, незыблемые империи и царства, почему одни народы приходят на смену другим, откуда появляются новые культуры и религии? Ответы получались, естественно разные, ибо история многогранна: она может быть историей социально-экономических формаций или военной историей, историей культуры или религии. Историки юридической школы, писал Гумилёв, изучали законы и типы государственного устройства, другие учёные делали упор на индивидуальную психологию. Историки-марксисты рассматривали историю через призму развития производительных сил, как последовательную смену социально-экономических формаций: первобытной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической. То есть, как процесс *линейный* и непрерывный, идущий от низшего к высшему. И это действительно так (пока), если иметь в виду технический прогресс. Не стоит на месте и общество. Социальное развитие – это спонтанное, непрерывное движение по спирали (раньше считалось, что – вверх…).

Но если рассматривать историю наций, т. е. этническую историю человечества, мы увидим, что она прерывна, так как имеет свои «начала» и «концы». «К сожалению, – говорил Гумилёв, – идея дискретности (прерывности) истории не получила всеобщего признания у основной массы, как учёных, так и обывателей, свято верующих, что «завтра будет лучше, чем сегодня».

И, добавим, в этом нет ничего удивительного. Обыватель (в том числе и образованный обыватель) устроен так, что дальше «собственного огорода» он ничего не видит и видеть не хочет. Обывателю кажется, что мир, который он наблюдает, был таким всегда, а если и происходят в нем какие-то изменения, «то это – прогресс». Видеть **историю в движении**, дано не каждому. Для этого надо смотреть на нее не с позиций мыши, а с «высоты полета орла». То есть видеть не только историю последних десятилетий, а гораздо дальше – видеть *колебания истории* в течение веков, а иногда и тысячелетий. И не только в каком-то одном месте, например, в Европе и Средиземноморье (как это делал

Маркс и многие другие ученые), но и в Китае, Индии, Центральной Азии – везде.

Тот же подход, кстати, касается и многих исторических деятелей. Они могут быть очень непохожими на самих себя в разные периоды жизни, т. е. - эволюционировать по ходу истории. (Например: Сталин в 1920-е, и Сталин в 40-е годы.)

Во избежание путаницы и бесплодных споров Гумилёв учил наблюдать историю в пяти приближениях.

Приближение № 1 (самое общее). «Это огромная спираль – путь исторического развития: Нижний ее конец теряется в густых лесах… в пещерах, где высокие смуглые люди делили тушу мамонта, разрезая мясо кремневыми ножами. Верхний конец уходит в будущее, которое представляется нам как полное торжество человека над природой, но описывать его я не берусь, предоставляя это занятие авторам научно-фантастических романов. Наша письменная история – всего один виток этой гигантской спирали.

В первом приближении мы наблюдаем три нити закономерности общечеловеческого развития: демографический взрыв, технический прогресс и смену социально-экономических формаций…

Приближение № 2. Сразу пропадет спираль и останется только один ее виток длинной около 5 тыс. лет… Это те самые исторические культуры, которые то и дело сменяют друг друга, веками сосуществуя на поверхности планеты Земля. Так заря Эллады, когда базилевсы с дружинами разоряли Трою, – XII в. до н. э. – по времени совпала с закатом Египта… Так при агонии золотой Византии – XIII в. н. э. – возносились знамена франкских рыцарей и бунчуки монгольских богатырей. А когда изнемогал от внутреннего кризиса Средневековый Китай – XVII в., – тут же поднялся трон маньчжурского богдыхана… И каждый из этих подъемов был связан с явлениями этногенеза – появлением новых народов путем коренного преобразования прежних…

Приближение № 3. Мы увидим только одну культуру, переживающую свою юность, зрелость и старость. Перед нами предстанет картина социальной борьбы… (В Древнем Риме, или в Монголии, или в Арабском халифате.) Каждая культура будет видна отдельно, все остальные окажутся для нее только фоном, объясняющим отдельные события политической истории, но не собственные ее ритмы.

При приближении № 4 мы увидим уже не всю историю культуры как целого, а только отдельную эпоху. Социальные противоречия станут расплывчаты, а отчетливы и выпуклы – характеры отдельных людей. Тогда историк будет говорить… о легкомыслии Помпея, предусмотрительности Цезаря, влюбчивости Антония и расчетливости Октавиана. История будет казаться поприщем для соперничества великих людей, хотя известно, что сама идея обманчива. Фоном станет эпоха, которую рассматривали в предыдущем приближении как основную и конечную цель изучения. Но это еще не предел.

Возможно еще приближение № 5, при котором в поле зрения оказывается один человек. Как ни странно это приближение используется очень часто. Если этот человек Пушкин – возникает пушкиноведение, если Шекспир – шекспирология. Но здесь история смыкается с биографическим жанром и перестает быть сама собой. Шкала историоскопа исчерпана».

Основная идея Гумилёва заключается в том, что этнос отличается от общества. Он существует *параллельно* обществу, независимо от тех социальных формаций (систем), которые это общество переживает и только коррелирует с ними, взаимодействует в тех или иных случаях. Этногенез является как бы *фоном*, основанием на котором развивается социальная жизнь.

«Таким образом, социальная и этническая истории не подменяют друг друга, а дополняют наше представление о процессах, происходящих на поверхности Земли, где сочетается история природы и история людей», **–** писал Гумилёв.

Причиной образования этноса по Гумилёву является пассионарный (энергетический) толчок. «Каждый этнос развивается как любая *система*: через фазу подъёма к акматической фазе, т. е. фазе наибольшего энергетического накала, затем идёт довольно резкий спад, который выходит плавно на прямую – инерционную фазу развития, и как таковой он затем постепенно затухает, сменяясь другими этносами». То есть, сначала – вспышка, подъем, затем – энтропийный процесс затухания от воздействия окружающей среды.

Таким образом, исторический процесс идёт не по прямой восходящей линии, как мы видим это у Маркса и либералов-прогрессистов, а волнообразно – т. е. представляет собой «пучок переплетённых между собой разноцветных нитей – индивидуальных этногенезов разных этносов, которые взаимодействуют друг с другом разным способом». (Приближение № 2) Иногда, отмечал Гумилёв, этносы бывают комплиментарны, т. е. симпатизируют друг другу, иногда, наоборот враждуют, иногда это идёт нейтрально. И все они, прожив отмеренный природой срок, исчезают, уступая место другим этносам. (Хотя бывают редкие исключения – зигзаги этногенеза.)

Посмотрим на историю Европы. Когда-то на ее территории жили римляне, древние греки, галлы, готы. Где они сегодня? Умерли, уступив место французам, немцам, шведам, итальянцам и другим народам, составившим европейский суперэтнос (группу близких этносов), который, в свою очередь, прожил уже более тысячи лет и успел состариться. А до него в Средиземноморье последовательно возникали и исчезали суперэтносы древности: римский, византийский, арабский-1. На территориях Северной Евразии, которые занимала Российская империя и СССР, в древности существовали, сменяя друг друга, военные империи: скифов, хуннов, тюрок, монголов. Они тоже исчезли, уступив свои пространства русским и близким им народам, образовавшим российский суперэтнос.

Гумилёв всегда подчеркивал, что историческая наука должна опираться на строго проверенные факты, а не на мифы и благие пожелания. **Факты же говорят о том, что все в природе обновляется. Рождается и умирает.** И

этносы здесь не исключение… Понятно, что все народы имеют своих предков, так же как все народы имеют свою культуру, которая, иногда проходит нитью через нескольких этнических предков (яркий пример – китайцы). Но надо разделять родителей и потомков, этнос и культуру, этническое имя, иногда доставшееся по наследству от исчезнувшего древнего этноса, и конкретный этнос (например – древние евреи и евреи современные). Главный закон этногенеза Гумилёв сформулировал просто – «Конец и вновь начало».

Заслуга Льва Гумилёва в том, что он первый в истории мировой науки четко ответил на вопросы: **почему возникают и умирают народы, какие фазы они проходят на своём жизненном пути, и главное – какой мотор всё это двигает.**

Конечно, свою теорию Гумилёв построил не на пустом месте. У него были предшественники, которые искали (и находили) закономерности развития цивилизаций или, по Гумилёву, – суперэтносов. Одним из первых был русский учёный Н. Я Данилевский (60-70-е гг. XIX в.) с его культурно-историческими типами; затем немец О. Шпенглер с «Закатом Европы» (нач. XX в.). Потом англичанин А. Тойнби, который считается на Западе «отцом циклизма» и «дедушкой» современной теории «столкновения цивилизаций» (заново сформулированной С. Хантингтоном в 90-х гг. XX в.). Близок к ним К. Леонтьев с идеей перехода от «цветущей сложности» к «вторичному упрощению» (кон. XIX в.), а так же П. Сорокин со своей «Социокультурной динамикой» (сер. XX в.). Француз Г. Лебон одним из первых разработал вопросы национальной психологии (нач. XX в.).

Первое серьёзное научное исследование этноса принадлежит русскому учёному-эмигранту С. М. Широкогорову, которого можно считать непосредственным предшественником Л. Н. Гумилёва (20-е гг. XX в.). И, наконец, евразийцы: П. Савицкий, Г. Вернадский, Н. Трубецкой и др. (20 – 30-е гг. XX в.), которых Гумилёв очень ценил и признавал своими духовными наставниками. Себя он называл «последним евразийцем».

Ученый признавался, что не смог бы построить свою теорию без двух очень важных научных открытий, сделанных в 30 – 40-е годы XX века. Первое – учение о биосфере В. И. Вернадского, которое объяснило природу «биохимической энергии живого вещества биосферы», по Гумилёву – *пассионарности*. И второе открытие – это общая теория систем, созданная американским биологом и философом Людвигом фон Берталанфи, которого, кстати, как и Гумилёва, не сразу поняли и оценили. Берталанфи предложил определение вида животных как *открытой системы*. Когда главное – не сумма членов ее составляющих, а отношения между ними, то есть – *связи*. Оказывается в этносе то же самое: главное – это не сборище людей, а взаимоотношения, т.е. «родственные» связи между ними.

На сегодняшний день в науке об этносах – этнологии – существуют два основных подхода: примордиализм и конструктивизм. Не вдаваясь в подробности, заметим, что примордиализм, который является самым старым из научных направлений, рассматривает этнос как явление биосоциальное, то есть

как организм, который имеет свою социальную надстройку. Конструктивизм исходит из того, что этнос – явление сугубо социальное. И поэтому этнос можно конструировать – собирать и разбирать.

Примордиалисты разделяются на два течения: радикалов и умеренных. Радикальные примордиалисты утверждают, что этносы соединены кровнородственными (биологическими) связями. Они сводят этничность к генам. Умеренные же исходят из убеждения, что главное не кровь, а «запечатленные во младенчестве культурные структуры».

Теорию этногенеза Л. Н. Гумилёва можно отнести к умеренному течению в примордиализме. По Гумилёву в формировании и развитии этноса главным фактором является не гены, а географическая среда, неповторимый ландшафт, к которому этнос приспосабливается, вырабатывая необходимые для выживания навыки поведения. Этот этнический *стереотип поведения* передается от родителей к детям через сигнальную наследственность (об этом ниже).

На наш взгляд, позиция сторонников умеренного примордиализма является наиболее убедительной (хотя и генетическую составляющую надо учитывать), поскольку она подтверждается самой жизнью, всем ходом биологической эволюции вида Homo sapiens и социальной историей человечества. Чтобы не говорили конструктивисты, собрать и разобрать этнос невозможно, так же как нельзя собрать и разобрать отдельного человека. Его можно родить, можно убить, можно заразить болезнью, но нельзя сконструировать индивидуальность. Можно сконструировать клон, но это будет уже не человек, а нечто иное. Практика показывает, что сконструировать, собрать и разобрать можно не этническую, а социальную систему, например, систему социализма. Поэтому социальные системы приходят и уходят, а этносы остаются. Они возникают не по плану каких-то «конструкторов», а сами по себе, и исчезают лишь тогда, когда приходит назначенный природой срок или, реже, в результате *смещения* этногенеза.

Здесь надо подчеркнуть, что теория этногенеза разрабатывалась Гумилёвым в рамках уже существующей (с XIX в.) **цивилизационной методологии**. Согласно данному подходу цивилизации (культурно-исторические типы, по Данилевскому) – это живые организмы, которые имеют свой срок жизни, в среднем 1000 – 1500 лет. За время своего существования цивилизации проходят определенные периоды (фазы): юности, зрелости, старения и умирания. После их смерти остается культура, которая нередко передается по наследству, пришедшим им на смену новым цивилизациям.

Цивилизационный подход – не новый, но в нашем общественном сознании, которое несет в себе мощную инерцию марксистского прошлого, он пока еще не утвердился. Сегодня мы имеем своеобразный *методологический вакуум* – ситуацию, когда формационный подход уже уходит, а цивилизационный еще не пришел окончательно. Причем эта инерция касается не только образованных обывателей, но и многих научных работников со школьной скамьи воспитанных на марксистской методологии, которая, надо заметить, в последние годы причудливым образом переплелась с вылезшим из

того же просветительского корня либерал-модернизмом: «развитый – отсталый», «индустриальное – постиндустриальное», «модерн – постмодерн» и пр. (Мы здесь не будем разбирать все эти проглаболистские и окологлобалистские теории – от теорий модернизации до исторической антропологии – ввиду их очевидной оторванности от жизни.)

И эта инерция в умах вполне объяснима: человеку психологически очень трудно отказаться от тех схем, которые складывались в его голове десятилетиями, и с которыми он сроднился. Тем более нашему «образованному человеку», который зачастую верит в «теории» как в религию. Поэтому, когда приходит какой-нибудь «сильно умный дядя» и говорит, что все во что вы верили, не совсем верно, а, зачастую, совсем не верно, то он начинает вызывать сильное раздражение. И аргументы тут бессильны. Ибо в данном случае главное не логика, но *чувство*. А это уже уровень подсознания… (Например, когда, патриотичный и талантливый историк А. Фурсов говорит о том, что цивилизации не являются *субъектами* истории (!), а классы и пр. являются, то удивляться не приходится…)

Со временем цивилизационный подход, безусловно, утвердится, поскольку он подтверждается исторической практикой. (Да и современной геополитикой тоже – концепция «многополярного мира».) Ну, например, никто не посмеет спорить с тем, что войны-столкновения между цивилизациями всегда были, есть и будут. И что эти войны всегда куда более масштабны и жестоки, чем внутренние войны. И что «пролетарии всех стран» всегда били, и будут бить друг друга в таких внешних войнах, без всякой оглядки на классовую солидарность. Так же как никто из здравомыслящих людей не будет спорить с тем, что все цивилизации имеют свой собственный, а не общий, линейный, как у Маркса и либералов-модернистов, путь развития. То есть, Европейская – свой, Арабо-исламская – свой, Индийская – свой, Российская – свой и т. д.. И что все они рождаются, набирают силу, а затем входят в упадок и исчезают, часто оставляя свое имя пришедшим им на смену новым цивилизациям. Общеизвестен и тот факт, что во всех цивилизациях в заключительный период их существования (300 – 400 лет) люди начинают отвергать духовные ценности и судорожно потреблять ценности материальные, вместо бога поклоняться деньгам. То есть становятся людьми «цивилизованными». Напоследок.

Цивилизационная динамика в корне отличается от марксистской и либерально-прогрессистской – линейно-ступенчатой, согласно которой люди почему-то верят в «светлое завтра» и в то, что «разум обязательно покорит природу». Цивилизационная динамика – это колебательная динамика «концов» и «начал». Она, в отличие от разрушительной по отношению к биосфере теории прогресса, основана не на фантазиях и утопиях, а на железных законах природы, которые, как известно, распространяются на все – от жизни простейшего организма до жизни галактик…

Заслуга Гумилёва, повторим, заключается в том, что он не просто продолжил дело своих предшественников, которые обозначили наличие «локальных цивилизаций» и сделали лишь первые шаги в выявлении закономерностей их развития (дальше всех продвинулся А. Тойнби), а в том,

что он ответил на ключевой вопрос – Почему? Почему появляются новые народы? Почему у каждого народа свой «особый путь»? Почему этот путь конечен?

Гумилёв поставил концепцию дискретности этнической истории на *естественнонаучную* основу. Он сделал то, что до него никто сделать не смог – открыл и детально описал **глубинные механизмы** исторического процесса. Гумилёв дал метод, с помощью которого можно буквально разложить по полочкам и историю и современность.

Таким образом, можно смело утверждать, что теория Гумилёва на сегодняшний день – это вершина цивилизационной методологии в исторической науке. Если мысленно представить себе становление *философии истории* в виде пирамиды, то теория этногенеза будет ее пиком.

Как все *качественно* новое, пассионарная теория этногенеза вызывала и продолжает вызывать весьма неоднозначные оценки. Поэтому, повторим, нет ничего удивительного в том, что концепция Гумилёва до сих пор не получила серьезного научного продолжения.

В советский период теория этногенеза была фактически под запретом, так как она разрушала монополию марксизма в гуманитарной науке. В это время Гумилёва чаще всего обвиняли в отходе от исторического материализма и в «крайнем биологизме». Ученый вспоминал, как один известный журналист, написавший разносную статью об антисоциальной сущности теории этногенеза, даже вызвал его на заседание редколлегии, где заявил: «Вы все-таки биологист. Вы же считаете, что есть биологическая сущность у человека?»… На что Гумилёв ему отвечал: «А где же… вы живете? Вы живете на планете. Земля называется. У нее есть четыре оболочки. Литосфера – вы по ней ходите: атмосфера – вы ею дышите; гидросфера – она проникает через все клетки вашего организма; биосфера – это вы сами. Вне биосферы вы существовать не можете ни одной секунды, доли секунды, вы сразу же, вообще, станете ничем… Но она (биосфера) может существовать только при наличии источника энергии».

Журналист ахнул и сказал: «Это материалистический подход. – Конечно материалистический, черт возьми!».

Этот ответ ученого так и не был опубликован.

Не любили Гумилёва и многие собратья-учёные, особенно гуманитарии. По этому поводу Лев Николаевич как-то заметил: «…представитель Академии Наук СССР, академик Трухановский, объяснил мне, почему меня там ненавидят. Три причины. Причина первая. Вы пишете, сказал он, слишком оригинальные вещи, но это не страшно, всё равно мимо нас вы не пройдёте, нам же их и принесёте. Хуже другое: вы доказываете ваши тезисы так убедительно, что с ними невозможно спорить, и это непереносимо. И, наконец, третье: оказывается, что мы все пишем наукообразным языком, считая, что это и есть наука, а вы свои научные суждения излагаете простым человеческим языком, и вас много читают. Кто же это может вынести?!»

По поводу последнего «обвинения» Гумилёв говорил, что он «считает не конструктивным деление научных работ на академические (трудно читаемые) и популярные (легковесные). Любую сложную проблему можно изложить живым и ясным языком, не снижая научной значимости». (Отметим, однако, что для этого нужен особый, литературный талант. У Гумилёва он был, у большинства ученых-гуманитариев – не было.)

После переворота 1991 года и краха марксистской идеологии Гумилёва в покое не оставили, – он получил новых, еще более злобных противников – «либералов», многие из которых, заметим, в советское время были «убежденными» марксистами. Как справедливо заметил один из последователей Гумилёва И. С. Шишкин, есть три способа борьбы с неугодными людьми и их идеями. Первый – тихое замалчивание, второй – поливание грязью, третий – целенаправленное извращение. В советский период Гумилёва замалчивали, в «ультралиберальные» 90-е годы поливали грязью, а после этого пытались запутать и извратить. В последнее время опять замалчивают. Например, в учебнике для вузов по методологии истории (2014) Гумилёву посвятили всего два абзаца в разных местах (предварительно слегка укусив). Почти весь остальной объем учебника для *российских* студентов оказался занят проглобалисткими западными теориями! Современные «академики» оказались хуже советских. (Что же происходит с нашими гуманитариями, вот уже 200 лет?..)

Одна из причин нелюбви «либералов» к Гумилёву – в его отрицании западного пути развития как «самого лучшего». Гумилёв всегда был убежденным евразийцем, то есть считал, что Россия – это не Европа и не Азия, а самостоятельная *цивилизация* – Евразия, со своим самобытным путем развития. Когда в «перестроечное» время все были очарованы Западом, стремились в «общеевропейский дом» и верили, что «заграница нам поможет», Гумилёв говорил, что Запад сделает всё, чтобы ослабить и подчинить Россию. И добавлял: «Скажу вам по секрету, что **если Россия будет спасена, то только… через евразийство».**

И надо заметить, что это прекрасно понимают наши «западные партнеры». Известный американский специалист по России З. Бжезинский как-то прямо заявил: «Если Россия будет оставаться евразийским государством, будет преследовать евразийские цели, то останется империей, а имперские традиции надо будет изолировать»… И вообще, Россия – лишняя страна. А её природные ресурсы, как заявила в конце 90-х М. Олбрайт, – надо поделить (у глобалистов это называется – «интернационализировать»).

Когда Гумилёву говорили модные в конце 80-х годов слова о разрядке напряжённости с Западом, о предотвращении угрозы войны, он отвечал: «Есть вещи пострашнее войны. Есть бесчестие рабства»… Ученый писал: «Самое главное – «не попасть к немцам на галеру» (выражение евразийца Трубецкого), к европейцам, то есть… Я не хочу быть у немцев на галерах. Это уже было у нас не единожды.

Евразийский тезис: надо искать не столько врагов – их и так много, а надо искать друзей, это самая главная ценность в жизни. И союзников нам

надо искать искренних. Так вот, тюрки и монголы могут быть искренними друзьями, а англичане, французы и немцы, я убежден, могут быть только хитроумными эксплуататорами».

Жизнь подтвердила правоту Гумилёва. Понадобилось, правда, более десяти лет «реформ», чтобы Россия, наконец, взяла курс на сближение с Казахстаном и республиками Средней Азии. И вообще – повернулись лицом на Восток.

Коллега Гумилёва по географическому факультету ЛГУ, профессор С. Б. Лавров писал: «Евразийство – бесспорный выход из науки в мировую политику. Именно в этом объяснение травли Льва Николаевича в прозападных кругах России и в «русской» эмигрантской прессе. Реанимируя евразийство, он вступил на минное поле геополитики. Геополитическая концепция, казалась бы дремавшая в анабиозе, оказалась крайне опасной для врагов России даже через 70 с лишним лет». Поэтому неудивительно, что один из самых яростных критиков Гумилёва А. Янов в начале 90-х предупреждал: «Если идеи Гумилева получат широкое распространение, то на демократии в России можно поставить жирный крест!». (Ну, с «демократией» в России все уже давно ясно…)

Не могут господа «либералы» простить Гумилёву и того, что он терпеть не мог либеральную интеллигенцию, считая её антигосударственной, антирелигиозной и совершенно оторванной от русской почвы. Когда его на одной встрече спросили: «Вы считаете себя интеллигентом?» – он ответил: «Боже упаси!», и продолжил: «Я из рода военных, все мои предки с XIV века служили России». А про западную классическую демократию XX в. он говорил: «Она, к сожалению, диктует не выбор лучших, а выдвижение себе подобных. Доступ на капитанские мостики получают случайные люди.… Жить становится в чём-то легче, но противнее».

Проведя 14 лет в заключении, Лев Николаевич не обозлился на свою страну. И когда началось огульное очернение исторического прошлого России, он к удивлению диссидентствующих гуманитариев высказался против таких методов «переосмысления» истории. Гумилёв до конца был пламенным патриотом России. Ну, как такого любить, если у нас само слово «патриот» в 90-е годы было чуть ли не ругательным. Не случайно, именно в это время появились работы профессоров - «этнологов» В. Тишкова и А. Здравомыслова (ярых конструктивистов), в которых говорилось что наций, как объективной реальности нет, что это выдумка академиков-схоластов и вообще – иллюзия. А само слово «нация» надо изъять из науки и затем, из политики, поскольку это «слово-призрак», «слово-ошибка» (?!).

Сегодня, слава Богу, многие опомнились, но не все. Например, не опомнился верный ученик Бромлея господин Тишков, который до недавнего времени числился главным «этнологом» РФ.

Обвиняли Гумилёва и в национализме – за то, что он ввел в этнологию новое понятие – комплиментарность, которое объясняло природу противопоставления своего этноса всем другим этносам по принципу «свои – чужие». А так же, природу национальных конфликтов. (Об этом ниже.)

Критики, как будто бы не замечали, что почти в каждой книге Гумилёв повторял: «Нет «хороших» или «плохих» этносов». Они разные. «Спорить о том, какой этнос лучше, все равно, как если бы нашлись физики предпочитающие катионы анионам, или химики, защищающие щелочи против кислот», – говорил ученый.

Сегодня некоторые «узкие русские националисты» критикуют евразийство, а вместе с ним и Гумилёва за то, что он якобы приветствовал растворение белого русского человека тюркскими народами Евразии. Заметим в скобках, что эти странные люди как будто бы остались в далеком XV веке, когда русский этнос еще не вышел за границы исторической Великороссии, и не стал стержневой основой для российского суперэтноса, впитавшего в себя, кроме малороссов и белорусов еще множество близких по ментальности (в том числе и тюркских) народов. (О мигрантах из СНГ и Сев. Кавказа разговор особый. См. гл. «О национализме и интернационализме».)

Но больше всего «либералам» не нравится гумилевское учение об антисистеме, то есть о них, вечных диссидентах! (Об антисистеме см. Комментарий 1, в конце гл. «Фаза надлома».) Ученый не просто описал антисистемы, он дал **метод**, который помогает нам осмыслить это опасное явление во всей его сложности и глубине! Как на планетарном, так и на местном уровне. Будь то наднациональные структуры («Фининтерн»), или какая-нибудь небольшая секта типа «бога Кузи». Ученый даже свою фундаментальную работу «Этногенез и биосфера Земли», где сформулирована его знаменитая пассионарная теория, посвятил «великому делу охраны природной среды от антисистем»! (В то же время, надо заметить, что не со всеми утверждениями Гумилёва, можно согласиться безоговорочно, например, с его оценкой Ивана Грозного и Иосифа Сталина, которых он тоже относил к антисистемщикам.)

И последнее, почему Гумилёва не любят так называемые «либералы». Ученый доказал, что *слияние наций* – о чём раньше говорили ортодоксальные марксисты, а сегодня говорят глобалисты – это сущая нелепость: «Если все люди сольются, и станут одинаковыми, то тогда и никакого движения, никакого развития культуры, и просто жизни не будет. Будет медленное угасание, и хорошо, если медленное». Ибо по железному закону систем только *сложная* система является жизнеспособной. Пока всё человечество представляет собой, как говорил Константин Леонтьев, «цветущую сложность», состоящую из множества этносов, культур, языков, религий, – жизнь будет продолжаться. Если причесать всех под одну гребёнку, то есть упростить планетарную систему, она погибнет. (Сегодняшние глобализаторы, которые выступают за снятие всех границ: государственных, национальных, культурных, религиозных, языковых – ведут мир в пропасть. Они думают, что можно управлять *сокращенным* человечеством из одного центра. Они думают, что можно обмануть природу!)

Гумилёв глубоко изучил вопрос, как взаимодействовали между собой различные этносы на протяжении тысячелетий. И пришел к нелиберальному выводу о том, что в большинстве случаев размежевание для сохранения мира

между народами гораздо лучше, чем слияние и взаимопроникновение разных этносов. Гумилёв писал: «Единственно верный девиз устойчивого сосуществования народов в полиэтническом (многонациональном) государстве – **«В мире, но порознь».** Вражда и кровопролитие начинаются как раз тогда, когда людям внушают, что они одинаковы. Грозным предупреждениям от соблазна «слияния» для всех этнополитиков должен послужить пример Кампучии, где тотальному геноциду предшествовала компания создания единой кхмерской нации». (Тогда, напомним, было уничтожено более трети населения страны.)

Еще опасней попытки слияния на уровне суперэтносов. Этническая история учит: «Там где сталкиваются два и более суперэтноса, множатся бедствия и нарушается логика творческих процессов. Возникает подражание (мимесис) как противник оригинальности, и, таким образом, нарушается принцип «будь самим собой». Напротив, этносы, живущие на своих территориях-родинах, поддерживающие свою традицию – «отечество», уживаются с соседями в мире. Да и в самом деле, стоит ли делать из планеты Земля огромную коммунальную квартиру?»…

Ну, как тут не вспомнить о том, сколько вреда принесло нашей стране механическое копирование западных образцов (от культурных до идеологических и политических), начиная с Петра I и кончая горбачевыми-ельциными. И почему-то всегда первыми впадали в соблазн подражания чужим суперэтносам представители правящей элиты и интеллигенции. Причем, не только у нас, – в других странах, и в другие времена – тоже! (Может, это происходило потому, что, развивая свой «ум», они теряли более важное – мудрость?)

И еще история учит, что все эти этнические (суперэтнические) слияния и взаимопроникновения очень сильно вредят природе. Мигранты из разных стран перестают беречь природу как «свою», и начинают ее хищнически эксплуатировать.

Когда Гумилев начинал читать свой курс этнологии студентам, на первой лекции он всегда ставил вопрос: зачем нам это нужно? И отвечал: «Человечество существует, в общем, совсем немного на Земле, – каких-нибудь 40 – 50 тысяч лет весь Homo sapiens. Но оно, тем не менее, произвело перевороты на земной поверхности, которые Вернадский приравнивал к небольшим геологическим переворотам, переворотам малого масштаба. А это очень много.

Каким образом один из видов млекопитающих сумел до такой степени испоганить всю Землю, на которой он живет? Эта проблема – актуальная, потому что если мы не вскроем причины тех перемен, которые совершаются на всей поверхности Земли… то тогда незачем жениться, родить детей, потому, что биосфера погибнет, и погибнут все дети»…

О современности Гумилёв говорил очень неохотно и часто повторял, что он в своих исследованиях дальше XVIII века не заходит. Для объективного анализа необходимо, чтобы прошло несколько столетий. Иначе возникает

опасность аберрации близости, т.е., когда недавние события кажутся очень значительными, даже поворотными, а далёкие – маловажными.

Что же касается степени изученности истории, он замечал: «Самое лёгкое – рассказывать про первобытного человека, так как о нём почти никто ничего не знает…Лучше говорить о том, что нам точно известно….Что мы знаем о людях исторической эпохи….продолжающейся около семи тысяч лет? Плохо известны первые четыре тысячи лет, до десятого века до нашей эры. И плохо известен XX век. А вот что мы хорошо знаем, так это ту историю, которая лежит между падением Трои (XI в. до н.э.) и капитуляцией Наполеона (1815 г.). До этого – туман. После – враньё».

И эти *три тысячи лет* Гумилёв прошёл вдоль и поперёк. Он, в отличие от подавляющего большинства историков (узких специалистов), видел историю глобально, то есть всю целиком. И не только во времени, но и в пространстве – от Европы до Китая. Гумилёв мог по памяти сказать, что происходило в таком-то году одновременно в Средиземноморье, Центральной Азии, Китае, Индии. В этом его уникальность. И только на таком фундаменте могла сложиться пассионарная теория этногенеза!

Книги Гумилёва можно разделить на две части: исторические (их большинство) и теоретические. Среди теоретических книг главная – «Этногенез и биосфера Земли». Затем идут: «Конец и вновь начало», «Струна истории», «Тысячелетие вокруг Каспия» (в них и теория и история). Среди исторических книг выделяется фундаментальная работа «Древняя Русь и Великая степь».

Читать Гумилёва нужно вдумчиво и неторопливо. И не просто читать, но и перечитывать. Это тот редкий случай, когда «словам тесно, а мыслям просторно». Его учение очень глубоко и очень серьезно. Это только кажется, что уяснив значение термина «пассионарность» можно без труда разобраться в этногенезе. Тот, кто читает его книги второпях, рискует не только не понять главного, но, что хуже, получить искаженное представление об этногенезе.

При этом следует отметить, что наряду с умением четко и аргументировано проводить главную мысль Гумилёв обладал способностью, как бы попутно с основной линией повествования, затрагивать очень важные и острые вопросы, не вдаваясь при этом в подробности. Он просто давал мысль и направление (иногда «между строк»), а читателю оставалось только додумать. Ну а будущим поколениям ученых – разработать и научно оформить.

Гумилёв, как это всегда случается с авторами больших, *прорывных* теорий, опередил свое время. Поэтому, повторим, даже среди патриотически настроенных ученых и публицистов теория этногенеза пока еще не находит должного отклика. (В первую очередь – по причине железо-бетонного «*социально-экономического уклона*» в головах ученых.) Особенно это касается гуманитариев, традиционно более оторванных от матушки-природы, чем их коллеги-естественники, которые, кстати сказать, в свое время первыми откликнулись на концепцию Гумилёва…

Это если говорить о науке и научных работниках. Однако сегодня перед нами встала еще одна проблема. Проблема историков-любителей. Ведь, не

секрет, что в наше перенасыщенное информацией время «историками» (часто *историками-фантастами*) становятся все кому не лень. И писатели, и читатели, и физики и лирики, и инженеры и пенсионеры. Пишущие и не пишущие. Прочитал десяток-другой книг, покопался в Интернете – вот тебе и «историк». С одной стороны – это не плохо, люди ищут. Но по большому счету – это мешает, а иногда и вредит делу духовного возрождения Отечества. Потому, что **сами по себе знания, не приведенные в систему, ничего не значат**. Более того, наличие таких знаний, – а их может быть очень много, – даже хуже чем их отсутствие! Такой напичканный информацией знаток с «историческим винегретом» в голове зачастую только вносит смуту в неокрепшие умы.

Повторим, что мало знать какие-то исторические факты, надо научиться **понимать законы истории**. А для того, чтобы это стало возможным, надо иметь в голове **систему**, основанную на проверенной исторической практикой теории, точнее – группе взаимодополняющих друг друга теорий. Вот эту самую систему координат – «*формулу закономерности»* – и дает нам Лев Гумилёв, вместе с другими учеными цивилизационного направления!

И надо заметить, что, несмотря на инерцию научной среды и методологический беспорядок в головах как ученых, так и не ученых историков, подвижки в деле утверждения цивилизационного подхода есть. Например, вместо привычного когда-то термина «капиталистический мир» сегодня все чаще употребляется термин «западная цивилизация». (О глобализации разговор отдельный.) Да и само понятие «пассионарий», ранее почти неизвестное, за последние годы уже прочно вошло в словесный обиход и вовсю используется в различных публикациях и выступлениях (правда, не всегда по назначению).

Несмотря на неблагоприятные политические и идеологические условия последних десятилетий («либеральный» уклон), а так же на *двухсотлетнюю* привычку большинства наших гуманитариев опираться на западных теоретиков, число сторонников Гумилёва постепенно увеличивается. И сегодня уже нет никакого сомнения в том, что у пассионарной теории этногенеза есть будущее.

Академик Александр Панченко, который не был убеждённым гумилёвцем, дал такую оценку его концепции: «Во всяком случае, в нынешнем историософском запасе нет идей, которые могли бы конкурировать с теорией этногенеза. Никто не отважится сказать, откуда берутся и куда деваются этносы (если угодно, нации, народы, народности), – никто, кроме Л. Н. Гумилёва. А ведь они берутся и деваются».

В то же время при ознакомлении с теорией этногенеза надо учитывать следующее обстоятельство. Гумилёв посвятил своей концепции всю жизнь. Он погрузился в неё полностью и, как это бывает с авторами больших учений, невольно почти абсолютизировал её. Но, очевидно, что жизнь сложнее любой, даже самой гениальной схемы. Поэтому к теории этногенеза, как и к любой

другой универсальной теории, нужно относиться с известной долей критичности. (Подробнее об этом в главе «Оценка теории».)

Однако, в целом научное наследие Гумилёва, в центре которого находится величественное здание Пассионарной теории этногенеза, – грандиозно! Даже не верится, что один человек мог создать такое!

Для нас же главное, что Лев Николаевич заложил научный фундамент (основанный на законах природы, а не модных идеологиях) с помощью которого любой заинтересованный эксперт может исследовать ту или иную проблему современного мира – от деструктивного процесса глобализации до местных этно-религиозных конфликтов. и даже – поведения отдельной социопатической личности.

Пассионарная теория этногенеза, как и в своё время, теория Маркса, это больше, чем просто научная теория. Это – методология. **Это – новый взгляд на мир.** Концепция Гумилёва дает прямой выход на политику, геополитику, межнациональные отношения. И, подчеркнем, – выход с антиглобалистких, национально-патриотических позиций. А это в наше время не просто актуально. Это сверхактуально!

Именно поэтому пассионарная теория этногенеза вызывал и продолжает вызывать яростную реакцию тех темных сил (глобальной антисистемы), которые рвутся к мировой власти. И нам кажется, что совсем не случайно любимый ученик Гумилёва Константин Иванов, том же 1992 году, был убит ударом ножа в шею у дверей собственной квартиры. В 2000 году возле своего дома, при загадочных обстоятельствах, был убит близкий друг и последователь Гумилева писатель Дмитрий Балашов. В 2006 году в молодом возрасте неожиданно скончался один из самых инициативных и талантливых учеников Гумилёва – Владимир Мичурин.

Сегодня сама жизнь требует нового открытия и прочтения Гумилёва. Ибо тот процесс **евразийской интеграции и восстановления Большой России**, который с 2012 года начал, наконец, обретать реальные формы, идет именно по тем *этническим* законам, которые нашел и описал Лев Николаевич Гумилёв. И это – несмотря на сопротивление противников.

Поэтому сегодня можно смело сказать: время Гумилёва – наступает. Оно, собственно, уже наступило.

Часть I

**Критики и теперь еще точат Гумилева
с позиций мыши, ловят блох и не видят
главного, а он учит наблюдать мир
с высоты полета орла.**

Ю. Ефремов

Этнос, его свойства и особенности

1. Стереотип поведения

Гумилёв часто повторял, что каждый человек, если его спросить, кто он, не задумываясь, скажет: русский, француз, поляк, армянин, японец. А потом уже добавит, что он рабочий, бизнесмен или студент. Классовую принадлежность можно сменить, перейдя из одного общественного класса в другой, этническую – нельзя. Это фундаментальнее.

«Всем известно, – говорил Гумилёв, – что люди жили и, вероятно, будут жить какими-то странными ассоциациями, объединениями. Скажем, на «великих стройках коммунизма», где мне не раз приходилось отбывать сроки, все говорили по-русски…. Но там были и казахи, и корейцы, и немцы, и китайцы, и латыши, и многие другие. Отличались ли они друг от друга? Ещё как! И каждый помогал своим. И каждый, в случае чего, держался своих».

Люди в любой ситуации, особенно экстремальной, объединяются именно по национальному признаку. Так было на войне. Так было в Советской армии в послевоенное время. Это называлось землячества. Причём большие народы ещё и делились между собой. Например, казахи на три джуса: большой, малый, средний. Русские – на сибиряков, уральцев, волжан, ленинградцев и т.д.

Почему так происходит? И по каким признакам люди отличают представителей своего этноса от других? В первую очередь, писал Гумилёв, по *стереотипу поведения*. То есть по тому, как человек себя ведёт в жизни, что он считает хорошим, а что плохим, что нормальным, а что ненормальным. Гумилёв так определяет структуру стереотипа поведения: «Это строго определённая *норма* отношений: первое – между коллективом и индивидом, второе – индивидов между собой, третье – внутриэтнических групп между собой, четвёртое – между этносом и внутриэтническими группами». Стереотип поведения включает в себя обычаи, манеры, вкусы, бытовые привычки, обращение со старшими, отношение к женщине и т.д.

Нередко другой стереотип поведения вызывает чувство неприязни – чужое и непохожее часто отталкивает. Например, рыцари, захватившие Палестину, возмущались арабским обычаем многожёнства, а арабы считали бесстыдством незакрытые лица французских дам. Сегодня американские феминистки негодуют по поводу бесправности и закрепощённости арабских женщин и даже пытаются бороться за их освобождение. А арабские женщины никак не могут понять, почему сначала нужно делать карьеру, а уже потом рожать детей, или зачем отправлять собственных родителей с глаз подальше – в дома престарелых. Иногда даже мелочам придаётся большое значение. Конфуций очень хвалил одного правителя VII века до н.э. за то, что «Если бы не он, мы все стали бы носить халаты с полой налево». (Как у диких кочевников.)

Гумилёв писал: «Когда какой-либо народ долго и спокойно живёт на своей родине, то его представителям кажется, что их стереотип поведения единственно возможный и правильный. А если и бывают где-нибудь какие-либо уклонения, то это – от «необразованности».

Любимый пример Гумилёва на лекциях: идёт трамвай в Ленинграде, в него заходит пьяный и начинает ругаться матом, задираться. Как отреагируют на это сидящие там люди (допустим, что все они советские служащие): русский, немец, кавказец, татарин. Русский скажет: «Кирюха, ведь тебя сейчас заметут, смывайся…». Ему жалко человека. Немец вызовет милицию. Кавказец вспылит. Татарин посмотрит с отвращением и отвернётся.

Этот пример из стабильного советского прошлого на сегодня несколько устарел, да и поведение русского может иметь варианты, особенно если ему сильно наступят на ногу. Но здесь главное, что реакции будут разные.

Другой пример: «На фронте, – вспоминал Гумилев, – мне рассказывали, как немецкий фельдфебель бил солдата по физиономии, а тот вытягивался в струнку и повторял: «Герр фельдфебель, я виноват!» Попробовал бы мне старшина дать по морде! Был такой случай, он мне по шее, а я ему в зубы. Потом посмотрели друг на друга – ну всё, квиты. А если бы он ударил кавказца – тот схватился бы за оружие».

Или известный пример, касающийся отношения к труду. Если два европейца (шведа, немца, голландца) несут на стройке бревно и раздается звонок – конец рабочего дня – они его бросают. Русские – обязательно донесут. И, если надо, останутся сверхурочно на аврал, и будут работать до

изнеможения, и выполнят десять норм. А потом – загуляют на два дня. Так же артельно, как и работали. (Это без поправки на современность.) А латиноамериканец, по словам Гумилёва, поработает, поработает, потом сядет под пальму, возьмет гитару, и будет петь: «Моя сеньорита, моя сеньорита!» И его уже не сдвинешь. И если кто-то всем им скажет, что так работать не правильно, то они искренне удивятся. – Почему? Всегда так работали…

Стереотип поведения, подчеркивал Гумилёв, не является чем-то незыблемым. Он меняется в зависимости от возраста этноса. При этом, добавим, *ментальный* стержень – на уровне наследственной памяти (архетипов) – сохраняется гораздо дольше.

Например – англичане. В пору их этнической молодости в раннем средневековье (X – XIII вв.) образцом для подражания там был свирепый и религиозный рыцарь, в XIX веке – невозмутимый и чопорный джентльмен с капиталом в банке, в XX веке – безликий менеджер лондонского Сити (это в лучшем случае). И это при том, что Англия – страна консервативная.

Иногда, заметим особо, этнический стереотип поведения меняется, точнее, *деформируется* под воздействием чужой культуры. Это, как правило, затрагивает не весь этнос, а отдельную группу. Например, в XVIII – XIX вв. русское дворянство, а затем разночинная интеллигенция, не без помощи наших царей и цариц, стали усиленно перенимать европейский стереотип поведения. При этом, очевидно, деформации подверглась и ментальная основа личности образованного русского человека. В результате мироощущение (т. е. *подсознательная* реакция на окружающий мир) у многих русских дворян и интеллигентов изменилось в нерусскую сторону. В конце концов, получилась химера: что-то среднее между русским и европейцем, «смесь французского с нижегородским». По-научному – потеря национальной идентичности. Французы называли наших дворян и интеллигентов, поваливших в Европу, «переодетыми татарами», а русские – «чужестранцами в собственной стране». В конце концов, после 1917 года этих несчастных людей отвергли как *мешающий, лишний* элемент в этнической системе…

Кстати сказать, сегодняшние «новые русские» осевшие в лондонах и парижах напоминают тех самых «переодетых татар». Точнее – их ухудшенную копию. Сколько бы они не обвешивались золотом и бриллиантами, за «своих» их там, по-прежнему, не принимают.

Но возникает вопрос, под влиянием каких факторов складывается тот или иной стереотип поведения? Гумилёв отвечает: в первую очередь – под влиянием *природно-климатического фактора.* Ученый писал: «Этногенез есть, прежде всего, процесс активной адаптации человеческих коллективов в среде… причем ландшафтная среда заставляет людей вырабатывать комплексы адаптивных навыков – этнические стереотипы поведения. Следовательно, неповторимое сочетание ландшафтов, в котором сложился тот или иной этнос, определяет его своеобразие – поведенческое и во многом даже культурное». Другими словами: «Поведение каждого человека и каждого этноса – просто способ адаптации к своей *географической* и *этнической* среде». Отсюда,

добавим, и вытекает самобытность, т.е. неповторимый облик того или иного народа.

Это, кстати, к вопросу о «загадочной русской душе».

Гумилёв не рассматривал подробно, как формировался стереотип поведения русского человека, но, если использовать его метод, то в данном вопросе вполне можно разобраться самостоятельно. Тем более что в этом нам могут оказать помощь многие русские писатели, историки и философы, которых эта тема издавна привлекала.

Как справедливо отмечал философ Бердяев: «Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность… устремленность в бесконечность, широта». Русский человек – человек стихийный. Только в русском языке существуют такие слова, как «приволье» и «раздолье» (В. Одоевский).

В Европе – по-другому; там все тесно, «все оформлено и распределено по категориям», все систематично и рационально. И добавим, всюду контроль, везде за тобой присматривают, и бежать в случае чего, просто некуда. Поймают и накажут. А у нас было куда бежать – на вольный Дон, Волгу, потом в Сибирь. (Это к вопросу о некоторой «недисциплинированности» русского человека.) Поэтому, например, на Западе никогда не существовало столь близкого русскому человеку стихийно-анархического понятия «Воля», вместо этого у них было понятие «Свобода» (в рамках закона). Потому же, как ни парадоксально, наш человек при политическом деспотизме, был внутренне более свободным (в быту, нравах, общественой жизни), чем европеец, на которого всегда давила близкая власть, буква закона и жесткая сословность – это нельзя, это нельзя – почти все нельзя – ходи по линейке, куда показывают указатели. В противном случае будешь толкаться, и мешать другим – ведь, действительно, тесно. И, опять же, кругом частная собственность. А это «священно».

Бердяев писал: «Мы с немцем о понятии «свобода» никогда не договоримся. На вольном воздухе он ощущает на себе давление хаоса, немец чувствует себя свободным лишь в казарме».

Русский человек органически не мог и не желал жить по заданной программе, по скучному шаблону. Например, немец, даже идя пить пиво, знает, сколько кружек он выпьет (у него в голове на все – программа), русский – не знает. Поэтому и появилась известная пословица: «что русскому хорошо, то немцу – смерть». Ну, к примеру, представьте себе Стеньку Разина или батьку Махно разгулявшихся где-нибудь в Баварии или Пруссии… Или немецкого бюргера в нашей бане, с веником… Представить довольно трудно, потому, что в Германии ни бескрайних степей, ни морозов нет. В этом смысле русским были ближе и понятнее ближайшие соседи по Северной Евразии – степняки-кочевники. И это несмотря на многовековые войны, иго, и даже расовое различие…

Писатель С. Куняев вспоминал, как однажды в гости к Вадиму Кожину приехал профессор-славист из ГДР. Во время застолья немец попросил исполнить какую-нибудь русскую народную песню: «А мы как раз созрели для

того, чтобы спеть «По диким степям Забайкалья, где золото моют в горах» – песнь о бродяге. Исполнили с душой. И посмотрели на гостя, естественно, ожидая одобрения. А он сидит хмурый. «Что с тобой, Дитрих? – спросил Вадим. – Тебе не понравилось наше исполнение? Ну, прости, конечно, мы пели кто в лес, кто по дрова!»

Мало того, что нам пришлось долго растолковывать немцу смысл этой поговорки, но когда он ее понял, то совсем огорошил нас: «Странно! Почему вы так восторгались героем этой песни? Вот он к Байкалу подходит и «рыбацкую лодку берет». А ведь лодка-то чужая! Он к тому же сбежал с каторги и опять за воровство принялся. Он же рецидивист! Мало того! Навстречу ему «выходит родимая мать» и говорит, что брат его тоже в Сибири «давно кандалами звенит» – Ведь вся семья у них криминальная! Чему же тут восторгаться?»…

Как говориться, без комментариев.

Зададимся вопросом, почему русские, в большинстве своем, не умеют работать так систематично и пунктуально как европейцы? Почему у нас так любят авралы? В первую очередь, потому, что в России, в отличие от Европы неблагоприятный климат: короткое лето и длинная, холодная зима. Русский крестьянин должен был за короткий срок выполнить весь годовой объем сельхозработ («*страда*»). Поэтому работал наскоком. Да еще рискуя потерять урожай из-за ранних заморозков, затяжных дождей или засухи (которых в Европе не бывает). Отсюда это наше традиционное: «Давай, давай! Быстрей, быстрей! – «*День год кормит*»… А лениться будем в морозы, на печке.

А вот, например, у китайцев или японцев, наоборот – у них год год кормит. В их теплом, влажном климате крестьянин должен был работать целый год, практически без перерывов на межсезонье. Поэтому работал монотонно, как машина. Плюс специфическая рисовая культура, которая в отличие от зерновых – посеял весной, убрал осенью – требует постоянной, ежедневной заботы. Отсюда та традиционная кропотливость и скрупулезность, которая за тысячелетия вошла в китайский менталитет и закрепилась у жителей Поднебесной на генном уровне. (Так же как у корейцев, вьетнамцев и др.) Именно поэтому юго-восточный человек идеально подходит для работы на современном конвейерном производстве – ему не скучно быть машиной. А русскому человеку скучно, даже более того, противно и очень нервно. Он по своей природе более разносторонний, универсальный работник. Ведь земледелием русский крестьянин занимался всего пять-шесть месяцев в году и чтобы свести концы с концами должен был делать что-то еще: плотничать, столярничать, мастерить мебель, посуду, шить одежду, ходить на охоту, заниматься извозом (известно, что лучшие водители-дальнобойщики – русские), наконец, делать какие-то вещи на продажу.

Русскому человеку гораздо интересней творческое, штучное производство, например, блоху подковать. Или изобрести что-нибудь удивительное. Или поработать на «большое дело», например, военные самолеты на заводе делать. Потому, что это не простая монотонная задача, а сверхзадача – Родину защищать. (Под русскими мы здесь понимаем

великороссов, белорусов и малороссов.) Если вспомнить известную притчу о строительстве Руанского собора, то можно сказать, что русский человек органически неспособен просто «таскать эти проклятые камни», – он способен «строить Руанский собор». Это к вопросу, почему мы в советское время делали отличные космические аппараты и сложную военную технику «для страны» и не справлялись с более простым, конвейерным производством легковых автомобилей «для обывателя». И, надо добавить, еще долго не будем справляться, и не скоро догоним в этом деле тех же японцев или немцев, несмотря на капитализм и рынок, «который сам все должен отрегулировать». Стереотип поведения (а тем более архетип), по приказу не регулируется. Это явление природы.

Другой пример. Небольшой этнос – чеченцы. Известно, что они с давних пор, еще до прихода русских, занимались грабительскими набегами на соседние племена, а иногда и друг на друга. Кроме добычи захватывались и пленные, которых или продавали в рабство, или возвращали за выкуп. Со временем набеги превратилось в национальную традицию, и стали считаться почетным занятием – в них закалялся воинский дух, училась военному искусству молодежь. Эта страсть к постоянной, «малой войне» прочно закрепилось в стереотипе поведения чеченцев и некоторых других горских народов. С точки зрения мирных земледельцев носители подобного стереотипа поведения были бандитами. С точки зрения самих горцев – молодцами-удальцами.

Но возникает вопрос: а, что, разве нельзя было обойтись без набегов? Ведь это же постоянный риск быть убитым… Оказывается нельзя. Основная причина кроется все в том же географическом факторе. Дело в том, что пригодных для пашни земель в предгорьях и тем более в горах было очень мало. Развитие скотоводства так же было ограничено немногочисленными пастбищами, за которые шла постоянная борьба. Поэтому горцам зачастую не хватало еды и самых простых вещей, необходимых для выживания. Набеги явились, так сказать, способом добычи необходимого и прибавочного продукта. Причем, совсем небольшого. Главной ценностью для горца было оружие и боевая лошадь. (Своего рода «средства производства».) В остальном довольствовались минимумом. Отсюда известное выражение: «пускай у джигита рваная черкеска и дырявая сакля, но конь – месхетинец и оружие в серебре». Вспомним Лермонтова, первую Кавказскую войну. И обратим внимание на такой немаловажный природный фактор, как горный ландшафт, идеально подходящий для набеговой и партизанской войны.

Со временем материальное положение горцев изменилось к лучшему, особенно в последние десятилетия советской власти. Территория Чечни заметно расширилась за счет плодородных земель терского казачества. У всех горцев была работа, крепкие дома, приусадебные участки. Уровень жизни поднялся, но стереотип-то поведения практически не изменился! Вспомним последнюю Кавказскую войну. И не только ее. Например, то, как видоизменилась форма традиционных кавказских набегов «на соседей» в наше время. (Это к вопросу об этнических контактах.)

Ну а теперь вновь вернемся к китайцам и зададимся вопросом: почему у жителей Поднебесной так развито чинопочитание, иерархия, культ государства (даже больше чем у русских), почему китайцы организованы и дисциплинированы? Корни уходят туда же, в природно-климатический фактор, точнее в способ адаптации к неповторимому китайскому ландшафту. Гумилёв писал об этом подробно.

Первая китайская цивилизация зародилась в III тысячелетии до н. э., в долине реки Хуанхэ. Хуанхэ – это Желтая река, она несет с гор много взвеси, песка, мелких камешков. За тысячелетия она намыла целую дамбу и текла по дамбе, как по желобу. Время от времени эту дамбу на речных поворотах прорывало, и вода обрушивалась вниз, заливая огромные территории. Нормально вести сельское хозяйство в таких условиях было просто невозможно. Но, в конце концов, решение было найдено: один умный китайский император, живший еще во II тыс. до н. э. предложил ремонтировать эту естественную дамбу, укрепляя стенки огромного желоба. И китайцы начали это делать. С тех пор река Хуанхэ помещена в жесткие рамки – это уже искусственная река с разветвленной системой ирригации. Но для того чтобы проделать такую грандиозную работу, необходимо было организовать и дисциплинировать огромные массы людей, а для этого нужна была целая армия надсмотрщиков, чиновников, управленцев. То есть, в конечном счете, – сильная государственная власть во главе с абсолютным правителем. (Государство-муравейник!) Это и был способ выживания в данной природной среде, который наложил отпечаток на китайский стереотип поведения.

С тех пор китайцы стали дисциплинированными коллективистами-государственниками. И еще они начали активно плодиться и размножаться. Это стало возможным потому, что в теплом и влажном климате субтропиков, «где даже палка растет», всегда можно было вырастить много еды. А когда тепло и достаточно еды, и при этом почти никто не угрожает извне – с трех сторон естественные границы – горы, пустыни, океан – в семьях всегда много детей. (А избыточная численность населения периодически регулировалась жестокими междоусобицами.) Отсюда в Китае культ большой патриархальной семьи и связанный с ним культ предков. Отсюда же и само учение конфуцианства, суть которого заключается в четком соблюдении установленного порядка, строгой иерархии, уважении к старшим и заботе о младших.

Надо сказать, что из географического фактора вытекает не только китайский, но и русский общинный коллективизм, который, заметим, отличается от китайского. Выжить в неблагоприятных климатических условиях Центральной России, при крайне низкой урожайности, и рискованном земледелии, можно было, только объединившись в сельскую общину. Хуторское, индивидуальное хозяйство европейского типа было возможно только на юге Руси, но там долгое время существовала опасность набегов кочевников («Дикое поле»). Именно поэтому в России нашли свою питательную почву идеи уравнительного социализма и коллективного хозяйства. (Понятие «советский колхоз» близко к понятию «русская крестьянская община».) И поэтому русские крестьяне, уходя на заработки,

объединялись в артели, где каждый отвечал за всех, а все за каждого, и где стимулом к работе были не столько деньги, сколько ответственность работника перед «обществом». И надо сказать, что производительность работы таких артелей была очень высокой. Так артельно, например, строилась Транссибирская железная дорога, темпы сооружения которой поразили современников. В советское время артельный способ работы проявился в форме бригадного подряда.

Весьма характерно, что русский коллективизм нашел свое отражение в языке. Например, слова «у нас» («в нашей деревне», «на нашем заводе», «в нашей стране») употребляются в русском языке очень часто, и русские обычно удивляются, узнав, что в английском языке нет соответствующего эквивалента.

С неустойчивостью климата связана и такая особенность нашего стереотипа поведения как нелюбовь к прогнозам и загадыванию на будущее, а так же надежда на пресловутый русский «авось». За что русского человека критиковали и даже ругали люди с нерусским стереотипом поведения, обзывая «небоськой» и «авоськой». Как писал историк Ключевский: «часто обманываясь в своих самых осторожных расчетах, русский человек брался, подчас, за самое безнадежное дело («была – не была!»), противопоставив капризу природы, каприз собственной отваги» и, что характерно, – нередко выигрывал. И в этом ему помогала наша палочка-выручалочка – русская смекалка – производная от экстремальных условий существования. Причем, в тех случаях, когда русская смекалка сталкивалась с немецкой запрограммированностью, например, в войнах, то чаще всего побеждала русская смекалка. Потому что, когда у немца «сбивалась программа», он просто не знал что делать, и ему нужно было время на «перезагрузку». А русский – знал, тем более, что у него, порой, и программы-то никакой не было, кроме той, что называется: «действовать по обстановке».

Как уже было замечено, на стереотип поведения кроме климатического фактора всегда влияет фактор геополитический. В России – это огромная территория, долгое время не защищенная естественными границами: морями, горами, пустынями. И, следовательно, постоянная угроза нападения извне. Поэтому, начиная с XIV – XV вв. русский человек формировался не только и даже не столько как вольный казак, но и как государственник. Он понимал, что только сильное централизованное государство может защитить его от многочисленных внешних врагов, да и от своих разбойников тоже. (И до сих пор продолжает нелиберально верить, что «государство – должно помогать!»). Поэтому наш мужик добровольно подчинялся деспотизму государственной власти, и порой отдавал этой власти последнюю рубаху, понимая, что без рубахи прожить можно, а без безопасности нельзя. Налетят те же крымские татары, побьют, пожгут, выберут самых здоровых парней и красивых девок, и уведут на продажу в рабство.

Поэтому пока Московское государство не превратилось в Российскую империю и не наладило надежную защиту всех границ (особенно южных), русские люди в течение многих веков жили с оглядкой, готовые в любую минуту бросить все и бежать от врага – благо было куда. Это к вопросу о нашей

нелюбви к расчетам и неустроенном русском быте. А так же к вопросу: «Почему Европа такая богатая и красивая, а у нас все через… пень-колоду».

Для того чтобы все благоустроить и разложить по полочкам – как в сравнительно компактной Западной Европе, находящейся на окраине континента и защищенной с трех сторон морем – нужна относительная безопасность. И еще, напомним, нужен излишек средств – *прибавочный продукт*, который в нашем холодном климате был очень небольшим. В то время как в Европе с ее мягким климатом этот прибавочный продукт был значительно больше. Плюс очень удобное географическое положение для развития торговли, особенно самой выгодной – морской.

Ведь откуда взялся европейский буржуазный (протестантский) стереотип поведения, с его неутолимой жаждой наживы? Началось с итальянских торгово-спекулятивных республик Венеции и Генуи, нажившихся на ограблении Византии в XIII в. Затем этот вирус стяжательства перенесся в Голландию, а из нее в XVII в. – в Англию, которая, занимая очень выгодное географическое положение (остров на перекрестке морских путей) начала активно развивать крупнооптовую морскую торговлю. Английские крестьяне были согнаны помещиками со своей земли, и затем те из них, кто не умер от голода и избежал петли, превратились в наемных рабочих. В конечном счете, хозяйственная жизнь Англии стала базироваться на торговле. Затем к этому занятию подключились другие страны, и постепенно англосаксонский буржуазный стереотип поведения начал распространятся по всей Европе. Ну а потом переехал в Америку... При этом не надо забывать про пиратство и жуткое ограбление колоний. И все это – морем, морем…

А до англичан носителями схожего стереотипа поведения были фермеры-мореходы-купцы – фризы, которые жили в относительной безопасности на полуостровах побережья Северного моря и являлись посредниками в торговле между Римом и германскими племенами. А до них были морские хищники и спекулянты из Финикии, Карфагена и Древней Греции. Все эти народы жили в очень бойких местах на перекрестках сухопутных и морских путей.

И еще один очень важный момент. Сравнивая «отсталую» Россию и «цивилизованную» Европу надо кроме географического учитывать еще один фактор – *возраст этноса*. Ведь для накопления материальных ценностей и устройства жизни на буржуазный, упорядоченный лад необходимо длительное время, когда счет идет не на десятилетия, а на многие века. Именно об этом, открытом Гумилёвым возрастном факторе, мы и будем говорить в дальнейшем подробно.

Возвращаясь к стереотипу поведения русского человека, надо подчеркнуть, что он, в отличие от европейца, в течение многих столетий жил по собственной, антибуржуазной формуле: «Есть – хорошо, нет – и хрен с ним!» А если и мечтал о богатстве, то о таком, которое сваливается вдруг, «по щучьему велению», а не накапливается многими поколениями, как в относительно стабильной и благополучной (с XVII века) буржуазной Европе. Наши люди искренне верили, что «от трудов праведных не наживешь палат каменных»… А через грех – не надо.

Поэтому главным для русского человека был не Закон (парламент, капитал), а Благодать. Или по терминологии философов – Совершенство. Главное, чтобы в мире была гармония. И чтобы был мир в душе…

Но это именно – было.

Все меняется со временем и, как уже говорилось, стереотип поведения – тоже. Несколько забегая вперед, заметим, что русский человек за последние, кризисные 150 лет заметно изменился. Он стал более буржуазным, и, соответственно, менее духовным; кулаков-накопителей у нас прибавилось, а прямодушных идеалистов-бессребреников – убавилось. Новый русский индивидуалист сильно потеснил старого русского коллективиста. Еще не победил окончательно, но уже вышел «на оперативный простор»…

Конечно, русский индивидуалист не похож на западного бюргера, он у нас еще *недоделанный* – одной ногой в общинном прошлом, другой в «цивилизованном» будущем, да при этом еще с евразийским уклоном. Но, тем не менее, он уже индивидуалист. Если мысленно представить себе тысячелетний путь, который проходит большинство этносов – от не очень комфортной, но героической и религиозной молодости (высокая духовность) до сытой, но пошлой и безрелигиозной старости (никакой духовности – только жрать, пить и блудить), то нынешний русский человек находится где-то посредине. Поэтому, заметим, не надо, смотря в прошлое, идеализировать современного русского человека, как это делают сегодня некоторые хорошие и добрые люди – сохранившиеся патриоты-идеалисты. От того, что было осталось в лучшем случае половина. Это не мало, но это уже не то.

Несколько успокаивают два обстоятельства. Во-первых, это тот факт, что может быть гораздо хуже – ну, например, как в современной Европе или, не приведи Господи, в Америке. Их, очевидно, уже в ближайшие десятилетия ждет судьба Вавилона и Содома. Во-вторых, это то обстоятельство, что даже при массовом «обмещанивании» и обмирщении российского населения евразийская (стихийно-общинно-имперская) психология у нас все еще продолжает доминировать над классической буржуазной и искусственно занесенной – «либеральной». Особенно в провинции. При всех потерях – здоровый стержень в народе остался. Поэтому ставить крест на современном русском человеке и списывать его со счетов, тоже – не надо.

И здесь следует еще раз подчеркнуть, что ментальность, т. е. оригинальный психологический склад этноса, из которого и вытекает *мироощущение* данного народа, – явление более устойчивое, чем этнический стереотип поведения. Гумилёв тему ментальности в своих трудах почти не затрагивал, но, как справедливо отмечал ученик Гумилёва В. А. Мичурин, ментальность является *глубинным* консолидирующим фактором, как на уровне этноса, так и на уровне суперэтноса, особенно когда в суперэтносе наблюдается разнообразие стереотипов поведения. Так ядро российского суперэтноса – русских, малороссов, белорусов – кроме близкой психологии, всегда сплачивала православная вера, которая за многие века вошла в плоть и кровь нашего народа, и в значительной мере сохранилась в нем до сего дня.

Практика показывает, что ментальность в отличие от стереотипа поведения, передаваемого от родителей детям путем сигнальной наследственности, сохраняется в глубинных слоях подсознания и видоизменяется (разрушается) очень медленно. Это уже генный уровень.

Отсюда следует вывод, что в современном российском суперэтносе, несмотря на серьезные потери, ментальный ресурс для самостоятельного развития – есть. Как бы ни пытались нам искусственно навязать чуждые ценности и стереотипы.

Продолжая тему непохожести разных этносов, надо особо заметить, что кроме поведенческих и ментально-психологических различий есть что-то еще, что выходит за рамки человеческого сознания. **«Как любое природное явление, – писал Гумилёв, – этнос дан людям в ощущениях. Когда мы видим человека, принадлежащего к другому этносу, мы даже не можем определить, почему он не свой. Но мы *чувствуем*, что он – не свой»**. Но об этой важной особенности – чуть ниже.

Первыми, по словам Гумилёва, попытались классифицировать народы древние египтяне. Они считали, что люди делятся на четыре породы. Себя они рисовали жёлтыми, негров – чёрными, семитов из Аравии – белыми, а ливийцев – красно-коричневыми. Греки смотрели проще: эллины и все остальные – варвары. Но позже им всё-таки пришлось разделить известные народы на азиатов, скифов и негров. Древние китайцы тоже особо не церемонились, помещая себя в центр мира: мы – жители Поднебесной, а остальные – дикие варвары.

Но потом случилось Великое переселение народов, и всё стало усложняться. Усложняется до сих пор. Две тысячи лет назад, в I в. н. э. население Земли составляло около 300 млн. человек, в начале XIX в. – 1 млрд.; в начале XXI – 7 млрд. человек! Сегодня на планете насчитывается более 200 государств и более 3 тысяч этносов. В мире стало теснее. Человечество на наших глазах переходит в какое-то новое качество… Все сжимается, как перед взрывом.

2. **Этническая структура: субэтнос, этнос, суперэтнос**

Этническая принадлежность, отмечал Гумилёв, может быть относительной. Например, карел, прибыв из своей деревни в Петербург, назовёт себя русским. Казанский татарин в Петербурге назовёт себя татарином. Но, приехав в Западную Европу или Китай, он уже объявит себя русским, хотя может прибавить, что он, собственно говоря, татарин. А в Африке нашего татарина посчитают европейцем.

Этническая структура представляет собой следующую иерархию: субэтнос, этнос, суперэтнос.

Субэтнос – это этническая система, являющаяся элементом структуры этноса. Например, в России в XVI – XVII вв. формируются следующие субэтносы: на юге – казаки, на севере – поморы, в Сибири – сибиряки (челдоны). После церковного раскола появляется ещё одна субэтническая группа – старообрядцы. Все они отличаются друг от друга и по стереотипу поведения, и по языку, и по условиям быта. Но все они русские. Сталкиваясь с представителями другого этноса, они ощущают своё единство. Казалось бы, замечал Гумилёв, что может быть общего между русским интеллигентом и старовером? Однако, попав в инородную среду, они чувствуют себя русскими и в случае необходимости объединяются.

В ходе истории все субэтносы в той или иной степени растворяются в основной массе этноса. Но в то же время выделяются новые. «Иногда они совпадают с сословиями, но никогда с классами». (Так, например, в ряде работ Гумилёв выделяет в особый субэтнос русское служилое дворянство.)

Ученый приводит в пример французов. Казалось бы, однородный этнос, но он включает в себя бретонцев, бургундцев, гасконцев, нормандцев, провансальцев и другие субэтнические группы. Назначение этих субэтносов – поддерживать этническое единство путём «внутреннего неантагонистического соперничества». Сложность структуры придаёт этносу прочность и повышает сопротивляемость внешним ударам. *При упрощении этнической системы, в период упадка, число субэтносов сокращается до одного*.

Несколько забегая вперед, заметим, что к началу XXI века этническая структура в России упростилась. До конечного упрощения ещё довольно далеко, но тенденция настораживающая…

Следующий после этноса уровень – суперэтнический. (Определение этноса будет дано ниже.) Суперэтнос – это группа близких между собой этносов. Это крупнейшая после всего человечества единица, которая возникает в одном регионе и проявляет себя как «мозаичная целостность». Суперэтнос по-другому можно назвать цивилизацией, культурой или культурно-историческим типом. Например: византийская культура, византийская цивилизация, византийский суперэтнос (Гумилёв писал со строчной буквы).

На сегодняшний день мы можем выделить несколько крупных суперэтносов: западный (европейский, плюс белая Америка и др.), китайский, индийский, латино-американский и российский. На наших глазах складывается мусульманский (арабо-исламский) суперэтнос.

Хотя, строго говоря, Гумилёв давал более дробное деление. Например, японцев он относил к особому суперэтносу, в Индии насчитывал три суперэтноса, а в России выделял отдельные степной и циркумполярный суперэтносы.

Суперэтносы, так же как и этносы, не вечны. Срок жизни суперэтноса (этноса) приблизительно 1200-1500 лет. (Исключением является еврейский суперэтнос, но об этом ниже.) Европейский – уже старый, ему больше 1000 лет. Российский – среднего возраста, он моложе европейского на 450-500 лет. Индийский и китайский, как ни странно, молодые. Поэтому на подъеме.

Следует пояснить, что современные китайцы – это четвёртые по счёту китайцы за известный исторический период. Они примерно так же относятся к древним китайцам, как итальянцы к римлянам, или древние египтяне к современным египтянам, с той разницей, что жители бассейна реки Хуанхэ долгое время находились в относительной изоляции, и оригинальная китайская культура передавалась от одних китайцев к другим почти без потерь. Предпоследний (средневековый) китайский суперэтнос просуществовал с VI по XVII вв.. И после этого впал в полупаралич. Власть в Поднебесной в XVII в. захватили маньчжуры. Европейцы, открыв Китай в XVIII в., подумали, что спячка – это его естественное состояние. И начали грабить. И грабили бы до сих пор, если бы в Китае с середины XVIII в. не начался новый виток этногенеза. В XVIII – XIX веках там шел малозаметный «внутриутробный процесс», а в XX – родился новый Китай. И впереди у него, согласно теории пассионарности, большое будущее.

А как же США? Америка не является суперэтносом, – это *продолжение Европы* (так же как Канада и Австралия). Про современную Америку Гумилёв почти ничего не писал, но вполне очевидно, что сегодня США – лидер западного суперэтноса. Казалось бы, сильная страна, но внутреннего, этнического единства там нет. Система крайне неустойчива: белые – отдельно, чёрные – отдельно, жёлтые (китайцы, корейцы и др.) – отдельно, латиноамериканцы тоже отдельно. Это только в кино у них чёрный и белый полицейские почти братья. На самом деле межэтническая напряженность в США была и остается высокой. В дальнейшем она будет только нарастать.

По прогнозам, к середине XXI века белых американцев, – в основном англосаксов, – которые являлись в течение нескольких веков стержнем этнической системы, останется 40 – 45 процентов. (Сегодня их чуть менее 70 процентов.) Большинство будут составлять «цветные». Они активно размножаются, но единства не представляют. Самая большая этническая группа – латиноамериканцы (испаноязычные). Они обошли негров, и быстро набирают, причем, не только из-за высокой рождаемости, но и за счет нелегальной миграции. К 2050 году доля латиноамериканцев должна возрасти до 25 – 30 процентов. Второе место, вероятнее всего, займут иммигранты из Юго-восточной Азии, в первую очередь китайцы; по уровню рождаемости они сегодня в США на первом месте. В недалёком будущем Америка сильно покоричневеет и пожелтеет.

Что же касается негров, то с сточки зрения этнологии, так называемые «афроамериканцы» на самом деле не являются ни африканцами, ни американцами (коренными). В действительности эти потомки *разноплеменных* рабов из Африки являются своеобразным этническим «зигзагом» – скорее социальной группой, с *антисистемным* уклоном, чем этнической системой. Не по своей вине, разумеется. Это отрицательный пример грубого вмешательства людей (работорговцев) в природный процесс этногенеза. И надо заметить, что таких примеров, которые Гумилев называл «*смещениями»* этногенеза, – по всему миру накопилось немало…

Этническая история учит, что такие – не многонациональные, а *разнонациональные* государства, как США – распадаются от первого сильного удара извне, если не разрываются изнутри.

В любом случае Америка должна развалиться скорее, чем Старая Европа. (И это не смотря на то, что белые протестанты, живущие в глубинке США, еще сохраняют какой-то запас прочности.) Жители Европы, кстати, эту перспективу уже почувствовали, и начали понимать в какую воронку их может затянуть раньше времени. Такого рода опасения стали одной из глубинных причин нарастания противоречий между Европой и США, что с точки зрения этногенеза является плохим признаком. Ведь с потерей единства внутри суперэтноса снижается и жизнеспособность данной этнической системы. Это вовсе не значит, что уже завтра западные народы начнут умирать – иногда распад растягивается на 150 – 200 лет. Однако процесс пошел. И благодаря НТР и глобализации пошел с опережением запланированных природой сроков. (Подробнее о кризисе Запада – в главе «Фаза обскурации».)

Таким образом, если посмотреть на современные суперэтносы не с привычных позиций экономики или политики, а с точки зрения возраста (уровня пассионарности), то мы увидим, что из шести мировых суперэтносов один – старый – западный, один – среднего возраста – российский, и четыре молодые: китайский-4-й (от древнейшего), индийский-3, мусульманский-2 и латино-американский (более зрелый).

Из истории известно, что жестокие войны часто ведутся между близкими родственниками, то есть внутри суперэтноса. Однако, они имеют коренное отличие от войн на уровне больших систем, когда воюют представители разных суперэтносов. В этом случае противник рассматривается как нечто инородное, мешающее и подлежащее уничтожению. «Чем дальше отстоят суперэтнические системы друг от друга, тем хладнокровнее ведётся взаимоистребление. И наоборот, борьба внутри суперэтноса имеет целью не уничтожение и порабощение противника, а победу над ним», – писал Гумилёв. Европейцы могли воевать между собой сколько угодно. Например, за какое-нибудь «королевское наследство». Но против всего остального мира, то есть против других суперэтносов, будь то византийцы, арабы или русские, они всегда выступали единым фронтом. Это как в русской деревне – мужики, бывало, дрались улица на улицу, но когда приходили бойцы из других деревень, то все местные объединялись.

Например, во время Второй мировой войны Гитлер не ставил своей целью истребление европейских народов. В оккупированных немцами западноевропейских странах был установлен довольно мягкий оккупационный режим. Тех же французов фашисты хотя и считали нацией второго сорта, но в качестве «недочеловеков» не рассматривали. Всё-таки свои – европейцы.

А вот в России немцы вели себя совершенно по-другому. Здесь война шла на уничтожение. В памятке немецкому солдату было написано: «Никакой жалости к низшей расе, ваше сердце должно быть каменным.…Убивайте всех…». За совершённые в России военные преступления – убийства

гражданских лиц, изнасилования, мародёрство практически не наказывали. И дело здесь не только в нацистской идеологии – те же крестоносцы в XIII веке вели себя в Константинополе и на Руси ненамного гуманнее фашистов. Римский папа тогда провозгласил: «Православные хуже еретиков. Бейте их!» А кто в средневековой Европе был хуже еретиков, которых сжигали на кострах? Только – нелюди.

Другой пример: Отечественная война 1812 года. Сожженная Москва. Загнанный в тупик Наполеон так разозлился на «русских варваров», что перед отступлением приказал взорвать Московский Кремль, а заодно и собор Василия Блаженного. Тогда помешал случай… Но ведь в Европе «просвещенный» Наполеон такого варварства даже в мыслях не допускал.

Почему немцы во время второй мировой войны проявляли такую жестокость по отношению к сербам? И почему войска НАТО, при поддержке «общественного мнения», безжалостно разбомбили сербские города в 1999 г.? Да потому, что сербы в Европе – чужие. В европейский суперэтнос они не входили и не входят, хотя и живут на территории Европы. А, например, хорваты входят, правда, на правах провинциалов. Так же как венгры, чехи, румыны и другие восточноевропейские этносы. Которые, кстати, во время войны в большинстве своем поддержали Гитлера и воевали на восточном фронте. Поэтому недавнее вступление этих стран в НАТО совершенно закономерно – они вернулись к своим, хотя и с заднего двора. (Поэтому и принялись с энтузиазмом ругать «русских оккупантов», и делать им мелкие пакости. К удовольствию своих новых покровителей.)

То же самое касается и прибалтов: эстонцев латышей, литовцев, которые, формально входя в состав Российской империи и СССР, в российский суперэтнос вовсе не входили, а всегда тяготели к Европе. А вот белорусы – входили и входят до сих пор, так же как и украинцы, кроме западных (отдельный этнос – галичане). Поэтому Западная Украина с 1990-х гг. хочет в НАТО, а вся остальная не хочет. Страну трясёт. (Подробнее об Украине в отдельной главе.)

Дело в том, что **можно разорвать на части империю, но куда труднее разорвать суперэтнос. Это явление не политическое, а природное.** А в природу, как известно, лучше не вмешиваться. Она этого не любит. (Подробнее о распаде СССР в отдельной главе.)

Как же формировался российский суперэтнос? Он начал складываться с XVI века. Его ядром стали русские или, по-старому, великороссы. Первыми входят в состав российского суперэтноса финно-угорские народы – коми-пермяки, карелы, мордва, удмурты и др. (часть финских племен участвует еще в предыдущем, *славянском* этногенезе). С присоединением Поволжья в состав Московского государства входят тюркские этносы – осколки Золотой орды. Сегодня это татары, башкиры, чуваши. (Однако надо заметить, что про вхождение в российский суперэтнос татар и башкир Гумилёв не говорит, говорит только про чувашей. Можно допустить, что до XIX – нач. XX века татары и башкиры действительно относились к степному суперэтносу, но потом влились в российский.) С XVII века в российский суперэтнос входят

сибирские народы: ханты, манси, буряты, эвенки, якуты и др., в том числе множество малочисленных этнических групп. И со всеми ними русские относительно мирно уживаются. За исключением енисейских кыргызов, чукчей и западно-сибирских татар, с которыми пришлось повоевать. Но эти военные конфликты не идут ни в какое сравнение с поголовным истреблением североамериканских индейцев «цивилизованными» европейцами…

Сегодня все эти этносы, прожившие бок о бок с русскими четыреста и более лет, считаются *коренными народами* России.

С вхождением в состав Российской империи в XVII-XVIII вв. украинцев-малороссов (без галичан) и белорусов (исключая небольшую группу ополяченных западников («пшеков»)) российский суперэтнос складывается окончательно.

В XIX веке в состав России входят Кавказ и Средняя Азия. Но вот вопрос, вошли ли народы этих окраин в российский суперэтнос? Гумилёв отвечает – нет. Грузины и армяне представляли собой осколки византийского суперэтноса, дружественного русским. Испытывая серьезную угрозу со стороны Турции и Персии, они вошли в состав России добровольно (даже с большой радостью). Туркмены, таджики, узбеки и крымские татары входили в мусульманский суперэтнос. Там присоединение происходило военным путем. Как и в Азербайджане. Эти войны были скоротечными, серьезного сопротивления русские войска не встретили. Отношение к русским завоевателям в этих регионах вначале было не очень дружественным, особенно со стороны национальных элит, но со временем напряженность несколько спала.

Наиболее близки к российскому суперэтносу народы степного суперэтноса, в первую очередь – казахи. Подвергавшиеся постоянным нападениям джунгар казахи вошли в состав России преимущественно на добровольной основе (хотя трения были, особенно на юге Казахстана).

Про народы Северного Кавказа Гумилёв говорил мало. Очевидно, что они близки к мусульманскому суперэтносу, хотя и сохраняют свою особость. Большинство северокавказских народов были присоединены к России в XIX в. путем длительной, кровопролитной войны. Отношение к русским там было и остается, мягко говоря, не очень теплым (хотя и не везде).

Сегодня большая часть среднеазиатских республик тяготеют к России, как к становому хребту Евразии. Спустя 10 лет после «освобождения» от «Старшего Брата» руководители этих республик наконец-то начали понимать, что лучше все-таки дружить с Россией, чем попасть под контроль США или Китая. Да и народы этих стран, в большинстве своем, воспринимают русских, как самых терпимых и «добрых» соседей. В связи с этим можно привести такой пример. Во время чемпионата Европы по футболу 2008 г. и среднеазиаты и какая-то часть кавказцев болели за футболистов России, которые неожиданно вышли в полуфинал, как за своих. Один киргиз в аэропорту Бишкека так и спросил у русского журналиста: «Как там вчера наши с голландцами сыграли?»…

По сравнению с европейцами или китайцами – все они, действительно, наши люди. Тем более что опыт СССР показал – с большинством этих народов

вполне можно уживаться, и быть добрыми соседями. Но именно *соседями*! То есть, **когда каждый этнос живёт на своей территории (в своей экологической нише) и не вмешивается в дела других этносов.** Как уже говорилось: «В мире, но порознь».

Гумилёв выделял два типа положительных этнических контактов: 1) *симбиоз* – добрососедские, взаимополезные отношения без слияний (татары, башкиры); 2) *ксения* (гостья) – нейтральное сосуществование этносов в одном регионе без взаимопроникновений (русские немцы). Есть еще один, отрицательный тип контакта – *химера*, но о нем ниже.

Этническая история учит, что когда этнический закон «Рядом, но порознь» нарушался, дело *всегда* заканчивалось межнациональными конфликтами, иногда очень кровавыми. В связи с этим надо заметить, что та миграционная политика, которая проводится в РФ последние 20 лет, направлена как раз против этого железного закона. Если такая миграционная политика «открытых дверей» будет проводиться и далее, то в обозримом будущем это приведет к резкому нарастанию напряженности и очень серьезным этническим конфликтам. Первые негативные результаты такой «национальной политики» мы уже наблюдаем – это резко подскочивший улично-бытовой национализм. Как справедливо заметил И. С. Шишкин, складывается впечатление, что те, кто стоит за *такой* национальной политикой или не читали Гумилёва, или напротив, очень хорошо читали...

О Евразийстве. За исторически обозримый период, писал Гумилёв, Северная Евразия объединялась три раза. Сначала её объединили тюрки, создавшие в VI веке каганат от Чёрного моря до Тихого океана. В XIII веке на смену им пришли монголы. Затем, после периода полного распада, инициативу объединения евразийского пространства взяла на себя Россия. В середине XVII века русские вышли к Тихому океану. Таким образом, Российская держава стала наследницей древних кочевых империй.

Гумилёв говорил, что в самом широком, *геополитическом* смысле российский суперэтнос можно рассматривать как *евразийский*, поскольку в него входят народы, населяющие особый географический регион – Северную Евразию. Эти территории, с трех сторон защищенные естественными границами – тундрой, Тихим океаном, горами и пустынями (на юге) – самой природой предназначены для объединения народов. Даже на западе существует невидимая температурная граница, слева от которой (в Европе), в январе преобладают плюсовые температуры, а справа – минусовые. И проходит эта естественная граница четко по западным окраинам Российской империи – СССР

Гумилёв писал: «Для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения. Дезинтеграция лишала силы, сопротивляемости; **разъединение в условиях Евразии значило поставить себя в зависимость от соседей, далеко не всегда бескорыстных и милостивых**… Евразийские народы строили свою общую государственность исходя из принципа первичности прав каждого народа на определённый образ

жизни. На Руси этот принцип воплотился в концепции соборности и соблюдался совершенно неукоснительно. Таким образом, обеспечивались и права отдельного человека….

Исторический опыт показал, что пока за каждым народом сохранялось право быть самим собой, объединённая Евразия успешно сдерживала натиск и Западной Европы, и Китая, и мусульман».

Русские, завоевав Кавказ и Среднюю Азию, дали возможность этим народам жить по-своему. Самое главное – их не переучивали и не пытались сделать из них русских. «Терпимость и хорошее отношение к инородцам привели к тому, что большинство нерусских народов подружились с русскими».

А о межнациональных отношениях в Советском Союзе Гумилёв говорил: «Вообще, дружба народов – лучшее, что придумали в этом вопросе за тысячелетие». При этом, надо заметить, что и в советской национальной политике были допущены серьезные ошибки (об этом в отдельной главе). Когда в конце 80-х у нас в стране начались межнациональные конфликты и гонения на русских Гумилёв заметил: «Внутри государства тоже необходима международная политика»…

Как уже говорилось, Гумилёв в своих работах подчеркивал, что контакты на уровне суперэтносов редко приводят к положительным результатам (хотя таковые иногда случаются, например – восточные славяне и тюркские племена («татары»)), чаще всего эти контакты имеют негативные последствия. Яркий пример: отношения евразийских кочевников и китайцев. Гумилёв писал: «В историческое время в Евразии протекали три витка этногенеза: скифский (до III в. до н.э.), хунно-сарматский (с III в. до н.э. по XI в.), монголо-маньчжурский – на востоке (XII – XX вв.). Четвертый – великорусский, начавшийся в XIII в., еще не окончен.

За 2500 лет в Евразии сменилось несколько этносов, но при сопоставлении их в избранном параметре – взаимоотношение с соседями – просматривается общая закономерность. Каждый этнос имеет две культурно-политические доминанты:

I. Стремление к подражанию соседям, более богатым и многочисленным, – мимесис.

II. Стремление к оригинальности, на основе адаптационного синдрома или приспособления к вмещающему ландшафту – евтурофилия (любовь к Родине) – евразийство.

Так у всех!

…Четкую характеристику хунно-китайских отношений дал евнух Юе, обиженный (китайским) императором династии Хань… и отдавший свои симпатии шаньюю (правителю хуннов). Он говорил: «Прежде, т.е. после побед над китайцами, многие хуннские женщины сменили овчины на шелковые платья. Наряду с кумысом и сыром у хуннов появилось вино, печенье и китайские лакомства, *а с ними и упадок нравов*. Если ты шаньюй изменишь обычаи, а Китай истратит одну десятую своих вещей на подкуп, все хунны

будут на стороне Хань. Дерите на колючках шелковые ткани, продолжайте есть сыр и молоко, иначе вы потеряете свободу, а с нею и жизнь»».

Так и случилось. Спустя некоторое время хунны разделились на две партии, которые можно условно назвать придворно-либеральной и национально-патриотической. Либералы пошли на контакт с китайцами, и, в конце концов, были китайцами уничтожены. Патриоты, которых позже стали называть гуннами, отступили на Запад и прожили долгую героическую жизнь. Они успешно воевали с Римом, а затем их потомки создали мощную кочевую империю – Тюркский каганат, объединивший всю Великую степь.

«Тюрок сменили в Великой степи уйгуры (745 – 840 гг.). Они старательно избегали контактов с Китаем,… но их соблазнила мысль иранских гностиков-манихеев (жизнеотрицающее учение. – Авт.)… Это учение было для уйгуров экзотично и неприемлемо, но интеллектуалы восприняли его фанатично. Возникла коллизия аналогичная разделению интеллигенции и народа в Москве XIX в. В Уйгурии она закончилось катастрофой в 840 г. Уйгурское ханство уничтожили сибирские кыргызы, а народ разбежался кто куда. Оказалось, что *идеологическая агрессия* может быть столь же губительной, как и военно-политическая…

Остановимся и сделаем вывод. Все евразийские этносы жили на своей родине относительно благополучно. Но, проникая в Китай, то как победители, то как гости, они гибли, равно и принимая китайцев к себе. Контакт на суперэтническом уровне давал негативные результаты. Даже идеологическая агрессия – манихейство у уйгуров – давала тот же результат», – писал Гумилёв.

Вам это ничего не напоминает?..

3. Комплиментарность

Гумилёв писал: «Мир, Земля, Ойкумена – это коммунальная квартира. И очень большая, разнообразно населённая. С одними соседями вам лучше не встречаться, с другими вы всё равно будете ругаться, с третьими вы станете играть в шахматы и пить чай. То есть со всеми соседями отношения у вас всегда будут разные. И в каждом отдельном случае вам нужно будет искать общий язык».

Зададимся вопросом: почему одни народы могут уживаться друг с другом и даже дружить, а другие народы не могут, и им лучше жить отдельно? Например, китайцы до такой степени ненавидели кочевников (хуннов, тюрок, монголов), что даже отказались от употребления молока, потому что молоко – пища кочевников. А стереотип поведения степняков вообще воспринимался китайцами как нечто противоестественное. Зато русские с татарами сходились запросто, и активно перемешивались, заключая браки. И это несмотря на иго и расовое различие. Византийские греки с кочевниками тоже дружили и многих из них обратили в христианство.

А вот европейцы-католики кочевников не любили. Казалось бы, почему? Жили они далеко друг от друга, военные конфликты между двумя суперэтносами происходили редко и были куда менее значительны, чем войны внутри Европы. «Просто существовало убеждение, – писал Гумилёв, – что гунны, тюрки, и монголы – грязные дикари, а если греки с ними дружат, то ведь восточные христиане «такие еретики, что самого бога тошнит».

И это негативное отношение к степнякам было позже перенесено на русских. Гумилёв писал: «Каждого русского человека, знакомого с историей международных отношений за последние триста лет, неизменно приводило в изумление то отношение к России, которое в странах Западной Европы считалось вполне естественным и даже единственно возможным – недоброжелательное и несколько пренебрежительное. Ведь даже в Париже, в школе восточных языков, выражение «поскреби русского и найдёшь татарина» было как бы не требующим доказательств. А отношение к «татарам», под которыми подразумевались все кочевники Великой степи, было почему-то отрицательным. Их не то чтобы не уважали, но ставили ниже китайцев, индусов и арабов, не задаваясь даже вопросом, а за что им такая немилость? И это отношение распространилось на русских, причём очень давно: со времён Ивана Грозного и Алексея Михайловича».

Добавим от себя, что у некоторых русских, в связи с этим, выработался комплекс неполноценности. Они очень захотели быть похожими на цивилизованных европейцев и сделались западниками. Многие из них до такой степени полюбили Европу, что возненавидели всё русское. Академик А. М. Панченко довольно едко заметил по поводу этих «либеральных» людей: «Они просятся в «общеевропейский дом», а их дальше прихожей не пускают, разве что вышлют стакан водки и краюху хлеба».

Россия отвергла их в начале XX века, отвергает и сегодня, в начале XXI века.

Но всё-таки, почему симпатии и антипатии между этносами далеко не всегда объясняются экономической выгодой, политическим расчётом, различием идеологий или религий? Для объяснения этого явления Гумилёв вводит понятие *комплиментарности*. Положительная комплиментарность – это подсознательная симпатия одного народа к другому. Отрицательная – безотчётная антипатия. Нейтральная комплиментарность – это терпимость к другому этносу, т.е. спокойное, даже равнодушное отношение – без эмоций.

Комплиментарность явление природное, она не возникает по приказу или ради денежной выгоды. Это искреннее чувство. На этом принципе заключаются браки по любви, и завязывается настоящая дружба. **«Основа этнических отношений лежит за пределами сферы сознания – она в эмоциях: симпатиях – антипатиях, любви – ненависти»,** – подчеркивал Гумилёв.

Ученый писал: «Принцип комплиментарности фигурирует и на уровне этноса, причём, весьма действенно. Здесь он именуется патриотизмом и находится в компетенции истории. Ибо нельзя любить народ, не уважая его предков. Внутриэтническая комплиментарность, как правило, полезна для этноса, являясь мощной охранительной силой. Но иногда она принимает

уродливую негативную форму ненависти ко всему чужому; тогда она именуется шовинизмом».

На персональном уровне, т.е., когда встречаются два-три человека, принадлежащих к разным этносам, комплиментарность очень слаба, её легко переломить. Но чем больше этническая группа, тем она сильнее и непреоборимее. Например, если вы пригласили в гости одного-двух китайцев – вы пьёте чай и мило общаетесь. Это одно ощущение, как правило, комфортное. Но если вы вдруг попали в вагон поезда, где едут одни китайцы (или, более мягкий вариант – зашли на китайский рынок), – это уже другое ощущение – вам становится неуютно. Если же вы приехали в Китай и стали там жить (в одиночестве) – на вас нападает тоска.

Очевидно, что комплиментарность между русскими и китайцами отрицательная, причём, в первую очередь, со стороны самих китайцев. И корни этого явления уходят глубоко в историю: все народы, жившие на территории Северной Евразии до русских – хунны, тюрки, монголы – с китайцами жестоко враждовали, и подружиться никак не могли. «Попытка смешения китайцев с южной ветвью хуннов не дала результатов. Кончилось все резней. Причём всегда первыми начинали обижать, а потом и убивать сами китайцы».

Однако, справедливости ради, надо заметить, что отношение китайцев не только к кочевникам, но и вообще ко всем не китайцам во все времена было сугубо отрицательным и презрительным. Это прочно закрепилось у них на ментальном уровне. Китайцы и тысячу лет назад и сегодня искренне уверенны в своем превосходстве над другими народами. В XIX веке они даже передовых, высокотехнологичных европейцев всерьез считали варварами. Например, во время знаменитого «боксерского восстания» китайцы выдвинули лозунг: «Бей чертей!». Под «чертями» подразумевались все иностранцы без исключения… Заметим, что это уже не просто национализм, это очень похоже на шовинизм.

История учит, что как только в Китае происходил энергетический спад, и он терпел поражение от иноземцев, китайцы превращались в спокойных, милых и услужливых людей. Они всё время кланялись и улыбались (держа, правда, фигу в кармане). Такими их и застали европейцы в XVIII веке. Но уже с начала XX века все радикально изменилось – в Китае начался явный энергетический подъем. Гумилёв писал: «как только Китай набирал силу – он начинал расширяться по всем направлениям…Война с варварами, т.е. со всеми соседями, была 3000 лет лейтмотивом китайской внешней политики.…Никак нельзя считать случайностью, что по линии Великой китайской стены 2000 лет шла почти непрекращающаяся война, в которой хунны, тюрки, а затем монголы отстаивали свои родные степи от гораздо более многочисленного, хитрого, жестокого, и прекрасно вооружённого противника».

Конечно, одной только отрицательной комплиментарностью эти войны не объяснялись. Совершенно разными были геополитические устремления двух суперэтносов. Но отрицательная комплиментарность породила у китайцев стойкое убеждение, что «северные варвары» люди очень плохие и с ними надо обращаться без церемоний. Это убеждение сохранилось до сего дня, и в известной степени перенесено на русских.

Простой пример из сегодняшней жизни. Китайские мигранты уже много лет выращивают овощи на наших землях. Какие химикаты они при этом используют, никто не знает, но овощи получаются отравленными. (После сноса китайских теплиц земля остается выжженной в буквальном смысле слова.) Нашим добрым соседям, например, узбекам и в голову бы не пришло травить нас ядовитыми помидорами (травить по-настоящему!), а китайцы, ничего – травят. Причем травят *сознательно*. Так относятся не просто к чужим. Так относятся к чему-то совершенно инородному. А если к этому добавить, что на некоторых китайских картах наш Дальний Восток и часть Сибири показаны, как китайская территория «временно находящаяся во владении России», то вывод напрашивается сам собой.

Еще раз повторим, это не значит, что китайцы плохие, а русские хорошие, или наоборот. Это значит, что мы с китайцами настолько разные, что нам лучше жить отдельно. Налаживать дипломатические отношения и торговать с Китаем можно и нужно, но открывать границу – нельзя. А если кто-то думает, что можно, рекомендуем заняться китайской историей.

Другой пример. Во время Реформации, в XVI веке, европейцы разделились на два враждующих лагеря – католиков и протестантов. Они сделались очень разными. Когда началась колонизация Америки, отмечал Гумилёв, выяснилось, что и те и другие ведут себя по отношению к американским индейцам тоже по-разному. Католики-французы в Канаде и католики-испанцы в Мексике, хотя и жестоко эксплуатировали индейцев на первых порах, но все же видели в них таких же людей, как и они сами. Поэтому не только вполне уживались с индейцами, но и активно смешивались, заключая браки с индейскими женщинами. Это пример положительной комплиментарности. А вот протестанты-англосаксы индейцев за людей не считали, поэтому убивали их методично и безжалостно. В конце концов, коренное население США было почти полностью уничтожено. Это пример отрицательной комплиментарности.

Интересно, что русские, придя в Америку с побережья Аляски, с индейцами тоже не поладили. Поэтому вглубь территории не пошли. А вот с эскимосами и алеутами, которые жили на островах, русские подружились. Алеуты приняли Православие, выучили русский язык и приобщились к русской культуре. Когда Алеутские острова отошли к США, там осталась православная община со знанием русского языка. С северными и сибирскими народами русские землепроходцы и поселенцы так же вполне уживались. Кроме чукчей, которые, будучи американоидами, т. е. родственниками американских индейцев, выделялись из общего числа народов Сибири.

Но если и русские и протестанты в Америке с индейцами подружиться никак не могли, значит, у них было что-то общее? Действительно, было, отвечает Гумилёв. Ведь, несмотря на то, что католики по вероучению ближе к православному христианству, чем протестанты (которых и христианами трудно назвать), именно с протестантскими странами у России исторически установились более тесные контакты. И началось это еще до Петра I. Многие европейские протестанты, в основном лютеране, спасаясь от репрессий

католиков, бежали и оседали в России. Это отнюдь не означало, что между православными русскими и европейскими протестантами была положительная комплиментарность. В лучшем случае – близкая к нейтральной. Но этого бывает достаточно, чтобы до поры до времени не мешать друг другу жить. Особенно, когда места много, а мигрантов мало. И живут они *на особицу*.

Еще пример. «С монголами, – писал Гумилёв, – русские устанавливали контакт, начиная с XIII в., а вот китайцы не могли установить с монголами контакта – никогда! Но с монголами не могли установить контакта и европейские католики. И, следовательно, они должны были уметь установить контакт с китайцами? Да, так оно и есть! 30 миллионов китайских католиков в начале XX века имелось. Католическая проповедь в Китае имела очень большой успех. Православные миссии такого успеха не имели, и если обращали кого-нибудь, то только в Северной Маньчжурии, где жили народы некитайские». (Однако, надо заметить, что и католики в Китае несколько раз подвергались гонениям. Впоследствии, с резким повышением китайской пассионарности в XX в., их количество значительно сократилось.)

Возникает вопрос – какова же природа комплиментарности?

Для объяснения этого явления Гумилев предложил гипотезу *этнического поля*. То есть, **как отдельный человек обладает своим индивидуальным биополем, так и этнос обладает своим коллективным энергетическим полем**. Как и любое другое поле (гравитационное, электромагнитное) этническое поле имеет **свою частоту колебаний**, **свой ритм**. Гумилёв писал: «Когда носители одного ритма сталкиваются с носителями другого, то воспринимают новый ритм как нечто чуждое, в той или иной степени дисгармонирующее с тем ритмом, который присущ им органически. Новый ритм может иногда нравиться, но несходство фиксируется как факт, не имеющий объяснения, но и не вызывающий сомнения».

Другими словами, если ритмы полностью совпадают и возникает симфония – вы встретились с представителями своего этноса; когда ритмы похожи и возникает ощущение близкое к гармонии – вы встретились с представителями комплиментарного этноса (комплиментарность положительная); когда ритмы не совпадают, и возникает какофония – вы имеете дело с представителями некомплиментарного этноса (комплиментарность отрицательная).

Это как в жизни: встречаются два незнакомых человека, и между ними сразу возникает симпатия, а бывает наоборот – человек с первого взгляда вызывает антипатию. Почему? Понять невозможно. Просто есть внутреннее чувство – и всё. (Кстати сказать, одним из ярких признаков положительной этнической комплиментарности являются межэтнические браки.)

Гумилёв говорил: «Мы здесь видим *природный* эффект, который объяснить тем, что кто-то хороший, а кто-то плохой совершенно нельзя. Хорошие и плохие, добрые и злые – это понятия исключительно на персональном уровне. Выше персонального уровня, выше личной морали это не идет; потому, что там действуют природные явления. А природные явления,

например, тайфуны, землетрясения – они могут быть очень неприятными, но злыми или добрыми они не бывают»…

Недавно гипотеза этнического поля получила неожиданное подтверждение. По некоторым данным уже давно ведутся работы по созданию психотропного оружия, которое поражает избирательно – т.е. не просто людей, а людей определенной национальности. Это этническое оружие. Генератор вырабатывает волны определенной частоты, которая настроена на представителей данного этноса. Такое воздействие может вызвать панику, страх, депрессию и другие неприятные реакции…

Вероятно, несовпадением ритмов этнического поля объясняется такое явление, как ностальгия. Человек, заброшенный в среду чужих, пусть даже добрых и хороших людей, живя зачастую в богатстве и комфорте, тем не менее, ощущает странную неприкаянность и тоску. Этот дискомфорт ослабевает, когда человек встречается со своими соотечественниками, и исчезает, когда он возвращается на родину. (При этом замечено, что женщины – при наличии семьи – страдают от ностальгии меньше мужчин.) Поэтому почти все иммигранты, попав в чужую страну, группируются в этнические общины, занимая порой целые кварталы в больших городах. Потому же не рассыпаются на части этносы, разорванные исторической судьбой и подвергшиеся воздействию разных культур. Они живут по всему миру, образуя диаспоры. Например, те же армяне и евреи. (А вот у русских иммигрантов такого сплочения не наблюдается. И этому есть свое объяснение, о чем будет сказано ниже.)

Или, казалось бы, нетипичный пример комплиментарности. Что объединяет людей в политические партии? Особенно, в обстановке раскола этноса на враждебные группы (забегая вперед заметим, что это характерно для фазы надлома). Только ли общая идеология и политические взгляды? И *откуда* берутся эти взгляды, и шире – мировоззрение?.. В любом случае, однопартийцам, как правило, комфортно друг с другом. А когда они встречаются с представителями партии или общественной организации, где идеология прямо противоположная (например, национал-патриоты и «либералы») – им становится нехорошо. Особенно в тесном помещении.

Но вернёмся к истории. Очевидно, что в Российской империи, а затем в СССР, подавляющее большинство из более чем ста народов (!) имело между собой положительную или, как минимум, нейтральную комплиментарность. То есть вполне уживались друг с другом. На одних штыках никакая империя долго не продержится…

Приведём наиболее яркие примеры различной комплиментарности на имперском уровне. Русские и татары (башкиры, чуваши, удмурты, буряты и многие другие) – положительная комплиментарность (симбиоз); русские и «русские немцы» – нейтральная (ксения); русские и чеченцы – отрицательная. Гумилёв отмечал, что ещё Лев Толстой в замечательной повести «Казаки» описывал, как чеченцы, рискуя утонуть, переплывали бурный Терек на корягах, чтобы подстрелить какого-нибудь русского казака. А казаки, в свою очередь,

устраивали охоту на чеченцев. Зачем? Ведь они особенно не мешали друг другу: одни жили на равнине, другие – в горах…

С кем ещё у русских была отрицательная комплиментарность? (Гумилёв больше примеров не приводит.) Очевидно, что с западными украинцами (униатами), прибалтами (особенно латышами и эстонцами), крымскими татарами и некоторыми народами Сев. Кавказа. Да, пожалуй, и все. Это совсем немного для такой огромной, многонациональной страны.

Взять, например, густонаселенный Кавказ. Ведь там все межплеменные границы обильно политы кровью. С одной стороны это объясняется теснотой, и, следовательно, территориальными претензиями. Но с другой стороны мы видим множество примеров отрицательной комплиментарности. Например: между грузинами и черкесами, грузинами и армянами, армянами и азербайджанцами и т. д. В то же время русские с закавказскими народами, да и отдельными северокавказскими, вполне уживались.

Прав был Достоевский, русские – народ всечеловечный. Поэтому, такой добрый.

Но возникает вопрос: а почему русские такие добрые?

Следуя методу Гумилёва, мы обнаруживаем, что основная причина кроется все в том же географическом, точнее – геополитическом факторе. В огромных кочевых империях хуннов, древних тюрок и монголов, которые занимали территории Северной Евразии (до Тихого океана), всегда соблюдался принцип религиозно-этнической терпимости. Это был *способ адаптации к полиэтничной среде*. Иначе просто невозможно было удержать такие большие пространства, населенные разными племенами. Ведь все народы, создававшие евразийские империи были очень немногочисленны. Например, хуннов было всего около 300 тысяч, монголов – около 800 тысяч. Для сравнения, в Китае и при хуннах, и при монголах – десятки миллионов, в Средней Азии – миллионы…

Можно сказать, что русские этот принцип этнической терпимости переняли от кочевников по наследству вместе с огромной территорией. **«Наиболее ценным было отсутствие, как у монголов, так и у русских того проклятия, которое именуется расизмом»**, – подчеркивал Гумилёв.

Кроме того, русская терпимость связана еще и с тем фактом, что по мере освоения евразийских пространств, происходило постоянное смешение русских с местным, преимущественно финно-угорским и тюркским населением. В первую очередь, на Северо-Востоке (до Урала), в Поволжье, на Юге России и в Сибири. А затем еще и смешение самих переселенцев между собой, в основном – русских, украинцев, белорусов (особенно в Новороссии, на Урале, в Сибири). Это привело к тому, что со временем чистокровных великороссов среди жителей этих окраин оказалось сравнительно немного, большинство составил смешанный (на уровне *своего* суперэтноса) русско-евразийский тип человека, который уже по своему интернациональному происхождению не мог быть «злым» по отношению к инородцам.

Следует заметить, что такая *метисация* имела положительный эффект – дети от смешанных браков (комплиментарных!) были, как правило, более энергичными и способными (в первом-втором поколениях). И этот евразийский «этнический генератор» работал с XVI в. практически бесперебойно, обеспечивая высокий уровень сопротивляемости российского суперэтноса. А это в свою очередь давало политический эффект – русский человек с XVII в. формировался, как человек *имперский*. (Другой вопрос, что при некомплиментарных браках (нечастых) повышенные способности и энергичность человека могли сочетаться с внутренней конфликтностью, что давало порой отрицательный результат (см. комментарий 1 об антисистеме)).

Гумилёв писал: «Идея национальной исключительности чужда русским людям. Они считали татар, мордву, черемисов, тунгусов, якутов, казахов такими же людьми, как они сами. Их не шокировало, что на патриаршем престоле сидел мордвин Никон, военачальниками были потомки черемисов Шереметьевы, татар – Кутузов».

Добавим к этому, что кроме основного, географического фактора, влияющего на поведенческие стереотипы, следует учитывать и другие факторы. В первую очередь – религиозный. Так на формирование «доброго» русского стереотипа поведения повлияло Православие – самая терпимая и коллективистская религия (в сравнении с католицизмом и протестантизмом).

В связи с этим следует подчеркнуть два обстоятельства, по-видимому, связанных с явлением комплиментарности. Известно, что каждая религия имеет свой «тембр», свое звучание, свою, образно говоря, *духовную волну*. И эта духовная волна непосредственно влияет на формирование облика верующего. Поэтому облик православного не похож на облик католика, мусульманина или буддиста. Это с одной стороны. Но с другой стороны, очевидно, что новая (мировая или просто большая) религия принимается тем или иным народом только в том случае, если она отвечает душевному настрою этого народа, то есть, созвучна с «тембром» данного народа*, с его этническим полем.* Именно поэтому более тысячи лет назад из четырех предложенных религий Русь выбрала Православие, которое пришло из многонациональной Византийской империи, где главным народом были терпимые к иным этносам и положительно комплиментарные по отношению к славянам, греки.

Известно, что обостренное национальное самосознание, нередко приводящее к крайнему национализму, свойственно, как правило, небольшим, «зажатым» с разных сторон народам. Такого рода национализм является просто способом выживания этноса в неблагоприятной среде обитания. Маленькая собака, как известно, злее лает… Большие народы, живущие на просторе – это, как правило, добрые и великодушные народы (широкие просторы – широкая душа). Злыми они становятся только в случае большой войны с жестоким врагом, то есть тогда, когда возникает реальная угроза их существованию. Но, что характерно, – после победы над врагом такой народ вновь становятся добрым и терпимым. И чтобы его опять разозлить, надо приложить очень большие усилия…

В России, в отличие от тесной Европы или того же Кавказа, всегда было очень просторно – редкое население располагалось на огромных малообжитых пространствах. Поэтому русские, будучи самым большим и *сильным* народом, в течение веков довольно спокойно относились к пришельцам: «Заходите, люди добрые, места всем хватит!» (Хотя, конечно, были исключения из этого правила, например, европейские латиняне-католики и иудеи (до XVIII в.))

Пока добрых людей из соседних стран было немного – места хватало. Но уже в XX веке положение стало быстро меняться, а к началу XXI века изменилось радикально. В Россию хлынул поток мигрантов. В первую очередь, из Средней Азии, Кавказа и Китая. (На то имелись свои субъективные и объективные причины, о которых будет сказано ниже.) И русские, вместе с другими коренными народами России, впервые за всю свою многовековую историю оказались в положении теснимого народа. Пока еще не притесняемого, но уже теснимого. Подчеркиваем – впервые! В мирное время. Эту картину мы наблюдаем в крупных городах, в первую очередь – столицах, на Юге России, в Сибири, на Дальнем Востоке. Причем в Москве этот процесс этнического «теснения» начинает принимать угрожающий характер.

Это неожиданное массовое нашествие мигрантов привело к тому, что у русского человека возникло взрывоопасное внутреннее противоречие. На уровне стереотипа поведения, даже глубже – на уровне менталитета. **Традиционная русская терпимость, которые сегодня многие мигранты по незнанию принимают за слабость, начала вступать в конфликт с инстинктом национального самосохранения.** Русский человек стал чесать затылок: «Что-то не то происходит!». И начал робко возражать: «Мы гостям конечно, рады,.. но только не надо устанавливать в чужом доме свои порядки!». И его сразу же обвинили в ксенофобии и шовинизме. Хотя на самом деле, он в своем миропонимании даже до уровня обыкновенного национализма не дотянул. А что будет, если дотянет?

И кому это, в конечном счете, будет выгодно?..

4. **Системный подход**

Гумилёв приводит пример элементарной системы – это семья: муж, жена, дети, теща, кошка, дом, хозяйство. Пока члены семьи любят друг друга, система будет крепкой и жизнеспособной. Если вдруг случится, что у них сгорит дом, дети уедут в другой город, а кошка сбежит, – система всё равно будет держаться. Но если, допустим, жена изменила мужу, а тот узнал об этом и не простил, тёща начала настраивать дочь против зятя, а дети забыли про родителей и перестали навещать их, то всё – система рухнула. Люди остались, а семьи-системы уже нет. Поэтому, **главное в системе, это не сборище людей и предметов, а *связи* между ними**. Любовь и взаимопонимание, в первую очередь между мужем и женой, и есть эта невидимая связь.

Все системы можно разделить на четыре типа: открытую, закрытую, жесткую и корпускулярную. Открытая система – это система, которая постоянно получает энергию извне; она все время обновляется. Планета Земля, получающая энергию Солнца – открытая система. Вид животных, поглощающих пищу, которую дает Земля, тоже открытая система.

«Закрытая система, – писал Гумилёв, – это, например, печка, она стоит в комнате. Холодно, в ней дрова. Вы затапливаете печку, дров больше не подбрасываете, закрыли. Дрова сгорают… в комнате температура поднимается, уравнивается с печкой, потом они вместе остывают. То есть запас энергии – в виде дров – получен единожды, после чего процесс кончается. Это система замкнутая…

Жесткая система – это хорошо отлаженная машина, где нет ни одной лишней детали. Она работает только тогда, когда все винтики на месте, когда она получает достаточное количество горючего… Она очень эффективно работает, но при поломке одной детали останавливается и полностью выходит из строя.

Корпускулярная система – это система взаимодействия между отдельными частями… нуждающимися в друг друге. Семья – это корпускулярная система».

Так какой же системой является этнос? *Этнос – это замкнутая система корпускулярного типа.* «Она получает единожды заряд энергии и, растратив его, переходит либо к равновесному состоянию со средой, либо распадается на части вовсе».

А к какой системе можно отнести общество? «Социальная система – это жесткая система открытого типа, потому, что она получает постоянно культурные традиции, за счет чего любое социальное объединение существует. Получает из истории, из памяти прошлого, с одной стороны. А с другой стороны, она (социальная система) тесно связана; но будучи сломана, требует починки, а не восстанавливается сама».

Социальная система – явление более поверхностное, чем этнос, поскольку, повторим, из класса в класс перейти можно, а из этноса в этнос нельзя. Социальная система – это то, что находится внутри этноса (существует параллельно), и в тоже время – над ним, как надстройка. Она является *регулятором* отношений между различными классами и группами – богатыми и бедными, знатными и простыми и т. д. – вплоть до профессиональных объединений и малых групп по интересам.

И здесь трудно удержаться от того, чтобы не сделать небольшое отступление. Гумилёв не приводит пример социальной системы, которая «требует починки», но такой пример напрашивается сам собой. Была у нас система *социализма*; она получила культурные традиции из нашего прошлого. Это была традиция сильной царской власти, которая должна управлять «по правде», и традиция русского *коллективизма*, вытекающая из недр многовековой крестьянской общины. И еще была у нас заимствованная извне идеология марксизма, которая в какой-то своей части отвечала ментальности русского человека, поскольку призывала с одной стороны, к социальной

справедливости, а с другой – к братству людей и даже к спасению всего человечества (мессианская идея: Москва – Третий Рим).

Эта система проработала несколько десятилетий, и, учитывая экстремальные условия, проработала неплохо. На обломках распавшейся Российской империи была построена сверхдержава – СССР. Но когда, после Сталина, «царская» власть стала слабеть, «бояре» оторвались от своего народа, и стали править не «по правде». Когда традиционного человека-коллективиста стал потихоньку вытеснять человек-индивидуалист буржуазного типа, а марксистская идеология (главная деталь) заржавела и перестала работать, – тогда советская социальная система потеряла устойчивость и начала саморазрушаться. Именно саморазрушаться. *Потому, что ремонт вовремя не сделали.* Механики проспали момент. Ну а потом, когда наиболее сознательные из них спохватились, оказалось, что из строя вышло слишком много деталей. И вот в это самое время к делу подключились совсем другие «механики».

Поэтому, несколько забегая вперед, заметим, что причина распада советской социальной системы заключается не только в кознях врагов (это само собой), первопричина – в сбившемся механизме самой жесткой системы. Враги же, воспользовавшись этим сбоем, активизировались на последнем этапе, в 1970-х – 80-х годах (хотя, конечно, и до этого вредили). Они просто взяли кувалду и доломали уже неработающую машину. Которая, добавим, без активной «помощи» внешних и внутренних противников, все же имела шансы быть отремонтированной. Тут субъективный фактор (враги) и объективный фактор (кризис системы) – соединились…

Примером своевременно отремонтированной социальной системы является Китай. За несколько десятилетий после Мао, китайцы провели неплохой ремонт-модернизацию старой коммунистической системы. Износившиеся и лишние детали выкинули (в первую очередь – ортодоксальный, космополитический марксизм, который полностью подменял этническое классовым). Новые детали – на самом деле старые: конфуцианство, легизм, национализм, госкапитализм – вставили. Получился «китайский социализм».

Почему у них вышло, а у нас – нет? И вот здесь следует обратиться к этническому фактору, который всегда *больше* социального. У китайцев все это получилось потому, что они сегодня более *пассионарны*, следовательно, как этнос энергичнее и здоровее нас – этническая система крепкая. Поэтому правящая элита в Китае избежала глубокого раскола и деградации (как это случилось в России); осталась в массе своей волевой и патриотичной. При этом традиционный стереотип поведения китайцев почти не изменился, да и внутренних врагов у них оказалось меньше, чем у нас (не успели еще накопиться). Плюс опыт четырехтысячелетней культуры. Все просто.

Это пример того, как социальная и этническая системы, которые, как мы помним, существуют параллельно друг другу, могут продуктивно взаимодействовать между собой. Можно назвать это положительной корреляцией.

У нас такого положительного взаимодействия не получилось. Получилось, что под предлогом перестройки-ремонта Россию банально ограбили. И опустили. В итоге оказалось, что сегодня в нашей стране социальной системы просто нет. Есть осколки советского прошлого и зародыши, весьма несовершенные, какого-то будущего. Это и есть **системный кризис**. Причем, *этот кризис у нас двойной – кризис социальной системы плюс кризис этнической системы* (о последнем мы еще будем говорить подробно).

И тут важно подчеркнуть, что **наша социальная система может быть восстановлена только тогда, когда восстановится система этническая.** Дом можно построить только на твердой почве. Этническая система и есть эта почва. Если такая этническая регенерация произойдет (а она собственно и происходит на наших глазах, правда, не так быстро, как хотелось бы) то, конечно же, новая социальная система будет отличаться от старой – советской. Что вовсе не исключает использование подходящих деталей старой системы: таких, например, как заметно ужавшийся, но живой коллективизм, принцип справедливого распределения материальных благ и сильная центральная власть.

Заслуга Гумилёва в том, что он открыл нам законы, согласно которым функционируют сложные человеческие системы. Ученый писал: «Жесткая (социальная) система потому и бывает крепка, что она при создании своем приноровлена к локальным условиям наилучшим образом. Когда же окружение меняется, перестройка системы трудна.

И наоборот, дискретная (этническая) система *эластична*, но не позволяет полностью координировать силы для решения внешнеполитических задач. **Поэтому жесткие системы побеждают в стабильных условиях, а дискретные выживают даже при постоянно меняющейся среде обитания и этнического окружения**». Это означает, что этнос, в отличие от социума, куда более стойкая и ***живучая*** система!

Данная закономерность, открытая Гумилёвым, полностью применима к ситуации, сложившейся в России в начале XX века: три революции (в 1905 – 1917 гг.) – крах государства – выживание – регенерация этноса – восстановление государства – *обновление* социальной системы. А так же к ситуации конца XX – начала XXI века: переворот 1991 г. – полураспад страны – выживание – начало этнической регенерации – частичное восстановление государства и социума, но… пока без реального обновления социальной системы.

Таким образом, социальная система выходит на первый план в мирное, стабильное время, а этническая заявляет о себе в периоды глубоких кризисов, войн и других потрясений..

Остается добавить, что главным условием выживания этноса в нестабильных условиях и «постоянно меняющейся среде обитания» является наличие у него определенного свойства – пассионарности, о котором и пойдет речь в следующей главе.

Делаем вывод. Этнос – это, в известном смысле, – большая семья. Если связи между членами этноса крепкие, внутриэтническая комплиментарность

высокая, и люди чувствуют своё родство, то такой народ не победить. И наоборот, если в семье-этносе непрекращающиеся раздоры, то его можно завоевать или разложить изнутри. (Или и то и другое вместе.)

Таким образом**, степень устойчивости этноса определяется не его массой, т. е. численностью населения, не уровнем развития экономики, т.е. количеством богатства, а крепкими системными связями и постоянным взаимодействием членов этноса между собой.**

То же и на уровне суперэтноса. Советский союз в 1991 году разрезали по живому. Но невидимые суперэтнические связи между русскими, малороссами и белорусами остались. Эти связи декретами и пропагандой отменить невозможно. Поэтому, рано или поздно, союз братских народов будет восстановлен.

Проблема, однако, в том, что между самими русскими эти внутренние связи в значительной степени ослабли, а где-то и оборвались. Этническая система потеряла былую цельность, и, следовательно, – сопротивляемость. Когда-то единый народ раздробился на несколько групп с различной идеологией. Особенно сильно это разделение затронуло правящий класс и интеллигенцию. Начался этот нехороший процесс приблизительно в середине XIX века. Пик пришёлся на гражданскую войну 1918-1920 гг., второй пик, поменьше, – на конец 1980-х – начало 90-х гг. Сейчас ситуация выравнивается. (О том, почему так случилось – в главе «Фаза надлома».)

А теперь настала пора дать определение этноса. Гумилёва не удовлетворяли уже сложившиеся определения. Одно из самых известных гласит: «Этнос – это коллектив людей, объединённых общей территорией, языком, культурой, социально-экономическими связями, идеологией и самосознанием». Однако можно не знать родного языка, жить вдали от родины, быть с младенчества воспитанным в чужой культуре (в чужой семье), и при этом – принадлежать к своему этносу. Например, китаец, с пеленок выращенный в русской семье, все равно останется китайцем, хотя он и будет иметь «русскую надстройку». Как говорится, сколько волка не корми… его будет тянуть к своим.

Хотя, надо заметить, что Гумилёв в своих книгах прямо не говорит о генетической, врожденной основе этничности. Он говорит о *настройке биополя* младенца на этническое поле родителей (на их ритм), и о решающем влиянии на воспитание ребенка сигнальной наследственности («делай как я»). И с этим нельзя не согласиться. Однако практика показывает, что вместе с тем значительная часть поведенческой информации закрепляется в этническом архетипе – наследственной памяти – и передается на генном уровне.

На одной из последних лекций (в 1989 г.), рассказывая о бежавших из Франции протестантах (гугенотах), Гумилёв все-таки затрагивает вопрос о наследственной памяти: «Например, известная фамилия Скалон… – это гугенотская фамилия. Я недавно говорил с одним Скалоном, который у нас защищался… И у него чисто кальвинистский подход. Хотя он сам, будучи географом, представления не имеет о кальвинизме. Традиция как-то через гены

передается. И в мелочах, в деталях он сохранил свой психологический настрой, свой психологический рисунок. Это было очень смешно, он удивился, когда я ему это объяснил».

Из сказанного вытекает, что вопрос о природе этничности – непростой, и требует дальнейшего изучения. Возьмем на себя смелость выстроить следующую иерархию этнической идентичности. На первом месте – гены (этнические архетипы), на втором – сигнальная наследственность, на третьем – настройка биополя ребенка на ритм родителей (не всегда успешная), на четвертом – вся остальная воспитательная цепочка – семья, школа, общество и т. д. При этом абсолютизировать незыблемость архетипов не следует, поскольку в длинном историческом времени (за века) он тоже размывается и видоизменяется, особенно под воздействием «чужой» окружающей среды. Например, замечено, что многие русские немцы, возвратившиеся в Германию после двухсот лет пребывания своих предков в России, уже *не ощущают* себя стопроцентными немцами…

В первой своей фундаментальной книге «Этногенез и биосфера земли» Гумилёв даёт следующее определение этноса: «Этнос – коллектив особей, выделяющий себя из всех прочих коллективов. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология, иногда являются определяющими моментами, а иногда – нет. Вынести за скобки мы можем только одно – признание каждой особью: «мы – такие-то, а все прочие – другие».

В последней книге Гумилёва «Древняя Русь и Великая степь», определение этноса выглядит уже более основательным: «**Этнос – естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система, противопоставляющая себя всем другим таким коллективам, исходя из ощущения комплиментарности»**.

В первых своих работах Гумилёв определяет этнос, как явление природы. То есть этнос – это организм, он может быть молодым или старым, здоровым или больным. В последних работах уточняет*:* «Этнос – явление, лежащее на грани биосферы и социосферы». Этнос «связывает социальную форму движения материи со всеми природными формами. Это как раз тот механизм, при помощи которого человек влияет на природу, и тот механизм, при помощи которого человек воспринимает дары природы и кристаллизует их в свою культуру».

При этом Гумилёв подчеркивает значение географического фактора: «этнос – это явление географическое, всегда связанное с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос. А поскольку ландшафты Земли разнообразны, разнообразны и этносы».

Таким образом, современная этнология занимает пограничную область науки. Это отвечает требованиям дня, ибо научная мысль не стоит на месте – происходит постоянный синтез. Заслуга Гумилёва в том, что он одним из

первых (после Данилевского и евразийцев) применил методы естественных наук к изучению истории. При этом он копнул гораздо глубже своих предшественников и создал совершенно оригинальную научную теорию.

Повторим, что гумилёвский «природный» подход к изучению истории до сих пор непривычен и поэтому вызывает отторжение у многих ученых-гуманитариев, которые выросли на западных теориях и привыкли к построению воздушных замков – мифологем и оторванным от жизни идеологиям – от марксистских утопий до либерализма и фашизма.

Не случайно, что первыми заинтересовались теорией этногенеза именно учёные-естественники. Гумилёв писал: «Гуманитарная наука даёт возможность многое узнать, но не позволяет многого понять. Гуманитарий ограничен научным уровнем изучаемых авторов древности, а он был ниже, чем в XX веке. Этнология ставит другие задачи. Она опирается не на тексты, а на факты и на их системные связи». Таким образом «**В науке существует только один критерий: мнение не должно противоречить строго установленным фактам, но вправе противоречить любым концепциям, сколь бы привычны они не были**».

История – наука особая. Она всегда завязана на политику и идеологию. Например, математикам или химикам легче, на историков же всегда давит существующая власть, господствующая идеология, «общественное мнение» и многое другое. Поэтому, чтобы сделаться настоящим историком требуются твердая мировоззренческая позиция и определенное мужество. Быть историком – это *служение*.

Когда ты пережёвываешь всем уже давно известное, говорил Гумилёв, тебя хвалят, а когда ты открываешь что-то совершенно новое, – тебя начинают ругать и даже бить. Как рассуждал типичный советский научный сотрудник: «Принцип науки: «тех же щей, да погуще влей!» Диссертацию написать, конечно, надо, но так, чтобы оппоненты узнали в ней свои собственные мысли, учёный совет скучал, а диссертанту только оставалось лишь кланяться и благодарить…»

«Сокровищница науки – это обобщение накопленных знаний в системе аспектов, позволяющих обозреть предмет исследования целиком, а затем довести его до читателя. Иначе говоря, это монографии, трактаты «всеобщей истории», глобальные географические описания и т.п. Чтобы написать такой труд, надо освоить предмет и прочувствовать тему, а чтобы сделать его доступным для читателя, надо вскрыть себе вену и каждую строку написать своей кровью, разумеется, фигурально. Иначе, автор рискует быть единственным читателем своей книги. И чем больше «крови» перелить в печатные строки, тем больше читатель любит книгу, а иногда даже благодарен её автору.

Этот акт «переливания крови» обычно не даёт автору ничего, кроме морального удовлетворения. Однако это удовлетворение таково, что ради него стоит жить, даже поступаясь удобствами, служебными неприятностями, интригами завистников и недоброжелательством коллег».

Так говорил Гумилёв.

Зри в корень!
К. Прутков

Пассионарность

Пассионарность (от лат. passio – страсть) – означает сверхэнергичность. «Пассионарность, – писал Гумилёв, – это непреоборимое внутреннее стремление (чаще неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели. Цель эта представляется пассионарной особи ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни соплеменников и современников».

Другими словами: **«Пассионарий – это человек, наделённый избыточной энергией, импульс которой превышает импульс инстинкта самосохранения, вследствие чего пассионарий способен пожертвовать своей жизнью ради идеи (часто иллюзорной)**».

Пассионарии – особи, обладающие врожденной способностью абсорбировать из окружающей среды энергии больше, чем это требуется для личного и видового самосохранения, и выдавать эту энергию в виде целенаправленной работы по изменению окружающей среды. Причем, психическая и интеллектуальная активность требует затрат энергии точно так же, как и физическая, только эта энергия пребывает в иной форме и ее труднее регистрировать и измерять.

Пассионариев в составе этноса всегда меньшинство, но они составляют тот стержень, на котором держится вся этническая система. «Это мотор, который всё двигает». Конечно, писал Гумилёв, пассионарность является отклонением от видовой нормы, это, вероятно, мутация, но мутация маленькая, не приводящая к патологии. Хотя нормальные люди (которые считают, что если уж рисковать жизнью, то за большие деньги) часто называют пассионариев фанатиками и сумасшедшими.

Гумилёв вспоминал, что когда он впервые выступил с описанием этого феномена, то его сразу же обругали в журнале «Вопросы истории» и обвинили в отходе от материализма. А потом вызвали на редколлегию и спросили: «Что это за качество, которое вы называете «пассионарность», и которое мешает людям устраивать свою жизнь наилучшим образом?

Я им стал объяснять – долго, научно. Вижу – ни бум-бум не понимает эта редколлегия.

Мне говорят: «Ну, ладно, хватит, хватит», – мол, не умеете объяснять.

«Нет, сейчас, минутку! Поймите, не все люди шкурники! Есть люди, которые искренне и бескорыстно ценят свой идеал и ради него готовы пожертвовать жизнью. И если бы этого не было, то вся история пошла бы по-иному!»

Они говорят: «А, это оптимизм. Это хорошо»…

Пассионарность проявляется в различных чертах характера. Это может быть гордость, тщеславие, алчность, жажда власти, ревность. «Пассионарность

отдельного человека может сочетаться с любыми способностями: высокими, средними, малыми, она не зависит от внешних воздействий, являясь чертой психики данного человека; она не имеет отношения к этике, одинаково легко порождая подвиги и преступления, творчество и разрушения, благо и зло, исключая только бездействие и равнодушие», – писал Гумилёв.

То есть, пассионарием может быть и великий полководец, и жертвенный учёный, и разбойник, и революционер. Гитлер тоже был пассионарием, со своей иллюзорной идеей. Гумилёв дает этому явлению следующее объяснение: «…всякая энергия имеет два полюса и пассионарная энергия (биохимическая) – не исключение. На этногенезе *биполярность* сказывается тем, что поведенческая доминанта может быть направлена в сторону усложнения систем, то есть созидания, или упрощения их».

Например, идеология нацизма ставила своей целью истребление и порабощение большинства народов, как неполноценных, а это означало *упрощение* сложной планетарной системы состоящей из разных этносов, государств, культур, религий. Гитлер был типичным пассионарием с отрицательным знаком. К такого же рода *антиситемным* пассионариям можно отнести и большую часть революционеров-марксистов и современных глобалистов, поскольку в их идеологиях прямо говорится о слиянии всех наций на планете Земля в одну глобальную этнокультурную кашу…

Чтобы проиллюстрировать феномен пассионарности Гумилёв приводит в пример двух пассионариев с высокой степенью пассионарности – Александра Македонского и Наполеона Бонапарта. Достигнув вершин власти, они имели всё: деньги, славу, почитание. Почему они не сидели у себя дома и не наслаждались жизнью? Зачем им нужно было бросать свои армии в ненужные, бессмысленные походы (Индийский – Александра, Русский и Испанский – Наполеона). Для большинства современников, писал Гумилёв, стимул их деятельности оставался загадкой. Когда после завоевания почти всей Азии Александр вторгся в Индию, его солдаты и полководцы не выдержали: «Царь, куда ты нас ведёшь? Зачем нам эти индусы? Мы даже добычу, которую здесь берём, не можем отправить домой в Грецию. Нас здесь всех перебьют, веди нас назад… Царь, мы тебя любим, но хватит!» Назад вернулись немногие, а сам Александр умер в дороге.

А когда Наполеон проиграл, и русские войска в 1814 году входили в Париж, французские буржуа кричали: «Мы не хотим войны! Мы хотим торговать!».

Что же заставляло этих людей, Наполеона и Александра, действовать так неразумно? Только одно – неуёмная жажда действия!

Ярко выраженные пассионарии: Жанна д’Арк, Николай Коперник, патриарх Никон, Сергий Радонежский, атаман Ермак, Емельян Пугачёв, Александр Суворов, Иосиф Сталин. Однако пассионарны могут быть не только великие полководцы, герои, правители. «Лидеры-пассионарии, – говорил Гумилёв, – лишь видимая верхушка пассионарных людей этноса». Простой солдат тоже может быть пассионарным. Например, Василий Теркин у Твардовского, или бронебойщик Лопахин у Шолохова. Люди подобного типа

не столько «ведущие», сколько «толкающие» всех остальных. Они как бы заводят окружающих своей избыточной энергией.

Пассионариями были землепроходцы, монахи-миссионеры, купцы-путешественники. Например, простые византийские монахи доходили с проповедью христианства до Китая. Они подвергались постоянной опасности на этом пути, многие погибли, но они все равно шли и шли, и ничто не могло их остановить. Множество пассионариев мы видим и среди творческих людей – художников, писателей и поэтов: «Талант – это пассионарность на индивидуальном уровне».

В целом пассионарии характеризуются явным преобладанием *социальных* (лидерство) и *идеальных* (религия, идеология, культура) потребностей над биологическими, хотя и биологические потребности могут быть ярко выражены.

Пассионарность обладает одним важным свойством – она заразительна. Это значит, что люди нормальные (а в ещё большей степени – импульсивные), оказавшись в непосредственной близости от пассионариев, начинают вести себя как пассионарии. Это издавна использовалось в военном деле. Пассионариев или собирали вместе и формировали из них ударные части, или распределяли в массе солдат, чтобы поднять воинский дух. Практика показывает, что два-три пассионария могут поднять боеспособность целой роты численностью в 100 – 120 чел. С чем связана такая *индукция* пассионарности? Видимо, всё с тем же силовым полем (биополем) пассионария, которое Гумилёв называл *пассионарным полем*. Когда сегодня говорят о «харизме» – имеют в виду именно это явление.

Гумилёв приводит такой пример. В 1880 году Ф. М. Достоевский произнёс свою знаменитую речь о Пушкине. Успех был, по воспоминаниям очевидцев, грандиозным, несколько человек упали в обморок. Однако в чтении эта речь особого впечатления не производит. Видимо решающим был эффект личного воздействия Достоевского на собравшихся людей.

Но откуда берутся пассионарии? Гумилёв выдвигает гипотезу о том, что пассионарии появляются в результате мутаций, которые, в свою очередь, происходят под воздействием каких-то космических излучений – *пассионарных толчков*. Они довольно редки (2 – 3 за тысячелетие) и располагаются по поверхности Земли узкими полосами шириной около трехсот километров: «Словно кто-то стегает по планете плетью». Эти полосы никогда не переходят на обратную сторону земного шара. **Если линия пассионарного толчка затрагивает два или более этноса, находящихся в статическом состоянии (или, гораздо реже, динамичных), которые проживают на стыке разных природных ландшафтов, то рождается новый этнос.**

«Каждый пассионарный толчок, – говорил Гумилёв, – перемешивает население; в результате, как из перемешанной колоды карт, создается новая комбинация».

Например, великороссы или русские, родились от трёх основных родителей: восточных славян, финно-угров и татар (плюс немного литовцев и

половцев). Малороссы или украинцы – от славян, кочевников-торков, половцев, (плюс литовцы и крымские татары). Белорусы – в основном от славян и литовцев. Белорусы жили в лесах и болотах, поэтому этническое смешение было сравнительно небольшим: белорусы «по крови» ближе всех к предкам-славянам.

Гумилёв говорил: «Человек является частью биосферы… Это не только биомасса всех живых существ, но и продукты их жизнедеятельности: почвы, осадочные породы, кислород… Мы черпаем из двух источников – трупов животных, растений, микроорганизмов, и из воздуха – мы дышим кислородом.

А с другой стороны мы черпаем из трех источников энергии, которые попадают на Землю и имеют совершенно различное значение.

Максимальное количество энергии, которое потребляет Земля, – это энергия Солнца, она создает возможность фотосинтеза… Второй вид энергии – это энергия распада радиоактивных элементов внутри Земли… это явление оказывает на нас большое воздействие, но – локальное. Дело в том, что скопления урановых руд размещены не по всей Земле. Есть такие пространства, где радиоактивность ничтожна, а есть такие места, где они близко подходят к поверхности, и поэтому воздействие этого вида энергии на живые организмы, в том числе людей, оказывается очень сильным.

И есть третий вид энергии, который мы получаем в виде *небольших порций из космоса*. Это какие-то пучки энергии приходящие из глубины Галактики, которые ударяют нашу Землю… обхватывая ее какой-то частью, и молниеносно производят свое энергетическое воздействие.

Этот последний вид космической энергии стал исследоваться совсем недавно. И поэтому те ученые, которые привыкли мыслить Землю как совершенно замкнутую систему, они не могут привыкнуть к тому, что мы живем не оторвано от всего мира, а внутри огромной Галактики, которая на нас воздействует так же, как воздействуют все другие факторы, определяющее развитие биосферы».

Когда же неудовлетворенные этим объяснением знакомые в узком кругу спрашивали Гумилёва: «Ну а все-таки, откуда берутся эти удивительные люди – пассионарии? В чем первопричина?», – он отвечал: «Воля Божья!»…

«Космическая» гипотеза Гумилёва (которую часто путают с «солнечной») вызывала и продолжает вызывать как критику, так и откровенные насмешки. Однако факт остается фактом: массовые микромутации – происходят. И периодически внутри спокойных этносов появляются люди сверхактивные, стремящиеся изменить окружающий мир. Они – дрожжи. Первые 450 – 550 лет количество таких людей в составе этноса увеличивается, потом – уменьшается, причем в отдельные периоды весьма резко. На тему «откуда они появляются?» – можно дискутировать. Главное, что они появляются и часто становятся ядром новых, энергичных этносов.

Можно взять на себя смелость и допустить, что пассионарный толчок необязательно приводит к рождению нового этноса. Возможно, бывает и по-другому. Толчок может просто разбудить дремлющий статический этнос, зарядить новой энергией и придать ему мощный импульс в развитии. На ум

приходят всё те же китайцы. За четыре тысячи лет у них было несколько пассионарных всплесков и затуханий. На наших глазах в Китае происходит очередной подъём. Что это – родился новый этнос? Или, может быть, – *обновился* старый?.. (Стереотип поведения, у современных китайцев, конечно, обновленный, но ментальность-то, скорее, старая.)

Важно заметить, что уровень пассионарности этноса может резко повыситься не вследствие пассионарного толчка, а в результате *дрейфа пассионарности*, т. е. когда один, пассионарный народ передает свой генофонд другому – слабопассионарному народу. Происходит это во время войн, нашествий или интенсивных миграций. Например, жители Согдианы (Ср. Азии) в VIII веке получили пассионарный генофонд от завоевателей – арабов, и вместе с ними вступили в фазу надлома в X веке. Литовцы передали свою пассионарность полякам, белорусам и, отчасти, русским в XV – XVI вв. А бежавшие в XVI в. из Франции протестанты – восточным немцам. Монголы же рассеяли пассионарность по огромным просторам Евразии, возбудив в той или иной степени почти все завоеванные ими народы.

И еще одна особенность. В ходе этногенеза всегда происходит процесс вытеснения пассионарности на края ареала этнической системы, что соответствует закону вытеснения рецессивных признаков, открытому Вавиловым. На практике это означает, что в *последних фазах* этногенеза в глухой провинции сохраняется больше пассионарных и здоровых (морально и физически) людей, чем в историческом центре…

Пассионарность – признак *наследуемый*. То есть он закрепляется в генах и передаётся по наследству. И не всегда напрямую – от отца к сыну. Известно, что «на детях… природа отдыхает». (Гумилёв это не уточняет.) Но, так или иначе, этот признак передаётся потомкам; или – через поколение, или – одному из нескольких детей. Поскольку многие молодые пассионарии гибнут в войнах, не успев оставить после себя потомство, в этнической системе происходит постепенная утрата пассионарности. Однако пассионарное напряжение продолжает снижаться и в мирные времена. Во время войн, писал Гумилёв, женщины ценят героев, поэтому те, прежде чем погибнуть, успевают оставить потомство, причем, далеко не всегда в законном браке. (Поэтому пассионарии рождаются во всех классах общества.) И, наоборот, в тихие эпохи идеалом становится умеренный и аккуратный семьянин. А пассионарии зачастую не находят себе место в жизни и на них смотрят как на неудачников. Женщины не желают выходить за них замуж. Характерный пример – Чацкий из комедии «Горе от ума». Пассионарий Чацкий любит Софью, но она предпочитает ему приспособленца Молчалина. Софья искренно уверенна, что этот серый, но старательный чиновник даст ей спокойную жизнь и обеспечит семью…

В такие периоды активно размножается именно обыватель или, по Гумилёву, – гармоничный человек.

Гармоничные люди (нормальные)

Они составляют подавляющее большинство в составе здорового этноса. Это «особи энергоуравновешенного типа». Импульс пассионарности у гармоничных людей равен импульсу инстинкта самосохранения. Гармоничные люди физически и психически полноценны, работоспособны, но не сверхактивны. Жертвенность им не свойственна. Сгорание пассионариев таким людям чуждо и антипатично. Мещанский девиз: «Моя хата с краю…» очень часто находит понимание у гармоничного человека. Поэтому, чтобы его сдвинуть с места и вывести за пределы привычного круга «дом-семья-работа-пиво-футбол» необходим некий толчок извне.

«Однако люди этого склада крайне важный элемент в теле этноса. Они воспроизводят его, умеряют вспышки пассионарности, когда пассионарии выходят за пределы целесообразности и начинают не созидать, а разрушать (при «перегревах»), они умножают материальные ценности по уже созданным образцам», – писал Гумилёв.

Гармоничные люди играют важную роль «стабилизатора», поддерживающего *этническую традицию* (т. е. стереотип поведения и культурные коды). Кроме того, производя необходимую для существования этноса работу, они связывают этнос с *кормящим ландшафтом*, что является непременным условием сохранения этнического своеобразия. Достаточное количество гармоничных людей в составе этноса – залог его внутренней устойчивости.

Иногда, при описании исторических процессов Гумилёв включал в число гармоничных людей пассионариев с низкими степенями пассионарности, стремящихся к успеху и благоустройству без риска для жизни (см. приложение А). Это известный нам тип оборотистого кулака – бизнесмена средней руки. Или «карьериста» из «среднего класса».

Вообще, гармоничные люди могут вполне обходиться и без пассионариев, но до тех пор, пока не появится внешний (или внутренний) враг. Гумилёв приводит такой пример. В Исландии потомки воинственных викингов постепенно утратили пассионарность. В XII веке они прекратили заморские походы, в XIII веке закончились внутренние распри. А когда в XVII веке на остров с двух кораблей высадились алжирские пираты, то они не встретили никакого сопротивления. Мирные исландцы позволяли жечь свои дома, насиловать жён, забирать в рабство детей, но не нашли в себе решимости взяться за оружие. Их просто некому было организовать и бросить в бой.

Субпассионарии

Это люди с отрицательной пассионарностью, их поступками управляют импульсы противоположные пассионарности – инстинкты. Это бомжи, «алкаши», мелкие преступники («украл, выпил – в тюрьму»), профессиональные нищие и просто бездельники. Они могут быть даже

наемными солдатами – но плохими, их набирают, когда других нет. Это мародеры, грабители и бандиты, которые «грабят мирное население и обшаривают карманы убитых». В смутные времена, как и во времена упадка, их становится особенно много.

Гумилёв приводит в пример римскую «чернь» в последние века существования империи. Исландцы, писал Гумилёв, не потеряли хотя бы способность активно работать, но разложившиеся потомки римских граждан, скопившиеся в I веке в Риме, явили собой куда более худший вариант. Они не хотели работать, не хотели воевать – они хотели «хлеба и зрелищ». И все это им давало правительство, боясь, что субпассионарные толпы поддержат любого пассионарного авантюриста, желающего совершить переворот, если тот пообещает им дополнительную выдачу хлеба и более шикарное представление в цирке. Их девизы: «Жизнь для себя, и сегодня, а не завтра» и «Не стремись ни к чему такому, чего нельзя съесть или выпить». Субпассионарии ленивы, пассивны, и принципиально эгоистичны. *Они не меняют мир, как пассионарии, не сохраняют его, как гармоничные люди, а существуют как паразиты за его счёт*.

Результатом снижения пассионарности явилось взятие Рима готами в 410 году (Аларих), причём готов было гораздо меньше, чем боеспособных римлян, не говоря уже обо всей Италии. Весьма показательно, замечал Гумилёв, что когда готы ушли, граждане Рима вынесли на общее собрание вопрос не о том, как наладить обороноспособность, а о проведении представлений в цирке! В 455 г. вандалы (Гензерих) легко учинили резню среди римских субпассионариев, «которых как-то не хочется жалеть». После вандальского погрома Рим уже не оправился.

То же самое, писал Гумилёв, произошло в Византии, когда она вступила в эпоху упадка. В 1203 году небольшой отряд крестоносцев, всего 20 тысяч человек, легко захватил Константинополь. Греки могли выставить 70 тысяч воинов, но они не сопротивлялись, оставив без помощи кучку храбрецов, которые вышли на стены. А в 1204 году город был взят повторно, и страшно разрушен. Большинство жителей погибло… Но когда позже в войну вступила более пассионарная провинция, Константинополь был освобождён, чтобы снова пасть в 1453 году при таких же обстоятельствах. Население столиц-мегаполисов вырождается быстрее.

Такие последствия даёт утеря пассионарного напряжения этноса, то есть уменьшения числа пассионариев, почти полная замена их субпассионариями. Лозунги «живи одним днем!» и «бери от жизни все!» – путь к гибели.

Когда этнос молод и силён, субпассионарии почти не видны, пассионарии и люди гармоничные не позволяют им безобразничать, и в случае чего отправляют их на исправительные работы или в тюрьму. Но когда этнос стареет (или болеет), субпассионарии вылезают из всех щелей и начинают указывать остальным, как надо жить.

Таким образом, Гумилёв наметил три градации убывающей пассионарности. Хотя в случае надобности, уточнял он, деление может быть

более дробным. Например, первый тип – пассионариев – можно условно разделить на три группы: 1) пассионариев с очень высокой степенью пассионарности (жертвенность), 2) высокой степенью пассионарности (идеал победы, успеха), 3) средней степенью пассионарности (карьерный рост, деловая активность, творчество). И все они будут пассионариями. Например, сверхпассионарии – протопоп Аввакум, Коперник, Че Гевара. Классические пассионарии – Сталин, Черчилль, Муссолини, маршал Жуков, академик Королев. Просто пассионарии – ну, здесь примеров тысячи, и в истории и в современности, – от деятелей культуры, бизнеса и спорта до лидеров партий, общественных организаций, криминальных групп и даже – отдельных депутатов…

При этом, повторим, многие пассионарии в мирное время не заметны, так как не могут найти себе достойного применения. Это внесистемные, в большинстве своем, – *идейные* пассионарии (как со знаком «плюс», так и со знаком «минус»). Они проявляют себя во время войн, революций и смут. Именно они делают историю в ее переломные моменты, ибо идейные люди, при всех равных, всегда побеждают не идейных.

Очевидно, что наряду с предложенными Гумилёвым тремя многоярусными типами могут встречаться и *промежуточные* типы – между пассионариями и гармоничниками, гармоничниками и субпассионариями. То есть, данное нами деление по пассионарному признаку является достаточно условным, железных рамок здесь нет.

Вместе с тем не следует смешивать отмеченные градации с делениями классовыми и сословными, любое из них может включать в себя все три типа пассионарности. Например, если посмотреть внимательнее на большинство чеховских персонажей, в том числе на плачущих интеллигентов и дворян из «вишнёвых садов», то мы увидим, что они очень похожи на субпассионариев. Конечно, это вовсе не горьковские бомжи и алкоголики из пьесы «На дне». Это, можно сказать, аристократы среди субпассионариев. У них, как отмечал Гумилёв, даже есть пассионарные замыслы: «Мы начнём новую жизнь! Мы будем работать, работать!!» или «Поедем – в Москву, в Москву!!» Но при всех своих мечтаниях шевелиться они не хотят, а только всё время ноют и занимаются мазохизмом. И всем им невыносимо скучно.

Так происходит постепенное вырождение этноса. И быстрее других начинает загнивать «голова» – политическая элита и интеллигенция. Поэтому правящий класс приходиться периодически чистить, а иногда – полностью обновлять. Дворянин Обломов – субпассионарий, но его предки, служилые дворяне, были типичными пассионариями. Они завоевали и обустроили те земли, которые, спустя несколько веков, растеряли их слабосильные потомки.

Есть ряд признаков, по которым, глядя на тот или иной народ, можно почти безошибочно определить его уровень пассионарности.

Наиболее яркие признаки высокого уровня пассионарности этноса (суперэтноса): 1) воинственность, стремление к экспансии; 2) высокая религиозность (или идейность); 3) активное размножение.

Кроме того, это опора на свою собственную, национальную культуру, при разумном (иногда неразумном) заимствовании из других культур. А так же опора на *традиционные,* «патриархальные» ценности – крепкую семью, коллективизм, любовь к своей Родине и готовность умереть за нее.

Высокая пассионарность – это *суровость нравов* и понятие о чести, которая за деньги не продается.

Разумеется, все это с учетом национальной религии, культуры, географического положения этноса, а сегодня еще и фактора глобализации.

Признаки низкой или отрицательной (ниже нуля) пассионарности – все то же самое, но с обратным знаком. Тут, как правило, закономерность простая – чем больше индивидуализма, «толерантности», феминизации, гомосексуальности и стремления к материальным благам – тем ниже пассионарность. И наоборот.

Например: у персов, арабов, вьетнамцев, корейцев пассионарность высокая; у турок, сербов, казахов – средняя; у французов, голландцев, шведов – низкая, а где-то уже отрицательная.

В России: у чеченцев – высокая, у татар – средняя, у эвенков – нулевая.

А как же русские? – спросит читатель. Но об этом ниже.

Возрасты этноса и разнообразие этнических историй

Итак, этносы, как и люди, рождаются и умирают. Срок жизни этноса, суперэтноса, составляет 1200 – 1500 лет. После этого этнос исчезает или превращается в реликт – малый народ с нулевой пассионарностью, который может жить ещё очень долго, если никто его не трогает (чукчи, горные алтайцы, эскимосы, бушмены и др.).

В процессе этногенеза этносы последовательно проходят фазы: подъёма, акматическую (максимум пассионарности), надлома, инерции и обскурации (см. приложение А).

Предлагаемая кривая этногенеза – обобщение 40 индивидуальных кривых этногенеза, построенных Гумилёвым для различных этносов, возникших в исторический период, вследствие различных пассионарных толчков. Пунктирной кривой отмечен ход изменения плотности субпассионариев в этносе. Инкубационный (скрытый) период составляет около 150 лет.

Это кривая разгорающегося и остывающего костра.

Этногенез, как и любой природный процесс, подвержен закону *энтропии*. Запас энергии, вначале большой, со временем рассеивается, доходя до нуля (гомеостаза).

«Историческое время, – писал Гумилёв, – это как бы звучание струны, которую щипнули и она медленно затухает. Развитие этноса и развитие людей идет не вперед и не назад, и не по кругу, а оставаясь на одном месте, и постоянно вибрируя, как струна». (А как же прогресс? – спросит читатель. А в

этногенезе, говорил Гумилёв, прогресса нет, бывает лишь прогрессирующий паралич.)

«Все этногенезы запрограммированы, однако этнические истории при этом предельно разнообразны», – подчеркивал ученый. В каждом отдельном этногенезе возможны зигзаги и отклонения от обобщённой кривой. А так же – исключения. Например – еврейский суперэтнос. Он живёт уже около двух тысяч лет и не думает умирать. (Надо разделять легендарных протоевреев от Авраама, вышедшего в XVIII в. до н. э. из Шумера; древних, ветхозаветных евреев от Моисея (этнос с XIV в. до н. э. – до I в. н. э.) и современных, талмудических евреев (суперэтнос)). Пассионарность у евреев до сего дня высокая. Почему так случилось? Гумилёв даёт следующее объяснение. Древнееврейский этнос, будучи уже старым, нединамичным, получил новый мощный заряд пассионарности в результате толчка I века н. э. (см. приложение Б). В Палестине опять все забурлило. Во II веке н. э. римляне после упорной и жестокой войны выгнали этот небольшой, но энергичный народ со своей земли, и евреи вынуждены были расселиться среди других этносов. Но поскольку на чужбине земель им не давали, евреям пришлось осваивать не естественные ландшафты (сельскохозяйственные), а антропогенные, т. е. города и центры караванных путей. Свою энергию они направили в ремесло, торговлю, банковское дело. Тем более, что подобный опыт их предки приобрели еще в древности, в период вавилонского пленения и последующих миграций-расселений по всей ойкумене (В нач. II в. евреев диаспоры было гораздо больше, чем палестинских.)

Таким образом, евреи как бы *законсервировали* свою высокую пассионарность и сохраняли её почти не растрачивая, как все остальные народы – на внешние войны, охрану границ, освоение новых территорий, внутренние распри и т. п. Так из этноса евреи превратились в «блуждающий суперэтнос» с *жесткой* внутренней структурой. Они разделились на западных (ашкенази), азиатских (сефарды), африканских (фалаши) и, в конце концов, образовали диаспору, рассеянную по всему Земному шару.

При этом евреи соблюдали принцип этнической замкнутости, с чужими не смешивались. А если и вступали в браки, то, как правило, с представителями местной пассионарной аристократии. То есть зачерпывали энергию *извне*, поддерживая, таким образом, высокий уровень пассионарного напряжения в своем суперэтносе. Так было, например, в Испании в XIV-XV веках, когда красивые еврейские женщины из богатых семей выходили замуж за испанских грандов, нуждавшихся в деньгах. И по еврейскому закону дети их считались евреями, потому, что родство передавалось по матери, а не по отцу. («Никто не может обнаружить: следа змеи на камне, воды в море и мужчины в женщине») После гонений испанской инквизиции евреи переселились в Северную Европу, где в то время «пассионарность была большая, и при таком брачном праве, которое у них было, всегда можно было получить пассионарных самцов. И они (евреи) существуют – до сих пор», – говорил Гумилёв.

К этому надо добавить, что долгожительству евреев весьма поспособствовал пассионарный толчок XIII века, который прошел через

современную Белоруссию и Украину. В результате этого толчка появился последний, третий по счету еврейский этнос – хасиды. (Гумилёв говорил о хасидах лишь в одном из последних интервью.) У представителей этого небольшого этноса сложился «совершенно особый еврейский склад этнического мироощущения». То есть – отличный от традиционного еврейского, к XIX-XX векам уже *слаборелигиозного* и сильно «*капитализированного*». (Да и чисто внешне хасиды отличаются от «старых» евреев.)

Хасиды вначале жили замкнуто и долгое время считались сектой в иудаизме. Со временем они стали расселятся; в результате чего, сначала в европейское, а затем и в мировое еврейство влилась новая *пассионарная* группа евреев, которых раньше называли польскими или русскими. Часть из них в кон. XIX – нач. XX вв. эмигрировала в Америку, другая часть приняла активнейшее участие в русских революциях 1905 – 1917 гг., ну, а третья, наиболее ортодоксальная часть, явилась инициатором создания государства Израиль. Сегодня *религиозные* хасиды (ультраортодоксы) являются «передовым отрядом» мирового еврейства и, зная теорию этногенеза, можно прогнозировать, что их влияние будет нарастать. Идейные пассионарии, как мы знаем, всегда сильнее не идейных (зилоты сильнее саддукеев).

«Идеальная закономерность на самом деле постоянно нарушается внешними по отношению к данному этносу воздействиями», – подчеркивал Гумилёв. Например, испанцы, завоевав Мексику и другие территории, резко нарушили ход этногенеза местных центрально-американских этносов. Это был *зигзаг* в триста лет длиной. В течении XVI – XVIII вв. на базе двух этносов: испанцев и индейцев, которые оказались комплиментарны, сформировался новый суперэтнос – латиноамериканский. И, в конечном счете, направление этногенеза вернулось в свое русло. Сегодня Южная и Центральная Америка переживают акматическую фазу. Уровень пассионарности там очень высокий. Такие харизматические лидеры, как Фидель Кастро, Че Гевара и Уго Чавес – вовсе не случайность. Латинская Америка бурлит с начала XIX века (со времен Симона Боливара), и, видимо, будет бурлить еще долго. При этом продолжится дальнейшая консолидация латиноамериканского суперэтноса, тем более что у них сегодня один общий противник – США.

Наряду с этим, надо заметить, что из общего числа стран Латинской Америки выбивается Бразилия, Куба и ряд стран Карибского бассейна. Гумилёв об этом не писал, но и здесь мы наблюдаем «внешнее по отношению к данному этносу воздействие» со стороны потомков негров-рабов. И судя по всему, пока это воздействие препятствует консолидации латиноамериканского суперэтноса, приводя к определенным отклонениям от нормального хода этногенеза. Что в свою очередь ведет к обострению социальных, культурно-религиозных и др. противоречий, – вплоть до «гендерных». (Нечто похожее мы видим и в США)

Другой пример нарушения идеальной закономерности этногенеза – венгры. Первоначально они были кочевой ордой и жили в степях Южного Урала. Переселившись в начале X века на территорию современной Венгрии, они начали воевать против всех соседей: Византии, Франции, Италии,

Германии, против славянских племен; доходили даже до Испании. Венгры были настоящими богатырями, и поначалу им сопутствовала удача. Из всех походов они приводили огромное количество пленников и пленниц. Пленниц они делали наложницами. Наложницы рожали им детей. В результате «оказалось, что в Венгрии появилось большое количество людей говорящих по-венгерски, но – это были полуфранцузы, полуитальянцы, полуиспанцы, полуславяне и все – христиане (потому, что их матери были христианками)». Получилось, что венгры *растворили* сами себя. Название сохранилось, но единого народа не стало. И Венгрия превратилась во второразрядное европейское королевство, которое, в конце концов, надолго потеряло свою независимость…

«Все имеют предков, но не все наследуют от предков этническую традицию», – писал Гумилёв.

Описывая природную закономерность этногенеза, Гумилёв подчеркивал, что не каждый этнос обязательно доживает до своего естественного конца. В этнической истории наблюдаются обрывы этногенезов в самых разных возрастах. Наиболее опасны периоды перехода из одной фазы в другую. Особенно третий переход – из акматической в фазу надлома. Именно в этот период распался в X веке первый арабо-исламский суперэтнос. «В этнических процессах, – писал Гумилёв, – участвуют два ведущих фактора: потеря инерции первоначального толчка – старение, и насильственное воздействие соседних этносов, или других сил природы – *смещение*. Последнее всегда деформирует запрограммированный самой природой этногенез, но только в момент фазовых переходов смещение может быть катастрофичным».

Добавим, однако, что сегодня следует делать серьезную поправку на новейшие факторы: глобализацию (наднациональные структуры и пр.) научно-технический прогресс и, в первую очередь, информационную революцию. Гумилёв эти вопросы специально не рассматривал, но, очевидно, что небывалое развитие технологий, с одной стороны, и появление новых, наднациональных центров управления с другой, – существенно влияет на природный процесс этногенеза. Например, в наше время даже слабопассионарный этнос (суперэтнос), обладая современным оружием (в т. ч. информационным, организационным), способен нанести удар по пассионарному, но отсталому в военно-техническом отношении народу. Сегодня можно разбомбить страну, даже не заходя на её территорию, как это произошло в 1999 году в Югославии.

В то же время преувеличивать значение наднационального и научно-технического факторов в современных войнах и «глобальных спецоперациях», как это делают технократы, не следует. Финансы, структуры управления и технологии – это, конечно, важно, но человеческий, т. е. пассионарный фактор важнее! Можно выиграть войну, но при этом не победить народ, как это случилось после 2003г. в Ираке, а затем в Афганистане. Можно устроить цветные революции в исламских странах, но не подчинить их правящие элиты, как это произошло после «Арабской весны» 2011 года. Можно, наконец, взять под «финансовый» контроль Большую Страну, но не удержать ее…

Во всех своих книгах Гумилёв относит последний пассионарный толчок к XIII веку (см. приложение Б). Однако незадолго до своей смерти ученый предположил, что последний, десятый толчок мог произойти в середине-конце XVIII века – ось толчка, затронула Японию, Китай, Индию и ушла на юг. Затем внес поправку – ось толчка прошла от Японии через Северную Индию на запад – через Ближний Восток до Северной Африки. (Этот вопрос разрабатывал ученик Гумилёва В. А. Мичурин, опубликовавший в 1992 г. статью о пассионарном подъеме в современном Иране. И затем, в 2002 г. – большую статью «Грозит ли нам новое Великое переселение народов. (Пассионарный толчок XVIII в. н. э. и его последствия.)»).

На сегодняшний день уже нет никаких сомнений: то брожение, которое переживают мусульманские страны на Ближнем и Среднем Востоке является результатом пассионарного подъема. Это хорошо видно в сравнении. Еще недавно, в XIX веке большинство мусульман находились в спячке (инкубационный период), и их так же, как и китайцев, грабили все кому не лень (современные китайцы, повторим, четвертые по счету от древнейших). В XX веке все круто изменилось. С ростом пассионарности в мусульманских странах развернулось широкое национально-освободительное движение, к середине XX были достигнуты первые победы. Тогда же начал складываться новый (второй) арабо-исламский суперэтнос. Одновременно произошло резкое усиление радикального («пассионарного») ислама, который появился еще в начале XIX века, и сразу же противопоставил себя традиционному («гармоничному») исламу. Заметим в скобках, что сегодня эта избыточная пассионарность умело направляется глобализаторами против самих же мусульман. И главным инструментом в этой войне являются *антисистемные* организации боевиков устроенные по типу радикальной секты.

Остается добавить, что главные причины «японского чуда», «северокорейского чучхе», взлета Китая и консолидации Индии имеют ту же *этническую природу*. **Пассионарный толчок XVIII века дал новый импульс движению мировой истории и кардинально изменил геополитическую расстановку сил на евразийском континенте.**

Зная теорию этногенеза, мы можем констатировать: XXI век будет веком Азии. Большой Азии…

Кто-то спросит: а как же «последние времена» и прогнозируемый «мировой концлагерь»? – Ответим словами православного старца Иоанна Крестьянкина: Не паникуйте преждевременно…

Кипучее брожение и пылкая … деятельность, которой отличается юность всех народов.

А. С. Пушкин

Фаза подъёма (расширение)

Каждая фаза, подчеркивал Гумилёв, определяется преобладанием поколения людей *с новым стереотипом поведения*. Для молодого динамичного этноса главную роль играет категория долга перед коллективом – императив: «*Ты должен!*». В этой фазе, как правило, нет прав, есть только обязанности, за которые полагается вознаграждение. «Плохой король должен быть убит, плохой рыцарь – изгнан, плохой слуга – выпорот». В такие эпохи на первый план выходят люди суровые, строгие, требовательные к себе и другим. Они укрепляют дисциплину и выстраивают чёткую иерархию, ибо, если не будет жёсткого соподчинения, то молодая система развалится при столкновении либо с внешним врагом, либо с соплеменниками, которые предпочитают старый порядок.

Фаза подъёма, писал Гумилёв, начинается с появления в составе спокойного населения очень неспокойных и «недовольных» особей. Их девиз: «Надо исправить мир, ибо он плох!» и «Мы хотим быть великими!» Количество пассионариев в этой фазе резко увеличивается (см. приложение А). Так было при основании Рима, когда латинские выходцы объединились и начали войну с соседями. Таковы были сподвижники Мухаммеда, положившие начало первому арабскому суперэтносу. Пассионарными сообществами являлись ранние христианские общины, ставшие ядром византийского суперэтноса. В молодой Европе – это викинги, «рыцари Круглого стола», бароны и графы Карла Великого. Яркий пример пассионарного ядра – «люди длинной воли», объединившиеся вокруг Чингисхана.

Фаза подъёма связана с экспансией («как расширяется нагретый газ»). Молодой этнос, получивший заряд пассионарности, начинает бороться за место под солнцем. Это выливается в войны с соседями, освоение новых территорий, укрепление государства. Политическая структура в данный период, как правило, жесткая, *мобилизационная*. Законодательство суровое. Идеология сильная.

Создатель великой империи Чингисхан незадолго до своей смерти говорил: «У степных народов, которых я подчинил своей власти, воровство, грабеж и прелюбодеяние составляли заурядное явление. Сын не повиновался отцу, муж не доверял жене, жена не считалась с волей мужа, младший не признавал старшего, богатые не помогали бедным, низшие не оказывали почтения высшим, и всюду господствовал самый необузданный произвол и безграничное своеволие. Я положил всему этому конец и ввел законность и порядок».

Посмотрим на этническую историю Западной Европы. После распада Римской империи в V веке, в Европе был полный хаос. Она подвергалась нападению со всех сторон, и местное население совершенно не способно было сопротивляться немногочисленным отрядам грабителей. Это продолжалось, пока в конце VIII – начале IX века через территорию Европы не прошел пассионарный толчок. Он задел Скандинавию, Францию (район Парижа и Орлеана, где жили франки), и Северную Испанию (см. приложение Б). Этот толчок вызвал движение воинственных викингов и положил начало европейской консолидации. С этого момента европейцы стали активно сопротивляться нападениям извне. А потом занялись наведением порядка внутри своих стран. Гумилёв даже называет год рождения Европы: «У Людовика Благочестивого было три сына, и они схватились между собой. Двое напали на старшего сына – Лотаря, который носил титул императора, и разбили его в 841 году. Это год рождения Европы. Объясню почему. Лотарь бежал, но что было странно, и это отмечают даже хронисты: обычно после больших битв, победители убивали раненых и побежденных, а тут – они говорили: «Зачем мы воюем, мы ведь все-таки свои! Принципы у нас разные…. Но все равно мы же не чужие». И носили раненым врагам воду».

Таким образом, фаза подъёма в Западной Европе начинается в конце VIII века и продолжается до конца XI века (300 лет). Это время образования и укрепления феодальных государств и формирования современных европейских этносов: испанцев, франков (французов), саксов (немцев), скандинавов. Европа из аморфной и слабой превращается в сильную – рыцарскую. Для того чтобы содержать войско из рыцарей-пассионариев (которым надо платить, а платить было нечем) вводится крепостное право. Так появляется феодализм. К концу XI века Западная Европа «набухает пассионарностью». Пассионариев становится так много, что им становится тесно у себя дома. В результате, избыток энергии выливается за пределы Европы – в крестовые походы.

А как это происходило у нас? В России фаза подъёма занимает период с XIII по начало XVI века (пассионарный толчок XIII в.). От Александра Невского до Василия III (приблизительно 300 лет). На обломках старой Киевской Руси, которая стала *самораспадаться* задолго до прихода монголо-татар, возникает совершенно новый этнос – великорусский, со своей этносоциальной системой – Московской Русью.

Гумилёв подчёркивал, что этническая история России, в отличие от истории русской *культуры*, не есть «линейный процесс, идущий от Рюрика до Горбачёва». **Она разделяется на две истории, два этногенеза разных суперэтносов – славянского и российского.** (Чего, увы, многие не понимают.) Поэтому надо различать историю Киевской Руси (с IX по XIII в.) и историю Московской Руси (с XIV столетия до наших дней). Ключевым является период XIII – XV вв. «В это время финальная фаза этногенеза Киевской Руси сочетается с начальным, инкубационным периодом истории будущей России».

Монголо-татары пришли в тот момент, когда Древняя Русь уже готовилась к своей естественной смерти. Жестокие войны между княжествами

и нарастающее дробление княжеств внутри себя – это показатели приближающегося конца. Когда этнос теряет внутреннее единство, т. е. те самые «родственные» связи, то война ведется уже по-другому, ее цель не победа, а уничтожение и порабощение противника. Бывшие «свои» воюют друг с другом как чужие. Как раньше воевали только с внешними врагами.

«Ярким примером утраты этнической комплиментарности, – писал Гумилёв, – стал поступок князя Андрея Боголюбского. В 1169 г., захватив Киев, Андрей отдал город на трехдневное разграбление своим ратникам. До того момента на Руси было принято поступать подобным образом лишь с чужеземными городами. На русские города, ни при каких междоусобицах, подобная практика никогда не распространялась. Приказ Андрея Боголюбского показывает, что для него и его дружины в 1169 г. Киев был столь же чужим, как какой-нибудь немецкий или польский замок».

Другим ярким признаком вырождения восточнославянского этноса явилось *падение нравов*, т.е. отказ от традиционной древнерусской этики и морали. Разврат, продажность, обман, клятвопреступление стали нормой поведения. Братоубийство и отцеубийство в княжеской среде уже никого не удивляло. Торжествовал принцип: «каждый сам за себя!». А вечевая демократия в это время окончательно выродилась в княжеско-боярскую олигархию.

В 1097г. в Любече состоялся княжеский съезд, на котором было решено, что «каждый да держит отчину свою». Русь начала превращаться в конфедерацию независимых государств. Князья поклялись на кресте не враждовать друг с другом. Но только съезд окончился, один из князей – Давыд Игоревич – схватил князя Василько Теребовальского и велел его ослепить. Ни о чём подобном на Руси не слыхивали.

«До Ивана Калиты отечество наше походило на темный лес, нежели на государство: сила казалась правом, кто мог, грабил, не только чужие, но и свои, не было безопасности ни в пути, ни дома, грабежи сделались общей язвой собственности», – писал историк Соловьев. К этому можно добавить, что во время междоусобных войн между княжествами грабежу подвергались даже церкви и монастыри. Православные грабили православные святыни!.. Этнос окончательно перестал существовать как *система* – свои стали чужими.

События XII века полностью укладываются в природную закономерность этногенеза: восточные славяне, будучи частью славянского суперэтноса, прожили к тому времени приблизительно 1200 лет (толчок I века н.э., см. Приложение Б) и находились уже в фазе обскурации. Татары, вмешавшись в славянский этногенез, резко ускорили вялотекущий распад (который получил у нас название феодальной раздробленности). Эта смена эпох, подчеркивает Гумилёв, отразилась и в названии. С XIV столетия новая общность стала называться «Святая Русь». А русские после распада Киевской Руси перестали быть европейцами (восточными) в полном смысле этого слова.

Конечно, владычество монголов легло тяжёлым бременем на русских людей, но куда более страшная опасность угрожала Руси с Запада. В это время Римский папа объявил крестовый поход на схизматиков, то есть, православных.

Целью похода было завоевание и полная оккупация Северо-восточной Руси, уничтожение Православной церкви и обращение оставшихся в живых в католицизм. А это означало разрушение не только русской культуры, это означало *уничтожение русской души.* Если бы католики тогда победили, то новое Московское государство никогда бы не возникло.

Первая попытка крестоносцев была удачной, они захватили в 1240 г. Псков и Изборск. Дальновидный Александр Невский первым из русских князей понял, что с татарами надо договориться, обеспечив тем самым их поддержку в борьбе с агрессией Запада. Татарам поклонились. После этого хан прислал войска, и крестовый поход в 1242 г. захлебнулся. (Мало кто знает, что в «Ледовом побоище» участвовала легкая монгольская конница, вооруженная мощными луками, которая и загнала тяжеловооруженных рыцарей на тонкий лед.) А в 70-е годы XIII в. с помощью татар был защищен от литовцев Смоленск.

Те же русские княжества, которые отказались от соглашения с татарами, были захвачены Литвой и Польшей. (Даниил Галицкий сделал тогда ставку на «союз с Европой» и принял «королевскую» корону от римского папы.) Судьба этих юго-западных княжеств была очень печальной. В западноевропейском суперэтносе православные русичи были чужими, поэтому оказались в польско-литовском государстве на положении людей второго сорта. При польском владычестве они подверглись, кроме социальной, еще и жесточайшей религиозной дискриминации. История Русской Украины с тех пор – это история борьбы за освобождения от *польского католического ига*. В этом основной смысл и главный нерв истории украинского народа. (Об Украине в отдельной главе.)

Гумилёв писал: «Вошедшая в фазу обскурации Русская земля была разорвана надвое могучими силами пассионарности Запада и Востока». Но из двух зол меньшим оказались монголо-татары. Православную церковь они не тронули, более того – освободили от дани, территорию не оккупировали, во внутреннюю жизнь русских княжеств особенно не вмешивались. Требовали только выплату налога (дани), который шел на содержание татарского войска.

Гумилёв выделяет главное: «Заслуга Александра Невского заключалась в том, что он своей дальновидной политикой уберег зарождающуюся новую Московскую Русь в инкубационной фазе её развития (в период от «зачатия до рождения»). А уже после рождения на Куликовом поле (1380г.) новой России, ей враги были не страшны».

Ученый относит Александра Невского к «поколению новых людей», с которых начался собственно русский (российский) этногенез. Он не просто удельный князь Древней Руси, он – первый князь будущей Великороссии: «Жертвенное поведение Александра Ярославича и его соратников слишком разительно отличается от нравов древнерусских удельных князей. Сформулированная Александром доминанта поведения – альтруистический патриотизм, на несколько столетий вперед определила принципы устроения Руси. Заложенные князем традиции союза с народами Азии, основанные на

национальной и религиозной терпимости, вплоть до XIX столетия привлекали к России народы, жившие на сопредельных территориях».

Центром объединения русских земель с начала XIV в. становится Москва. Возвышению Москвы способствует не только удобное географическое положение (Тверь тоже находилась «в центре»), но еще три важнейших фактора: 1) переезд в будущую столицу митрополита – главы Русской Православной церкви (из Владимира); 2) более гибкая политика московских князей, ориентированных на союз с Ордой; 3) привлечение способных людей из других княжеств на военную службу на выгодных условиях.

Количество пассионариев в эту эпоху резко увеличивается. Москва становится центром притяжения для многих из них. И не только русских. На военную службу к московскому князю поступают выходцы из Золотой Орды и Литвы. Они в обязательном порядке принимают Православие и довольно быстро пускают корни на русской земле, заключая браки с русскими женщинами. В Москве, как ни в каком другом княжестве, принят принцип *этнической терпимости.* Смешение происходит на удивление легко, особенно – с татарами. (В отличие, например, от немцев, которые с XVI в. жили в России изолированными колониями и с русскими почти не смешивались.) Так появляются на Руси «татарские» фамилии: Апраксин, Аракчеев, Бердяев, Булгаков, Бунин, Гоголь, Годунов, Карамзин, Кутузов, Мичурин, Рахманинов, Татищев, Тимирязев, Тургенев, Тютчев, Чаадаев, Шереметьев… и многие другие.

Гумилёв писал: «Совершившийся на московской земле *этнический синтез* в фазе пассионарного подъема оказался решающим фактором. Пассионарный потенциал Москвы «возобладал» над богатствами Новгорода, удалью Твери и династическими претензиями Суздаля. Еще в первой половине XIV в. Иван Калита, опираясь на поддержку вначале хана Узбека, а затем его сына Джанибека, взял на себя функцию выплаты дани за всю Русь».

С XIV века Москва уже не продолжает традиций Киева, как это делал Новгород до конца XV века. Напротив, московская власть уничтожает анархические традиции вечевой вольности и княжеских междоусобиц, заменив их более строгими нормами поведения, во многом заимствованными у монголов – системой жёсткой иерархии, суровой дисциплины, принципами обязательной взаимопомощи и коллективной ответственности.

Таким образом, **фаза пассионарного подъёма на Руси – это объединение (чаще насильственное) земель вокруг Москвы, централизация власти, увеличение служилого сословия и укрепление армии.**

Поскольку политическая история этого периода хорошо известна, не будем повторяться, а остановимся на тех моментах, которые отражают смену *этнической доминанты* в фазе подъема.

В этот период мы наблюдаем нравственное оздоровление общества, возврат к традиционной морали и этике. Гумилёв подробно об этом не говорит, но нам известно, что семейные нравы становятся более суровыми и строгими. Это отражает жесткую организацию молодой этнической системы. «Женам

глава муж, мужу – князь, а князю – бог», – гласит закон. Этот новый порядок окончательно закрепляется в «Домострое» (XVI в.), дающем четкие наставления по поводу правильного поведения всех членов семьи, и особенно поведения жен: «Каждый день жене мужа обо всем спрашивать и советоваться с ним во всем: и как на люди выходить и кого к себе приглашать, и о чем говорить с гостями и как себя вести». Другая статья гласит: «… и мужчин в доме одной не принимать, а если муж заметит, что жена на чужих мужей заглядывается или разговаривает с кем без спросу, или уединяется с каким мужчиной, то должен он жену наказать строго, а если надо, то и побить». И далее следуют разъяснения, как надо бить: «… ни по уху, ни по глазам не бить… ни пинком, ни посохом не колотить… Плетью сильно бить лишь за страшное ослушание и нерадение, а в прочих случаях плеткой тихонько побить… а, наказав, пожалеть».

Такие же строгости были приняты и в воспитании детей, которые должны были безоговорочно подчиняться воле родителей. «Если же кто осуждает или оскорбляет своих родителей или клянет их, тот перед богом грешен и проклят людьми, того, кто бьет отца и мать – пусть отлучат от церкви и пусть умрет он лютою смертью, ибо написано: «Отцовское проклятие иссушит, а материнское искоренит». В высших и средних слоях общества женщину, а особенно девушку, было принято держать подальше от посторонних глаз, на женской половине. Сесть за один стол с мужчинами (на пиру) она не имела права. На семейных пирах, когда собирались родственники, для женщин устанавливался отдельный стол. Кроме того, женщина не имела права сидеть под образами в Красном углу, а в «известные дни» вообще не могла сесть за общий стол. Супружеская измена считалась страшным преступлением. А поводом для развода, который был крайне затруднен и разрешался в исключительных случаях, могла стать просто «ночевка жены в доме чужих людей»….

Такого в Киевской Руси, с ее «свободой нравов» – не было.

Произошло то, что всегда происходит, когда образуется новый этнос – изменился стереотип поведения. И дело здесь не только в татарском влиянии (хотя оно было), а в том, что в суровые времена пассионарного подъема по-другому быть просто не может. Во всех здоровых, пассионарных популяциях семья строится по иерархическому принципу, а семейные отношения строго регламентируются. Это касается в первую очередь отношения к женщине, которая, как существо более податливое всякого рода искушениям и соблазнам, всегда ограничивается в свободе действий. Мы это наблюдаем *во всех традиционных религиях* и у всех пассионарных народов, кроме «цивилизованных», т. е. вырождающихся. Конечно, здесь надо учитывать специфику той или иной культуры и ее инерцию, поскольку традиции всегда влияют на формирование нового стереотипа. Но возрастной фактор – первостепенный. Если бы, например, в средневековой Европе кто-нибудь всерьез заговорил даже не о феминизации, а о безобидной женской эмансипации, его бы тут же привлекли к суду, и, скорее всего, сожгли на костре.

Вообще, семейные отношения, особенно степень свободы женщины и «права ребенка» являются одними из самых наглядных показателей уровня пассионарности. Это то, что сразу бросается в глаза и как индикатор показывает то или иное состояние этнической системы. (Повторим, с поправкой на культурные особенности, урбанизацию, а сегодня еще и на содомскую глобализацию.)

Следующий важнейший аспект – религиозный. Вместе с ростом пассионарности в фазе подъема растёт «религиозное напряжение» (термин Гумилёва). **Авторитет и влияние Православной церкви заметно усиливается, она становится центром объединения русских людей**.

«Растущая пассионарность… оказалась направлена ортодоксальным православием к единой цели строительства Святой Руси», – писал Гумилёв. После смерти Ивана Калиты фактическим главой государства становится митрополит Алексей. А Москва, по существу, становится «объединяющей теократической монархией». В качестве главы русской церкви Алексей обладает вполне реальной властью над всеми русскими князьями без исключения. При сохраняющейся раздробленности единственное, что накрепко связывает москвичей, тверичей, рязанцев, суздальцев, новгородцев – это Православие. А оно в эту суровую, героическую эпоху быстро набирает силу.

Что значит высокое религиозное напряжение? Это не просто вера, а вера истовая, пламенная. Когда человек просыпается с мыслью о Боге и засыпает с мыслью о Боге. И готов за веру отдать свою жизнь. Ибо смысл его жизни заключается не в удовольствиях, а в спасении бессмертной души… История учит, что народ, который так верит победить нельзя. Ни при каких обстоятельствах. Его можно только убить.

Гумилёв писал: «Спасение души – покаяние, точнее, самостоятельное передумывание своих поступков и их мотивации. *Оно возможно только при высоком душевном накале*. Там, где в душе остывающий пепел… нет пассионарной энергии».

В Москве в XVI веке насчитывалось около 2000 церквей (в том числе домовых), так что на каждые пять домов приходилось по храму. Церковные службы были очень продолжительные – по несколько часов – и люди терпеливо их выстаивали. Находясь вне храма, русский человек молился в течение всего дня. Проснувшись, он искал глазами икону и крестился. После умывания и одевания молился уже основательно. Затем короткая молитва перед завтраком, после него, перед началом работы, перед обедом… и так в течение всего дня. Вечером – продолжительная молитва перед сном. В ночи перед большими церковными праздниками, воскресеньями, средами и пятницами, а также в посты супруги спали раздельно. В такие ночи принято было вставать ото сна и тихо молиться – ночная молитва считалась угоднее богу… После ночи, проведенной супругами вместе, следовало помыться в бане и только после этого подходить к иконам.

Браки с иноверцами были строго запрещены. Женщину, вступившую в любовную связь с иноверцем, ждало жестокое наказание. Если прелюбодеяние

с единоверцем считалось серьезным преступлением, то прелюбодеяние с чужаком рассматривалось как тяжкий грех.

Перед любым большим делом, например, перед севом в поле или строительством дома, русские люди обязательно шли в церковь и долго молились, а перед опасными предприятиями – исповедовались и причащались. Посты соблюдались очень строго. Всего постных дней в году, вместе со средами и пятницами, было более половины. В первые два дня Великого поста даже царь ничего не ел, «в среду – съедал кусок хлеба и опять постился до субботы»….

Такого религиозного напряжения в расслабленно-демократический Киевский период – не было!

Надо еще раз подчеркнуть: чтобы соблюдать все эти ограничения, не говоря уже о более серьезных запретах, нужна была сила и нужна была воля, то есть – пассионарность. Поэтому, по мере ее возрастания количество людей способных не просто соблюдать строгие религиозные правила, но и готовых полностью отказаться от «мирских радостей» и встать на монашеский путь жертвенного служения Богу, становилось все больше и больше. Гумилёв писал: «Основателем первой киновии (общежительного монастыря. – Авт.) с самым строгим монастырским уставом был великий русский подвижник Сергий Радонежский… Вокруг обители Сергия создался ореол святости и уважения, а ученики подвижника стали сами, по его благословлению, основывать монастыри. Эффективность такого рода духовной экспансии была огромной. Каждый монастырь играл роль не только церкви, но и больницы, и школы, и библиотеки… Влияние игуменов и иноков-подвижников росло. Люди, приходившие в монастырь, начинали верить, что православная Русь может жить, помогая сама себе, не опираясь на силы татар или литовцев».

Именно на эту эпоху у нас приходится больше всего святых старцев. И совсем неслучайно, что именно в фазе подъема и начале акматической фазы (в XIV-XVI вв.) на Руси было основано наибольшее количество монастырей. Ни до, ни после столько уже не строилось.

А Москву, с начала XVI века, стали называть «Третьим Римом». Ибо после падения Константинополя Московское царство осталось единственным на всей земле независимым православным государством. Все остальные православные народы были завоёваны или притесняемы врагами. Западные же христиане давно изменили истинному христианству и впали в римско-реформаторскую ересь. «Два Рима пали, третий – Москва – стоит, а четвертому – не быть!», – писал старец Филофей.

Это была уже не просто «Русь», это была **«Святая Русь»**. Преемница и *хранительница* истинной, незамутненной христианской веры – Православия!

Что же касается вопроса о влиянии монголо-татар на русскую историю, то Гумилёв дает однозначный ответ: татары помогли нам в создании нового Московского государства. Причем независимо от того, хотели они этого или не хотели. Так вышло. Татары сделали главное – помогли защитить Северо-Восточную Русь от агрессии католического Запада. При этом они, конечно,

преследовали свою выгоду. Монголо-татары, по словам Гумилёва, помогли русским отбиться от немцев и литовцев не потому, что очень любили все русское, а потому, что просто «охраняли свои стада от волков, чтобы можно было их доить и стричь».

Однако, вместе с тем, в русско-ордынских отношениях были и свои объединяющие моменты. И в первую очередь тот факт, что католический Запад был для монголо-татар точно таким же врагом, как и для русских. Как на уровне геополитики, так и на уровне *ментальности.* Поэтому можно в целом согласиться с ученым, что до конца XIV века (до разорения Москвы Тохтамышем в 1382 г.) между Золотой Ордой и русскими княжествами существовал «неравноправный союз». (Заключенный по принципу: «Против кого дружим?».) Ну а после того, как отношения между ними испортились, уже ничто не могло помешать образованию нового Московского государства. Окрепшая Русь стала набирать силу, а Орда слабеть. И обретение полной независимости стало вопросом времени.

Таким образом, монголо-татары, включив в XIII веке Северо-Восточную часть бывшей Киевской Руси в состав своего государства, в конечном счете, сделали для русских больше полезного, чем вредного. Во-первых, они навели в новом улусе относительный порядок, прекратив стихийные междоусобицы между княжествами. Во-вторых, и это главное, татары дали наглядный пример строгого *законодательства* и сильного *централизованного* государства – Золотой Орды, которое стало образцом для строительства нового Московского царства.

И еще татары научили русских воевать. Монгольская армия в XIII-XIV веках была лучшей армией в мире: дисциплинированной, хорошо обученной, и отлично управляемой. Монголо-татары, в немалом количестве поступавшие на службу к Московским князьям начиная с XIV века, передали русским свой военный опыт: тактику быстрых переходов, засад, фланговых ударов, ложного отступления (заманивания противника в ловушку), навыки разведки и многое другое. Например, победа в Куликовской битве была достигнута за счет неожиданной атаки засадного конного полка, костяк которого составляли крещеные татары. Тактика Суворова – «Как снег на голову!», и Кутузова – заманивания противника вглубь территории – чисто монгольская, евразийская тактика.

Кроме того, монголо-татары передали русским лучшее в мире оружие – легкую изогнутую саблю, которой можно рубить-резать, и боевой лук, бьющий на 700 метров (лучший в Европе английский лук бил на 450 метров). Московский воин XV века – слепок с татарского воина. Московское войско – самое боеспособное войско. Москвичи несколько раз вдребезги разбивают значительно превосходящих по численности новгородцев (сепаратистов), которые, являясь последним осколком Киевской Руси, к XV веку уже потеряли пассионарность и разучились воевать.

Но все-таки самое главное, говорил Гумилёв, что дали славянам монголо-татары – это свои пассионарные гены. И этот, в основном тюркский, «генетический дрейф» затронул служилое воинское сословие, на базе которого

сложилась впоследствии русская дворянская аристократия. Таким образом, тюрко-татары приняли самое непосредственное участие в русском этногенезе – рождении и возмужании нового этноса – великороссов. И этот молодой, пассионарный этнос создал новое сильное государство – Московскую Русь, которое со временем превратилось в могучую Российскую империю.

С точки зрения западно-европейской – уже 500 лет! – русские – это варварская смесь «недоразвитых» славян и диких кочевников Азии.

С точки зрения евразийской, русские – это великий народ, создавший мощную и высококультурную *цивилизацию*.

С точки зрения мировой истории – таких имперских народов-созидателей в истории человечества – по пальцам пересчитать.

С точки зрения духовной, русские – это *последний* христианский народ удерживающий мир от падения в царство антихриста. Вплоть до Второго пришествия и Страшного суда…

Гумилёв называет дату рождения русского народа. Это 1380 год. Год Куликовской битвы. «Этническое значение происшедшего в 1380 году на Куликовом поле оказалось колоссальным. Суздальцы, владимирцы, ростовцы, псковичи пошли сражаться на Куликово поле как представители своих княжеств, но вернулись оттуда русскими, хотя и живущими в разных городах. И поэтому в этнической истории нашей страны Куликовская битва считается тем событием, после которого новая этническая общность – Московская Русь – стала реальностью, фактом всемирно-исторического значения».

Ура! Мы ломим; гнутся шведы…
А. С. Пушкин

Фаза акматическая (перегрев)

Акматическая фаза или фаза перегрева, характеризуется наивысшим подъемом пассионарного напряжения. Количество пассионариев в этот период достигает пика. (Гумилёв не высчитывал процентное соотношение пассионариев в различных фазах, да и вряд ли это можно сделать. Но на одной из лекций он заметил, что в Европе, в фазе перегрева пассионарием был каждый десятый.)

Этническая система в акматической фазе почти неодолима. В это время продолжается экспансия, внешние войны, колонизация. Однако, вместе с тем, в обществе усиливается внутренняя борьба – пассионариев скапливается так много, что они начинают активно уничтожать друг друга. Это часто выливается в междоусобицы и другие неприятности.

В этой фазе на место силы долга приходит *право силы*, растёт индивидуализм, который и ведёт к столкновению активных индивидуумов. («Взрывающиеся эгоизмы»). Поскольку большая часть задач по созданию и укреплению новой системы уже решена, долг начинает тяготить людей, и появляется новый поведенческий принцип: «*Будь самим собой*!». «Дружинник хочет быть не только оруженосцем князя, но Петром или Иваном, монах не просто зачитывает тексты писания, но и комментирует их, купец называет фирму своим именем», – писал Гумилёв.

Подъёмы в этой фазе чередуются со спадами – после гибели пассионарных отцов (спад), подрастают их дети и внуки (чаще незаконные), которые вновь выводят систему из состояния полуразвала. Но однажды запаса пассионарности оказывается недостаточно для того, чтобы вывести систему из очередной депрессии и спад становится обвальным. Это уже следующая фаза – надлома. (См. приложение А)

В Европе акматическая фаза приходится на XII – XV вв. Это период Крестовых походов, Столетняя война между Англией и Францией и другие внешние войны. Это нескончаемые междоусобицы, костры первой инквизиции и борьба между светской и папской властью. Европу в это время распирает от внутренней энергии. Гумилёв писал: «Столетняя война между Англией и Францией не имела серьёзных причин, но велась с удивительным упорством. Когда она, наконец, кончилась, английские феодалы, которых выгнали из Франции, не успокоились. Они сразу же затеяли новую войну между собой на 30 лет – войну Алой и Белой розы. Будущий король Англии Эдуард IV кричал своим воинам: «Щадите простолюдинов, бейте знать!» Потому, что почти все пассионарии уже обзавелись гербами и объявили себя знатными, а ему нужно было снизить количество неуёмных феодалов в своём королевстве, иначе он управлять ими не мог. И так было по всей Западной Европе. В XV веке Франция была объединена Людовиком XI, который уничтожил всех

феодальных вождей и создал единое королевство, в котором «одна вера, один закон, один король».

«Крестовые походы, – писал Гумилёв, – католические священники считали результатом религиозного энтузиазма, протестантские священники – папского своекорыстия, просветители – безумием необразованных людей, экономисты – результатом кризиса феодального хозяйства Западной Европы». На самом деле, лозунг «Освобождение гроба Господня» был только лозунг. Они пошли потому, что хотели идти. И пошли бы в любое другое место, с любым другим лозунгом, потому что их распирало от внутренней энергии. Из 110 тысяч до Иерусалима дошло около 20 тысяч (!) человек. Как говорил Гумилёв: «Любое мероприятие можно осуществить, если не считаться с затратами. Можно, например, когда спичек нет, а курить очень хочется, заплатить за коробку 50 руб.». Другими словами, если воевать сильно хочется, то повод всегда найдётся.

Европейские государства окрепли, только после того, как они избавились от пассионарного перегрева, т. е. в конце XVI – XVII вв., когда координировать силы было уже легче. Тогда-то и развернулась колониальная экспансия…

В России акматическая фаза занимает период с XVI по начало XIX века (почти 300 лет). Приблизительно, от Василия III (умер в 1533 г.) до восстания декабристов в 1825 году. За это время Россия, из небольшого царства находящегося на задворках Европы, превращается в огромную евразийскую империю.

После распада Золотой Орды в 1502 году Россия достигает, наконец, политической и экономической стабильности, становится монолитной страной. При Иване III территория государства увеличивается в пять раз! За первые пятьдесят лет XVI века население Московского царства вырастает в полтора раза, достигнув 9 миллионов человек!

Пассионарии теперь устремляются не только в Москву (в XVI веке карьеру можно было сделать исключительно на государственной службе), но и на окраины – в основном на Дон и в Поволжье. Вплоть до XVIII века, когда Россия начинает выходить к естественным, географическим границам, «наиболее активные индивиды пополняют ряды защитников рубежей Отечества». Это, в первую очередь, лихие рубаки – служилые дворяне и, позже, казаки.

При Иване IV Грозном (1530 – 1584 гг.) Россия совершает мощный рывок. Территория страны увеличиваются почти в два раза. Начинается присоединение Сибири. Укрепляется центральная власть. В период опричнины происходит первая массовая «чистка» правящей элиты – княжеско-боярской аристократии, которая противится усилению центральной государственной власти. Бояре и князья цепляются за остатки своей независимости, оставшейся ещё с удельных времён, когда их предки были полными хозяевами в своих уделах. (А об этом князья-бояре никогда не забывали.) И хотя Гумилёв оценивает опричнину Ивана Грозного весьма негативно (относит опричников к

антисистеме), очевидно, что это были вовсе не случайные репрессии, развязанные полусумасшедшим царём.

Ведь сам Гумилёв писал, что «повышенная пассионарность этнической, а тем более суперэтнической системы даёт результат (успех) при 1) наличии одной доминанты-символа, а не нескольких, и 2) при преодолении анархии, неизбежно возникающей из-за эгоизма и неуправляемости множества пассионариев, усмирить или запугать которых очень трудно, подчас легче убить». Бояре, которые противились усилению власти царя, и были в большинстве своём такими непокорными пассионариями… Другое дело, что вместе с ними погибали и невиновные люди. Но так, к сожалению, происходит при любых массовых репрессиях, поскольку для выполнения грязной работы («казни и кары») набирают в основном всякий сброд...

Рывок, который совершает Россия в XVI веке, был достигнут дорогой ценой. И после сверхнапряжения эпохи Ивана Грозного следует неизбежный спад – Смутное время начала XVII века. (У нас всегда после подобных рывков – спад: так было после Грозного, Петра, Сталина.)

Гумилёв объясняет Смуту обострением *борьбы центра с окраинами*. На южной и юго-восточной границе Московского царства располагались три воинственных субэтноса: севрюки, донцы и рязанцы. «Именно они недовольные подчиненностью Москве, последовательно поддержали вслед за первым самозванцем и второго…. Когда же обнаружилась слабость центрального правительства…. периферийные субэтносы начали претендовать на лидирующее положение в русском этносе и российском суперэтносе. Именно схватка за власть между представителями разных субэтносов севера и юга страны, находящейся в акматической фазе этногенеза, и вызвала первую русскую Смуту». В конечном счете, в этой упорной борьбе победила Великороссия. Болотников, возглавивший движение окраин, был отброшен от Москвы. Ну, а казаки, пограбив и побуянив еще несколько лет, вернулись домой. Они потом еще не раз побунтуют (Разин, Пугачев и пр.), но это уже будет пассионарной инерцией.

С точки зрения этногенеза, писал Гумилёв, Смутное время «это не случайность, и та кровь, которая пролилась, те пожары, которые жгли нашу землю, были следствиями пассионарной депрессии после перегрева середины XVI в.».

Период от Василия III до начала царствования Михаила Романова в 1613 году представляет собой *первый максимум пассионарности* в акматической фазе – резкий подъём и спад (см. приложение А).

Таким образом, исходя из теории этногенеза, можно сделать вывод, что Смута начала XVII века была системным кризисом особого типа. Это был **кризис роста**. Роста пассионарности. И роста будущей империи.

Новый подъём обозначился лишь через 10 лет, в 20-х годах XVII века. Гумилёв в связи с этим приводит любопытный пример. В царствование Михаила Романова произошло только одно серьёзное выступление крестьян. 20 тысяч человек подошли к Москве и предъявили смешное с современной точки зрения требование. Они требовали от правительства, чтобы их зачислили на

военную службу. Крестьяне не хотели копаться в земле – они хотели воевать. Мужики рассуждали так: «Конечно, на войне или на границе могут убить, но зато так жить веселей и можно сделать карьеру». Крестьян, понятное дело, разогнали, однако этот эпизод очень характерен для героической эпохи XVI-XVIII вв. Тогда было престижнее и увлекательней воевать, а не торговать…

Гумилёв не пишет (подробно) о втором максимуме пассионарности, но очевидно, что он выпадает на вторую половину XVII и первую четверть XVIII ёвека. По той же схеме – собирание сил, рывок, откат назад. Пиком стали преобразования Петра I.

Гумилев подчеркивал, что реформа Петра не была неожиданностью, она явилась продолжением политики западничества, начавшейся еще при Алексее Михайловиче. Именно тогда в придворную моду входят польские и немецкие кафтаны, а вместе с ними – польский и латинский язык. В Москву прибывают иностранные специалисты, заводятся полки иноземного строя. Однако, при этом отношение русских к европейцам остается крайне недоверчивым. Указ Алексея Михайловича от мая 1661 г. гласит: «Учали на Москву приходить разные еретики, немцы и просить Царские службы и мы собрали… думу и положили думными людьми: их, сукиных детей, немцев на воеводство не посылать и к воеводствам не определять, а быть им, сукиным детям, немцам, только в Москве… и в службу нашу Царскую вступать по нужде, в ратную». (Но, уже в 1670 г. мы видим «немецких» офицеров и моряков в Астрахани, где во время восстания Разина их убивают в первую очередь.)

При Петре I, как известно, положение меняется. Иностранцев принимают с распростертыми объятьями, и не только на военную службу. Ну, а после того как Петр «прорубает окно в Европу» (позаимствовав у европейцев скопом и то, что надо и что не надо), правящий класс общества – дворянство – начинает стремительно отрываться от своей национальной почвы и европеизироваться. «Низкопоклонство перед Западом» уходит корнями в те времена.

Выделим главное. Самым неприятным следствием петровских реформ, с точки зрения этногенеза, стала *утрата этнической системой цельности и единства*. Западное влияние, от которого Русь стойко защищалась несколько столетий (особенно успешно при Иване Грозном), в XVIII в. разрушило внутреннюю гармонию старой Московской Руси. **Трещина, появившаяся в русском этносе в XVII веке (церковный раскол), после Петра превращается в разрыв.** Именно с этого момента *антипатриотическая,* прозападная партия в русском правящем слое начинает набирать силу. Через 200 лет эта партия свергнет царя…

Гумилёв писал: «Петровские реформы оказались глубже, чем все предыдущие, по своему влиянию на стереотипы поведения, ибо в начале XVIII столетия уровень пассионарности российского суперэтноса был уже ниже, чем в XVI – XVII вв.»

С этнологической точки зрения, возникновение петровской мечты о превращении России в «цивилизованную» «европейскую» державу вполне естественно. Спокойная, комфортная и сытая жизнь в Западной Европе, находящейся уже в инерционной фазе этногенеза, показалась молодому и очень

впечатлительному Петру почти сказкой. «Стремление Петра в России конца XVII – начала XVIII в. подражать голландцам напоминает поступок пятилетней девочки, надевающей мамину шляпку и красящей губы, чтобы быть похожей на свою любимую маму. Но как шляпка и помада не делают ребенка взрослой женщиной, так и заимствование европейских нравов не могло сменить фазу русского этногенеза», – писал Гумилёв.

Остается добавить, что радикальные петровские преобразования потребовали огромного напряжения сил и колоссальных средств. Резко возросли налоги, была введена жестокая подушная подать. Из народа выжали все соки. В результате убыль населения за годы петровского правления (1689 – 1725 гг.) составила около 20 % (!). В процентном соотношении эти потери значительно превысили потери, которые понесла страна в период сталинского «Большого скачка» 1930-х годов. Сегодня многие уже забыли, что город Петербург «стоит на костях»...

А про Петра в народе была сложена легенда, что он царь не настоящий, а «подмененный» (немчонка в люльку подбросили, а настоящего удавили!). Ибо не посмел бы настоящий царь так издеваться над Церковью Православной и русской стариной. Другая легенда гласила, что Петр был рожден молодой царицей Натальей Кирилловной не от пожилого Алексея Михайловича, а от заезжего немца. Ведь действительно, все сходится: с детства царевич бегал в Немецкую слободу, будто там медом намазано, первая любовь – немка Анна Монс, лучший друг – швейцарец Лефорт, русскую жену прогнал, женился толи на немке, толи на чухонке из Прибалтики. Сына, который за старину стоял, уморил. Браки с иноверцами разрешил!..

Староверы так были поражены не русским, не православным поведением царя, что объявили Петра *антихристом*: «Недаром он головой запрометывает и ногой запинается», это его нечистый ломает! (У Петра случались нервные судороги.) Большой резонанс в русском обществе вызвали так называемые «всешутейшие и всепьянейшие соборы». Например, на одном из таких кощунственных «соборов», при «освящении» дворца Лефорта, шут переодетый священником кадил табачным дымом, а вместо креста использовались две скрещенные курительные трубки (!). Немало слухов о богомерзком поведении Петра и его «дружбе с нечистым» породили тайные заседания «Нептунова общества» проводимые в Сухаревой башне шотландским масоном Брюсом. На этих заседаниях, кроме Петра присутствовали его друзья-иностранцы: Лефорт, Гордон и другие.

В целом можно согласиться с евразийцем Трубецким, который писал: «…военная мощь была куплена ценой полного культурного и духовного порабощения России Европой». И здесь надо подчеркнуть – «духовного порабощения»… Трубецкой считал, что «за Петром могли пойти только не русские, приглашенные им на службу иностранцы, либо русские оппортунисты, беспринципные карьеристы, гонящиеся… за наживой…». Действительно, знаменитые «птенцы гнезда Петрова» оказались большей частью отъявленными мошенниками и проходимцами. Поэтому не случайно у Петра не нашлось достойных приемников. Все это дало Трубецкому основание назвать

Российскую империю, в которой восторжествовало дворянское западничество «антинациональной монархией».

Однако, справедливости ради, надо заметить, что в тех экстремальных условиях, когда надо было опять догонять Европу (чтобы от нее же и защититься), вряд ли можно было провести столь грандиозную модернизацию без потерь и издержек. Хотя, конечно, издержки были большие. И главная из них – **это распространение немецкого вируса протестантизма** – чуждой православному духу идеологии, основанной на буржуазном *индивидуализме,* рационализме, и, в конечном счете, – атеизме.

После смерти Петра в 1725 году закономерно наступила депрессия. Надо было отдохнуть и прийти в себя. В себя приходили довольно долго – лет двадцать…. При Анне Иоанновне откатились назад («бироновщина»). При Елизавете Петровне начали собираться с силами. При Екатерине II опять побежали вперед. И здесь надо подчеркнуть, что Екатерина II получила звание «Великой» не потому, что действительно была великой императрицей, а потому, что просто «попала» в эпоху подъема – последний максимум пассионарности. В такие периоды достаточно не мешать истории двигаться туда, куда она движется. То есть иметь здравый смысл и определенную гибкость. (Что у нее, безусловно, было.) А уж пассионарное окружение сделает свое дело. Вторая половина XVIII в. это время великих деяний Потемкина, Румянцева, Суворова, Ушакова и многих других русских пассионариев – завоевателей и строителей империи. Это время присоединения огромных территорий на юге России, и возвращение исконных западных земель.

Однако надо отметить, что Екатерина, не пойдя прямо против хода русской истории (как это пытался сделать ее неразумный муж Петр III), все-таки, как могла, русской истории навредила. Немка Екатерина в отличие от русского Петра, который действовал с помощью кнута и топора, повела дело дальнейшей европеизации более тонко. Оставаясь в душе *типичной протестанткой* «она ударила по русской культуре секуляризацией 80 % монастырей, бывших хранилищами летописей и древних икон». Она учредила закрытые учебные заведения, которые, по словам Гумилёва, «превращали самых способных русских во второсортных европейцев. При этом подразумевалось забвение традиций, а немца из русского сделать было невозможно». Но, добавим, «просвещенной» Екатерине, которая переписывалась с европейскими «философами», очень хотелось.

Помимо того, матушка-императрица, испытывающая комплекс неполноценности перед культурным Западом, наладила журнальное и книжное дело. Было разрешено частное издание периодических журналов, которые устраивались по английскому либерально-сатирическому образцу. Многие из них очень быстро превратились в «оппозиционные СМИ» и стали рассадниками масонства. Одновременно с этим Россию заполонила европейская, в первую очередь, французская литература. Своей-то, русской литературы, почти не было. А читать уже научились... В результате женщины получили мыльно-любовные романы «для души», а мужчины – французских

нигилистов-просветителей «для ума». На этой чуждой русскому духу литературе и воспиталось несколько поколений наших дворян. Получилось, как уже говорилось, дурная смесь «французского с нижегородским».

Те же самые мотивы мы наблюдаем и в экономике. Рожденная и воспитанная в лютеранско-буржуазной среде, Екатерина стала активно насаждать *капитализм* в стране к капитализму совершенно не готовой. В результате пресловутый «экономический подъем» обошелся России потерей финансовой самостоятельности (кредиты из Европы), разбалансировкой бюджета и обесцениванием рубля. (Да-да, все это начиналось тогда!..) Остается добавить, что, помимо того, огромные деньги были потрачены на женские удовольствия, т. е. на многочисленных фаворитов и случайных любовников императрицы. Известно, что правители женского пола, как правило, дорого обходятся любому государству, но матушка Екатерина перещеголяла всех!

А еще Екатерина II, боясь очередного дворцового переворота, очень сильно разбаловала дворянство, особенно его высший слой – аристократию. Она, не только подтвердила указ Петра III, разрешавшего дворянам *не служить*, но пошла дальше, дав дворянству такие привилегии, которые расширили его права до абсурдных пределов. Все это сильно ослабило институт царской власти. Так ослабило, что ее сын Павел I пытаясь привести обнаглевшее дворянство к дисциплине (по-немецки!), получил в ответ заговор аристократии и был убит.

Такие последствия дает **постороннее этническое вмешательство** в естественный ход этногенеза. Повторим, не политическое, не военное и даже не культурное, а именно этническое вмешательство, когда в естественный ход вещей вторгается чужая ментальность! (На что, увы, до Гумилёва историки почти не обращали внимание.) В результате по России был нанесен двойной удар. Первый – по Церкви – духовной основе. Второй – по мозгам дворянства – основе государства. Через сто лет это вылезло боком.

Итак, третий максимум пассионарности в акматической фазе приходится у нас на вторую половину XVIII – начало XIX века, от Елизаветы Петровны до Николая I. Последний, мощный всплеск пассионарности мы наблюдаем во время Отечественной войны 1812 года.

Лучшая в мире армия Наполеона превосходила русскую армию более чем в два раза, но была разбита. Французы, придя в Россию, сначала удивились, а потом растерялись: почему русские воюют не по правилам? В Европе, которая находилась в фазе инерции, уже давно воевали по правилам: воюют только армии, население сидит по домам и ждёт кто победит. (Тем более, что это были войны внутри «своего» суперэтноса.) А в России простые мужики вдруг схватились за топоры и стали бить захватчиков. Более того, при отступлении русские применили совершенно незнакомую европейцам тактику выжженной земли – жгли и уничтожали всё, что необходимо было наполеоновской армии: хлеб, скот, фураж, свои жилища. Крестьяне уходили в леса целыми деревнями, становились партизанами. Занятая Наполеоном Москва была подожжена по приказу русского командования…

Французы были настолько поражены и обескуражены поведением русских, взявших в руки «дубину народной войны», что не нашли ничего умнее, как объявить на весь мир, что во всех их бедах виноват ужасный «русский мороз»…

Делаем вывод. Если посмотреть на весь акматический период XVI – XVIII вв., то мы увидим, что за это время была совершена грандиозная по объёму работа, затрачена колоссальная энергия и одержаны великие победы! Из небольшого Московского государства выросла мощная Российская Империя.

Ни один народ в истории не достигал такого размаха в освоении пространств. Меньше чем за столетие была пройдена и освоена вся Сибирь. К концу XVII в. русские прочно закрепились на побережье Тихого океана. Тогда же, после войн с Польшей, была окончательно присоединена Восточная (Левобережная) Украина. В XVIII в. завоеваны: Прибалтика, Белоруссия, Правобережная Украина, Причерноморье, Крым. В XIX в. (по инерции) присоединяются Кавказ и Средняя Азия.

Конечно, такой мощной экспансии способствовало и географическое положение. В отличие от тесной Западной Европы, где избыточные пассионарии толкались локтями и убивали друг друга, наши пассионарии устремлялись на малонаселённые окраины – Дон, Волгу, в Сибирь – до Аляски. Поэтому в России в акматической фазе не было такой длительной и напряжённой борьбы между феодальной знатью, как в Западной Европе. У нас междоусобицы ограничились погромами опричнины и разбоем Смутного времени.

Однако в середине XVII века раздоры потрясли духовную основу государства – Православную Церковь. (И здесь мы можем провести параллель с историей Византии, где в акматической фазе шли жестокие богословские бои с еретиками (Вселенские соборы IV – VII вв.).) В 1653 году патриарх Никон провел церковную реформу, целью которой было исправление обрядов и богослужебных книг по греческому (вселенскому) образцу. Прежде всего, вместо двоеперстия было введено троеперстие. На взгляд современного человека – ничего страшного, реформа как реформа: крестились двумя перстами, теперь будем креститься тремя. Но тогда это вызвало целую бурю. Фаза-то была акматическая, религиозное напряжение – высочайшее. В результате вера в Святую Русь – «Третий Рим» – зашаталась. Многие люди отказались принять новый порядок, и ушли в леса. Так появились старообрядцы. Их духовным вождём стал «неистовый протопоп» Аввакум. На преследования властей раскольники ответили самосожжением. Они закрывались в деревянных храмах и все, от мала до велика, принимали «огненное крещение». За период 1670 – 80-х гг. от «гарей» и «самоуморения» погибло около 20 тысяч человек (!). После долгих гонений был казнён и сам Аввакум. Его сожгли в срубе.

Гумилёв относит старообрядцев к субэтносу. Но, очевидно, что если это и был субэтнос, то весьма своеобразный: раскольники разительно отличались от таких субэтносов, как казаки или поморы. Значительная часть старообрядцев, по сути, выпала не только из социальной, но и из этнической системы,

поскольку решительно противопоставила себя всем остальным русским. Спрятавшись в лесах (беспоповцы), они перестали работать на общее дело: в армии не служили, налогов платить не хотели, царя считали антихристом, а весь православный мир – греховным. Более того, старообрядцы принимали самое активное участие во всех *антиправительственных* мятежах – от разинского бунта 1670 г. до революций 1905 – 1917гг. Известно, что в начале XX века миллионеры Морозовы, Мамонтовы, Рябушинские были спонсорами революционеров-террористов, а выходец из старообрядцев Гучков возглавил заговор против царя!

Получилось, что вместе с раскольниками русский этнос не только потерял значительную долю своей пассионарности (как система), но и получил первых серьезных диссидентов (в своей радикальной части – антисистема). За церковную реформу пришлось заплатить дорогую цену. Повторим, что раскол русского этноса, вылившийся в череду революций начала XX века, уходит корнями в ту далекую, допетровскую эпоху.

Но «интересен вопрос… почему политику Никона поддержали и большинство прихожан, и собор, и царь Алексей? С этнологической точки зрения, ответ очень прост. Сторонники Аввакума отстаивали превосходство местного варианта православия, сложившегося в Северо-Восточной Руси в XIV веке, над традицией вселенского (греческого) православия. «Древлее благочестие» могло быть платформой для узкого московского национализма…. С точки зрения Аввакума, православие украинцев, сербов, греков было неполноценным. Иначе за что же Бог покарал их, отдав под власть иноверцев? Православие Аввакума, таким образом, не могло быть *связующей основой суперэтноса,* как скопления близких, но разных народов… И царь и патриарх прекрасно понимали сию тонкость. Поэтому, стремясь к росту и расширению своей власти, они ориентировались на вселенское православие, по отношению к которому и православие русских, и православие украинцев, и православие сербов были не более чем допустимыми вариациями.

Именно в установлении вселенского характера русского православия состоит историческая заслуга патриарха Никона», – писал Гумилёв.

Однако сам Никон кончил плохо. Типичный пассионарий, как и Аввакум, он обладал крутым нравом и безмерным властолюбием. Он захотел стать равным по власти царю. Даже более того, – возвысить «священство над царством»! Никон не желал понять, что его идея теократии совершенно не вязалась ни с православной традицией «симфонии властей», ни с русской действительностью, требующей усиления государства. Это был тот случай, когда избыток энергии взял верх над разумом… Действуя по пассионарному принципу «или всё, или ничего», Никон оставил место патриарха (но патриарших регалий не бросил) и удалился в ближний монастырь. Царь Алексей Михайлович, хотя и имел прозвище «Тишайший», на поклон к нему не поехал. Борьба Никона за патриаршество продолжалась еще много лет. В конце концов, он был лишён сана и сослан в северный монастырь простым монахом...

Избыточная пассионарность в XVII веке направлялась не только на завоевательные войны, освоение новых территорий и столкновения на религиозной почве. Русские люди тогда любили побунтовать. А иногда и поразбойничать. Недаром XVII век называют «бунташным». Это – «Соляной», «Медный», «Стрелецкий» бунты в столице; казацко-крестьянская война под предводительством Степана Разина на Волге. Затем, в XVIII веке, мощное выступление Кондратия Булавина и страшный бунт Емельяна Пугачёва... Это была борьба не за свободу, а за «волю», – это было буйство народной стихии. *«На одном краю – топор, на другом – икона»* – сказано про русского человека из горячей акматической фазы.

Все эти потрясения наложили глубокий отпечаток на характер русского народа. И когда нам говорят о противоречивости русской души – анархо-государственнической по своей структуре – надо помнить, что корни этого кажущегося противоречия уходят в ту самую эпоху. Русский мужик терпел гнёт государства до последнего, но если уж сбрасывал ярмо, то превращался в свирепого зверя – в грабеже и погромах доходил до исступления.… Потом, устав от буйства, раскаявшийся мужик сдавался властям и, после порки, опять впрягался в то же ярмо. Ну, а самые непокорные, т. е. пассионарные, или теряли свои головы, или бежали дальше – на южные и восточные окраины, в Сибирь, до самого Тихого океана. Где «до бога высоко, до царя далеко»… (Это к вопросу о «стихийной колонизации» свободных земель.)

Итак, используя метод Гумилёва, можно констатировать, что в бунтах и волнениях XVII-XVIII вв. происходит **столкновение двух сил, двух пассионарных потенциалов** – государства (правящего дворянского класса) и наиболее активной части народа (в основном казачества). Государство в этой борьбе закономерно побеждает полуанархическую вольницу – оно сильнее.

Однако уже в XIX веке картина меняется. Государство начинает сдавать свои позиции – пассионарное напряжение в правящем классе резко (в длинном, историческом времени) снижается. Если в 1812 году русские дворяне ещё отлично воюют, то к концу XIX века они уже не те. Вместо того чтобы исправно служить Отечеству или заниматься хозяйством, многие дворяне начинают скучать и задаваться «русскими» вопросами: «Кто виноват?», «Что делать?», «Куда идти?». Они перестают верить в Бога и начинают верить в «прогресс». А некоторые – даже в «освобождение». (Как, например, русский западник Тургенев.) Но это ещё самые активные. Большинство же бесславно заканчивает на диванах обломовых и в заброшенных садах раневских. Рыба, как известно, гниёт с головы...

В конце концов, государственная власть теряет былую силу, и старая дворянская элита закономерно сметается поднявшейся в 1917 году мощной пассионарной волной. Но мы забежали вперёд. Это относится уже к следующей фазе.

Если царство разделится само в себе,
не может устоять царство то.
(*Мк. 3:24*)

Фаза надлома (болезнь этноса)

После бурной акматической фазы, которая «и греет и сжигает» наступает усталость. «Пассивное большинство членов этноса, вдоволь настрадавшееся от честолюбивых устремлений своих сограждан, формирует новый императив: «Мы устали от великих!» – и дружно отказывает в поддержке соплеменникам, желающим быть героями», – писал Гумилёв.

Любой фазовый переход, как мы помним, характеризуется сменой стереотипа поведения. Фазу надлома в этом смысле можно рассматривать как длительный, **болезненный процесс трансформации героического и религиозного стереотипа поведения акматической фазы в мещанский, прагматический стереотип поведения фазы инерции.**

Фаза надлома характеризуется резким уменьшением количества пассионариев и *увеличением числа субпассионариев.* Субпассионарии в составе этноса есть всегда, но при наличии пассионариев они не видны. Они проявляют себя, когда этнос слабеет (как вши в голодное время). «Субпассионарии затрудняют, а то и сводят на нет усилия людей творческих и патриотичных, которых они зачастую просто убивают», – писал Гумилёв. В то же время самим субпассионариям никто не мешает размножаться. «Идеалы патриотизма, ревности к вере, влюбленности в культурную традицию утрачиваются, что делает этносоциальную систему беззащитной».

Вследствие резкого снижения пассионарности, снижается и сопротивляемость этнической системы. **Иммунитет падает, национальный организм болеет.**

Фаза надлома – самый тяжёлый период в жизни этноса. Хуже только в обскурации. Это эпоха кризисов, гражданских войн, революций. Самое неприятное, что в данной фазе этнос теряет внутреннее единство, те самые *системные связи,* которые повышают сопротивляемость любым ударам, как извне, так и изнутри. Здесь мы наблюдаем действие природного закона: вследствие потери энергии, удерживающей до момента надлома этническую систему (уже неоднородную) в состоянии равновесия, происходит **раскол этноса** на две-три части, которые начинают люто враждовать и воевать между собой. В Европе это католики и протестанты, в России – красные, белые, зелёные. Брат идёт на брата. Народ начинает пожирать сам себя. И в этой борьбе, в первую очередь, погибают пассионарии, которые, примкнув к тому или иному лагерю, убивают друг друга в гражданских войнах. Таким образом, раскол этноса вызывает жесткую конфронтацию между людьми; вначале на уровне *ощущений* («ну, не нравятся они мне!!»), и уже потом – на уровне идеологий.

Возникает вопрос: в чём же причины такой взаимной ненависти? Ведь и те, и другие принадлежат к одному этносу. (А нередко бывало, что и к одной семье, где один брат – за белых, другой – за красных.) Для объяснения этого явления Гумилёв вновь прибегает к гипотезе *этнического поля*: «В результате спада пассионарного напряжения, этническое поле раскалывается на две половины *с разными ритмами*. В таком расколе вероятно и заключается то внутреннее содержание фазы надлома, которая приводит к утрате ощущения единства внутри суперэтноса».

Важно подчеркнуть, что в фазе надлома вместе с пассионарностью резко падает и религиозное напряжение. Слабеет вера, снижается авторитет и влияние официальной церкви. На этой почве расцветают различные секты и лжеучения. Появляются многочисленные богоборцы и ниспровергатели основ – нигилисты. Размываются национальные традиции, падает мораль, теряется уверенность в будущем. Это – глубокий духовно-нравственный кризис…

Если же раскол этнического поля сопровождается активным проникновением чуждых культурных влияний и идей, то отрицательная нагрузка на этнос резко возрастает.

Фаза надлома – самая опасная фаза в жизни любого этноса (суперэтноса). Если больной этнос окружён недружественными пассионарными соседями или подвержен атакам внутренних врагов (либо и то и другое вместе), то всегда есть вероятность его завоевания и даже распада, как целостной системы. Некоторые народы, как уже говорилось, не доживали до своего естественного конца. Когда организм ослаблен – болезнетворные микробы всегда найдутся. Вопрос в том, сколько их? В каких-то этносах их больше, в каких-то меньше. Где-то микробы более активны, где-то менее…. Тут уж, кто кого.

Однако надо заметить, что наряду с отрицательными явлениями в этой фазе имеются и некоторые положительные моменты. Резкое снижение пассионарности ведет к *упрощению* этнической системы, а упрощение системы, по Гумилёву, влечет за собой выброс свободной энергии. Действительность надлома порой так неприятна, что многие ищущие натуры направляют эту энергию в творчество. Пассионарность в этой фазе хотя и не очень высокая, но и не маленькая. Большая ее часть направляется на идейную борьбу и внутренние войны, но какая-то часть энергии находит выход в искусстве, литературе, науке. В эту эпоху, как правило, происходит расцвет высокой классической культуры. В Европе это период от эпохи Возрождения до XVIII века (у них подъём культуры начался раньше – ещё в акматической фазе). В России это «Золотой» и «Серебряный» век русской культуры, и достижения Советской культуры.

В Западной Европе надлом выпадает на конец XIV – начало XVII вв. Одни европейские этносы входят в эту фазу раньше, другие позже. В среднем же надлом продолжается около 150 лет, эта фаза короче других (см. приложение А). Гумилёв писал: «Первая половина этой фазы носила в Европе название «Возрождение», хотя по сути дела была вырождением, вторая называлась Реформацией, которая была не только перестройкой устарелых воззрений, но и поводом к жуткому кровопролитию». С точки зрения

этнической истории – «Возрождение – это не подъем, а спад от перегрева до оптимума, – с одной стороны. А с другой стороны, – это очень тяжелое время. Если в средние века, в эпоху перегрева, в эпоху стремления к победам народ умел своих властителей держать в норме; то в период надлома он оказался бессильным. Без пассионариев все были беззащитны».

Пик европейского надлома приходится на эпоху Реформации (XVI в). Гражданские войны в этот период ведутся под религиозными знамёнами. Западная Европа раскалывается на два лагеря – католиков и протестантов. В течение многих десятилетий между ними идёт жуткая резня. Последней из надлома выходит Германия, которая теряет за тридцатилетнюю войну (1618-1648гг.) около 75 процентов (!) своего населения.

Интересен вопрос о том, по какому принципу происходило разделение европейцев на католиков и протестантов. Религиозное напряжение в Европе к XVI веку уже упало, и большая часть населения относились к религии довольно равнодушно. Поэтому главная причина раскола заключалась не в спорах о богословии (в котором подавляющее большинство людей ничего не понимало), а в том, что «каждый толком не зная, за что он, точно знал, против кого он». Гумилёв приводит в пример Францию: «Северо-западная часть страны населена кельтами; кельты ненавидят Париж, а в Париже католики, следовательно, в Вандее – гугеноты. Юго-западная – населена гасконцами, гасконцы ненавидят Париж – гугеноты. На юге провансальцы живут; они к XVI-XVII вв. довольно вяло относятся к Парижу – и Прованс не участвует активно в религиозных войнах… Центральная часть Франции, захваченная еще за тысячу лет перед этим франками, – сплошь католики.

Социальной системы здесь нет; система здесь, видимо, была чисто психологическая. Сложились два психологических рисунка, которые оказались несовместимы друг с другом».

В надломе, при спаде пассионарности резко меняется соотношение между пассионариями и не пассионариями. Пассионариев становится мало, но те, которые выживают, получают большое преимущество, поскольку не имеют в своей среде конкурентов. Поэтому они могут активно влиять на всех остальных членов этноса. И такие пассионарии-проповедники, как Лютер, Кальвин, Цвингли, Мюнцер, Иоанн Лейденский и другие, увлекают за собой огромные массы людей. В этническом смысле Реформация – «это снижение пассионарности, при наличии отдельных пассионариев, которые могут сделать то, что в предыдущую фазу – могло сделать большинство».

Европа в период надлома теряет огромное количество энергии и становится почти бессильной. Но от внешних врагов ее спасает выгодное географическое положение. Ведь Западная Европа – это большой полуостров на самом краю континента, защищенный с трех сторон естественной границей – морем. Со стороны суши ей в XVI – XVII вв. угрожала только Турция, которая, вступив в фазу перегрева, повела широкое наступление с юго-востока. Турецкие войска, захватив Венгрию, дошли до Вены, но были остановлены с помощью «отсталых» поляков. (Кстати сказать, надлом в Европе оказался на руку не только туркам, но и русским. Пока все силы Западной Европы были

замкнуты на себя и взаимоуничтожались, две страны-ровесницы: Россия и Турция успели набрать большую силу. Потом они довольно долго будут воевать на равных.)

Когда же надлом в Германии кончился, Западная Европа благополучно вступила в фазу инерции. Она вновь стала неуязвимой и агрессивной, «но очень мало похожей на саму себя в предшествующий период. *Из рыцарской она превратилась в торгашескую*». Католики и протестанты очень скоро забыли старую вражду и дружно начали просвещаться. А христианская религия с XVIII в. уступила место «религии прогресса».

Если Западная Европа пережила свой надлом почти без потерь со стороны внешних захватчиков, то в Османской империи все кончилось гораздо хуже. Турция, как и Россия, вступила в фазу подъема в XШ веке. Завоевав огромные территории, Турция к середине XVII в. превратилась в мощную державу. Но уже с конца XVII в. Османская империя стала терпеть поражения от соседей и терять свои провинции одну за другой. В конце XVIII в. наступил надлом и все стало быстро разлагаться (Турцию тогда называли «Больным человеком»). В начале XX века Османская империя развалилась. В страну вошли англо-французские и греческие войска.

В чем причины такого быстрого упадка? Даже в условиях надлома? Главной причиной, говорил Гумилёв, стало **переусложнение системы** из-за большого прилива иностранцев, которые поступали на службу к турецкому султану. Сначала это были янычары, набранные в основном из балканских славян, затем, с созданием флота, – арабы, итальянцы, французы и многие другие. На турецкую службу поступали даже поляки и немцы. Многие из иностранцев занимали высокие должности в армии и государственном аппарате. После включения в состав империи армян система переусложнилась и потеряла устойчивость. Получилась *химера*, поскольку и европейцы, и балканские славяне, и армяне принадлежали к разным суперэтносам. Поэтому войти в имеющуюся этническую систему никак не могли.

Пока пассионарность была высокая, эта химерная конструкция держалась, но когда наступил надлом и уровень пассионарности резко снизился – все посыпалось. От полного распада Турцию (как и когда-то Византию в XIII веке) спасла более пассионарная провинция. В последний момент с гор спустились «дикие» туркмены и выгнали захватчиков из страны. Они восстановили Турцию в тех границах, которые существуют до сих пор. Из империи Турция превратилась просто в страну. И то, ей сильно повезло – произошла регенерация этнической системы.

В завершение экскурса остается добавить, что в Древнем Риме фаза надлома пришлась на период гражданских войн (II – I вв. до н. э.), а в Византии – на эпоху иконоборчества (VIII – первая пол. IX вв.). В первом случае надлом занял около 100 лет и привел к многочисленным людским жертвам, во втором – он растянулся почти на 200 лет и вылился в жесточайший церковный раскол между иконоборцами и почитателями икон.

А что же Россия? О фазе надлома в России Гумилёв почти ничего не писал, руководствуясь, видимо, не только своим правилом – дальше XVIII века не заходить, но и тем, что в советское время его бы, мягко говоря, не поняли. Только в нескольких интервью, данных в последние годы жизни, он кое-что (совсем немного) сказал об этом периоде.

Возьмём на себя смелость, используя метод Гумилёва, самостоятельно разобраться в том, что же происходило с нашей страной в эту кризисную эпоху. При этом, следуя методологии этногенеза, мы обязаны сосредоточить внимание на *внутренних,* объективных причинах тех катастрофических событий, которые выпали на долю России в «надломном» двадцатом веке. Тем более что о пагубном влиянии внешних врагов и их агентов внутри страны уже написана большая литература. Это необходимо сделать еще и потому, что сегодня вопрос «Кто виноват?» стоит перед нами точно так же, как и сто лет назад.

Россия вступает в фазу надлома в первой половине XIX века, приблизительно в 1820 – 30-е гг. Первым звоночком было восстание декабристов в 1825 году. «Надлом шёл весь XIX век, и всё ниже и ниже… в начале XX столетия наступила пассионарная депрессия», – говорил Гумилёв. (Можно добавить, что следующая депрессия наступила в конце XX века). Писатель Лесков одной фразой показал различие между старой, героической, и новой, «надломной» эпохой в России. Он писал в 1879 году: «Все тогда было величественно, степенно и серьезно, под стать тому доброму и серьезному времени, часто противопоставляемому нынешнему времени не доброму и не серьезному».

К середине XIX века проявляются первые симптомы болезни национального организма: непорядок во власти, непорядок в умах, непорядок в отношениях между классами. Неожиданное для всех поражение в Крымской войне 1853 – 1856 гг. (после двухсот лет побед в акматической фазе!) явилось следствием этого нарастающего непорядка.

В это время становится заметным самый яркий признак надлома – **раскол этноса на враждующие группировки с резко отличающимися стереотипами поведения и ментальностью**. Начало этого уже видимого раскола было положено декабристами, затем продолжилось противоборством западников и славянофилов, потом борьбой либералов и консерваторов, ну а там – пошло-поехало… вплоть до революций 1905 – 1917 гг. и гражданской войны между белыми и красными.

К середине XIX века проявляется еще один характерный признак надлома – отрицание традиционного уклада и «поиски новой почвы». В связи с этим у некоторых русских людей притупляется, а то и вовсе теряется чувство Родины (национальной идентичности). Среди «образованных» людей появляется все больше и больше антипатриотов.

Сравните. В конце XVIII века, на закате героической эпохи, великий русский полководец Суворов восклицает: «Я русский! Какой восторг!»… В начале XX века философ Розанов замечает: «У француза – «милая Франция», у

англичан – «старая Англия», у немцев – «наш старый Фриц». Только у прошедшего русскую гимназию и университет – «проклятая Россия».

Как же удивляться, что всякий русский с 16-ти лет пристает к партии «ниспровержения государственного строя…»

И здесь надо подчеркнуть, что в России начало фазы надлома почти совпадает с усилением западного влияния (которое «накапливалось» весь XVIII век.).

Особенностью нашего надлома явилось то важное обстоятельство, что на запрограммированный, «домашний» раскол русского этноса наложилось незапрограммированное вторжение чуждой европейской идеологии.

Это обстоятельство еще больше обострило внутриэтнические противоречия и усилило накал борьбы между враждующими лагерями. **Контакт на суперэтническом уровне дал отрицательный результат**. Заимствованные у романо-германского Запада *языческая* культура и *протестантско-просветительская* идеология внесли смуту не только в умы, они внесли смуту в сам исторический процесс…

Активизация культурного влияния западного суперэтноса на русское «образованное общество» происходит, как мы помним, еще при немке Екатерине II, которая, заигрывая с любезной ей Европой, начинает «просвещать» отсталую Россию. В это же время, со второй половины XVIII века, набирает силу просочившееся с Запада масонство. (Первые масоны появляются еще при Петре I и организуются при Анне Иоановне.) Тогда-то и выходят на сцену наши первые либералы-демократы – Новиков и Радищев. Они призывают сбросить оковы рабства и устроить все на французский манер. При мягкотелом царе Александре I (в молодости – республиканце) западный либерализм в России набирает серьезную силу. В правящей элите, в которую с подачи Александра вливается множество немцев, окончательно складывается прозападная антипатриотическая партия. С этого момента начинается почти неприкрытая борьба антинационального с национальным в России. Русского с антирусским. В стране впервые за всю ее историю возникает «русский вопрос». Подчеркиваем – впервые!

Поскольку этот вопрос не потерял своей актуальности до сего дня, остановимся на нем подробнее.

Что такое просвещенный русский дворянин начала XIX века? Он одевается во все французское, говорит и пишет по-французски лучше, чем по-русски и знает французскую литературу лучше самих французов. Все бы ничего, но беда в том, что многие аристократы идут дальше – они начинают не только говорить, но и *думать* по-французски. И при этом не любить все русское. Как, например, декабристы-масоны, мечтавшие переделать Россию в республику; или «философ» Чаадаев, который в 30-х годах XIX века пришел к выводу, что Россия – это совершенно дикая страна, которая ничего не дала миру, что это какой-то зигзаг и недоразумение в мировой истории. (Потом, правда, он опомнился… После того, как Николай I официально объявил его сумасшедшим.)

Одним из первых этот непорядок в умах заметил и описал Пушкин: «Она по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала, / И выражалася с трудом / На языке своем родном…/ - и в другом месте - /Ты просвещением свой разум осветил, / Ты правды чистой свет увидел, / И нежно чуждые народы полюбил, / И мудро свой возненавидел»…

Переболев в молодости «революционностью» (и даже, недолго, модным тогда масонством), Пушкин не только заметил эту антинациональную линию в высшем обществе, но и пытался с ней бороться. Поздний Пушкин – это убежденный патриот, активно выступающий против внешних и внутренних врагов Отечества. Существует убедительная версия, что именно за это его и убили.

У современника Пушкина Грибоедова читаем: «Ах! Если рождены мы все перенимать, / Хоть у китайцев бы нам несколько занять / Премудрого у них незнанья иноземцев. / Воскреснем ли тогда от чужевластья мод? / Чтоб умный, бодрый наш народ / Хотя по языку нас не считал за немцев».

Трагедия позднего Гоголя так же связана с нарастающим противоборством национального с антинациональным в России. Пока молодой Гоголь мягко критиковал существующий порядок, либералы его терпели и даже хвалили, но как только он перешел на консервативные позиции, его стали травить. Первым начал Белинский, написавший знаменитое «письмо к Гоголю». Затем на писателя набросились все остальные «передовые люди» того времени. Национальный писатель Гоголь, защищающий православие и самодержавие был объявлен либералами полусумасшедшим реакционером. Эта травля надломила Гоголя и приблизила его смерть.

В эпоху «великих» либеральных реформ Александра II (60 – 70-е годы XIX в.) антирусская партия резко набирает силу. К прозападному дворянству присоединяется либеральная интеллигенция, которая в эту пору сильно разрастается. Признаком хорошего тона считается не верить в Бога, ругать все русское и восторгаться цивилизованной Европой. В это время на смену германо- и франкофилам приходят англоманы. Вместе с социальным нигилизмом нарастает *нигилизм национальный*. Среди «образованных» русских людей появляются оголтелые русофобы. Тютчев, который был не только поэтом, но и выдающимся мыслителем писал в 1867 году: «Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это русофобия некоторых русских людей – кстати, весьма почитаемых…». И далее он пишет о том, что если при Николае I эти люди оправдывали свою нелюбовь к России отсутствием свобод, то при Александре II, когда свободы стало гораздо больше, их ненависть к России только усилилась.

Достоевский, так же переболевший в молодости либерализмом, писал о том времени: «Все эти убеждения о безнравственности религии, семейства… все эти идеи об уничтожении национальности… во имя всеобщего братства людей. О презрении к отечеству – все это были такие влияния, которые захватывали наши сердца и умы»… Здесь мы видим стандартный набор нигилиста эпохи надлома – атеизм, антипатриотизм, отрицание семьи,

отрицание русского традиционного уклада. Это и есть признаки этнической болезни.

Таким образом, российский либерализм, который к началу XX века становится реальной политической силой, имеет уже не столько социальный, сколько *антинациональный* оттенок (в отличие от либерализма европейского – тогда менее «антинационального»). Достоевский говорил, что либералы считают своим всякого, кто стыдится прошлого России, кто считает что Россия – это «ошибка истории». Он писал о той «либеральной пене», которая поднялась на волне освободительных реформ: «Дрянненькие людишки получили вдруг перевес, стали громче критиковать все священное, тогда как прежде и рта не смели раскрыть…». За 40 лет до февральской революции 1917 г. великий писатель-патриот предрек, что Россию погубит не революционер с бомбой, а наш доморощенный либерал. Так и случилось. Большая часть нашей правящей элиты и почти вся русская интеллигенция к началу XX века оказались заражены вирусом *смердяковщины*. Кто-то больше, кто-то меньше…

И здесь надо заметить, что вирусы подобного рода имеются в национальном организме всегда, однако, до поры до времени, высокая пассионарность не дает им размножаться. Те же контакты с Западом у нас не прерывались никогда, и с XV века на русскую службу поступали иностранные специалисты из Европы. Но пока европейское культурное влияние было дозированным, пассионарность высокой, а уровень образования низкий, проникновение «западной ереси» строго пресекалось. В надломе же стало все наоборот… и с европейским влиянием, и с пассионарностью, и с образованием. (Недаром Лев Толстой говорил, что много читать – вредно.)

Гумилёв писал, что **при смене фаз этногенеза, особенно при переходе из акматической фазы к надлому, этническая система становится совершенно беззащитной.** «Системные связи разрушаются, происходит их перестройка... Стереотип этнического поведения заметно модифицируется и поэтому легко деформируется. Это является причиной химеризации части этноса в зоне контакта (с некомплиментарным суперэтносом. – Авт.), т. е. разрушения стереотипа как такового». Обратим внимание на это важнейшее положение Гумилёва. Из него следует, что войдя в фазу надлома, большая часть русского дворянства и интеллигенции вместо традиционного стереотипа поведения (разрушенного) получили **деформированный** стереотип-химеру либерального типа, что и привело их к неадекватным действиям и, в конечном счете, к изгнанию из страны, а кого-то – к гибели…

В середине XIX в. в России происходит промышленный переворот. С 1860-х гг. начинает бурно развиваться капитализм. Экономика пореформенной России начинает встраиваться в мировую экономическую систему, которая в это время уже в значительной степени контролируется *наднациональным* финансовым капиталом – «Фининтерном» (или по-старому – «мировым империализмом»). Это обстоятельство изначально ставит российскую экономику и финансы в невыгодное, потенциально зависимое положение.

В отличие от Европы, где капиталистический уклад формируется постепенно (с XVI в., а где-то и раньше), у нас он растет резко и с большими перекосами. Опять надо догонять европейцев – нужна современная техника и вооружение. Поэтому капитализм насаждается сверху государством, подталкивается искусственно. Всё это ещё больше обостряет внутренний разлад. Классовая структура резко меняется, многие люди теряют под собой привычную почву. Растущая как на дрожжах буржуазия с одной стороны теснит и разоряет дворян, с другой – крестьян. Из этих двух некогда основных классов общества выпадает множество людей. Значительная часть деклассированных элементов оседает «на дне». К началу XX века резко усиливается разрыв между богатыми и бедными. Раздражения добавляет невиданная доселе, грубая и наглая роскошь новорусских капиталистов, многие из которых еще недавно были такие же мужики «как все».

Второй важнейшей особенностью русского надлома является тот факт, что бурный рост капитализма и вызванные им жесточайшие классовые противоречия резко обостряют развивающуюся естественным путем этническую болезнь. В результате получается не просто болезнь, а очень тяжелая болезнь.

С точки зрения этногенеза, глубинное противоречие этой эпохи, заключается в том, что капитализм (как часть *мирового процесса*) уже появился в России и требует быстрого развития, а подходящих для этого строя людей – с буржуазным стереотипом поведения – у нас ещё недостаточно. Они преобладают в следующей фазе – инерции. Они не появятся у нас в нужном количестве и к началу XX века.

Столыпин в своей аграрной реформе делал ставку на русского буржуазного человека (кулака), но поскольку таковых оказалось немного, его реформа забуксовала. Можно сказать, что из-за *недостатка буржуазности* в России проваливаются все буржуазно-демократические революции начала XX века. И после Октября 1917г. опять приходится прибегать к привычным коллективистским формам хозяйства и внеэкономическим методам принуждения. (Подробнее о развитии русского буржуазного человека в главе «Почему мы никак не построим правильный капитализм?».)

В середине XIX века в России появляются первые русские революционеры. Именно – русские, инородцы примкнут позже. Яркий пример национального революционера – Л. А. Тихомиров, в молодости – народник-идеалист, в зрелости – убежденный монархист... Гумилёв тему революционного движения в своих трудах почти не затрагивал, но если рассматривать революции в контексте гражданских войн, то очевидно, что в *докапиталистическую* эпоху катализатором этих потрясений был именно этнический фактор. То есть – раскол этноса, приводящий к ожесточенной внутренней борьбе. Затем по мере развития капитализма и формирования мировой финансовой олигархии (в XVII – XX вв.) добавились еще два фактора: классовый (буржуа-пролетарий) и «фининтерновский» (спонсоры-заказчики революций). Эти глобалистские факторы революций серьезно потеснили этнический фактор, но не отменили его. (Если посмотреть на марксизм с точки

зрения этнологии, то мы увидим, что космополит Маркс, почти лишенный национальной идентичности, подменяет глубинный этнический фактор, поверхностным – классовым. Однако, надо заметить, что в надломе эти факторы могут совпадать (борьба традиционного и буржуазного человека – коллективиста и индивидуалиста)).

Если оценивать революционное движение не с привычных социально-экономических позиций, а с точки зрения этногенеза то мы обнаружим, что революционеры возникают на сцене истории тогда, когда этническая система выходит из состояния равновесия. Особенно это характерно для фазы надлома. Революционное движение есть инстинктивная реакция на обострение болезни этноса. Революционеры являются одновременно индикатором и катализатором этой болезни. Они – за радикальное лечение. (Это – национальные революционеры, антинациональные – за радикальное уничтожение.)

В условиях пореформенной России вопрос о выборе подходящей революционной идеологии решается очень быстро. На Западе давно изобретены и уже импортированы в Россию все необходимые идеологии: социализм, марксизм, анархизм, либерализм. Выбирают по вкусу.

По поводу заимствования чужих идей Гумилёв писал: «**Идеологические воздействия иного этноса на неподготовленных неофитов действуют подобно вирусным инфекциям, наркотикам, массовому алкоголизму. То, что на родине рассматривается как обратимое и несущественное отклонение от нормы, губит целые этносы, не подготовленные к сопротивлению чужим, завлекательным, опьяняющим идеям»**. Здесь надо подчеркнуть – «завлекательным». Гумилёв это писал по поводу разлагающего воздействия идей гностицизма в античную эпоху, но, право, параллели напрашиваются сами собой. Особенно если говорить об идеологии либерализма, возросшей на идеях Просвещения (массовый интеллигентский психоз второй половины XIX в. – начала XX в., и «перестроечный» рецидив конца 80-х – начала 90-х гг. XX в.). Известный консерватор Катков писал о том пореформенном, «либеральном» времени: «Есть какая-то искусственно вносимая в наш организм немощь, есть какое-то *постороннее зло*, которое ко всему у нас прилепляется, парализуя силу и порождая явления болезненные. Есть, очевидно, роковое несогласие между нашей интеллигенцией и действительностью… Как только заговорит и начнет действовать наша интеллигенция, мы падаем».

Во второй половине XIX века в «образованном обществе» резко усиливается раскол между двумя лагерями: консерваторами-почвенниками и либералами-западниками (их большинство). Либералы набирают силу в период демократических реформ Александра II. Затем следует реакция консерваторов-монархистов, которые немного отыгрывают назад при Александре III. После его смерти, при последнем императоре Николае II, опять наступает очередь либералов. Параллельно с этим, с конца XIX века, набирает обороты третья сила – революционеры. Власть в лице Победоносцева, а позже Столыпина, пытается остановить нарастающий распад, приструнить либералов и подавить революционеров. (Победоносцев: «Россию надо подморозить, чтобы она не

гнила». Столыпин: «Вам нужны великие потрясения – нам нужна Великая Россия!») Но защитникам самодержавия не на кого опереться – правящий класс, растерявший золотой запас *пассионариев-патриотов*, стремительно дегенерирует.

Наиболее яркие признаки этого гниения верхов: отрыв от родной почвы, безбожие, и как следствие – аморализм, тотальная коррупция и кумовство на всех властных этажах. Происходит **олигархизация власти**. Это главный результат политики «буржуазной модернизации» по Александру II. (Поэтому Александра II так любят современные либерал-реформаторы.)

Правящая элита окончательно превращается в паразита, причём, слабого паразита. Она уже не может обеспечить безопасность страны. Позорное поражение в русско-японской войне (1904 – 1905гг.) – яркое тому подтверждение. Любая власть проверяется на прочность именно во внешних войнах. «История старой России состояла…в том, что ее непрерывно били», – скажет позже товарищ Сталин, имея в виду поражения в Крымской и Японской войнах и неудачи в Германской войне.

Во время войны с Японией большинство либеральной публики желает поражения собственной стране. В 1905 году, после страшного разгрома русского флота при Цусиме, группа воинствующих либералов посылает японскому императору телеграмму, в которой поздравляет того с победой (!). Дальше, как говорится, ехать уже некуда.

Важно еще раз отметить, что к началу XX века в стране не только сформировалась мощная либеральная оппозиция власти, но *либерализовалась и европеизировалась* сама власть – правящая дворянская элита. Начался этот процесс, как уже упоминалось, в XVIII веке и шел весь XIX век. По этому поводу известный «реакционер» николаевской эпохи (1825 – 1855 гг.) граф Уваров очень точно заметил: «Наши революционеры или реформаторы произойдут не из низшего класса, а в красных и голубых лентах». Имелось в виду высшее чиновничество.

И здесь надо особо подчеркнуть, что за *двести лет* европеизации дворянская элита была у нас изрядно разбавлена иностранцами. Уже при Александре I, либерале и германофиле, почти все лучшие должности в управлении были заняты немцами. Известен случай, когда герой 1812 года генерал Ермолов подал рапорт на имя Александра I: «Прошу Ваше Императорское Величество за перечисленные здесь подвиги произвести меня в немцы». А следующий император Николай I, бывший, по отзывам современников «типом прусского офицера», говорил: «русские дворяне служат России, а немецкие – мне». Его внук Александр III, который, являя собой исключение, был «настоящим русским царем», очень расстроился, когда в юном возрасте узнал, что русской крови в нем почти нет. Однажды он просматривал список генералов. Читает: первый, второй, третий… – все немецкие фамилии – десятый – генерал-майор Козлов. – «Ну, наконец-то!»

История XIX в. показала, что если немецкое начальство хорошо для Германии, то для России оно хорошо не всегда. Например, известно, что матросы русского флота не любили многих офицеров немецкого

происхождения не за какие-то излишние строгости, а за то, что «у них душа черствая». Описан случай, когда один такой офицер приказал выбросить за борт собаку, любимицу всего экипажа, потому, что «собака на палубе – это непорядок». (Это к вопросу об убийствах матросами своих офицеров в 1917 г.)

В какой-то степени это была плата за империю. Ведь немцев с XVII века нанимали на службу в первую очередь, как хороших военных специалистов. Без них в эпоху завоеваний и укрепления империи обойтись было нельзя. Так же как нельзя было обойтись без иностранных ученых, инженеров, техников, врачей и других необходимых стране профессионалов. Со временем бывшие учителя прочно вошли в состав русской правящей элиты. Ну, а далее все пошло по законам этногенеза, точнее – вопреки этим законам. Многие крупные русские сановники за эти двести лет породнились с выходцами из Европы – Витте, Плеве, Штюрмерами, Фредериксами, Бунге, Бенкендорфами и многими другими. С присоединением к империи новых территорий – в том числе исторической Польши и Прибалтики, которые входили в европейский суперэтнос, – всю мелкую знать (шляхту и остзейских немцев) приравняли к российскому дворянству.

К началу XX века около половины (!) дворянских родов были нерусскими. Кроме немцев и других западноевропейцев, было много поляков и кавказцев, то есть представителей тех народов, которые в российский суперэтнос не входили. Многие из них были отличными служаками, особенно немцы, но своими они так и не стали. А для того, чтобы этническая система работала без сбоев, особенно в экстремальной ситуации, нужны свои. Потому известная фраза Николая I, сказанная им на балу маркизу де Кюстину по поводу своих приближенных – поляка, немца, грузина, финна, крещеного еврея: «А вот все вместе они и есть русские!» – она конечно, красива, но с точки зрения этнологии – это перебор. (Самым русским из них был, пожалуй, грузин.)

В результате – накануне революции 1917 г. в центральном аппарате управления Российского государства русские оказались в меньшинстве! Да-да, именно – в национальном меньшинстве...

Гумилёв тему «онемечивания» русского дворянства в своих книгах почти не затрагивает (только немного, в последних лекциях), однако приводит такой пример. Когда русская армия в 1812 году отступала, на смену отличному военному специалисту Барклаю де Толли, делавшему все правильно, потребовался Кутузов, который был своим для русских солдат. Солдаты встретили нового главнокомандующего криками «Ура!». Многие упали на колени: «Слава Богу!», «Батюшка! Отец родной! Веди нас!». Настроение в армии сразу же изменилось.

Это все к тем же вопросам о комплиментарности, этническом поле и пассионарной индукции (заразительности пассионарности в присутствии «своего» пассионария).

В конце XVIII – начале XIX вв. после всех разделов Польши в состав империи вливается многочисленное еврейское население – это жители Белоруссии, Правобережной Украины и исторической Польши. (Отдельные евреи начинают проникать в Россию еще в XVII в. при первых Романовых. При

Петре I некоторые из них делают успешную карьеру и входят в круг аристократии: Шафиров, Дивьер и др.) Это массовое вхождение евреев создает дополнительную напряженность в этнической системе, поскольку иудеи сохраняют свою замкнутость, и активно сопротивляются всяким попыткам властей включить их в общее дело. Приобщаться к русской жизни, в отличие от тех же немцев, они категорически не желают; особенно не желают заниматься земледелием и служить в армии.

Гумилёв, как мы помним, не отказывал евреям в этничности и называл их «блуждающим суперэтносом». Однако, очевидно, что в процессе своего блуждания (начиная с вавилонского плена) значительная часть евреев просто *выпала из природного этногенеза*, и превратилась в нечто безнациональное (химерное), сохранив при этом старое название. Это разделение евреев на национальных и безнациональных стало особенно видимым в России в начале XX в., когда одна часть евреев оторвалась от своих религиозных общин и устремилась в русскую революцию (интернационалисты); другая поехала делать бизнес в Америку (космополиты), а третья – занялась созданием собственного государства в Палестине (сионисты). Забегая вперед, заметим, что именно первые, химерные евреи составили костяк ведущих революционных партий в России, и на первом этапе возглавили русский бунт 1917 г.

Таким образом, если посмотреть на проблему с точки зрения этнологии, то мы обнаруживаем, что к концу XIX века с Россией произошло приблизительно то же, что и с Турцией в конце XVIII века. **Наступило переусложнение системы из-за большого прилива иностранцев из чужих суперэтносов,** как на уровне правящей элиты, так и на уровне всего российского суперэтноса**.** Была пройдена грань, после чего конструктивное многообразие – «цветущая сложность» (на русской основе) – стало превращаться в деструктивное несообразие… В этакий маленький Вавилон в высших и средних классах общества.

Это – третья, и наиболее важная особенность русского надлома.

На верхних и средних этажах российского общества сложилась такая же **многослойная этническая химера,** как в Османской империи, поскольку вошедшие в XVII – XIX вв. в состав правящего класса и интеллигенции представители других (некомплиментарных) суперэтносов своими так и не стали, и влиться в имеющуюся этническую систему никак не могли. Ну, разве что, некоторые, в виде исключения…

Да и сама царствующая династия, к этому времени перемешавшаяся со «всей Европой», только по фамилии осталась русской. В Европе ее официально называли «Гольштейн-Готторп-Романовы. Многочисленные Романовы через двести лет после Петра I – уже сплошь «немцы», и почти все – западники. Весьма показательно, что во время февральской революции 1917г. загнанного в угол Николая II поддержали только двое (!) из шестнадцати великих князей. Яркий пример отступничества – великие князья Николай Михайлович (масон), Николай Николаевич (связан с масонами) и Кирилл Владимирович (просто

иуда), которые оказались не просто либералами, а убежденными противниками исторической России…

Получилось, что в критический для династии момент члены Дома Романовых выступили против самих себя! Хотя участвуя в заговоре против царя, они наивно полагали остаться при власти. С точки зрения формальной логики – это абсурд, с точки зрения этногенеза – закономерность. Эти «европейские люди» с протестантскими корнями просто ощущали себя чужими в «этой» стране и среди «этого» народа. Ментально чужими. И это несмотря на свой официальный патриотизм, в который, заметим, лучшие из них искренне верили…

Этническая история учит, что **патриотизм *в своей глубинной основе* не воспитывается, это – врожденное, бессознательное чувство, доставшееся от предков, которые многие века жили на этой, именно на этой, а не на какой-то другой, земле!**

К вышесказанному следует добавить, что к началу XX в. представители Дома Романовых, в большинстве своем превратились в типичных мещан. Пассионариев среди них уже не осталось. (А вот лихоимцы, оккультисты и гомосексуалисты среди великих князей имелись.) Разумеется, были и исключения из этого правила, например, великая княгиня Елизавета Федоровна. Но это были именно исключения. Весьма показательно, что из пяти российских императоров XIX века двое – Александр I и Александр II – тяготились властью и втайне мечтали отречься от трона, чтобы прожить остаток дней в тихой семейной обстановке. А третий, Николай II, который в личном плане был, безусловно, достойным человеком, в 1904 – 1905 гг. думал оставить престол брату и стать патриархом.

Показательно и то немаловажное обстоятельство, что допускаемые кровнородственные браки (между двоюродными братьями и сестрами, дядьями и племянницами), как внутри разросшегося Дома Романовых, так и между Романовыми и королевскими домами Европы, привели (и еще могли привести) к накоплению наследственных болезней в этой высшей аристократической среде. Яркий пример – последняя императрица Александра Федоровна, передавшая цесаревичу Алексею тяжелую наследственную болезнь крови – гемофилию. Эта болезнь, переходящая только по женской линии, досталась ей от бабушки, английской королевы Виктории…

(Следует оговориться, что здесь мы даем *только* этнологическую оценку царской семье, принявшей мученическую смерть…)

Делаем вывод. **К началу XX века российский правящий класс, в большинстве своем, дегенерировал и перестал быть ведущим классом. Во-первых, он потерял *пассионарность*, во-вторых, *национальную идентичность*.** То есть, в конечном счете, оказался неспособным выполнять свои прямые обязанности по управлению страной!

Поэтому можно смело утверждать, что будущего у Российской империи с такой политической элитой просто не было! Особенно в условиях нарастания внешнего давления (Великобритания, «Фининтерн») и обострения

многочисленных внутренних противоречий. Будущее есть у любой страны только в том случае, если у власти находится пассионарная и патриотичная национальная элита. Но, повторим, применительно к России, не на узком, этническом уровне, а на уровне суперэтноса, когда в состав правящего класса, кроме русских, входят и представители других коренных народов.

Если продолжить проводить исторические параллели, мы обнаружим, что что-то похожее произошло в Древней Руси более тысячи лет назад. Именно в то время, когда восточнославянский этнос переживала свой надлом (VII – IX вв.) Русь попала под власть чужеземцев-варягов (в 862 г. – Новгород), которые были сначала союзниками, а затем противниками еврейского правительства Хазарии. Варяжские князья проявили себя совершенно бездарными правителями: они проиграли все войны, и в результате привели Русь к вассальной зависимости от Иудео-Хазарии, которой обязались выплачивать большую дань. Из-за этой-то непомерной дани и был убит древлянами князь Игорь. После его смерти к власти пришла *славянка* – княгиня Ольга. Она круто поменяла политику Древней Руси, заключив дружественный союз с Византией. Через двадцать лет, в 965 г. ее сын Святослав разгромил Хазарский каганат, после чего тот прекратил свое существование. Это означало, что восточнославянский этнос, сохранивший свою пассионарность, вышел из фазы надлома, и вступил в благополучную фазу инерции, на которую и пришелся культурный и экономический расцвет Киевской Руси (кон. X – нач. XII вв.).

Добавим, однако, что тогда нашим предкам славянам было легче – их надлом не был усугублен ни вторжением чуждой идеологии, ни классовыми противоречиями, ни НТР, ни давлением «Фининтерна». Из отягощающих этническую болезнь факторов только два – небольшое переусложнение системы на уровне правящей элиты (варягов было сравнительно немного, и они довольно быстро растворились среди славян) и агрессивная политика Хазарии.

Но вернемся к началу XX века. Василий Розанов очень точно подметил внутреннюю слабость «верхних классов» в дореволюционной России и, как следствие, возросшее на этом фоне влияние инородцев, в основном евреев. Розанов писал о состоянии государства и «общества» в 1912 г.: «Все казенное только формально существует. Не беда, что Россия в «фасадах»: а что фасады-то эти – пустые. И Россия – ряд пустот. Пусто правительство – от мысли, от убеждения. Но не утешайтесь – пусты и университеты. Пусто общество. Пустынно, воздушно.

Как старый дуб: корка, сучья, но внутри – пустоты и пустоты.

И вот в эти пустоты забираются инородцы; даже иностранцы забираются. Не в силе их натиска – дело, а в том, что нет сопротивления им».

Добавим, однако, что сила натиска – тоже дело серьезное, и чем сильнее натиск, тем мощнее должно быть противодействие. Но вот его-то в условиях резкого пассионарного спада и не хватило…

Надо заметить, что Розанов, будучи глубоким мыслителем, чутко уловил ту грань, после которой Россия вступила в фазу надлома и стала погружаться в пассионарную депрессию. Он писал: «…от «14-го декабря 1825 г. до сейчас» вся наша история есть *отклонение в сторону* и просто совершилась ни для чего.

«Зашли не в тот переулок» и никакого «дома не нашли». «Вертайся назад», «в гости не попали»»...

И здесь следует подчеркнуть: «Вертайся назад», то есть – домой, на свою русскую почву.

С тех пор прошло более ста лет...

В начале XX в. между правящим классом и народом происходит окончательный раскол. Бояре-чиновники уже давно вызывают ненависть, но после революции 1905 года происходит самое страшное – теряет доверие и уважение сам царь. В глазах значительной части народа (в том числе многих монархистов) он уже не царь-батюшка, а царь-неудачник неспособный навести порядок в собственной стране. Русский человек верит в «доброго царя» до-последнего, но когда разуверивается, то всё – быть смуте…

И, повторим, дело здесь не в «слабости» и «безволии» государя Николая Александровича, а в том, что в условиях пассионарного спада, этнического раскола и деградации элиты у него просто не осталось никаких шансов. Никто бы на его месте не справился. Именно этим объясняется «одиночество», «бездействие» и «фатализм» Николая II в последний период правления. Его смиренное обращение к Богу в этих условиях вполне закономерно и оправдано.

В это время в народе накапливается усталость и раздражение. Напряжение возрастает. И тому виной не только массовая бедность, в России бывали времена и похуже. Вызывает беспокойство и глухую агрессию другое – бессмысленность, беспросветность, «неправда жизни». **Ощущение исторического тупика.** И ещё что-то такое, необъяснимое словами, когда привычный этнический *ритм* сбивается и начинает нарастать внутрисистемная какофония. Люди бессознательно озлобляются друг против друга. **Свои становятся, как чужие**… Нам известна причина такого взаимного отталкивания. Она заключается в расколе единого этнического поля на несколько частей с *разными ритмами*, и, следовательно, – разными стереотипами поведения, даже глубже – разными *мироощущениями*.

На этом фоне происходит разрушение традиционных, коллективистских ценностей и ломка привычного русского уклада, который тут же заменяется новым укладом – не русским и не привычным. При этом теряется самое главное – вера в завтрашний день. Это вызывает не физическую боль, а душевную. Ведь человеку кроме еды и крыши над головой необходимо еще и душевное равновесие. А мира в душе – нет.

Люди становятся, как сжатые пружины.

Перефразируя Гумилёва, можно сказать: *Бывают времена, когда жить вроде бы можно, но жить – нехорошо.*

Вам это ничего не напоминает?..

В начале XX века всё больше и больше людей ждут революции как очищения. В 1905 году нарыв прорывается. В революции принимают участие *все классы* общества. Весьма показательно, что даже среди священников и

иерархов Православной церкви мы видим немало либералов – сторонников «освобождения» и «демократических преобразований»…

В это время в стране складывается странная ситуация, когда «господа борются за свободу, а мужики борются с господами». По России прокатывается волна крестьянских бунтов. Ненависть к образованному барину находит выход в страшных погромах дворянских усадеб в 1905 – 1907 гг. Когда крестьяне не только грабили, но и, как казалось, в каком-то диком безумии уничтожали культурные ценности: сжигали библиотеки, резали картины, рубили топором рояли. Тогда взорвалась не только социальная, но и *этническая* бомба, которая была заложена еще в XVIII веке, когда произошел раскол народа на две части: «европейскую» – дворянство, и русскую – весь остальной народ. (Первую массовую вспышку ненависти к нерусскому барину мы наблюдаем уже в восстании Пугачева. Тогда мужики били всех, кто носит немецкое платье.) В надломе это цивилизационное противоречие дошло до крайности. И после октября 1917 года Русь взяла свое…

Видимо, особенность фазы надлома заключается еще и в том, что за предшествующие 500 – 600 лет (расширение территории, миграции, смешение населения) в этнической системе накапливается какая-то сумма внутренних противоречий, определенный отрицательный потенциал, который, дойдя до критической точки, разрывает ослабленную систему изнутри. Подчеркнем – именно этническую, а не социальную систему. Социальная валится следом, как надстройка… Классическое противоречие между русскими западниками и почвенниками было не единственным. К тому времени в нашем разросшемся национальном организме накопилось уже много заноз. Рано или поздно все это должно было воспалиться.

В революции 1905-1907 гг. мы впервые в русской истории наблюдаем вспышку массового террора. Только за первый, 1905 год, революционеры, в состав которых к этому времени вливается множество инородцев, в основном евреев, убивают более пяти тысяч (!) царских слуг – от простых солдат и городовых до губернаторов и министров. Особенно достается полицейским и жандармам. Многие чиновники отказываются занимать ответственные должности – боятся, что их застрелят или взорвут. Власть показывает свою полную беспомощность. Единственная сила, реально противостоящая террористам-революционерам на улицах – это Черная сотня – наиболее активная часть русского народа, объединившаяся на местах в православно-монархические организации. (Пример самоорганизации русских без какого-либо участия властей, не только не помогавших черносотенцам, а напротив – мешавших им.)

Лидеры либералов, тесно связанные с Западом, с одной стороны, подстрекают революционеров, а с другой – пугают правительство: «Если вы не пойдете нам (либералам) на уступки, то они (революционеры) будут в вас стрелять!» Первая российская революция имеет ярко выраженный *антинациональный* оттенок. Международный финансовый капитал, стремящийся устранить с пути преграду в лице русского самодержавия, оказывает организационную и финансовую поддержку всем врагам

православной монархии, в первую очередь – радикальным либералам и революционерам.

В конце концов, царь под давлением своего либерального окружения, в том числе, родственного, сдается, и в октябре 1905 г. дает «борцам за демократию» долгожданную свободу, правда, несколько ограниченную. После декабрьской вспышки первая русская революция идет на спад.

Однако внутренняя этническая болезнь не утихает, но продолжает обостряться. Как писал Победоносцев: «В воздухе кишат… атомы умственных и нравственных эпидемий всякого рода: *имя им легион*». Рыба гниет уже не только с головы, разложение в это время затрагивает средние и даже нижние слои русского народа. Особенно это бросается в глаза на бытовом уровне.

В верхних и средних классах общества процветает разврат. Супружеские измены становятся почти нормой. Входит в моду гомосексуализм.

Среди аристократии и интеллигенции широко распространяется *оккультизм*, особенно спиритизм.

Впервые за всю историю России появляются наркоманы; наиболее популярны морфий и кокаин.

В нижних классах – бытовая и уличная преступность (новое явление – хулиганство), дешевая проституция, алкоголизм.

Одновременно набирает силу доморощенное и импортное сектантство. Появляется множество «пророков» из народа.

Во всех классах резко возрастает число *психических заболеваний и самоубийств*.

В общем, набор симптомов – один и тот же.

В это время становится явно видимым второй признак надлома – обвальное снижение пассионарного напряжения. **Количество субпассионариев увеличивается во всех социальных слоях**. Их уже немало в деревне, среди крестьян, но гораздо больше в крупных городах, где скапливается огромное число бомжей и уголовников. По дорогам России бродят толпы босяков. Нарастающие по мере роста капитализма классовые противоречия только подстегивают этот естественно идущий процесс размножения субпассионариев. Достаточно почитать русскую литературу конца XIX – начала XX века, от Г. Успенского и Чехова до Куприна и Гиляровского (конечно, с поправкой на «авторский субъективизм»), чтобы увидеть эту не очень весёлую картину.

Литературный комментарий

В нашу задачу не входит подробный обзор художественной литературы этого периода, да и сам Гумилёв в своих трудах на русскую литературу не часто ссылается, но право, трудно удержаться от того, чтобы не привести несколько характерных примеров. Тем более что литература дает нам то, что зачастую не могут дать сухие исторические источники – она показывает душевное состояние народа.

У Чехова есть один весьма показательный рассказ. Называется «Свирель». На первый взгляд ничего особенного, но он о том самом времени (конец XIX в.), когда уже наступила «пассионарная депрессия». Там старик-пастух рассуждает о скорой гибели мира. Вначале он сетует, что в природе все стало хуже: зверя и птицу повыбили, леса свели, реки сохнут, «всякая растения на убыль пошла…» И в небе непорядок – затмение было. В общем, все к одному клонится… «Зато народ лучше стал... умней», – замечает собеседник. «Умней то умней, да только что толку? – отвечает старик, – Бог человеку ум дал, а силу взял. Слаб народ стал, до чрезвычайности слаб. К примеру, меня взять… Грош мне цена…, а все-таки, паря, сила есть… мне седьмой десяток, а я день-деньской пасу, да еще ночное стерегу за двугривенный и спать не сплю, и не зябну; сын мой умней меня, а поставь его заместо меня, так он завтра же прибавки попросит или лечиться пойдет… Я кроме хлебушка ничего не потребляю,… а нынешнему мужику и чаю давай, и водки, и булки… и всякое баловство». С господами еще хуже: «Нынешний барин все превзошел, такое знает, чего бы и знать не надо, а что толку? Поглядеть на него, так жалость берет… Худенький, мозглявенький, словно венгерец какой или француз, ни важности в нем, ни вида… Нет у него сердешного, ни места, ни дела, и не разберешь, что ему надо. Али оно с удочкой сидит, рыбу ловит, али оно лежит вверх пузом и книжку читает, али промеж мужиков топчется и разные слова говорит, а которое голодное, то в писаря нанимается… Прежние баре наполовину генералы были, а нынешние – сплошной мездрюшка…» В ответ на это, погрустневший собеседник начинает было жаловаться старику на свою тяжелую, беспросветную жизнь, но – потом машет рукой и резко заканчивает: «Коль погибать миру, так уж скорей бы! Нечего канителить и людей попусту мучить». А старик ему отвечает: «Жалко, братушка!… Пропадет все ни за грош. А пуще всего людей жалко!»

В этом маленьком рассказе – все.

Чехов очень тонко чувствовал свое время. А время было больное. Поэтому он и мечтал о том, какая славная жизнь наступит у нас лет через сто… В своем прогнозе Чехов немного ошибся, через сто лет оказалось все то же самое, даже по отдельным показателям, хуже. (Правда, в промежутке было несколько энергичных десятилетий.) Но главное – он чувствовал, что эта болезнь рано или поздно должна пройти (фаза инерции). Чехов говорил Гиляровскому, который был типичным пассионарием: «Твои герои – в прошлом, сильные, могучие, с порывами; а мои нынешние все кислота, киснут и скулят…. Да ведь так гнить без конца нельзя…» Когда-нибудь (через сто лет) должно наступить выздоровление. И далее Чехов заканчивает: «Все повторится, что было… Только мы с тобой не доживем до этого… Не вовремя ты родился. Или опоздал на триста лет, или раньше явился на сто».

Вот вам и фаза надлома…

Если слабопассионарный Чехов просто и без комментариев показал всю гнилость тогдашней жизни, то куда более пассионарный Горький призывал это гнилье побыстрее сломать. Молодой Горький – это такой Степан Разин в литературе (прикормленный радикальной интеллигенцией).

Он идет в народ, чтобы «изучат жизнь», но вместо народа сталкивается в основном с бомжами-субпассионариями, которых и описывает в своих ранних произведениях. Настоящий народ, то есть крестьян, Горький не знал и не любил. В 1919 году, вернувшись со съезда деревенской бедноты, он записал в дневнике: «Видел тысячи звериных рож». И в другом месте: «Если бы крестьянин исчез с его хлебом, горожанин научился бы добывать хлеб в лаборатории».

Его «босяцкие» рассказы, его «Детство» и «В людях», многие другие произведения – просто переполнены нездоровыми, надрывными, гадкими людьми. Конечно, Горький, в силу своего внутреннего разлада, чересчур сгустил краски. Но это объяснимо – надо было развенчать и приговорить существующий строй. Тогда вся «прогрессивная интеллигенция» ждала пророка революции, и пророк – явился.

Горький отлично изобразил то явление, которое у нас принято было называть нигилизмом, а Гумилёв называл *негативным мироощущением*. В периоды пассионарной депрессии эта зараза всегда расцветает пышным цветом. Если внимательно вчитаться в Горького, то становится ясно, что подавляющее большинство его героев окружающий мир не любят. От Фомы Гордеева до Клима Самгина. Не социальный строй, а именно – окружающий мир. Хотя им и может казаться, что причиной всех бед является ужасный социальный строй.

Среди персонажей главной книги Горького «Жизнь Клима Самгина» мы не увидим ни одного здорового человека. Все больные. А если не больные, то мерзавцы. Сам Клим Самгин – моральный урод, который ни во что не верит и никого не любит. Ему кажется, что он борется за «свободу личности», но на самом деле он ни за что не борется, а просто мечется от страха перед жизнью. Это совершенно оторванный от русской почвы, какой-то искусственный человек. Мутант. (Одной породы с персонажами поразившего воображение Горького художника Босха.) Он ищет спасения в умных книжках, хватается то за одну идею, то за другую, и ничего не находит. И от этого злится…. Самгин, как и все «передовые люди» того времени, как и сам Горький, думает, что *главное – это разум, а не вера*. И вместо Бога верит в «учения», в основном западные. Типичный леволиберальный интеллигент. Несчастный, лишний человек.

Все остальные герои этого произведения не лучше. Полусумасшедший купец Лютов, истеричная Лидия Варавка, ее отец-хищник, озлобленный на весь мир Дронов, дворянский вырожденец Туробоев, какие-то сектанты, мистики, помешанные пророки…. Среди них только один относительно здоровый человек – большевик Кутузов, да и тот какой-то ненатуральный, плакатный…. Действительно, больное было время. Так всегда бывает в надломе, перед всеми смутами и революциями. В такие периоды душевнобольных и *бесноватых* становится гораздо больше обычной нормы. (Перед покушением на самоубийство в 1887 г. молодой Горький написал такую записку: «…вскройте мое тело и посмотрите, какой черт там сидел».)

В «Климе Самгине» Горький, как никто другой, смог показать пропитанную нигилизмом околореволюционную «интеллигенцию». Даже шире

– тот образованный слой, в котором тогда, как в котле, бурлило множество спасительных идей: от ницшеанства и богостроительства до либерализма и марксизма. Горький хорошо показал идейные метания «передовых людей» того времени. И свои метания – тоже.

И еще одна характерная черта. В произведениях Горького совсем нет патриотизма. Впрочем, как и у Чехова, Бунина и всех остальных писателей начала XX века. У Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского – есть, а у этих – уже нет. У Горького все патриоты – «черносотенцы». Или, как минимум, некультурные, отсталые люди. Мракобесы какие-то… Это очень показательно. К началу XX века русский патриотизм совсем выходит из моды. (Ну, примерно, как у нас в 1990-х годах. Патриот – значит реакционер, враг «свободы».) Те же Куприн и Короленко до 1917 года были известными критиками «черносотенной» идеологии. Потом, правда, одумались…

Но все-таки глубже всех из русских классиков копнул Достоевский! Он одним из первых (следом за другим великим русским провидцем Лесковым («Некуда», «Соборяне»)) почуял неладное, и гениально описал наступление кризиса в умах и душах русских людей. Достоевский показал главную беду надлома – *нарастающее разъединение,* раскол русского общества, или, как сказал бы Гумилёв, – раскол этнического поля.

Устами старца Зосимы Достоевский говорит: «… все-то в наш век разделились на единицы, всякий уединяется в свою нору, всякий от другого прячется, прячется и, что имеет, прячет, и кончает тем, что сам от людей отталкивается и сам людей от себя отталкивает… Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же мы видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: «Имеешь потребности, а потому насыщай их…» И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых *уединение* и духовное самоубийство, а у бедных – зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности еще не указали». И далее Достоевский предрекает, чем может кончиться этот дьявольский соблазн богатством и «свободой»: «… у бедных неутоление потребностей и зависть пока заглушаются пьянством. Но вскоре вместо вина упьются и кровью, к тому их ведут»…

Этническую болезнь еще более обостряют нарастающие классовые противоречия: «… и в народе грех. А пламень растления умножается даже видимо, ежечасно, сверху идет. Наступает и в народе уединение: начинаются кулаки и мироеды; уже купец все больше и больше желает почестей, стремится показать себя образованным… а для сего гнусно пренебрегает древним обычаем и стыдится даже веры отцов. Ездит ко князьям, а всего-то сам мужик порченый».

«Братья Карамазовы» – это роман о разъединении. Раскол и вражда в семье Карамазовых – это раскол и вражда в самом русском этносе. Рационалист европейского типа Иван, русский анархист Дмитрий, богоискатель Алеша, просто мерзавец Карамазов-отец – все они уже давно не семья, а какие-то мятущиеся осколки. Люди остались (и пассионарность осталась), а семьи-системы – нет. Более того, на тех обломках, что остались от семьи появляются

явственные признаки *антисистемы*. И подтверждением тому служит главный антигерой – Смердяков, ненавидящий Россию и все человечество… «Ты разве человек, – говорит Смердякову слуга Григорий, – ты не человек, ты из банной мокроты завелся, вот ты кто…» Это хуже, чем просто субпассионарий. Это тип морального урода с «негативным мироощущением», который инстинктивно стремится *к тотальному разрушению окружающего мира и, одновременно, к саморазрушению*. Таких типов («метафизических нигилистов» по Гумилёву) к началу XX века становится в России все больше и больше. Они как раковые клетки начинают разъедать тело народа… Жизнеотрицающие антисистемы активно развиваются в больных и слабых от старости этносах – то есть, чаще всего, в фазе надлома и в фазе обскурации. (Подробнее об антисистеме ниже.)

Достоевский увидел в современной ему действительности то, что неспособны были увидеть ни либеральные «мыслители», которые оперировали поверхностными понятиями «прогресс – отсталость», ни революционные публицисты, упиравшие только на классовый антагонизм: «богатые – бедные». Достоевский увидел обострение тяжелой этнической болезни. Когда поражаются самые тонкие ткани национального организма. Когда поражается нервная система. Когда поражается мозг.

Великий писатель показал этнический надлом, как надлом Русского Духа. А нарастающее безбожие – как следствие этого глубинного надлома. Достоевский пророчески сказал, как припечатал: «русский без Православия – дрянь...». И спасется только через страдание.

Самый нелюбимый революционерами роман Достоевского «Бесы» – это роман об антисистеме. Достоевский предваряет его эпиграфом из Евангелия: «Тут на горе паслось большое стадо свиней, и бесы просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло».

В завершение романа писатель пророчески говорит: «…видите, это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, – это все язвы, все миазмы, вся нечистота, все бесы и все бесенята, накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века, за века!.. Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся эта нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности… и сами будут проситься войти в свиней… больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых»… и будут все глядеть с изумлением»…

В этом – главное предвидение Достоевского!

А что же наиболее почитаемый классик русской литературы – Лев Толстой? Граф Толстой, будучи человеком талантливым, но духовно неприкаянным, реагирует на надлом этнической системы весьма своеобразно, можно сказать по-буддистски. Вместе с проповедью «непротивления злу насилием» Толстой приходит к отрицанию государства, науки, искусства и самой Православной церкви, то есть, по сути – к отвержению мира. Если уж нельзя ничего изменить в этом больном мире – надо от мира уйти. Можно в секту. Но не в негативную, а в «правильную». Лучше в свою собственную.

Толстой хочет стать новым пророком. Он искренно ищет средство спасения в преддверие надвигающейся катастрофы. Однако в отличие от Достоевского, который прочно стоит на православной, русской почве, Толстой, будучи по рождению «образованным барином», этой твердой почвы под ногами не имеет; точнее – стоит на ней лишь одной ногой (пускай босиком и с косой в руке). Потому-то его и мотает в разные стороны! Толстой – это *духовная беспризорность* русской аристократии. В конечном счете – все та же антисистемность.

Толстовское учение представляет собой какую-то дикую смесь из буддизма, лютеранства и русского анархо-нигилизма. Хуже – только богопротивный оккультизм. Последователи писателя – «толстовцы» – одна из многочисленных предреволюционных аномалий – своеобразные экстремисты наоборот. (Как-то, увидев группу людей, Толстой заметил: «Какие неприятные люди!» На что ему ответили: «Так это же толстовцы!») Вместо пророка Толстой становится *лжепророком*, знаменем повредившейся умом, богоборческой интеллигенции. Он переписывает Евангелие (!) и отрицает Божественную сущность Христа. Именно поэтому великий русский святой Иоанн Кронштадтский и называет его антихристом.

В конечном счете, охваченный гордыней Толстой заходит в своих еретических исканиях в тупик. И бежит от самого себя… Печально, когда пассионарная депрессия настигает тебя в конце жизни. Православная вера отвергнута, и опереться не на что…

В день смерти графа Толстого монаху Валаамского монастыря было видение: по небу в сторону монастыря летела туча бесов, а между ними – Толстой; бесы нападали на него, хватали за руки, за ноги, наконец, окружили и низвергли в озеро…

«Серебряный век» – это уже предчувствие близкой катастрофы. Декаденты – это не только упадок, но еще и истерика. Поэты и художники убегают от страшной действительности кто куда: кто в «Авангард», кто в оккультизм, кто в глубины своего бессознательного. А кто просто в алкогольно-наркотические кошмары, которые потом и воспроизводят в своем «творчестве». Посягают на святое: поэты А. Блок и В. Иванов воспевают проститутку как Пречистую Деву. Потомок первого русского масона В. Брюсов заявляет, что ему все равно кого славить в своих стихах – Бога или дьявола. «Аристократы духа» Мережковский и Гиппиус – увлеченно проповедуют «новую религиозную философию», которая на деле является старой философией антисистем. Из прозаиков особенно популярен полусумасшедший Леонид Андреев (которого сегодня почти забыли). Он пишет о смерти. И его много читают…

Начавшись в нездоровой дымке импрессионизма «Серебряный век» заканчивается «черной дырой» Малевича.

Пассионарная депрессия достигает своей нижней точки…

К началу XX века Православная Церковь заметно теряет былой авторитет и влияние. Вместе с обвальным снижением пассионарности резко снижается и

религиозное напряжение. Вера слабеет. На этой почве пышным цветом разрастается интеллигентский мистицизм и простонародное сектантство: хлысты, скопцы, духоборы и другие еретики призывают бежать от неприятной действительности в свои «антимиры»…

Историческая практика показывает, что церковь, как и любой другой социальный институт, подвержена деградации. И поэтому ее необходимо периодически очищать от всякого рода нездоровых, в том числе субпассионарных элементов. Так было с католической церковью, которая к «надломному» XVI веку сильно загнила изнутри – многие священнослужители погрязли в коррупции и других грехах. И только пройдя через жуткие религиозные войны эпохи Реформации, католическая церковь в какой-то мере очистилась.

К началу XX века среди служителей Русской Православной церкви появляется довольно большой слой людей, которые уже не пользуются авторитетом и уважением в народе. Это хорошо прослеживается по народному фольклору XIX – начала XX вв. В многочисленных «сказках» и анекдотах распространенный отрицательный персонаж – это поп, которого высмеивают и над которым всячески издеваются… Конечно, далеко не все священники заслуживали такого отношения, многие из них честно служили и выполняли свой долг. Но если сравнить отношение простого народа к священникам и монахам в XV – XVII веках с отношением в начале XX века, то мы увидим существенную разницу. Почтительности стало меньше.

Но с другой стороны и сам народ, не говоря уже об «образованных» классах общества, стал другим. Вера ослабла. Многие люди, особенно городские пролетарии и молодежь, стали относиться к посещению церкви и соблюдению всех религиозных правил лишь как к необходимой формальности. Не более. Весьма показательным является тот факт, что когда после Февральской революции 1917 г. была отменено обязательное посещение церковных служб солдатами, около 90 % нижних чинов перестали исповедоваться и причащаться...

Достоевский еще в 1876 г. описал один весьма красноречивый случай: «Загорелось село, и в селе церковь, вышел целовальник и крикнул народу, что если бросят отстаивать церковь, а отстоят кабак, то выкатит народу бочку. Церковь сгорела, а кабак отстояли.

Примеры эти еще пока ничтожные, ввиду неисчислимых будущих ужасов…». И далее писатель продолжает: «… Да и одно ли вино свирепствует и развращает народ в наше удивительное время? Носится как бы какой-то дурман повсеместно, какой-то зуд разврата. В народе началось какое-то неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму».

Гумилёв как всегда, коротко и ясно, показал этническую подоплеку этой духовной деградации: «Идеологическая система, как религиозная, так и атеистическая, будучи создана на ранней стадии этногенеза, превращается в символ. Символ становится индикатором этноса, исповедание его – частью стереотипа поведения… Отрицание символа означает *выход из этноса* или *раскол* этнического поля».

Таким образом, безбожие нашей интеллигенции и дворянства, а так же части народа, означало не только потерю пассионарности, оно означало потерю своей идентичности и, как следствие, – русского единства.

Великий Достоевский в «Бесах» говорит языком литературы, по сути, о том же: «Разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков, исполняли лишь должность второстепенную и служебную… Народы слагаются и движутся силой иною, повелевающею и господствующею, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо… (Теперь мы знаем, что это за сила. – Авт.) Это есть сила беспрерывного и неустанного подтверждения своего бытия и отрицания смерти… Цель всего движения народного… искание бога, бога своего, непременно *собственного*, и вера в него как в единого истинного… Народ это – тело божие… Если великий народ не верует, что в нем одном истина, то он тотчас же перестает быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал, а не в великий народ».

Вот она гениальность писателя! Лучше об *этническом* в русской литературе никто не сказал…

Принято считать, что Русскую Православную Церковь после 1917 года разрушили большевики. И это действительно так; но, повторим, здесь надо учитывать, что она стала разрушаться, точнее, слабеть – задолго до прихода большевиков. Нестроение началось с церковного раскола XVII в. И те удары, которые нанесли по церкви (конечно, с опережением) сначала Петр I, а затем Екатерина II были, по сути, следствием этой нарастающей слабости. Что, в свою очередь, явилось следствием снижения религиозного напряжения в этносе, после пассионарного перегрева XVI –XVII веков. Хотя, разумеется, здесь есть и обратная связь – западная идеология явилась ускорителем и «деформатором» естественно идущих энтропийных процессов.

Например, во времена Иосифа Волоцкого (нач. XVI в.) у светской власти тоже было желание несколько потеснить Православную Церковь, а именно забрать у нее часть земель. Но тогда на это просто не решились, слишком велико было пассионарное напряжение. К началу XX в. это напряжение резко снизилось...

В связи с этим представляется интересной мысль философа Бердяева о том, что продуктом секуляризации православного христианства явился социализм. Другими словами, если в Европе переход от религиозного общества к светскому осуществлялся через подмену христианства предельно упрощенным учением протестантизма (фаза надлома), то в России – через советскую модель, в которой православная религия была заменена суррогатом *веры* в светлое будущее коммунизма. «На смену Третьему Риму – пришел Третий Интернационал». (Однако и здесь мы наблюдаем искусственное подстегивание и *деформацию* естественно идущего процесса снижения религиозного напряжения в фазе надлома. Но это – уже следствие глобализации.)

Поэтому весьма показателен тот факт, что после страшных ударов, который нанесли церкви большевики, в народе не произошло серьезных массовых (именно массовых) выступлений против этого зверства. Более того,

некоторые из тех, кто еще недавно выстаивал службы в храме, бросились помогать новой власти срывать кресты и иконы… Попробовала бы, какая угодно власть *отменить* Православную Церковь в том же XVI или в XVII веках, – да ее бы просто «порвали на куски»! В XX веке оказалось можно…

С точки зрения науки – это этнический надлом. С точки зрения православного верующего – Бог наказал! За грехи…

Можно даже сказать, что этногенез в религиозном, духовном смысле – это *накопление греха*… А в конце – расплата. Поэтому, если бы все народы жили бесконечно долго, то Конец Света давно наступил…

В экономике России в начале XX века так же наблюдается непорядок. Несмотря на быстрые темпы роста, в промышленности и финансах появляется опасный перекос – нарастает зависимость от иностранного капитала, в первую очередь, западноевропейского. В таких отраслях, как машиностроение, металлургия, угле - и нефтедобыча, доля иностранного капитала составляет от 50 до 80 (!) процентов. В передовых для того времени химической и электротехнической промышленности – около 90 процентов. Во всех крупных банках – иностранный капитал, и перед революцией 1917 г. его доля составляет более 50 (!) процентов.

Наряду с этим набирает силу *паразитический*, спекулятивный капитал. Появляется целый слой мошенников от экономики, которые, пользуясь недоразвитостью русского капитализма, а так же попустительством коррумпированной власти, быстро осваивают технологию «прокручивания» казенных денег и надувания «финансовых пузырей».

После подрывной финансовой «реформы» Витте (связанного с Ротшильдами) русское золото широким потоком уплывает за границу. При этом правительство берет все больше и больше кредитов в иностранных банках. **К 1907 г. Россия выходит на пятое место в мире по экономике, и на *первое* по внешнему долгу!** Причем, огромное количество кредитных денег нагло разворовывается. Весьма показательно, что к финансовым махинациям оказываются причастными некоторые великие князья, родственники царя.

В период первой мировой войны государственный внешний долг резко увеличивается. К 1917 г. Россия находится на грани потери финансово-экономической независимости…

Глубинное противоречие недоношенного русского капитализма с точки зрения *социально-экономической* заключается в том, что при низком прибавочном продукте российские капиталисты стремятся получить прибыль сопоставимую с европейским стандартом, что приводит к сверхэксплуатации работников и их обнищанию. (После «золотой» финансовой реформы 1897 г. калорийность пищи крестьян снижается на 25 %. Реализуется лозунг: «Недоедим, но вывезем!».) Получается, что бояре, пользуясь плодами буржуазно-демократических реформ Александра II, начинают с удвоенной силой грабить народ, который царь-батюшка, при всем желании, уже не может защитить. После первой русской революции формула: «Царь хороший – бояре

плохие» заменяется формулой: «И бояре плохие, и царь плохой!», «Все кровопийцы!».

В нашей новейшей истории этот грабеж «бояр, продавшихся иноземцам» получил название олигархократии...

«**Поскольку пассионарный спад ускоряется и, следовательно, социальная перестройка за ним не поспевает, возникает стремление к радикальным решениям»**, – писал Гумилёв о механизме надлома. Эта закономерность полностью применима к революционной ситуации в России кон. XIX – нач. XX вв. Все понимают, что в стране непорядок, что надо всё менять, но при этом расходятся с выбором путей и средств. Все торопятся и толкаются.

Одни выступают за возврат к «доброму старому времени» (акматическая фаза). Это наши консерваторы-монархисты, идейные наследники славянофилов и почвенников. Их в начале XX века уже немного, и серьезной силы они не представляют. Другие выступают за «цивилизованную жизнь», как «у всех нормальных людей», т.е. европейцев (инерционная фаза). Таких либералов-европеизаторов среди «образованной публики» большинство. Они очень самоуверенны, но поддержки в народе не имеют. Третьи видят выход в том, чтобы разрушить всё до основания и построить совершенно новый мир (что вообще характерно для фазы надлома). Это анархисты, эсеры большевики. Их пока немного, но они пользуются инстинктивной поддержкой наиболее пассионарной части простого народа, который в политике мало что понимает, но чует – быть бунту.

Начавшаяся в 1914 г. война с Германией резко ускоряет процессы внутреннего распада. В конце концов, всё разрешается в Феврале 1917 года. Радикальные либералы в союзе с высшим генералитетом (при поддержке масонско-олигархических кругов Запада) сплетают заговор против царя и приходят к власти. Большинство членов Временного правительства – масоны. Причем, надо подчеркнуть, – русские масоны! Львовы, коноваловы, некрасовы, терещенки и пр. – вовсе не инородцы. Однако патриотов среди них нет ни одного!

И что характерно, – этому насквозь промасоненному Временному правительству тут же выражает поддержку Синод – высшие руководители Русской Православной Церкви! Они фактически отказываются от царя и призывают молиться за новое «благоверное» правительство… Увы, к началу XX века яд либерализма проникает даже в самый консервативный институт – церковь.

Распад многовековой Российской империи широкие слои «образованной публики» не только не волнует, но даже радует. Их антипатриотическую позицию накануне всех революций прекрасно показал философ Розанов. С точки зрения либерала «Россия не содержит в себе никакого здорового и ценного зерна. России, собственно, нет. Это ужасный кошмар, фантом, который давит душу всех просвещенных людей. От этого кошмара мы бежим за границу, эмигрируем, и если соглашаемся оставить себя в России, то ради того

единственно, что находимся в полной уверенности, что скоро этого фантома не будет, и его рассеем мы».

Рассеять-то они рассеяли. Только кончили плохо.… Те из них кто остался в живых после гражданской войны – приземлились «в Париже». Только за своих этих господ в парижах не приняли. Их там, как и в XVIII веке, продолжали считать «переодетыми татарами». Поэтому фантомом оказались именно наши либералы – от родной почвы они оторвались, а новой не нашли. Об этом полезно подумать тем, кто сегодня льет слезы по этой (большей) части белой эмиграции…

Ну а теперь пришло время дать окончательный ответ на вопрос, почему большинство русских дворян и интеллигентов потеряли под собой национальную почву и превратились в «либералов»? То есть, откуда появились эти люди-мутанты? С точки зрения этнической истории ответ прост – этот урод родился от внебрачной связи с Западом. Продолжалась эта связь более двухсот лет и в надломе приобрела чрезвычайно нездоровую форму. *Форму русско-европейской этнической химеры.*

«Для всех неромано-германских народов практика европеизации вредна, как переливание крови несовместимых групп», – писал Гумилёв.

Итак, если коротко сформулировать все негативные внешние воздействия, которые пережила Россия в XVIII – XIX вв., то это будет:

1) вторжение чужих идей
2) вторжение чужих людей
3) вторжение чужого (финансового) капитализма

Можно ли было всего этого избежать? Если посмотреть на проблему с этнологической точки зрения, то – нет. Россия была обречена на инфицирование западной идеологией и последующее за этим *переусложнение* этнической системы. Здесь, напомним, повлияли два фактора: географический и возрастной.

Во-первых, Россия, в отличие, например, от Китая, не была отделена от Европы ни большими расстояниями, ни, что самое главное, естественными границами; горами, морями, пустынями. Поэтому наши и не наши «путешественники» ездили туда-сюда почти беспрепятственно (особенно с XVIII в.). При этом часть «наших» оставалась жить за границей (с XIX в.), но еще большая часть «не наших» оседала в России.

Во-вторых, Россия сильно отставала от Европы в развитии светской культуры, особенно в науке и технике. Ведь мы моложе европейцев на 500 лет. Они просто раньше начали, и больше сделали. И поэтому нам постоянно приходилось их догонять. И догоняя, мы, с русским задором, заимствовали все подряд, и то, что нужно и то, что не нужно. Чаще – что не нужно. Слишком велики были соблазны сугубо материалистической и благоустроенной европейской цивилизации. Прав был Достоевский: «мы начали нашу европейскую культуру с разврата». И можно добавить: быстро заразились французской «срамной болезнью» либерализма.

В результате к началу XX века наш «европейски образованный» человек, потерявший всякое чувство реальности, *искренне* думал, что стоит только ввести в России парламент, как русские сразу же начнут переделываться в европейцев, и у нас станет так же хорошо как в Европе... Потом это интеллигентское умственное расстройство повторится в период горбачевщины…

Ничего не поделаешь, слаб образованный человек перед соблазном чужих, завлекательных идей. Особенно – в фазе надлома. И, подчеркнем, не просто надлома, а такого надлома, который у нас по времени совпадает с *началом открытой финансовой глобализации* (после Французской революции) и успешным применением *информационного оружия* (от французской «Энциклопедии» конца XVIII в. – до «перестроечного» журнала «Огонек»).

С тех пор два этих фактора – этнический и глобалистский – идут рядом. До сего дня.

В 1917 году либералы показали себя неплохими заговорщиками, но очень плохими правителями. Они совершенно не знали и не желали знать той страны, которой собрались управлять. Либералы думали, что после того, как будет провозглашена буржуазная демократия, все наладится само собой. Не получилось… Под управлением «демократического» Временного правительства страна быстрыми темпами стала погружаться в хаос.

В октябре 1917 года власть закономерно захватывают большевики. Почему закономерно? Потому что и консерваторы, и либералы ошибаются в выборе путей преодоления системного кризиса. Консерваторы зовут назад, в дворянскую монархию – что само по себе противоестественно, идти надо только вперёд. Либералы же предлагают полностью сменить *тип культуры* (на европейский), и при этом ещё перескочить через фазу! А это ещё более противоестественно, ибо противоречит законам этнической истории, которые, в глубинной сути, есть законы самой природы. (Почему «образованный» человек всё время хочет обмануть природу?) Большевики же, сами того не ведая, предлагают наиболее адекватное решение по выводу страны из исторического тупика. Не столько идеологически, сколько *практически*…

Заметим в скобках, что у нас давно принято во всех бедах винить большевиков. Разумеется, хорошо было бы вообще обойтись без них. Но все дело в том, что в надломе не бывает выбора между хорошим и плохим, бывает выбор между плохим и очень плохим. Другими словами – либералы были хуже...

Поскольку бурные события 1917 – 1920 гг. являются переломными в новейшей истории России, остановимся на них подробнее.

После октябрьского переворота 1917 г. этническая система окончательно раскалывается на три основные группы **с разными стереотипами поведения**: «красных», «белых» и «зелёных». А различные стереотипы, как мы помним, отталкиваются. Стереотип поведения самой многочисленной группы – красных можно условно обозначить как *русско-коллективистский*; белых – как *нерусско-буржуазно-индивидуалистический*; зеленых – как *русско-анархо-*

кулацкий (что говорит о расколе внутри самого крестьянства!). И это при том, что высшее руководство красных состоит в основном из нерусских людей, а в низах белых находится немало русских патриотов и социалистов. Но эта странность – в рамках диалектического противоречия…

В разразившейся гражданской войне наиболее активное участие принимают всё те же пассионарии. Они убивают друг друга три года. При этом сильно страдает простой обыватель – потери составляют около 15 процентов населения. В. И. Ленин писал об этом периоде: «Это состояние крайней истерзанности, измученности… русского народа хочется сравнить с человеком, которого избили до полусмерти, от которого нельзя ожидать ни проявления энергии, ни проявления трудоспособности»…

После гражданской войны пассионарный потенциал снижается. С одной стороны это плохо, но с другой – этническая система приводится в состояние относительной устойчивости. Происходит это, во-первых, за счёт смены старой дворянской элиты, на новую – более пассионарную и идейно мотивированную, и, во-вторых, – вследствие «выгорания» избыточных субпассионариев, которых просто уничтожают за ненадобностью. **Но главное: из этноса удаляется мешающий, инородный элемент – так называемые белые, которые, в большинстве своём, являясь либералами-западниками, оказались чужестранцами в собственной стране.** Русских государственников и *монархистов* среди них было мало, а «*реформаторов»* (милюковых-гучковых), которые служили не России, а Западу – много. Все главные руководители Белого движения: Алексеев, Корнилов, Деникин, Колчак были «детьми Февраля». Они сделали головокружительную карьеру именно после свержения самодержавия, в то время как около половины (!) старых царских генералов было изгнано из русской армии.

С конца 1918 г. Деникин и, особенно, Колчак фактически находились в подчинении Запада, который помогал им оружием и снаряжением отнюдь не для того, чтобы была восстановлена мощь Российской империи, а для того, чтобы превратить Россию в зависимую территорию, в конечном счете – колонию. Поэтому не удивителен тот факт, что почти половина (!) генералов и офицеров Генерального штаба и примерно одна треть остальных царских офицеров перешли на службу в Красную армию. Они не хотели воевать «за парламент», они хотели воевать за Россию. За красным коммунистическим флагом бывшие царские офицеры разглядели то, что даже в страшном сне не могли увидеть тогдашние лидеры большевизма – они увидели восстановление Российской империи. То есть, за классовым, разглядели национальное!

Еще раз подчеркнем – после Февральской буржуазной революции 1917 г. национальной, патриотической контрэлиты, которая бы могла заменить старую, почти сгнившую, в стране просто не было. Надо было выбирать из того, что есть. И простой народ нутром почуял, что красные – ближе. Эти болтать не будут. Они – *за справедливость* (социальное) и они против *чужака-барина* (этническое). Ну а в тонкостях ортодоксального марксизма и космополитической теории мировой революции крестьяне плохо разбирались. Так же как поначалу они не вполне разобрались и в том, что во главе

большевиков оказались в основном инородцы, которые потенциально являлись таким же мешающим, чужеродным элементом в этнической системе, как и либералы... Осознание народными массами этого неприятного факта придет позже, и это станет главным условием победы сталинской группировки в борьбе за власть.

В ходе всех русских революций и в гражданской войне мы наблюдаем открытую Гумилёвым важнейшую закономерность надлома: когда «*каждый толком не зная, за что он, точно знал, против кого он*». Особенно это касалось белых и зеленых, которые никаких внятных программ не имели и боролись не «за», а «против». Сначала против царя, затем против комиссаров, или, вообще, против всякой власти (зеленые). У красных, конечно, имелось свое «за», и это была не малопонятная идея о мировой пролетарской коммуне, а совершенно ясная идея Справедливости. Но все-таки, куда больший накал имела брошенная большевиками идея – «Бей!». Бей кровопийцу буржуя! Бей чужака помещика! Бей барина в очках и шляпе!.. Вот это-то и *накипело.* Вот этого-то русский мужик и дождался…

И его вполне можно понять, нашего многострадального мужика. Он долго ждал. Очень долго…

Тут важно вновь указать на этнологическую подоплеку этой взаимной ненависти. Русский крестьянин не любил помещика, а затем и интеллигента, не только потому, что помещик был несправедливо богат, а он, крестьянин беден, но и потому, что дворянин стал для мужика чужим, нерусским. (Крестьянство же составляло в России абсолютное большинство населения.) Стереотип поведения «образованного барина» резко отличался от стереотипа поведения крестьянина. В церковь барин-интеллигент не ходил, народных обычаев почти не знал, народной психологии (ментальности!) не понимал и смотрел на мужика как на какого-то дикого туземца. А если и говорил с ним, то о чем-то непонятном – о «прогрессе», «эмансипации», «свободе слова» и других вещах вовсе не нужных простому русскому человеку. Ну, например, как адвокат Николай Иванович из «Хождения по мукам» А. Толстого, который, приехав на фронт весной 1917 г. в качестве комиссара Временного правительства, стал уговаривать солдат воевать «за свободу», и был солдатами растерзан.

Красные же говорили с народом на понятном языке.

Конечно, справедливости ради надо отметить, что многие белогвардейские офицеры были достойными людьми и по-своему любили Россию. Они правильно разглядели антинациональную, деструктивную сущность интернационал-большевизма и вступили с ним в яростную борьбу. Но… **Но они не знали, что им делать с русским народом.** Эти рыцари Белого движения, получившие европейское воспитание, хотели «переделать русских в европейцев». Другие же, наиболее злые, хотели просто загнать распоясавшегося хама назад «в подвалы». Именно поэтому они проиграли…

Этническая история, которую и сегодня плохо понимают многие «образованные люди», учит, что «загнать», а тем более «поменять» народ, который еще не растратил свою пассионарность – невозможно. Однако можно

поменять ту часть народа, которая оторвалась от родной почвы и перестала быть народом.

Делаем вывод. Если посмотреть на все революционные события начала XX в. не с привычных позиций социально-экономической истории, а под углом зрения теории этногенеза, то мы увидим, что в череде революций 1905 – 1917 гг. и гражданской войне слились два фактора **– этнический и социальный. На раскол этноса, усугубленный вторжением западной идеологии наложились острейшие классовые противоречия. Это были *две революции в одной!***

И здесь, повторим, есть своя закономерность. Именно в надломе появляется и начинает бороться за свое будущее новый, буржуазный человек. Ведь надлом, как мы помним, это растянутое во времени противоборство двух стереотипов поведения – религиозно-традиционного и прагматично-буржуазного. Поэтому *социальная* борьба в этот период всегда обостряется. Фаза надлома этим и характерна: вследствие резкого снижения пассионарности в этнической системе происходит непрекращающаяся перестройка системы социальной. (Именно поэтому теория Маркса, в своей коллективистской части, и оказалась у нас востребованной.)

Заметим, что нечто похожее происходило и в Европе в XVI – XVII вв. (протестантская этика, наступление капитализма, отход от традиции). Но применительно к России следует делать поправку с одной стороны на климатический фактор, неблагоприятный для накопления капитала, с другой – на финансовую *глобализацию* и технический прогресс. Напомним, что у нас капитализм принимает уродливую и поэтому особенно ненавистную форму именно потому, что он развивается не постепенно, а скачкообразно, как взрыв. Если в Европе капитализация шла многие столетия, то в России – несколько десятилетий! Этот скачок становится физически возможным благодаря передовым западным технологиям, импортным машинам и иностранному капиталу. На этих дрожжах и появляется новорусский, дикий и жадный капиталист. Недоделанный, поэтому обреченный…

Если же вернуться к этнической составляющей русской революции, то надо заметить, что ситуация сложившаяся в России после гражданской войны 1918 – 1920 гг. отчасти напоминает ситуацию сложившуюся во Франции в конце фазы надлома. Когда католики выгнали из страны непримиримых протестантов-гугенотов, этническая система вновь обрела устойчивость. Стереотипы поведения французов-католиков и французов-гугенотов очень сильно отличались – вместе им было не ужиться. Но когда надлом в Европе кончился, то религиозная вражда уступила место не то чтобы терпимости, а скорее – равнодушию: какая мне разница – католик ты или протестант. В фазе инерции на смену буйным страстям приходит простой обывательский принцип – живи сам и дай жить другим.

Поэтому, несколько забегая вперед, заметим, что, если мы все-таки перейдем в спокойную фазу инерции, то вековая вражда между красными и белыми закончится сама собой. (Тем более, что сегодня белыми почему-то принято считать уже не классических либералов, а православных монархистов.) Этот процесс *сглаживания* уже начался. Например, воссоединение в 2007 г.

Русской Православной Церкви и Русской Зарубежной Церкви (РПЦЗ) говорит в пользу преодоления длительного этнического раскола.

Большевики, взяв власть, которая в октябре 1917 года «валялась на мостовой», стали сразу же наводить в стране порядок. Надо было прекратить ту анархию, которая набрала обороты за восемь месяцев либерально-буржуазного «правления». Большевики повели дело круто (даже слишком круто!), *но распад страны был остановлен*. В этом – суть Октября! Октябрьская революция не в идеологическом, а в историческом смысле была **преодолением хаоса**, вызванного либерально-масонским переворотом Февраля 1917 года. Повторим, если бы этого не произошло, то Россия потеряла бы свою независимость, и ее территорию поделили между собой на сферы влияния Англия, Франция, Япония и США. (Первая попытка «перестроить» и «реформировать» Россию была предпринята мировой олигархией именно тогда.)

При этом важно подчеркнуть, что после октября 1917 года помимо политической была решена еще и важнейшая экономическая задача. Большевики сделали то, чего никогда бы не сделали ни монархисты, ни либералы – они отказались платить царские долги! То есть вытащили Россию из уже почти затянутой финансовой удавки.

Другое дело, что лидеры большевизма образца 1917 г. вовсе не были озабочены судьбой Российского государства. Они, так же как и либералы финансировались из-за рубежа, и играли свою игру, в которой национальной идеологии места не предусматривалось. Большевики опирались на космополитический марксизм – самое радикальное западное учение. Коммунисты первой волны были убежденными революционерами-интернационалистами. С самого начала они были нацелены на *мировую революцию*, а Россию рассматривали лишь как «охапку хвороста», от которой разгорится мировой пожар. Ни о каком патриотизме, повторим, они даже не помышляли. Более того, «русский великодержавный шовинизм» стал для новой власти одним из главных врагов, а слово «патриот» вплоть до конца 20-х годов значило то же, что и контрреволюционер. Молотов вспоминал: «Ленин видел главную опасность в великорусском шовинизме… Это его заслуга, что он так воспитывал коммунистов».

Таким образом, с этнологической точки зрения после октября 1917 г. в расшатанной этнической системе произошла ротация политических химер: из-за спины либеральной химеры вылезла химера космополитическая, более энергичная и дееспособная.

Если вспомнить положение Гумилёва о биполярности в этногенезе, то можно сделать вывод, что большинство революционеров первой волны были типичными пассионариями с отрицательным знаком, настроенными не на усложнение, а на упрощение системы. Это были **антисистемные пассионарии**. Известный марксистский призыв «Пролетарии всех стран объединяйтесь!» – был лозунгом первых в истории *красных глобализаторов*, всерьез нацеленных на слияние всех государств и наций в одну планетарную коммуну.

В первое десятилетие после революции по всему русскому был нанесен страшный удар. Пострадала Православная церковь. Пострадала русская культура. Пострадали многие честные и патриотичные русские люди… Почти все, что было в России до октября 1917 года, было объявлено реакционным и вредным. Например, по новым школьным программам тысячелетнюю русскую историю давали в крайне урезанном виде и с издевательскими комментариями, а основной упор делался на историю мирового революционного движения. То же и с русской литературой: большинство русских писателей оказались под запретом. Пушкин – это «крепостник», Лермонтов – «царский офицер», Достоевский – «мракобес» и «черносотенец»… Даже принявший революцию Есенин был обвинен в «русском шовинизме» и, в конце концов, убит. До начала 1930-х гг. в школах изучалось в основном творчество писателей революционно-демократического направления. В культурной жизни царил космополитический «Пролеткульт». В живописи заправляли такие «новые» художники как Малевич, заявлявший, что «Имитативное (т.е. классическое. – Авт.) искусство должно быть уничтожено, как армии империализма»; в театре главенствовал «изобретатель» Мейерхольд, который уродовал русские пьесы, говоря, что надо «отречься от России».

Традиционные ценности, такие как семья, брак, любовь к Родине, уважение к своему прошлому отвергались как буржуазные пережитки. А такие освобожденные женщины, как Коллонтай открыто выступали за свободные половые отношения «без предрассудков», и общественное воспитание детей.

И все это было, увы, вполне закономерно. Революция, как известно, имеет два этапа: сначала этап разрушения, затем этап созидания – строительство нового на обломках старого. Большинство революционеров, пришедших к власти в октябре 1917 года, были по своему складу типичными разрушителями. Причем, очень талантливыми и энергичными. Они свою историческую задачу – разрушение старого и сгнившего – не просто выполнили, а сильно перевыполнили. «Врагов революции» побили с ужасающей жестокостью; и не только либералов и социалистов, но и многих русских патриотов.

Не случайным явилось и то обстоятельство, что среди революционеров первой волны было много инородцев, в первую очередь – евреев. Как точно подметил В. Кожинов: чужим всегда ломать не так жалко, как своим. Инородцы приняли активнейшее участие в *русском бунте*, и на решающем этапе, который грозил новой пугачевщиной, возглавили его, организовав и направив в нужное русло. Своей же, русской головы, способной навести порядок в условиях этнического раскола (то есть, всеобщего разброда и междоусобиц!) не нашлось. Русские патриоты-черносотенцы, которых внутри народа было немало, после 1907 г. не только не нашли себе опоры во власти, но стараниями Столыпина, а затем Временного правительства, лишились единого руководства и организаций. В 1917 г. они были совершенно дезориентированы и уже не знали, кого им защищать.

В истории, как известно, случайностей мирового масштаба не бывает. В целом, можно согласиться со словами одного из убежденных противников Советов, который утверждал, что приход большевиков к власти был

закономерен – они явились «орудием исторической неизбежности». И даже, более того, *«правили Россией Божиим гневом и попущением»*…

Но главное, не надо забывать тот факт, что большинство простого народа *искренне* поддержало Советскую власть. Это была именно их власть – бедные и средние крестьяне вместе с рабочими составляли почти 80 процентов (!) населения страны.

Поэтому было бы большим упрощением объяснить обе революции 1917 г. одной только злой волей внешних и внутренних врагов России. (А такие трактовки в национал-патриотических кругах сегодня преобладают.) Враги, конечно, были. И много. Но надо разделять узкий слой руководителей и широкие народные массы, которые и были основным двигателем революции.

Революция созрела внутри самой России. Это была русская революция. Она была подготовлена всем ходом нашей истории, начиная с церковного раскола XVII в. и антинациональных нововведений Петра. Эти две бомбы замедленного действия, повторим, были заложены под царский трон задолго до появления революционеров. Третьей бомбой стал дикий капитализм, узаконенный реформами Александра II.

Революция 1917 г. уходит корнями в *русский* этнический раскол, в нарастание *русской* субпассионарности, в накопление *русской* ненависти к «буржую» и в деградацию *русского* дворянства. Этнический надлом XIX века предельно обострил все старые и новые противоречия – и последовал взрыв. Ну, а либеральные, а затем большевистские злодеи-заговорщики явились только катализаторами и направителями этого взрыва. (Надлом – это когда свои бьют своих, а чужие им активно помогают.)

Таким образом, **в Октябрьской революции 1917 г. произошло наложение двух процессов, которые долгое время шли параллельно: внутреннего (надлом) и внешнего (злодеи и их спонсоры).**

Большевики оседлали русский бунт, ужесточили его своим богоборчеством и ненавистью к исторической России, окрасив *мужичью* революцию сатанинскими черными красками!..

Однако когда революционные бои закончились, и наступил период созидания, стране понадобились уже совсем другие люди. Потому что разрушать – это одно, а строить – совсем другое. Эти два начала очень редко могут совмещаться в одном человеке. Например, у Ленина это в какой-то степени совмещалось – он был и фанатичным революционером-ниспровергателем, и строителем нового общества. Хотя первое в нем, безусловно, преобладало над вторым (Показательно, что Ленин имел весьма «переусложненное» этническое происхождение: русско-немецко-шведско-еврейско-калмыцкое, с возможными вариантами.) У Сталина же, напротив, явно преобладало практическое, созидательное начало. Революционером он был, конечно, не из последних, но отнюдь не ведущим. Зато правителем – выдающимся. (Показательно и то, что поздний Сталин считал себя не грузином, а «русским грузинского происхождения».)

К середине 20-х годов стало ясно, что мировой революции не будет. Сталин и Бухарин выдвинули тезис о строительстве социализма «в одной стране». Что означало: хватит революций – пора строить. Пора восстанавливать империю. Троцкий, Зиновьев, Каменев резко высказались против. Они считали, что без победы коммунистической революции в Европе у России нет никаких шансов выжить в одиночку. Троцкий в 1923 году предлагал двинуть Красную армию в Германию, где как считали, сложилась революционная ситуация, – на штыках принести революцию в Европу.

Таким образом, после гражданской войны в большевизме произошел раскол на два направления, две партии – *национальную*, во главе со Сталиным и интернациональную, точнее – лево-глобалистскую, во главе с Троцким. До конца 20-х годов между ними шла ожесточенная борьба. И в этой борьбе закономерно победил Сталин (окончательно он победит в конце 30-х – начале 40-х). Но победил не потому, что оказался хитрее и коварней Троцкого, а потому, что пошел в ногу с историей, которая потребовала вернуть страну на свой собственный, русский путь. Сталин оказался национальнее Троцкого. Поэтому за ним пошло большинство – и в партии и в народе. А разрушитель Троцкий пошел против истории и был ею выброшен за борт. Сработал известный нам закон – **этническое всегда больше классового**. Даже в неблагоприятных условиях надлома.

В 1928 году, уже отстраненный от власти, но еще не высланный за границу, Троцкий писал, что борьба против старых большевиков-интернационалистов «входит неразрывной частью в сталинскую идеологию национал-социализма», и что «После каждой революции реакция начиналась с борьбы против…чужаков и против инородцев». Конечно, насчет сталинского национал-социализма Троцкий сильно преувеличил. Русским националистом Сталин вовсе не был. До 1917 года он был типичным *национальным* революционером, а после революции стал русским империалистом. Но здесь важно, что Троцкий хорошо понимал, что после каждой революции происходит откат назад – реакция, в ходе которой «революция пожирает своих детей». Однако, даже понимая это, он, будучи типичным пассионарием со знаком минус, фанатично боролся со Сталиным до конца.

В своей книге «Преданная революция» (1936г.) Троцкий обвиняет Сталина в том, что он совершил контрреволюционный переворот. Троцкий негодует, что «вчерашние классовые враги успешно ассимилируются советским обществом» – отменены ограничения по социальному происхождению; происходит поворот к мелкобуржуазности – колхозникам разрешено иметь приусадебные хозяйства, собственных коров и свиней, а комбайнеры и трактористы получают слишком большие зарплаты. (Проект Троцкого – трудовые армии). Особенно раздражает Троцкого, что в советском обществе происходит возрождение семьи – этого «гнезда средневековья». Его идеал – изоляция детей от «отсталых» родителей, «система общественного воспитания и ухода», где детей будут учить коммунизму. «Наряду с седьмой заповедью (о грехе прелюбодеяния), пятая заповедь (о почитании отца и матери) полностью

восстановлена в правах», – пишет Троцкий. И это очень плохо – считает он – еще немного, и будет восстановлена церковь.

Если бы к власти пришел антинациональный революционер Троцкий, то история России просто закончилась. Поэтому можно сказать, что тогда сработал инстинкт самосохранения нации. Народ, который, наконец, опомнился после зверств и безобразий революционной смуты, вспомнил что он – русский народ, и потребовал от власти восстановления исторической России. И это давление на власть не могло не привести к «национализации» власти, к возвращению к национальным традициям и ценностям в новых исторических условиях. Все это еще раз подтвердило старую, но не всеми осознаваемую истину, что правящая элита – это конечно важно, но, в конечном счете, делает свою историю сам народ. При условии, что он не потерял своей пассионарности.

С начала-середины 30-х годов в стране происходит патриотический переворот. Реабилитируется и возвращается в школу дореволюционная русская история и русская литература. Оказывается поддержка писателям национального направления. (Яркий пример – Шолохов, которого затравили и почти подвели под расстрел троцкисты, и которого в последний момент спас сам Сталин.) С конца 30-х годов происходит переворот в кинематографе, снимаются мощные национально-патриотические фильмы: «Александр Невский», «Иван Грозный», «Минин и Пожарский», «Петр I», «Суворов» и другие. Такой же поворот происходит и в театре – он перестает быть «экспериментальным». Из живописи удаляется «авангард». К концу 30-х снижается давление на церковь; ее возрождение начнется в 1943 году по инициативе Сталина. В армию возвращаются офицерские звания, в 1943 году – погоны; восстанавливается казачество. Происходят изменения в быту. Например, народу возвращается новогодняя елка, которая после 1917 года была объявлена буржуазно-религиозным пережитком. Изменяется и многое другое.

В 1936 – 38 годах происходит радикальная чистка правящей элиты. Под нее попадают в первую очередь троцкисты-космополиты, составляющие в правящем классе и интеллигенции очень большой процент. «Революция пожирает своих детей». Однако при этом репрессии затрагивают и многих невиновных людей. В первую очередь, по оговорам и ложным доносам, которые зачастую не проверяются ретивыми и нечистоплотными исполнителями на местах. Но так, к сожалению, происходит при любых массовых репрессиях, когда команда дана, маховик запущен и надо «гнать план». Как уже упоминалось, других, чистеньких исполнителей грязной работы просто не бывает. Однако главная причина так называемых перегибов заключается даже не в этом, а в том, что в руководстве ОГПУ – НКВД, и в *провинциальных* органах власти до 1939 гг. преобладают троцкисты-русофобы, которые используют репрессивную машину для уничтожения русских патриотов – от простых крестьян до руководителей всех уровней («ежовщина»).

Что же касается вины в этих «перехлестах» самого Сталина, то она, безусловно, была, поскольку правитель должен отвечать за все. И за «лес», который рубят, и за «щепки», которые летят. Единственное, что может

оправдать Сталина в этот период – это тот безусловный факт, что до 1939 - 40 гг. он всей власти еще не имел. И поэтому вынужден был считаться с разросшейся партноменклатурой, которая, зачастую, саботировала многие его начинания. Например, попытку ввести альтернативные выборы партийного и советского «начальства» в 1935 – 36гг. Сталин в сердцах называл эту новую партийную элиту – «кастой проклятой». (Вам это ничего не напоминает?..)

Описывая жестокости европейского надлома, Гумилёв подчеркивал различие между первой и второй инквизицией, которая свирепствовала в период Реформации, и которая, наряду с виновными, очень часто отправляла на костер невиновных людей, обвиненных в колдовстве. В отличие от первой инквизиции, вторая инквизиция доносы *не проверяла*. А доносов было очень много… «Процессы против ведьм, писал Гумилёв, начались в XV в., причем несчастных женщин никто не обвинял в ереси и борьбе против церкви. Их сжигали за то, что они были не похожи на других… Получался своего рода геноцид: гибли люди честные, гнушавшиеся доносительством, и талантливые, вызывающие зависть, а размножались морально нечистоплотные тупицы, породившие поколение европейского обывателя, характерное для XIX в».

Здесь прослеживается прямая параллель с перегибами и *массовым доносительством* в период сталинских репрессий (особенно в 1937-38 гг.), от которых пострадал и сам Гумилёв. 14 лет тюрем и лагерей – это серьезно…

Все это, конечно же, повлияло, как на отношение Гумилёва к личности Сталина, так и на его оценку всей эпохи сталинизма. (Ученый говорил про Сталина, что «он – типичное сочетание пассионарности с негативным… выбором».) Однако, несмотря на душевную травму, нанесенную ему системой, различие между большевиками-космополитами первой волны и коммунистами-государственниками периода позднего сталинизма Гумилёв вполне осознавал, и даже называл вторых – «черносотенным крылом» в компартии. При этом непосредственными виновниками своих бед он считал коллег-историков, которые и писали на него доносы.

На одной из лекций ученого (в 1989 г.) был такой случай. Лев Николаевич в ходе изложения материала упомянул о том, как он после окончания первого срока поступил на работу в экспедицию, и оказался в глухой тайге, где «на тысячу километров не было ни одного опера». Одна молодая слушательница с пониманием подхватила: «Конечно! Это же они вас сажали!». – «Нет, не они, а мои коллеги-ученые». У девушки открылся рот…

Кризисы в надломе – это время, когда на поверхность как грязная пена поднимаются разного рода деструктивные элементы. И с этими «элементами» нужно бороться. Это вопрос выживания. Но, повторим, проблема заключается в том, что объективно необходимые репрессии эти люди-разрушители («негативщики») и их союзники субпассионарии всегда используют в своих подлых целях, фабрикуя доносы на честных, талантливых и патриотичных людей. Особенно рьяно они стараются, когда попадаются сами.

Генерал Горбатов, попавший под каток репрессий в 1938 г., вспоминал: «Мой сосед по нарам, большой начальник…хвалился, что оклеветал 300 человек» (!). Вячеслав Молотов спустя десятилетия говорил о репрессиях:

«Устроить чистку партии – это опасно очень. И начнут чистить лучших… которые честно, прямо говорят. А те, у которых все шито-крыто, перед начальством готовы выслуживаться, те сохраняют свои позиции». И в другом месте: «И нарочно нам подсовывали, и невиновные попадались… А откладывать было нельзя, война готовится».

Отсюда следует, что даже вполне обоснованные репрессии против реальных, а не выдуманных врагов народа, всегда дорого обходятся и государству и народу…

Комментарий 1

Если посмотреть на космополитическую (троцкистскую) партию с позиций теории этногенеза, то мы увидим, что она представляла собой типичную *антисистему.* Антисистемой Гумилёв называл группу людей объединенных *негативным мироощущением* (неприятием действительности), нацеленных не на созидание, а на разрушение, т. е. упрощение системы. Главная установка всех антисистемных идеологий следующая – надо в корне изменить этот неприятный мир, желательно самым радикальным образом!

Антисистемные сообщества, оторванные от своих этносов, по сути **безнациональные,** проявляли себя в истории не единожды. Как правило, **они возникали в результате образования *этнических химер* на стыках двух-трех *несовместимых* суперэтносов,** при условии, что один из них переживал пассионарный спад (особенно при смене фаз этногенеза). Сложившиеся химеры «как бы расширяли трещины между плитами» суперэтносов, заполняя их деструктивным содержимым. Яркий пример проблемной зоны суперэтнического контакта в древности — это Большой Ближний Восток, где соседствовали суперэтносы: Римский (потом Византийский), Персидский, Арабский и маленький Еврейский. (Это не считая других этносов.)

Химера – это соединение несоединимого на суперэтническом (этническом) уровне, когда происходит *массовое* смешение представителей несовместимых, отрицательно комплиментарных этносов. То есть – соединение чуждых стереотипов поведения, систем ценностей, мировоззрений (на глубинном уровне – архетипов). В результате чего происходит потеря идентичности — этнической и религиозной — люди не знают, кто они? Образно говоря, химера – это этническая какофония, «звучащая» на отдельно взятой территории.

Гумилёв писал: «Возникая на рубеже двух-трех оригинальных суперэтносов, химера противопоставляет себя им всем, отрицая любые традиции и заменяя их постоянно обновляемой «новизной». Следовательно, у химеры нет отечества». И далее: «в ареалах столкновений этносов, где поведенческие стереотипы неприемлемы с обеих сторон, повседневная жизнь теряет свою повседневную обязательную целеустремленность и люди начинают метаться в поисках смысла жизни, которого они никогда не находят. И вот тут-то возникают философские концепции, отрицающие благость человеческой жизни и смерти, то есть диалектического развития. Антипод материалистической диалектики – это антисистема, то есть упрощающаяся система». Это – одно из важнейших открытий Гумилёва!

Антисистема является образованием жесткого типа. Она автоматически исключается из природного саморазвития, т. е. этногенеза, поэтому *возраста не имеет*. При этом она всегда очень активна, т. е. пассионарна со знаком минус. И эта активность может расти за счет встреч с пассионарным окружением. «Антисистема вытягивает пассионарность из этноса как вурдалак, ее цель – не созидание, а… аннигиляция (т. е. полный распад. – Авт.)»

Если этнос сильный и здоровый, то антисистеме в нём угнездиться трудно. Если же больной или слабый, то антисистема развивается в его теле как раковая опухоль. Это характерно, в первую очередь, для кризисных фаз надлома и обскурации. Такими антисистемами, отмечал Гумилёв, были сообщества гностиков, манихеев, исмаилитов, альбигойцев и др. Все эти организации (в основном – секты) объединяло одно – *жизнеотрицание.* То есть, категорическое неприятие действительности, которая зачастую считалась лишь иллюзией.

Гумилёв писал: «То, что манихеи называли Светом, гностики – Плеромой, каббалисты – Эн-Соф (Беспредельное и Бесконечное Ничто), а некоторые схоласты – «Божественным мраком», ныне описано в теоретической физике, как вакуум, похищающий фотоны (частицы света), т. е. выполняющий функции средневекового Люцифера».

Люди, включенные в антисистемы, до такой степени не любили окружающий мир, что объявляли всё материальное злом и порождением Мрака. Они считали, что чистая душа «мучается в тисках материи» (манихеи). **Чтобы освободить душу, нужно было уничтожить материю!** Вступившие в секту люди, подчеркивал Гумилёв, освобождались от всех традиционных ценностей и моральных ограничений. Ложь и предательство становились для посвящённых нормой поведения. Им разрешалось всё – убивать людей и природу, разрушать храмы и дворцы, уничтожать произведения искусства и иконы. Можно, а у гностиков даже было необходимо, убивать самих себя! Ибо тела людей тоже материальны. Сектанты получали полную свободу разрушать, что было для них «радостно и приятно», но при этом они полностью теряли личную свободу. Строгая дисциплина подчиняла их Учителю, Старцу, Организации.

Важнейшим условием существования антисистем была их законспирированность. Ведь если бы люди узнали об их истинных целях, то деструктивные организации были бы уничтожены. Поэтому для внешнего мира (непосвященных) всегда придумывались привлекательные лозунги и идеи – от религиозных (спасение души в царстве «божественного света») – до просветительских («улучшение нравственности» в масонской пропаганде XVIII – XIX вв.)

Таким образом, ложь использовалась дважды: 1) нас как бы нет; 2) мы хорошие, и стремимся помочь людям, а иногда даже осчастливить все человечество! «И тут, – писал Гумилёв, – злая воля получает необходимый ей простор. Она может действовать не прямо, в чем всегда есть доля риска, а опосредованно, через обманутых дураков». Это к вопросу о «майданах».

Антисистемы существовали в телах разных народов издавна; они известны под различными названиями с I тыс. до н. э. Если условия становились

неблагоприятными, то антисистемы или «замирали», или мигрировали – перетекали из одного этноса в другой, тем самым сохраняя свою активность в течение многих веков. «А если им приходилось сменить для этого символ веры и догмат вероисповедания – не беда. Принцип стремления к уничтожению оставался тем же».

Гумилёв писал: «Когда сочетаются два поведенчески чуждых и несовместимых суперэтноса, наступает период бурных коллизий. Неизмеримо трагичнее ситуация при которой в страну переживающей смену поведенческого стереотипа (фазы этногенеза) попадает не просто чужой этнос, но уже сложившаяся антисистемная община». И далее: «Когда сочетаются не две системы, а система с антисистемой, – война становится еще более жестокой и неоправданной». Это к вопросу о катастрофичном для России XX веке.

Возникает вопрос: почему же эти жизнеотрицающие антисистемы не победили? Ведь в определённые периоды истории они становились влиятельной силой, и даже захватывали власть в некоторых землях. Как, например, террористические организации исмаилитов возглавляемые «Старцем горы» в Средневековье, или троцкисты-космополиты после революции 1917г.

Гумилёв отвечает на этот вопрос так: «**В отрицании была их сила, но так же и слабость: отрицание помогало им побеждать, но не давало победить… Идеологически антисистемы не побеждают никогда. Видимо, в самой природе заложен механизм самосохранения, сопротивляемости. Биосфера обладает способностью выделять энергию, в том числе пассионарную, которая защищает её саму**».

Вот это у Гумилёва – самое главное!

Если бы этого сопротивления не было, то человечество давно погибло.

Гумилёв не писал о тех антисистемах, которые появились в теле российского суперэтноса в фазе надлома, но если провести аналогии, то мы увидим, что они были. В начале XX в. это, во-первых, – масонские организации, занесенные из Европы и нашедшие в России своих либеральных поклонников – среди выродившейся аристократии, интеллигенции и крупной буржуазии. Во-вторых – это космополитическое большинство в руководстве всех революционных партий (большевиков, меньшевиков, эсеров, анархистов). В-третьих – все деструктивные тоталитарные секты (хлысты, скопцы и пр.) и, возможно, наиболее радикальная часть старообрядцев-беспоповцев.

Были в России и другие антисистемы, поменьше и менее централизованные. В культуре – это «художественные» объединения декадентов и авангардистов начала XX в. В церкви – либеральная группировка среди священства и профессуры духовных школ (будущие обновленцы и экуменисты-филокатолики). В социуме – это многочисленные оккультные и «философские» кружки, гомосексуальные сообщества (в основном в «верхах»), организованный криминал и прочие антисоциальные элементы, где антисистемность уже переплетается с субпассионарностью.

В Западном мире генезис антисистем был приблизительно таков: гностики (с I в.) – манихеи (с III) – павликиане (с VII) – богумилы (с X) – катары (с XII) – вальденсы (XVI) и прочие секты. Затем, с XVII в. – масоны. С XIX в. –

радикальные либералы, революционеры, антихристианские секты (вплоть до сатанистов) и пр. И, наконец, в XX веке – формируются **глобалистские наднациональные структуры** (с ответвлениями), которые сегодня называют по-разному: «фининтерн», «транснационалы», «мировое правительство» и т. д. Это уже глобальная антисистема (см. гл. «Глобализация и этногенез»).

Если же использовать более широкий подход к феномену антисистемности, то можно привести высказывание старца Паисия Святогорца, который говорил: «Одни люди похожи на пчелу, а другие на муху. Те, кто похож на муху, в каждой ситуации выискивают что-то плохое и занимаются только этим. Ни в чем они не видят ни капли доброго. Те, кто похож на пчелу, находят только доброе во всем». Замечу в скобках, что людей похожих на муху иногда можно узнать по тону – они говорят, как бранятся...

Вообще, в реальности антисистема – это не обязательно какая-то организация. В широком смысле антисистема включает в себя всех нелюбящих, ненавидящих окружающий мир людей. «Метафизических нигилистов», – как говорил Гумилёв. Или «малый народ» – в формулировке академика Шафаревича. (Который независимо от Гумилёва пришел к тем же выводам, в то же время.) Надо заметить, что здесь термин «народ» условен, т. к. антиситемы состоят, в основном, из людей, *выпавших* из своих этносов, т. е. лишенных национальной и *религиозной* идентичности (хотя, иногда, они и могут относить себя к какому-либо народу, современному или древнему).

Таким антисистемщиками в наше время могут быть: преподаватель университета, поливающий грязью историю «этой» страны, депутат, оправдывающий ювенальную юстицию, делец, получающий удовольствие от ограбления «этого» народа. Это может быть режиссер, уродующий классические пьесы, «художник», рубящий иконы, телеведущий, пропагандирующий разврат, священник, защищающий «цветных революционеров», или создающий свою секту. Да, вообще, кто угодно. Например, если в трудовом коллективе или учебной группе заводится один такой антисистемщик, то вскоре начинает лихорадить весь коллектив.

Люди подобного типа воспринимают окружающий мир в каком-то ненавистном, темном свете. Это такое свойство психики. Например, просыпается антисистемный человек утром, смотрит в окно и видит там не начало нового дня, а «ужасное» небо, «мерзкие» деревья, «гадкую» собаку во дворе. Затем выходит на улицу и сталкивается с самым неприятным – «этими отвратительными людьми вокруг». В психиатрии это называется социопатией. И это не лечится.

Такие ненавидящие человеческие типы живут в состоянии непреходящего внутреннего дискомфорта, а наиболее оголтелые из них – в состоянии почти постоянной *психической ломки*. И им становится легче только тогда, когда они делают какое-нибудь зло, или хотя бы, — что-нибудь резкое «против правил» (т. е. традиции!). Жизнь для них, действительно, так болезненна и неприятна, что в отместку её хочется все время «реформировать» под себя (как в известной песне: «пусть лучше он (мир) прогнется под нас!»). В крайнем пределе – ее надо разрушить, как таковую. Ну, сколько можно мучиться!!

При этом антисистемщики прекрасно умеют маскироваться под «интеллигентных людей». Но не все: когда вы видите на улице человека с устойчивой печатью зла на лице, скорее всего, вы встретились с представителем антисистемы. Во всех позитивных религиях это явление давно известно и описано. В Православии – это бесоподобные люди. Армия сатаны...

Но вернемся к теме элит. Важно подчеркнуть, что после свержения самодержавия в Феврале 1917 г. правящая элита радикально обновилась дважды. Сначала после октября 1917 года, когда во власть кроме инородцев пришло немало простых русских мужиков от сохи и от станка – в основном в среднее и нижнее звено. Они были не очень грамотны, но очень энергичны и быстро учились. Второе обновление произошло после 1937-38 гг., когда была снята почти вся старая интернационал-большевистская верхушка. На смену им пришло около 500 тысяч молодых руководителей, – в большинстве своем **пассионариев из низов,** – которые были уже более образованны, хотя и недостаточно опытны. Но самое главное, они не были оторваны от своего народа, от своей национальной почвы. И это позволило решить те сверхзадачи, которые стояли тогда перед страной.

Таким образом, с точки зрения этногенеза произошла не просто смена правящего класса, а его, если так можно выразиться, *русификация*. Что, впрочем, вовсе не исключало наличия во властных структурах представителей других (коренных) наций – Россия все-таки страна многонациональная.

Если посмотреть на сталинских наркомов, маршалов Великой Отечественной, директоров заводов, и многих других советских руководителей той эпохи – то мы увидим, что подавляющее большинство из них вышло из народа, из простых русских рабочих и крестьян. (Как вспоминал Д. Устинов, ставший наркомом вооружений в 33 (!) года: «Сталин убрал этих… и призвал нас, русаков…») Ну, как тут не вспомнить знаменитый сталинский тост за русский народ на банкете в честь Победы.

Но, главное: при Сталине впервые после Петра I возобладала безоговорочная установка на **самостоятельное цивилизационное развитие.** На свой собственный, без оглядки на Запад или кого-то еще, русский путь. И не столь важно, что тогда это называлось советским социализмом и проводилось под коммунистическим флагом. По сути, это было возвращением к исторической России, к своей этнической традиции в *новых исторических условиях*. Это было возврат к *мессианской идее* спасения человечества и к традиционному – *общинно-монархическому укладу* (который хотя и стал с XIX в. разрушаться, но далеко еще не исчерпал себя). «Железный занавес» был опущен очень вовремя! Он стал необходимым условием выживания Русской цивилизации в тяжелое время надлома.

Именно тогда был заложен тот мощнейший запас прочности, на котором то, что осталось от сверхдержавы, держится до сих пор!..

Несмотря на коммунистическую риторику, в СССР национальное, патриотическое с конца 1930-х годов возобладало над классовым, интернациональным. Если бы этого не произошло, мы не смогли выиграть

войну. Потому, что международная солидарность трудящихся, о которой твердили ортодоксальные марксисты, дело, конечно, хорошее, но как показала практика – неосуществимое: во время второй мировой войны рабочие всех стран били друг друга без всякой оглядки на классовую солидарность. Можно сказать, что при Сталине марксистский, интернациональный социализм стал превращаться в социализм национальный. *Русский социализм*. Именно эта идеология позволила нашей стране совершить невиданный в истории рывок и в кратчайшие сроки превратиться в сверхдержаву.

Конечно, были потери. И главной из них была утрата государственной религии – Православия и последовавшие за этим репрессии против священников, русских патриотов-черносотенцев и право-консервативной интеллигенции. Но это – фаза надлома, а в надломе, увы, без потерь не бывает; тем более, в эпоху наступления глобализации и разрастания больших и малых антисистем. В надломе, повторим, всегда происходит насилие над *этнической традицией* и главенствующей религией. Так было в Европе (Реформация), Византии (Иконоборчество) и других цивилизациях Древнего мира (со своими особенностями). Поэтому, заметим в скобках, предъявлять к людям, действующим в эту эпоху, *завышенные* требования, как это делают сегодня многие «эксперты», значит проявлять историческую близорукость.

Таким образом, с точки зрения этногенеза **коммунисты-сталинцы произвели ту самую *социальную перестройку*, которая, как мы помним, «не поспевала за резким спадом пассионарности» во второй половине XIX – начале XX вв.** Они не пытались, как монархисты и либералы перескочить в другую фазу; они не пытались, как троцкисты, вообще выйти из этногенеза и устроить мировой погром; они просто спасали страну в конкретно-исторических условиях, то есть – в экстремальных условиях русского надлома, ужесточенного вмешательством внешних сил.

Если посмотреть на проблему с этнологических позиций, т. е. посмотреть в корень, то мы увидим, что в первой половине XX в. были решены две важнейшие задачи: 1) Удаление из политической системы либерально-масонской группировки руками большевиков-революционеров. 2) Отстранение от власти большевиков-революционеров руками коммунистов-сталинцев.

Это были контрудары по самым опасным на тот момент **антисистемам**, которые успели сложиться задолго до краха империи: либеральная – в конце XVIII в., революционная – во второй половине XIX в. Эти антисистемы не были уничтожены полностью, но понесли очень серьезные потери, особенно первая. Алгоритм такой: система – антисистема – антисистема – система. (Ну, а в конце XX в. – опять…)

Следует добавить к этим позитивным моментам и резкое сокращение числа субпассионариев, которое в основном совпадает с волнами 1917 –1920 гг., и 1928 – 1933 гг.

Что же касается «ужасов сталинизма» и «десятков миллионов» погибших от репрессий, то здесь надо заметить следующее. Во-первых, десятков миллионов не было. Реальные цифры уже давно вошли в учебники. За весь

сталинский период (1921 – 1953 гг.) за политические (контрреволюционные) преступления было осуждено 3,8 млн. человек, что составило 20,2 % от общего числа заключенных, в большинстве – уголовников. За этот же период были приговорены к расстрелу почти 780 тыс. человек. Численность заключенных в лагерях и колониях колебалась от 1,7 млн. человек в 1940 г. до 2,5 млн. человек в 1953г. (плюс 2,5 млн. ссыльно-поселенцев в нач. 1950-х гг.). Население СССР перед войной составляло 196 млн. человек.

Для сравнения: сегодня на 140 млн. населения РФ количество заключенных – около 700 тысяч. И это при том, что начальников-коррупционеров и других *государственных* преступников среди них почти нет… Пока нет. (Интересная параллель: по меткому замечанию профессора Катасонова, многие партийные руководители, репрессированные в 1936 – 1938 гг. были не только идейно-политическими противниками сталинского курса, но и являлись своего рода «оффшорной аристократией». Дело в том, что с 1917 по 1925 гг. руководство ВКП (б) вывело в западные банки большие деньги: одну часть – на счета банкиров-спонсоров, другую – на счета Коминтерна, третью – на счета предъявителей. Особенно постарались связаные с «Фининтерном» Свердлов и Троцкий. После получения органами НКВД в 1936 – 1938 гг. признательных показаний от «предъявителей», значительная часть денег была возвращена в Россию.)

Таким образом, надо признать: сталинская командно-мобилизационная система, при всех ее недостатках, была самой подходящей системой для выживания в экстремальных условиях экономической отсталости (в 20-е гг.) и враждебного внешнего окружения. Но, главное – эта система была эффективной в условиях так до конца и не преодоленного после 1917 года *этнического раскола и активизации антисистем*. Когда в семье нет прочного единства – нужен строгий хозяин. Сталина так и называли в ближайшем окружении – «Хозяин».

По-другому мы бы просто не выжили. Гитлер сломал зубы именно об эту систему. В 1941 году русский солдат столкнулся с мощнейшей военной машиной, отступил, но выстоял. А в 1917году, при меньшей опасности, тот же русский солдат позорно бежал с германского фронта, да ещё и грабил по дороге. Почему? Ведь за 25 лет он биологически почти не изменился. Изменилась *этническая*, а вместе с ней и социально-политическая система!

Для того чтобы стало понятнее, что такое русский надлом, приведем следующее сравнение. В первую Отечественную войну 1812 года не нужно было призывать к патриотизму – на врага поднялся весь народ. А через сто лет, в конце первой мировой войны, в стране уже вовсю орудовала пятая колонна, и русские солдаты не воевали, а митинговали, забыв о всяком патриотизме.

В Великую Отечественную – выстояли, и был патриотизм. Но был и антипатриотизм. Не надо забывать, что на сторону Гитлера перешли не только прибалтийские, украинские, кавказские и другие националисты (которых в 1812 г. по понятным причинам быть не могло), но и немало русских. Именно из них набирались власовцы, полицаи и другие предатели, в основном – кулаки и

субпассионарии. Поэтому в этот период потребовался уже серьезный аппарат насилия, в том числе войска НКВД, заградотряды и лагеря.

По поводу пятой колонны Молотов совершенно справедливо говорил, что если бы не чистка 1937 года, то власовых во время войны было бы гораздо больше. (И дело здесь не в «антикоммунизме» власовых, и даже не в их шкурничестве, а в их *антисистемности*.) А когда к осени 1941 года сотни тысяч советских солдат и офицеров оказались в плену – причем, многие сдались добровольно – Сталин сказал: «у нас нет пленных, а есть предатели Родины». Безусловно, в поражениях 1941 – 1942 гг. была большая доля вины самого Сталина. Но было и другое – тогда сработал известный закон: если запаса патриотизма не хватает, то какую-то часть народа приходиться заставлять спасать самих себя. Шкурников и субпассионариев зажимать в ежовые рукавицы и подгонять прикладом, пятую колонну – расстреливать. Именно в этом суть жесткой, мобилизационной системы. Иначе она просто не нужна...

Однако, все эти неприятности надлома не смогли заслонить главного – победы в Великой Отечественной войне. Главным источником Великой Победы стал русский народ, объединивший вокруг себя большинство народов нашей страны. «Наша пассионарность оказалась выше немецкой», – говорил Гумилёв о *глубинных* причинах поражения фашистской Германии.

Очевидно, что при всей важности военной техники и профессионализма военачальников, главной силой на войне был и остается простой солдат. Война – это постоянное сверхнапряжение, *работа на износ*. И на фронте, и в тылу. Это хроническое недосыпание, порой недоедание, ночевки под открытым небом, марши по 30 км., тяжелые земляные работы и много чего еще. Поэтому побеждают в войне, как правило, более выносливые, то есть пассионарные люди. Гумилёв вспоминал: «Я воевал в тех местах, где выживали только русские и татары. Войны выигрывают те народы, которые могут спать на голой земле. Русские и татары могут, а немцы – нет. Немцы воюют по часам, и только когда кофе попьют, а мы – всегда».

Сталинская «командная» система проработала, вероятно, максимально возможный срок – 25 лет. Но когда основная задача по восстановлению разрушенного войной хозяйства и укреплению обороноспособности была выполнена, возникла естественная потребность в дальнейшей модернизации существующей *социальной* системы. Мобилизационная модель должна была уступить место другой, более гибкой и менее централизованной модели. Ведь, как мы знаем, любая социальная система (жесткая система открытого типа) имеет свои пределы во времени. В начале 50-х гг. подошло время делать ремонт. И еще – нужна была *передышка*. Невозможно напрягать не выздоровевших до конца людей так долго – они не выдержат. И, видимо, прагматик Сталин все это понимал. Но… не успел.

При Хрущеве вместо ремонта-модернизации была произведена *деформация* социальной системы, точнее – первый ее этап. А вместо здоровой

передышки народ получил нездоровую «оттепель», ставшую прологом «реформ» 90-х… Почему так произошло?

Если посмотреть на все это с позиций этногенеза, то получается, что болезненная операция 1917 – 20 гг., а затем следующая 1936 – 38 гг., не привели к полному выздоровлению национального организма, то есть – к преодолению этнического раскола и удалению из этноса антисистемы. Поэтому внутреннего единства и гармонии достичь не удалось. Эти две операции принесли лишь временное, хотя и весьма существенное облегчение, которое было достигнуто за счет зачистки либералов (буржуазного типа) и троцкистов. А так же – за счет резкого сокращения числа паразитов-субпассионариев, которых взяли в «ежовые рукавицы» и заставили работать на общее дело.

В этнологическом смысле сталинизм **–** это попытка выйти из надлома за счет мобилизации *резервных сил* русского народа. **Сталинский период – это этническая регенерация, но не полная, а частичная**. В этнической системе, повторим, остались инородные, конфликтные элементы: все те же либералы-западники и диссиденты-космополиты. Болезнь продолжала тлеть где-то внутри, и к концу XX в. вновь вылезла наружу. *Глубинные причины крушения СССР уходят корнями именно в этот, до конца не преодоленный, «домашний» этнический раскол, отягощенный наличием антисистемы.*

Вообще, практика показывает, что устойчивость в «раскольничьей» фазе надлома может поддерживаться только силой. А поскольку её (т.е. пассионарности) в условиях энергетического спада надолго не хватает, рано или поздно этническая система вновь выходит из состояния равновесия и начинает стремиться к распаду. Этот сначала незаметный, а затем все более нарастающий внутренний распад мы наблюдаем со второй половины 50-х годов до середины 80-х годов – от Хрущёва до Горбачёва. (Сталинская терапия помогла лет на пятьдесят (с 30-х до 80-х гг.), что для надлома совсем немало…)

При Хрущеве, который был не только недалеким политиком, но еще и ортодоксальным марксистом, происходит верхушечный либеральный переворот. Он имеет троцкистский оттенок – национальная линия вновь меняется на «интернациональную». Движение по пути русского социализма, начатое при Сталине, прекращается, так и не успев набрать нужные обороты. При этом открывается форточка на Запад и в нее, как водится, сразу же начинает задувать всякую заразу.

В конце 1950-х начинаются гонения на Православную Церковь – из 14 тысяч храмов, открытых при Сталине, закрывается половина. Тогда же запускается спецпроект по разложению Церкви изнутри при помощи агентуры – «предателей в рясах». Наносится удар по деревне, то есть по традиционному русскому укладу (мечта Хрущева – превращение деревень в агрогорода (?!)). Вновь оживляется либеральная интеллигенция, которая, как всегда начинает обличать «деспотизм» и кланяться в сторону Запада. Вылезают из щелей недобитые троцкисты. В это время они называют себя уже по-другому – «детьми оттепели» и «борцами за свободу».

Еще одна закономерность русского надлома: как только к нам приходит «оттепель» и появляется больше «свободы», то сразу становится меньше

патриотизма и больше русофобии. И при этом самая ненасытная, «реформаторская» часть правящего класса начинает воровать с удвоенной силой. Так было и в XIX веке: при Александре I, Александре II, и, особенно, при последнем царе Николае II.

Когда послесталинская «демократизация» заходит слишком далеко, наступает реакция – Хрущева сбрасывают. Но начало уже положено и «процесс пошел». При раннем Брежневе (вторая пол. 60-х гг.), как и при Александре III умеренные консерваторы-почвенники ненадолго берут верх. («Надо подморозить Россию, чтобы она не гнила.») Но уже с середины 70-х годов отчетливо проявляется и начинает усиливаться все та же либеральная, антинациональная линия.

Этот поворот хорошо заметен по либерализации культуры (барды, «авангард», «экспериментальный» театр и пр.), и, особенно, по кинематографу. Если в начале-середине 70-х еще снимается множество героико-патриотических и «народных» кинокартин (яркие примеры – киноэпопея «Освобождение» и «Калина красная»), то с конца 70-х в моду входят фильмы, где герой – вечно плачущий интеллигент или «лишний человек» («Полеты во сне и наяву», «Отпуск в сентябре», «Осенний марафон»). Появляется и замаскированные под аллегории, а, по сути, – *антисистемные* картины. Впереди всех – Марк Захаров со своими фильмами-сказками.

Позднесоветский строй загнивает изнутри. И гораздо быстрее, чем загнивал царский строй – запас прочности в *конце надлома* уже не тот. Симптомы разложения все те же. Это духовно-нравственный кризис – неверие в новую религию – коммунизм. Размывание традиционных ценностей – от патриотизма и коллективизма до уважения к старикам. Деградация правящей партийной элиты – коррупция, блат, безответственность и отрыв от народа. Раскол в среде интеллигенции – на либералов-западников (их опять большинство) и русистов-почвенников. Всё те же вопросы: «Что делать?» и «Кто виноват?»…

Пассионарность заметно снижается. Простой народ все больше развинчивается, отлынивает от работы и пьянствует. Воровать «у государства» уже не считается преступлением – появляется целый слой «воришек-несунов», уносящих с места работы все, что плохо лежит, от гайки до готовых изделий. В 1960 – 1980-е годы резко увеличивается число субпассионариев, которые становятся особенно заметными в крупных городах. Это бомжи, тунеядцы, алкоголики, мелкие преступники, с которыми, как упоминалось, в сталинские времена не церемонились, а отправляли на Беломорканал и другие «стройки коммунизма».

Наряду с этим, в послесталинскую эпоху начинает набирать силу предприимчивый обыватель, так называемый буржуазный человек. (Появился он, как мы знаем, раньше – во второй половине XIX в.) В позднесоветскую эпоху буржуазный человек еще не составляет большинства в составе этноса, но это человек будущего – предприниматель и накопитель денег из следующей, инерционной фазы. *Этот городской кулак наряду с субпассионариями и «кухонными диссидентами» разъедает изнутри строй «развитого*

социализма». Он первым соблазняется материальным изобилием западного общества потребления. И это при его активной поддержке у нас начинаются либерально-буржуазные реформы начала 90-х гг.

Символично, что сам Ельцин вышел из семьи раскулаченных крестьян. Таких скрытых кулаков-антикоммунистов в составе советской элиты уже немало. Достигнув власти, они начинают стремиться к «освобождению от пут командной системы», то есть – к получению крупной собственности и свободного доступа к благам и удовольствиям «цивилизованного мира».

Таким образом, буржуазный человек у нас вызревает, точнее, продолжает вызревать в недрах антикапиталистической советской системы. Первой обуржуазивается партийная номенклатура, которая при Хрущеве получает *монополию* на власть и перестает бояться ГУЛАГа. Затем наступает очередь нижних и средних слоев. Дети пролетариев, достигнув некоторого благосостояния, очень быстро превращаются в мелких буржуа.

И что характерно – значительная часть этих гармоничных городских обывателей начинает отрываться от родной русской почвы и перенимать западные ценности, то есть превращаться в «западников». Кто-то отрывается не очень сильно и больше обезьянничает на западный манер, кто-то отрывается наполовину, а кто-то – полностью и от всей души. Подчеркнем, речь здесь идет не о представителях высших классов советского общества и верхнем слое интеллигенции, как это было в XIX веке, (этим положено отрываться от почвы), а о выходцах из простых рабочих и крестьян. Как уже говорилось, слаб обыватель перед соблазнами красивой и богатой жизни «как у них», особенно обыватель *урбанизированный*, выпавший из деревенской, традиционной культуры. И особенно – в век радио и телевидения… «Железный занавес» в это время превращается в занавеску с большими дырами, и соблазнительная западная картинка приходит к советскому гражданину прямо в дом.

Таким образом, в позднесоветскую эпоху 1970 – 1980-х гг. мы вновь сталкиваемся с той же бедой: пассионарной депрессией, расколом этнической системы и активизацией антисистем. С одной стороны все те же жадные до денег и свободы «демократы-реформаторы», с другой – консерваторы-почвенники (нерусские русские и русские русские), с третьей – революционеры-диссиденты (в основном нерусские). И все это – на фоне увеличения числа буржуазных людей (модернизированные русские) и расплодившихся паразитов-субпассионариев (выродившиеся русские). В семье-системе после смерти строгого отца Сталина вновь появляется множество раскольников и дармоедов. Создается благоприятная почва для внутренних раздоров. *И этим тут же пользуются враги*.

С конца 80-х, при «западнике» Горбачёве (тоже выходце из простых рабочих и крестьян) процессы разложения старой советской системы резко ускоряются – количество переходит в качество, и в 90-е годы, при Ельцине, происходит катастрофический обвал, полураспад этнической системы. Страна погружается в яму. Нижняя точка – дефолт 1998 года…

События конца 1980-х – 90-х гг. заслуживают отдельного разговора, но одно замечание сделать можно. Если внимательно посмотреть на радикальных

демократов 90-х гг., и их последователей – неолибералов, то мы увидим, что между ними и троцкистами 20-х – 30-х гг. очень много общего. Та же нелюбовь к России, крайний экстремизм в действиях, и нацеленность вовне – у одних на мировую революцию, у других на либеральную глобализацию. Флаги разные, суть одна – антисистемная.

После сталинской зачистки «старых большевиков», негативная антисистема потерпела значительный урон, но никуда не делась. (Детишки подросли!) Она затаилась, затем дождалась хрущевской «оттепели», и продолжила свое «развитие». Проявляла она себя в это время по-разному. Ее представителями при Брежневе стали, с одной стороны, диссиденты, с другой – «кроты» и «агенты влияния» в органах власти и спецслужбах. При Горбачеве – это были «перестройщики» из либерального крыла КПСС (яковлевы-шеварнадзе). При Ельцине – «реформаторы» гайдаро-чубайсовского типа. Ну а при Путине самой *крикливой* частью антисистемы явились «цветные революционеры» вкупе с представителями либеральных СМИ. А самой *влиятельной* ее частью – прозападные олигархи, либералы во властных структурах и «финансисты». На первый взгляд – мощная сила! Но… Но законы природы (этногенеза) оказались сильнее.

В конце 90-х гг. многим казалось, что антисистема в России взяла верх и победила систему безоговорочно, – еще немного и всё, стране конец. Однако к удивлению реформаторов и их заокеанских наставников (представителей глобальной антисистемы!) этого не произошло. Русский медведь оказался тяжело ранен, но не убит. И с 2001 – 2002 гг. «вдруг» началась *незаметная* на первых порах регенерация этнической системы. Не экономической, не социальной, и даже не политической, а именно этнической системы! В середине «нулевых» появились первые проблески надежды, а к 2012 – 2014 гг. стало ясно – произошёл какой-то внутренний перелом. Опять сработал инстинкт самосохранения! **Наш народ умирать не захотел**. Наиболее консервативная часть политической элиты, которую условно можно назвать либерально-патриотической, очень немногочисленная, это почувствовала и мелкими шажками пошла в ногу с историей…

Как процесс национального возрождения пойдёт у нас дальше, прогнозировать трудно. Скорее всего, он не будет ровным, а пойдёт с остановками и «либеральными» отступлениями. «Пятая колонна» пока еще сохраняет свои позиции во властных структурах и СМИ. (Собственно, первая остановка и происходит в 2008 – 2011гг., в период президентства Медведева.) В настоящее же время – спустя двадцать пять лет с начала «реформ» – мы имеем ситуацию, **когда «либералы» уже не могут справиться с Россией, а Россия пока еще не может справиться с «либералами».** Если взглянуть на процесс не с «позиции мыши» (все пропало!..), а с «высоты полета орла», то динамика – положительная. И нет никакого сомнения в том, что эта динамика в стратегической перспективе будет только нарастать. Несмотря ни на что!

И здесь еще раз надо подчеркнуть, что у антисистемы есть свое слабое место, на которое нам указал Гумилёв: **Отрицание помогает ей побеждать, но не дает победить окончательно**. На практике это означает, что после любого

революционного переворота, отменяющего старый строй, во властные структуры приходят не только паталогические разрушители (их слишком мало), но и потенциальные созидатели, нацеленные на конкретную управленческую и хозяйственную работу. С течением времени сама логика мирной, созидательной жизни неотвратимо приводит их к конфликту с «разрушителями», которые мирной жизнью, по природе своей, жить не способны.

При этом идеализировать «созидателей» не следует, жертвенных идеалистов среди них, как правило, не бывает. Большинство новых руководителей и «крепких хозяйственников» просто не желает лишаться того, что оно успевают приобрести, находясь у власти. И вот здесь прагматичные интересы консервативной части бюрократии, которая при всех ее недостатках нацелена жить не в «этой», а в *своей* стране, и простого народа совпадают – и тем и другим для элементарного выживания нужна стабильность и новый проект будущего. А на одном только отрицании ни того, ни другого не построишь. И поэтому, если пассионарность в этнической системе не утеряна, и внешние условия благоприятствуют, – «созидатели», получившие поддержку народа, рано или поздно начинают выдавливать «разрушителей» из управленческих структур и укреплять властную вертикаль. То есть – проводить **поэтапную консервативную революцию**. С этого переломного момента преодоление послереволюционного кризиса становится вопросом времени. По той же схеме: система – антисистема – система…

Хочется верить, что дальнейший процесс восстановления страны пойдёт мирным путём. Однако это будет возможно, только в том случае, если в наши внутренние дела не вмешаются внешние силы. А врагов у России меньше не стало, даже прибавилось. И очевидно, что в сложившихся условиях, их активность будет только нарастать. Но… Но с другой стороны история учит, что когда холодная война перерастает в *горячую*, то, при *положительной динамике этногенеза*, все внутренние восстановительные процессы в государстве резко ускоряются. И в первую очередь – процесс освобождения от «пятой колонны»!

Делаем вывод. Если мы внимательно посмотрим на всю, почти двухсотлетнюю фазу надлома в России, то обнаружим, что эта болезненная фаза имеет ряд *отягчающих* особенностей.

Русский надлом усугубило:

1) Вторжение западной идеологии и культуры, что привело к образованию идеологических химер.

2) Переусложнение системы, вызванное большим приливом иностранцев из некомплиментарных суперэтносов, как на уровне правящей элиты, так и на уровне этнической системы, что привело к образованию этнических химер.

3) Развитие в XIX – начале XX вв. в теле суперэтноса активной антисистемы, точнее – двух антисистем: либеральной и интернационал-революционной.

4) Жестокие классовые противоречия, обусловленные скачкообразным ростом российского капитализма во второй половине XIX в.

5) Глобализация (с нач. XIX в.), которая по времени почти совпала с русским надломом, и которая деструктивно повлияла, как на российский этногенез, так и на все значимые этногенезы XX века...

6) Влияние НТР и, в первую очередь, – революция в информационных технологиях во второй половине XX века.

Это основное, ряд можно продолжить.

Получается, что нам достался не просто надлом, а очень тяжелый, *растянутый* надлом. Поэтому следует удивляться, не тому, что «у нас в России все не как у людей», а тому, что мы все еще живы и надеемся жить дальше. А это, в свою очередь, означает, что русская пассионарность далеко еще не растрачена. Согласно теории Гумилёва наша пассионарность находится на оптимальном среднем уровне. Силы есть. Но проблема в том, что эти силы до сих пор раздроблены на большие и малые группы под разными флагами. (Главная беда надлома – раскол!) Поэтому политическая задача современности заключается в том, чтобы изжить застарелые красно-белые и прочие противоречия и определиться с идеологией возрождения. Но это станет возможно, если решиться главная, *этническая* задача, которая заключается в том, чтобы не дать себя убить на выходе из надлома…

Наша этническая задача сегодня – дожить до стабильной фазы инерции. Продержаться, пока все *идет само*. Да-да – само! Потому, что **этногенез – это природный процесс, который директивами политиков отменить невозможно. И который подстегнуть невозможно!** Это вовсе не значит, что следует опустить руки и ничего не делать. Это значит, что нужно идти в ногу с историей и не бежать впереди паровоза… Быть каждому на своем месте, делать свое дело и не расслабляться – *этническое время работает на нас*.

Сегодня, судя по всему, наш потрёпанный суперэтнос переживает болезненный *фазовый переход.* Вероятно, большая часть этого «пути над пропастью» уже пройдена; однако и тот отрезок, что еще предстоит преодолеть, может растянуться на годы. И не исключено, что это будут неспокойные годы.

Мы знаем, что в период фазового перехода от надлома к инерции внутренний ментальный конфликт обостряется. Старые, традиционные стереотипы поведения и мировоззренческие установки уходят, а новые еще до конца не утвердились, что и приводит к ментальному шторму – *какофонии мировоззрений и мироощущений*! (Это, к вопросу об «общенациональной идеологии» и отсутствии у страны стратегической цели: «Куда идем?!»).

Однако, если мы переживём эту последнюю неприятность, и выйдем, наконец, из финального кризиса надлома, то впереди нас ждёт благополучная и спокойная фаза инерции – «золотая осень цивилизации» – самое лучшее время для гармоничного большинства. Тогда можно будет, наконец, прийти в себя и немного отдохнуть.

Но это, разумеется, без поправки на глобализацию, цифровизацию и прочие безобразия современного мира, которые принесут нашему народу еще немало неприятностей, но не смогут отменить железных законов этногенеза!

Мы – на пороге нового, большого периода Русской Истории.

«Хорошая жена, хороший дом,
что еще надо человеку,
чтобы встретить старость».
Из известного к/ф

Фаза инерции (золотая осень)

В начале этой фазы этническая система восстанавливается и вновь обретает устойчивость. Энергии в этот период меньше, чем в предыдущих фазах, но зато она вполне поддаётся координации со стороны власти. Что позволяет *консолидировать* этнос, навести порядок в стране и даже совершить рывок вперёд. В Древнем Риме фаза инерции занимает период с конца I века до н.э. по II век н.э., когда после окончания гражданских войн Рим начинает экспансию, богатеет и становится империей. В Византии – это IX – XI вв. – время успокоения после религиозных столкновений VIII века и период экономического роста. В Западной Европе – это XVII – XX вв. – эпоха капитализма и колониальных войн, в ходе которых цивилизованные европейцы ограбили полмира.

Инерционная фаза – это время стабильности, когда происходит быстрое развитие производства (техносферы), накапливаются материальные и культурные ценности, благоустраивается быт, растёт комфорт, повышается уровень жизни.

«Этнос жиреет и постепенно слабеет». Но происходит это так медленно, что современники эту нарастающую слабость не замечают. А если, некоторые и замечают, как, например, Шпенглер в «Закате Европы» (нач. XX в.), то это вызывает бурю негодования.

«В этой фазе мы наблюдаем торжество особей гармоничных – обывателей», – писал Гумилёв. *Посредственность* становится идеалом. Количество пассионариев небольшое, и оно постепенно снижается. Однако и субпассионарии уходят в тень. В фазе инерции появляется новый императив: «будь таким как я!». Это идеал среднего человека, которому следует подражать. В Риме это «золотая посредственность Августа». В Европе XIX века – «джентльмен-буржуа», в XX веке – «массовый человек» из среднего класса.

Если в Европе на ранних стадиях этногенеза образцом для подражания был благородный рыцарь, который денег не копил, а всю добычу пропивал-прогуливал с друзьями («зачем копить – всё равно в ближайшей войне убьют, а если не в этой, так в следующей»). То в фазе инерции начинают доминировать люди буржуазного типа – аккуратные, трудолюбивые и «*эмоционально пассивные»* накопители денег. Можно называть таких людей шкурниками, кулаками, торгашами и т. д., но они – главные герои. «В это время, – писал Гумилёв, – риска уже избегают. Доходы помещают в банк. Внутренние войны

заменяются голосованием в парламенте». Вместо вызова на дуэль на обидчика подают в суд. Внешние войны становятся делом военных, а не всего народа.

С привычной, социально-экономической точки зрения – фаза инерции в Европе – это буржуазная фаза, с культурологической – эпоха «модерна»…

Немногочисленным идейным пассионариям в эту эпоху жить скучно и даже противно; они зачастую не находят себе применения в жизни и превращаются в «неуспешных» людей. У многих из них возникает вопрос: ради чего все было?! Об этом хорошо сказал великий русский мыслитель Константин Леонтьев: «Не ужасно ли и не обидно ли было думать, что … апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтоб французский, немецкий или русский буржуа в безобразной и комической своей одежде благодушествовал бы «индивидуально» и «коллективно» на развалинах этого прошлого величия?..»

Однако, «эта эпоха обывателю так нравится, – писал Гумилев, – что он придумал для неё почётное название «цивилизация», состояние, по его мнению, бесконечное»... Но конец рано или поздно наступает. История учит, что именно цивилизованные империи древности, («колоссы на глиняных ногах») распадаются с потрясающей лёгкостью, под напором малочисленных и «отсталых» варваров.

В цивилизованную эпоху, особенно ближе к её концу, усиливаются **безнравственность и беззаконие**. При предшествовавшем повышении пассионарности характерными чертами были суровость, твёрдость, требовательность к себе и другим. «При снижении – характерно «человеколюбие», прощение слабостей, потом небрежение к долгу, потом преступления… **Уровень нравственности этноса – такое же явление природного процесса этногенеза, как и хищническое истребление живой природы**», – подчеркивал Гумилёв.

Нарастающее в этот период беззаконие вытекает из чрезмерной мягкости, «демократичности» закона, его постоянной изменяемости в угоду обнаглевшему правящему классу и ориентированному на максимальное потребление массовому человеку, нацеленному на получение удовольствий.

Безнаказанность даёт «*право на безобразие*», которым широко пользуются субпассионарии. Это «право на безобразие», писал Гумилёв, переносится и на окружающую природу, которую безжалостно уничтожают. Именно в это время в Европе складывается «теория прогресса», согласно которой человек должен взять от природы как можно больше. Ведь она для того и создана, чтобы «царь природы» её покорял и эксплуатировал.

Надо заметить, что такой «прогрессивный» подход к природе существовал и в древние времена, но поскольку доиндустриальная техника была намного слабее, испорченные ландшафты успевали восстанавливаться. Как это произошло после распада Римской империи. Но природа – мстит. 15 тысяч лет назад, отмечал Гумилёв, на Земле почти не было пустынь, а теперь куда ни глянь – пустыня… Сегодня уже очевидно, что если все так пойдет и дальше, то «цивилизованный» человек сам себя закопает…

«Но самое плохое в фазе цивилизации, – писал Гумилёв, – это стимуляция противоестественных миграций, а точнее – переселение целых популяций из натуральных ландшафтов в антропогенные, т.е. в города». В них могут жить пришельцы из совсем непохожих стран. Поэтому, рано или поздно, мигранты начинают вытеснять аборигенов. **Города теряют национальный облик, становятся полиэтничными.**

Яркий пример – Римская империя и ее столица – Рим, который в конце инерционной фазы представлял собой огромный город с многонациональным населением, среди которого коренных римлян почти не осталось. Жители древнего мегаполиса почти полностью оторвались от своих корней, т.е. от своей земли и родных этносов.

К концу II века в римском обществе начинают проявляться симптомы грядущего упадка. Быстро увеличивается число субпассионариев, которые не хотят работать, а хотят «хлеба и зрелищ». Государство идёт им на уступки – даёт еду и бесплатные зрелища… «В сытое время цивилизации, – писал Гумилёв, – для каждого найдётся крыша над головой, кусок хлеба и женщина». На этой почве нарастает социальная апатия, подскакивает уровень преступности, в первую очередь – уличной (субпассионарной), становится популярной «древнейшая профессия» – проституция.

Характерный признак фазы цивилизации – снижение прироста населения. Замужние женщины в городах Римской империи не стремятся иметь детей. Они берегут фигуру и занимаются куда более важными делами – то есть собой… В моду входит гомосексуализм. Мужчины начинают делать маникюр, завивать волосы и подкрашивать глаза. Расслабленный римлянин периода поздней империи очень не похож на своего предка – сурового воина эпохи республики.

Следующий признак упадка Рима – постепенная деградация культуры, точнее – снижение качества произведений культуры и увеличение их количества. Шедевров в это время почти нет (а в конце – совсем нет), происходит тиражирование уже наработанного, – отмечал Гумилёв. Во II – IV вв. увеличивается производство статуй и фресок, но качество этих произведений искусства невысокое. Но главное – классическую культуру вытесняет *массовая культура.* Культурная жизнь сосредотачивается на зрелищах и спортивных состязаниях. Создаётся целая индустрия зрелищ, рассчитанная на вкусы субпассионарной толпы. Это кровавые представления в цирках, примитивные и пошлые постановки в театрах. Апофеозом культурной жизни становятся пьяные празднества, перетекающие, порой, в массовые оргии.

Надо сказать, что развлекались поздние римляне довольно гнусно. Обжорство и пьянство вошло в норму. Например, на пирах объевшиеся гости проталкивали в глотку гусиное пёрышко, вызывали рвоту и, освободив желудок, опять начинали есть и пить – растягивали удовольствие. И такие пиры могли длиться неделями...

Разврат и половые извращения в это время становятся привычным делом. Коллективный секс уже никого не смущает. Зажиточные люди заводят себе гаремы не только из девочек, но и из мальчиков. Рабы в Риме дешевы, их навезли со всего света. От скуки над ними можно и поиздеваться. А если это

надоест, можно пойти в цирк и посмотреть, как людей разрывают на куски дикие звери.

В эпоху «цивилизации» происходит постепенный упадок религии. В конце фазы инерции наступает пора безверия. В Риме II – III веков в языческих богов уже никто не верит, хотя их статуи стоят на каждом углу. Языческая религия, писал Гумилёв, обретает роскошные формы, но утрачивает внутреннее содержание. На этой почве безверия расцветают разнообразные лжеучения и жизнеотрицающие концепции; появляется множество сект, в том числе, тоталитарных. Увеличивается число антисистемных людей не любящих окружающий мир. Свою злобу они переносят на общество и природу…

Начавшись так хорошо, фаза инерции кончается некрасиво. «В этой фазе, – писал Гумилёв, – этнос, как Антей теряет связь с почвой, т.е. с жизнью и наступает неизбежный упадок. **Облик этого упадка обманчив. На него надета маска благополучия и процветания**».

О фазе инерции в Западной Европе и США Гумилёв подробно не говорил, но очевидно, что там происходили те же самые процессы. В начале-середине фазы инерции (XVII – нач. XIX вв.) – стабилизация, экспансия, укрепление системы; затем, со второй половины XIX века, – прогрессирующий упадок. То, что Шпенглер описал в «Закате Европы». И то, что Достоевский назвал «дорогим кладбищем», на котором каждый камень говорит о «горячей минувшей жизни».

Признаки *пассионарного* упадка Запада – безверие, безнравственность (утрата «души культуры» по Шпенглеру) и культ денег. Плюс к этому, в XX веке – тотальная урбанизация, торжество «массового человека» и массовой культуры, интенсивные миграции, и вытеснение национального космополитическим. Но здесь, повторим, уже надо делать поправку на глобализацию (с XIX в.) и технический прогресс, ускоряющий многие процессы, например, процесс урбанизации.

Западная экономика в середине фазы инерции бурно развивается на рельсах промышленного и торгового капитализма. Европа превращается в «мастерскую мира», становится безусловным экономическим лидером, накапливает огромные материальные ценности. Однако с начала-середины XX в. приоритеты меняются – экономика из национально-индустриальной превращается во все более интернациональную и ростовщическую.

Гумилёв специально не рассматривал экономические вопросы, но очевидно, что в позднюю «цивилизованную» эпоху экономика «всеобщего благосостояния» – это не показатель расцвета, а напротив – показатель *этнического* упадка, т. е. начало конца. С одной стороны в это время сгорает тот жир, который копился веками, с другой – усиливается нажим на природу.

Вообще, с точки зрения этнической истории экономика всегда вторична, первичен природный процесс этногенеза, *который порождает и разрушает вместе с народами и созданные ими экономики*. (При этом, разумеется, в экономике тоже имеются свои колебания и циклы («понижательные»,

«повышательные» и пр.), но это вещи – тактические, т. е. с точки зрения Большой истории – довольно поверхностные.)

Другое дело, что с момента появления первых земледельческих цивилизаций IV – III тыс. до н. э. развитие техносферы шло своим путём, по нарастающей. Все суперэтносы, когда-либо создававшие культуры – начиная с Древнего Египта и Древнего Китая – вносили в общечеловеческую научно-техническую копилку что-то своё. Накопление происходило в течение многих тысячелетий, и, наконец, количество перешло в новое качество. Произошёл взрыв – научно-техническая революция XIX – XX вв. (от изобретения парового двигателя до компьютера).

И тут важно подчеркнуть, что этот мировой технологический рывок *совпал по времени* с европейским этногенезом в целом и фазой инерции в частности. Это придало дополнительный, мощный импульс развитию Западной цивилизации (и одновременно подтолкнуло глобализацию, которая так же имела свой длительный финансово-экономический генезис). Очень многое было построено, изобретено, открыто. Европейская культура, безусловно, достигла небывалого расцвета, далеко обогнав все остальные культуры (цивилизации) в области науки, образования, искусства. И казалось, что это – навсегда. На этой почве возникла модная до сих пор «теория догоняющих цивилизаций», согласно которой весь мир должен следовать за Западом, копируя его образцы. И, надо согласиться, что до поры до времени так оно и было, особенно если говорить о научно-технических заимствованиях. Но всему приходит конец. Уже сегодня наступает пора передавать эстафету другим цивилизациям, в первую очередь – Китаю, Индии, Исламским странам. Да и у России есть запас времени, чтобы прекратить, наконец, обезъянничать на западный манер и сосредоточиться на собственном цивилизационном развитии.

Как говорится, ничего личного – чистый этногенез: «Конец и вновь начало»!

История учит, что она ничему не учит.
историческая мудрость

Все люди ложь, и я – тож.
народная пословица

Фаза обскурации (сумерки этноса)

Если в начале фазы инерции, по словам Гумилёва, преобладает эмоционально пассивный, но трудолюбивый обыватель, то в конце её на арену выходят *субпассионарии* – люди нетворческие, нетрудолюбивые, эмоционально и умственно неполноценные, но обладающие повышенными требованиями к жизни. Пассионарность снижается до критической точки: наступает фаза обскурации.

«В героические эпохи роста субпассионарии имеют мало шансов выжить. Они плохие солдаты, никакие рабочие, а путь преступности в строгие времена быстро приводит на эшафот». Но в мягкое время цивилизации при общем материальном изобилии «жизнелюбы-субпассионарии» начинают размножаться без ограничений. Получив большинство, они тут же создают новый императив: «Будь таким, как мы», т.е. аморальным, асоциальным эгоистом-потребителем, равнодушным ко всему, что выходит за рамки животных потребностей. О будущем такие люди не думают, живут одним днём.

«Трудолюбие подвергается осмеянию, интеллектуалы вызывают ярость... Ценятся не способности, а их отсутствие, не твёрдые убеждения, а беспринципность», – писал Гумилёв. В искусстве идёт снижение стиля, наука сосредотачивается на технических изобретениях и благоустройстве быта. Оригинальные научные работы вытесняются компиляциями. В политической и общественной жизни узаконивается коррупция. «В армии солдаты держат в покорности офицеров и полководцев, угрожая им мятежами.… Всё продажно, никому нельзя верить, ни на кого нельзя положиться, и для того, чтобы властвовать, правитель должен применять тактику разбойничьего атамана: подозревать, выслеживать и убивать своих соратников».

Морально-нравственное разложение в это время пронизывает все слои общества. Религиозное напряжение не просто снижается до нуля, оно зачастую переходит в отрицательную величину. Наряду с большинством, которое уже ни во что, кроме животных инстинктов не верит, появляется немало людей, которые начинают «молиться наоборот», то есть, поклоняться силам зла. Все переворачивается с ног на голову: верующие в Бога объявляются преступниками и обманщиками, а верующие во всякую нечисть провозглашаются праведниками и учителями. Традиционная религия, как языческая, так и монотеистическая, утрачивает свое влияние на людей и зачастую объявляется сектантами «рассадником мракобесия» и врагом «свободы». Вместе с потерей религиозной веры резко возрастает уровень

психических заболеваний и связанный с ними рост самоубийств. *Жизнеотрицание правит бал*…

По мере обострения духовно-нравственного кризиса в фазе обскурации происходит демографический спад. Семейная жизнь заменяется «свободной любовью», или сожительством в «гражданском браке». Растет количество абортов, увеличивается число брошенных детей. А те дети, которые имеют родителей зачастую не получают должной заботы и ласки. Семья, как *система*, *связывающая любящих людей*, практически перестает существовать. Ведь никто никому ничего не должен…

Мы помним, что наиболее яркими признаками высокой пассионарности этноса являются воинственность, патриотизм, религиозность и крепкая многодетная семья. В фазе обскурации мы наблюдаем все тоже с обратным знаком: ни патриотизма, ни религиозности, ни семьи. И это еще в лучшем случае, в худшем – антипатриотизм, антирелигиозность, антисемья (однополые браки).

Последняя фаза этногенеза деструктивна. Если этнос не исчезает полностью, от него остаются небольшие «периферийные субэтносы». Они либо прозябают как реликты, либо входят в состав других этносов на правах второсортных.

«Субпассионарии могут только паразитировать на жирном теле объевшегося за время цивилизации народа. Сами они не могут ни создать, ни сохранить. Они разъедают тело народа, как клетки раковой опухоли, но, победив, т.е., умертвив организм, они гибнут сами», – писал Гумилёв. Это и произошло в Древнем Риме в III – V вв. н. э. – от римлян даже реликта не осталось. Это не значит, что всё население исчезло физически, какая-то его часть сохранилась как поголовье. Но этноса как системы не стало...

За период с 235 по 285 гг. н. э. было убито 17 императоров. Простых людей, отмечал Гумилёв, убивали куда больше: «Инстинктивные реакции, раздражение, жадность, лень, не имея противовеса в утраченной пассионарности, сделали из римского войска скопище злодеев и предателей». Почти вся римская армия к началу III века оказалась укомплектована *иноземцами*. Римский этнос, потеряв пассионарность, перестал поставлять добровольных защитников родины. Император Диоклетиан, придя к власти в 285 году, понял, что только «отсталая» провинция может его спасти, и окружил себя войсками из иллирийских и фракийских горцев, ещё не потерявших боеспособности. «Он создал жёсткую систему бюрократии, потому что с полным основанием не доверял растленному обществу….Он использовал инерцию не этноса, ибо таковая иссякла, а культуры, созданной предыдущими поколениями. Но и он капитулировал перед силой вещей. В 305 году он отрёкся от власти и уехал домой в Иллирию.»

В V веке немногочисленные, но пассионарные варвары добили умирающий Рим, который, надо заметить, агонизировал довольно долго. Сказался мощный запас прочности, заложенный в героическую эпоху. А вот восточная часть Римской империи – Византия – не только сохранилась, но и просуществовала еще целую тысячу лет! Это произошло потому, подчеркивал

Гумилёв, что её ядро составили пассионарные христиане, давшие начало новому, византийскому суперэтносу. Фаза подъёма в Византии почти совпала с фазой обскурации в Риме. «На Востоке варвары были отражены, а на Западе они просто заменили исчезнувших римских граждан…»

Тот же процесс обскурации происходил в Византии во второй пол. XI – XII вв. и закончился падением Константинополя в 1204 году. Симптомы упадка тысячелетней православной империи были менее отвратительны чем в Риме, но не менее пагубны. Все та же нарастающая слабость центральной власти, засилье олигархов, антипатриотизм интеллигенции и переход экономики и финансов под контроль иностранцев (в основном итальянцев и евреев). И все это – на фоне нравственного разложения, снижения рождаемости и вытеснения коренного населения мигрантами из соседних стран.

В конце концов, после католической унии 1274 года византийцы потеряли свою самую главную ценность – Бога. А вместе с этим и смысл жизни. Потомки доблестных ромеев, как когда-то за тысячу лет до них эллины, просто «*перестали хотеть жить»...* Кто-то сошел с ума, кто-то покончил жизнь самоубийством, кто-то впал в тяжелую депрессию, большинство же предалось языческим оргиям – разврату и беспросветному пьянству. Агония Византии продлилась до 1453 года (максимальный срок), когда полумиллионный город, не имевший воли к защите, захватило войско турок-османов.

В связи с этим весьма показательным является следующий эпизод. Когда турки вошли в Константинополь, они обнаружили совершенно пустую государственную казну. В то же время у местных богачей-олигархов были найдены огромные богатства. Удивленный турецкий султан спросил пленных олигархов: «Почему вы не дали денег на оборону собственного города?». Те лукаво ответили: «Мы берегли их для тебя!». Турецкий султан был из фазы подъема, поэтому ему стало противно. Он приказал отрубить олигархам головы, а тела бросить собакам…

Комментарий II

Справедливости ради надо отметить, что византийский суперэтнос прожил максимально возможный срок – более 1400 лет. С точки зрения науки этот феномен можно объяснить рядом благоприятных условий – богатейшим культурным наследием, полученным Византией из Рима (особенно политическим и правовым), удобным географическим положением, геополитической обстановкой и т. д. Но если подняться на более высокий методологический уровень – метафизический, то мы увидим, что причиной такого долгожительства стала христианская вера и церковь. Именно Православие явилось мощной духовной опорой Византийской цивилизации. Сработал религиозный закон: «Дух творит форму». Суть его проста – **каково духовное состояние народа, такова и реальность** – политическая, экономическая, культурная, всякая. Давно известно – *что у людей в головах, то и в делах*. Поэтому, пока оставались в Ромейской державе праведники и звучала молитва – система держалась. До последнего… праведника. Собирательным образом такого праведника может служить знаменитый Марк Эфесский,

единственный (!) епископ Константинопольской церкви, не подписавший на Флорентийском Соборе позорную унию с католиками. Через десять лет после этого Константинополь пал…

Такой подход к истории можно принимать, можно не принимать, это, опять же, зависит от духовного состояния человека. Но стоит задуматься над вопросом: как получилось, что Второй Рим пал именно тогда, когда из руин поднялся Третий Рим – Московское Царство, которое приняло эстафету у Византии и стало хранилищем истинной веры – православного христианства? Произошло это не раньше не позже, а четко тогда, когда надо – в середине XV века.

В связи с этим возникает вопрос: так откуда же берутся эти самые пассионарные толчки? И почему они происходят именно в это время, а не в какое-то другое? В данном случае, византийский толчок – в I веке, российский – в XIII веке. (Между ними как раз один виток этногенеза.)

Гумилёв, как мы помним, оставлял этот вопрос открытым. Но на вопрос: откуда же берутся пассионарии? – он совсем не «по-научному» отвечал: «воля Божия!»

Итак, фаза обскурации в Византии значительно превысила среднюю продолжительность, составляющую 150 – 200 лет. Произошло это благодаря резервной пассионарности, запустившей механизм регенерации. Но так бывает не часто. Гумилёв подчеркивал: «Фаза обскурации ужасна тем, что она является серией резких изменений уровня пассионарности, хотя и незначительных к абсолютной величине. Адаптация при столь быстрых и качественных изменениях среды неизбежно запаздывает, и этнос гибнет как системная целостность». Что-то похожее, добавим, происходит и в фазе надлома, но там пассионарность резко падает от максимальной величины до средней, поэтому в этой фазе всегда есть свет в конце туннеля…

Таким образом, можно констатировать, что **ослабление этноса и, как следствие, вытеснение его из своего жизненного пространства, явление отнюдь не социально-экономическое или политическое, но природное.** Навечно закреплённых за каким-то народом территорий не бывает, как не бывает вечных этносов. Поэтому на вопрос «Кто виноват?», можно ответить словами Гумилёва: Никто не виноват. Так есть.

А теперь обратимся к Западной Европе и её продолжению – США. В какой фазе они сегодня находятся? В своём трактате «Этногенез и биосфера земли», написанном в 60-е годы XX века, Гумилёв отмечал, что «народы Европы… не настолько стары, чтобы впасть в состояние маразма», т.е., другими словами, фаза обскурации там ещё не наступила. Однако в одном из своих последних интервью ученый смотрит на современную Европу уже иначе: «Через 1200 лет даже обскурация кончается. А что – разве сейчас не обскурация наблюдается в Западной Европе? Она живёт за счёт накопленных богатств, которых у неё очень много. Пока их проест, это лет сто пройдёт. А за это время.…Впрочем, от прогноза пока воздержусь».

Больше о фазе обскурации в Европе Гумилёв ничего не говорил и не писал. Но у нас есть его метод и мы им воспользуемся.

Сегодня, в начале XXI века, уже очевидно, что западный суперэтнос вступил в последнюю фазу обскурации. (За исключением какой-то части белых американцев, восточных немцев, южных итальянцев, ирландцев, испанских горцев и немногих других.) Произошло это приблизительно в 70 – 90-х гг. XX века. Нет нужды вновь перечислять все проявления этой неприятной фазы в современной Западной Европе и США. Остановимся на самых ярких моментах. Это – прогрессирующий демографический спад, расстройство национальной идентичности, нашествие мигрантов и духовно-нравственный кризис западного общества.

При рассмотрении этих процессов, разумеется, необходимо делать серьезную поправку на глобализацию (ускоряющую естественно идущие процессы разложения), урбанизацию, и ряд техногенных факторов, являющихся следствием бурного развития современной *мегаполисной* цивилизации.

В начале XXI века прирост населения в большинстве западноевропейских стран и США (среди белых) имеет устойчивую отрицательную динамику. Уровень рождаемости там составляет в среднем 1.5 ребенка на семью, при необходимом для воспроизводства коэффициенте – 2.5. Западные женщины больше не хотят рожать. Почему? В России тоже наблюдается затяжной демографический спад (который в последние годы несколько уменьшился). Но у нас налицо причины – социальная нестабильность, материальная неустроенность большинства населения, особенно молодежи, и главное – страх перед будущим – от одной системы ушли, а к другой никак не придём. (Фазовый переход!) В инфернальные 1990-е годы наш народ перенёс «шоковую терапию» – как будто дубиной по голове ударили. Потом были другие неприятности. В результате большинство нашего населения уже почти тридцать лет (!) проживает в состоянии *вялотекущего стресса*. Какие уж тут дети!

Но на Западе всё относительно благополучно. Во всяком случае, в материальном отношении. Что же им не хватает? А не хватает им пассионарности. Можно сказать, что на Западе не рожают по старости, а в России – по болезни.

В «отсталых», но высокопассионарных этносах семьи многодетные и крепкие. Системные связи (этнос-система) прочные, – как между членами семьи, так и между членами этноса. Как уже упоминалось, крепкие семейные связи – показатель здоровья и силы любого этноса. В слабопассионарных – всё наоборот. Сравните Западную Европу и США с Китаем, Индией и мусульманскими странами (с поправкой на фактор урбанизации). В Европе и в США (среди белых) дружные многодетные семьи большая редкость, количество разводов и неполных семей огромно. В США наряду с матерями-одиночками все чаще стали появляться отцы-одиночки. А стариков-родителей там давно уже принято помещать в дома престарелых.

Пример материнского воспитания по-американски: пятнадцатилетний подросток украл у матери (не бедной) пять тысяч долларов и потратил всё на подружку. Мать, узнав об этом, подала на мальчика в суд. Большинство американцев одобрили её действия – она поступила по закону... Это на уровне семьи. На уровне этноса отчуждение между людьми ещё сильнее. На смену классическому западному индивидуализму идет нечто более страшное – «атомизация индивидов».

Любимое занятие простых американцев – «стучать» на соседей. Если, например, кто-то поставил машину в неположенном месте, или учинил «насилие над домашним животным», или «нарушил права ребенка» – то жди, всегда найдутся добрые люди, которые позвонят в полицию. В Древнем Риме в эпоху обскурации тоже очень любили доносить на ближних. Сначала писали огромное количество доносов на христиан, потом, когда христианство разрешили, писали на не христиан.

Глубинная причина всех этих явлений в том, что в фазе обскурации внутриэтнические связи разрываются и члены этноса перестают чувствовать свое родство. Этническая *системная целостность* рушится. Вместо принципа: «один за всех – все за одного!» начинает главенствовать принцип: «каждый сам за себя!», который в конце фазы обскурации сменяется принципом: «все против всех!». Ну а начинается все с того, что в буржуазной фазе цивилизации люди говорят друг другу: «Это твои проблемы!».

С потерей пассионарности теряется *материнский инстинкт*. Меняется природа людей: женщины становятся более мужеподобными, а мужчины более женственными. Отсюда – расцвет однополой любви. Гумилёв подробно не пишет об этом характерном симптоме упадка, лишь вскользь упоминает о популярности однополой любви в позднеримскую эпоху. Однако, совершенно очевидно, что это явление напрямую связано с процессом этногенеза – в период обскурации число мутирующих особей в популяции резко возрастает. (Вероятно, это связано с накоплением «генных противоречий».)

В суровые высокопассионарные эпохи закон, церковь, общественное мнение, всегда и везде настроены против извращенцев. Их преследуют и наказывают. В «человеколюбивые», «либеральные» времена извращенцы, точнее менее радикальная их часть, размножаются без ограничений, плодя себе подобных. (Весьма характерно, что всякая либеральная революция первым делом освобождает гомосексуалистов от уголовного наказания. Так было после революции во Франции; после Февральской революции 1917 г., и переворота 1991 г. в России. Но здесь уже подключился фактор глобализации.) Когда гомосексуалистов и лесбиянок (в т. ч. латентных) в составе этноса становится значительно больше обычной нормы, они начинают бороться за свои права. После обретения «свободы» сексуальные меньшинства начинают навязывать свои нетрадиционные ценности всем остальным людям. Ведь спокойно, без эпатажа и демонстрации своих прелестей гомосексуалисты жить не могут. Это такое свойство психики. (Вообще, гомосексуальность – есть *следствие* повреждения *личности* человека, его духовной основы.)

Сегодня на Западе мы наблюдаем настоящее наступление содомитов! Появился даже новый термин – «Евросодом». Во многих странах под давлением глобализаторов и «голубого лобби» во властных структурах уже приняты законы об однополых браках с правом усыновления детей. На этом фоне происходит распространение педофилии, и уже раздаются голоса о разрешении браков с несовершеннолетними детьми и легализации инцеста(!). Одновременно набирает силу движение «защиты детей от родителей», принимаются законы, согласно которым под предлогом зашиты «прав детей» можно легко изъять ребенка из любой нормальной семьи…

Параллельно с этим нарастает «феминизация» – движение мужеподобных женщин. Наиболее радикальная их часть искренне ненавидит мужчин, и борется за право причинять им максимальные неприятности. (Это уже не лечится.) Менее радикальная и более многочисленная часть просто берет на себя функции мужчин. Женщины подобного типа не хотят рожать, а хотят делать карьеру. Причем, сегодня им в этом помогает технический прогресс – физическая сила уже не главное. Если в старину надо было землю пахать, то сегодня можно заработать на жизнь, сидя за компьютером. Женщины становятся управленцами, юристами, идут служить в армию, в полицию. (В массовом порядке.) В конце концов, они начинают вытеснять мужчин из святая святых – политики – занимают посты министров и даже президентов. Ну, зачем таким, с позволения сказать, женщинам мужчины?.. А начиналось всё, казалось бы, с пустяков – борьбы женщины за равные политические права с мужчинами, т.е. движения эмансипации в конце XIX – начале XX вв.

Если посмотреть на проблему с точки зрения этногенеза (оставим мутагенез специалистам), то мы обнаружим, что в фазе обскурации возникает дефицит на мужчин. В это время настоящих мужчин-пассионариев почти не остается, да и крепких середнячков-гармоничников на всех уже не хватает. Поэтому даже нормальные, нефеминизированные женщины, как существа от природы более выносливые, вынуждены взваливать на себя чисто мужские обязанности, чтобы поддержать слабеющую систему. При этом им остается только тосковать в ожидании «настоящего мужчины» и незаметно превращаться в рабочих лошадей. Таким образом, срабатывает этнический инстинкт самосохранения, точнее то, что от него осталось. Это, кстати, к вопросу о легендарных временах матриархата…

И здесь надо подчеркнуть, что все эти явления для данной деструктивной фазы этногенеза вполне закономерны. Однако, заметим в скобках, ненормальным является то, что сегодня эти «нетрадиционные» ценности и стереотипы насильно навязываются «нецивилизованным» народам, как общечеловеческие нормы, которым надо следовать. И в первую очередь это гомо-давление оказывается на «общественность» и представителей власти в «отсталых» странах. Например, как-то два мэра-гомосексуалиста (парижский и берлинский) подвергли критики московского мэра за то, что он, ретроград эдакий, не разрешает парад сексуальных меньшинств в Москве. Им и в голову не приходит, что для нас это ещё рановато. Даже в продвинутой Москве… Надо подождать лет двести.

Впрочем, все это не ново. Так, например, в России на волне либерально-буржуазных реформ 1860-х – 70-х гг. вдруг возникает завезенный из Европы «женский вопрос». В результате «освобождение женщины» на нашей почве выливается с одной стороны в оправдание блуда (например, страдания об Анне Карениной), с другой, в отрицание всех традиционных общественных устоев. Как писал И. Щербина: «Теруань-де-Мерикуры / Школы женские открыли, / Чтоб оттуда наши дуры / В нигилистки выходили»… Вначале всегда страдает самое слабое звено.

В связи с этим заметим, что между процессами, идущими в фазе обскурации и процессами в фазе надлома, довольно много общего. В этом одна из причин, почему мы, с одной стороны, имеем схожие с западным обществом проблемы, а с другой – почему мы с такой лёгкостью переняли на Западе то, что вредит самому Западу. Как сказал один европейский культуролог: «Вы подключились не к западной цивилизации, а к западной канализации»…

Следующий признак фазы обскурации – *интенсивные миграции*. В конце XX века и в начале XXI века Западную Европу буквально захлестнула волна мигрантов из стран Азии и Африки. Европа стремительно (в масштабах исторического времени) темнеет, коричневеет и желтеет. Срабатывает железный закон сохранения энергии...

Те же процессы мы наблюдали и в Древнем мире, особенно в Римской империи и в Византии. Однако в наше время естественные для обскурации миграционные потоки ускоряются целенаправленной политикой глобализации и небывалым развитием средств транспорта и связи. Но все же главная причина – демографическая: миграции на Запад сегодня стимулируются резким приростом населения в «отсталых» странах (Азиатский пассионарный толчок XVIII в.).

Первыми в 1950 – 60-х гг. широко открыли двери для мигрантов французы. Они надеялись, что арабы и негры со временем переделаются в настоящих европейцев и гармонично вольются в тело французской нации (у них с XIX в. считается, что нация – явление социально-политическое). Просвещенные французы не знали законов этногенеза. В результате либеральная политика мультикультурности потерпела крах. Стало ясно – выходцы из Азии и Африки никогда не растворятся среди европейцев. Скорее они сами растворят аборигенов Европы. Погромы, учиненные арабами и неграми в Париже, осенью 2005 года, и в Лондоне, летом 2011года – это только начало. Сейчас во Франции десятая часть населения страны – мусульмане. А к 2030 году уже 30 % французского населения будет арабского происхождения! И это не считая других мигрантов. В Великобритании и Германии дела обстоят не лучше. В старых европейских столицах – Лондоне и Париже выходцы из негритяно-арабских стран составляют почти треть(!) населения.

В США, начиная с 1965 года, после принятия нового закона об иммиграции, доля европейских иммигрантов (которые всегда преобладали) резко сократилась в пользу иммигрантов из «развивающихся стран». За два последних десятилетия XX века в США въехало больше иммигрантов, чем за

всю американскую историю! Большинство из них – выходцы из Латинской Америки и Азии. По оценкам американской миграционной службы, каждый год в США прибывает почти миллион легальных иммигрантов и почти полмиллиона незаконных, в основном латиноамериканцев.

Из теории Гумилёва мы знаем, что **тесный контакт представителей несовместимых суперэтносов грозит появлением химер**. Сегодня уже очевидно, что США быстрыми темпами превращаются в конгломерат взаимоотталкивающихся, *некомплиментарных* этнических групп. То есть, в конечном счете, – в одну большую этническую химеру. А химеры, как мы помним, порождают **антисистемы**, которые продуцируют жизнеотрицающее мировоззрение. Примеров таких антисистем в США уже немало, и будет еще больше. Это многочисленные деструктивные (в т. ч. сатанинские) секты, масонские и другие закрытые организации, преступные группировки, лгбт-сообщества, агрессивные субкультуры, «леваки», «троцкисты», «антифа» и пр. Иногда все это перемешивается в «одном флаконе». Например, такой типаж – она (оно) – троцкистка, феминистка, лесбиянка, радикальная экологистка, употребляющая наркотики и борющаяся против фашизма. Или такой тип – сатанист, анархист, уголовник, педофил, употребляющий наркотики и слушающий тяжелый рок. Вообще, формы антисистемы могут быть самые разные, но суть одна – ненависть к окружающему миру. По Гумилёву – «метафизический нигилизм»!

Но самым ярким показателем нарастания антисистемности в американском обществе является рост уличной преступности и так называемого *немотивированного* насилия (стрельба в школах, торговых центрах и т. п.). «Немотивированного» – с медицинско-юридической точки зрения, но очень даже мотивированного с точки зрения этнологической. Антисистемы, как мы помним, фатально настроены на уничтожение окружающего мира, то есть – людей, культуры, религии, государства и, в конечном счете – всей природы. Поэтому можно прогнозировать, что стрельба и прочие акты насилия в США будут продолжаться по нарастающей. До тех пор пока система не развалится.

Сегодня уже нет никаких сомнений в том, что мигранты и антисистемщики подточат дряхлеющее тело западного суперэтноса изнутри и разорвут его на множество частей. И в этом им помогут доморощенные субпассионарии, которых в западных мегаполисах скопилось огромное множество. И которые, заметим, уже провели первую репетицию во время так называемых молодёжных революций конца 1960-х. годов. Ведь большинство «хиппи» были типичными субпассионариями, во главе которых стояли антисистемщики. Они протестовали не против «несправедливого буржуазного строя», а против строя как такового. То есть против элементарного порядка.

Добавим к этому и проблемы с негритянским населением Америки, которое, надо подчеркнуть, за несколько столетий так и не сложилось в отдельный этнос. И среди которых мы сегодня наблюдаем большой процент субпассионариев. Повторим, что с точки зрения этнологии, так называемые «афроамериканцы» на самом деле не являются ни африканцами, ни

американцами (коренными). Эти потомки разноплеменных *мигрантов поневоле* представляют собой своеобразный этнический зигзаг – скорее расово-социальную группу, чем этническую систему. (Насчет субпассионарности значительной части американских негров и доказывать ничего не надо, достаточно взять статистику по криминалу, тунеядству и участию в уличных беспорядках.)

Отсюда вывод: **Суперэтническая система старого Запада на наших глазах начинает трещать по швам. И самое слабое звено в этой цепи – США.**

Что касается Европы, то уже очевидно, что ее «интеграция» и «мультикультурализм» – это не признак силы, а напротив – признак слабости. Объединенная *по сценарию глобализаторов* современная Европа, – это слабые национальные государства и аморфная надстройка над ними – Европарламент и прочие структуры. Сложная (и поэтому устойчивая) суперэтническая система старой христианской Европы уступает место упрощённой системе Нового Интернационала – Евросоюза. В котором – одно политическое поле, контролируемое глобалистами, одна финансовая система (евро), один язык (английский), одна идеология (неолиберализм), одна масс-культура («американизированная») и т. д.

Из этого объективно нарастающего однообразия раньше выпадала более пассионарная Германия, отставшая на одну фазу. Однако, после двух страшных ударов, нанесённых ей в XX веке (1-я и 2-я мировые войны), пассионарное напряжение в немецком этносе заметно снизилось. В связи с этим заметим, что *глубинное* противоречие между Германией и другими странами Западной Европы в XX в. заключалось не в каких-то исторических обидах или ментальной непохожести, а в различных уровнях пассионарного напряжения. Германия просто не вписывалась в общий ряд, поэтому и вела себя «неадекватно».

Таким образом, **сегодня мы наблюдаем на Западе типичное упрощение системы.** А простые системы, как мы знаем, будущего не имеют. Конечно, хоронить европейцев и американцев еще рано: начало обскурации – это старость, но еще не дряхлость. Какие-то страны даже могут посопротивляться. Наверняка последует реакция в Германии (народ) и Великобритании (отдельные группы), да и в США не перевелись еще крепкие ребята (внутренние штаты, WASP). Однако в стратегической перспективе аборигены Европы и США обречены.

И надо подчеркнуть, что именно этой этнической слабостью уже давно пользуются глобалистские наднациональные структуры. Происходящие сегодня в Западной Европе и Северной Америке процессы – есть завершение *первого этапа* глобализации под контролем правящих финансовых кругов США и Великобритании. Это начало строительства Нового Вавилона, которое может быть заморожено на время, но обязательно продолжится в какой-то *новой форме*. (Причем старые глобальные элиты, заметно дегенерировавшие, будут играть в этом «концерте» уже подчиненную роль (см. гл. «Глобализация и этногенез»).)

Но для нас важен вопрос: чем все эти процессы могут грозить соседним, неевропейским народам (Балканы, Украина) или даже полуевропейским (Вост. Европа – Польша, Венгрия и др.)? Ответ однозначен: в подобных условиях любая «евроинтеграция» в Западный суперэтнос означает этническое самоубийство...

Что же касается России, то ей последний кризис (обскурация) Запада однозначно выгоден. Этот кризис еще ударит по нашей стране, но стратегически он выгоден…

Со всеми перечисленными признаками этнического разложения в фазе обскурации связан еще один характерный признак – нарастающий *космополитизм*. То есть – потеря национальной идентичности, когда люди теряют чувство Родины и перестают ощущать принадлежность к своему народу (или ощущают её очень слабо). Космополиты могут жить в любой стране, «лишь бы деньги платили». Это люди мира. Гумилёв тему космополитизма прямо не затрагивает, но очевидно, что в старых этносах – особенно при наличии отрицательной (антисистемной) пассионарности – людей такого типа значительно больше чем в молодых. Поэтому в фазе обскурации всегда возникает *дефицит на патриотизм*. Например, в средневековой Франции за родину было принято умирать. (Последний мощный всплеск французского патриотизма – наполеоновские войны.) Сегодня за «прекрасную Францию» умереть уже мало кто захочет. Ведь есть же Иностранный легион – пускай воюют и умирают наёмники из «неразвитых стран».

Происходит это расстройство национальной идентичности потому, что, во-первых, быстро нарастает субпассионарность (паразит-субпассионарий о Родине не думает); во-вторых, размывается изначальный *базовый генотип,* особенно интенсивно – при частых контактах на суперэтническом уровне (Гумилёв этот вопрос, практически, не затрагивает). Эти процессы, вероятно, идут параллельно. Хотя надо сразу оговориться, что генотип – штука тонкая и до конца не изученная. (Например, генетические исследования показали, что генотип поляков и русских идентичен, но при этом мира между нашими народами нет уже тысячу лет – комплиментарность отрицательная... Поэтому генотип – генотипом, а ментальность – ментальностью: вопрос требует изучения. Можно предположить, что существует не один, а несколько генных уровней, среди которых ментальный (верхний) с этнологической точки зрения – решающий.)

На сегодняшний день имеются данные о том, что в старых, в том числе реликтовых, этносах людей с первоначальным генотипом остается очень мало. Большинство относится к смешанному (гетерогенному) типу. Например, анализ ДНК белых американцев из числа потомков старых европейских эмигрантов, показал, что у 30 процентов из них имеются негритянские гены (не считая других примесей). Разумеется, здесь нужно делать поправку на расовую специфику США, но, например, в той же Франции изначальный генотип – большая редкость. Несколько тысяч антропологических фотопортретов коренных французов, наложенных друг на друга, дали в результате

обобщённый портрет, на котором вместо лица оказались лишь мутные пятна. А вот в Центральной России обобщённые портреты получились достаточно чёткие – три родственных генотипа: ильмено-белозерский, валдайский, вологдо-вятский. Но это на исторической родине великороссов. Если бы такие исследования провели на Урале, в Сибири, или на юге России, то обобщённые портреты, вероятно, были бы менее чёткими – этническое смешение на периферии шло интенсивнее, особенно в Сибири.

Все эти вопросы, непосредственно связанные с этногенезом, еще предстоит изучить специалистам.

Но что нам точно известно, так это тот факт, что старая европейская аристократия к началу XXI века сильно денационализировалась и, в значительной своей части, дегенерировала. Особенно высшая. Причина – в интенсивном кровосмешении при заключении браков между близкими родственниками – двоюродными братьями и сестрами, дядями и племянницами и т. д. Причем, не просто между родственниками, а родственниками-космополитами, практически потерявшими свою национальную идентичность! Достаточно посмотреть на историю королевских семей Европы за последние 200 лет, чтобы увидеть эту крайне печальную, с точки зрения этнологии, картину!

Последний, рассматриваемый нами признак фазы обскурации на Западе – *духовно-нравственный кризис*. Во-первых, это касается отношения к религии. К началу XXI в. Западная Европа и белая Америка стали фактически безрелигиозными. Протестантизм и его умеренные сектантские ответвления – это уже давно не христианство, а его жалкая имитация. Что-то еще теплится в Южной Европе, у католиков, но и там многие католические храмы (еще действующие) все больше напоминают музеи.

В последние десятилетия, после проглобалистского II Ватиканского собора 1962 – 1965 гг., католическая церковь активно «реформируется», т. е. приспосабливается к греховной реальности, и, одновременно, сближается с иудаизмом. При этом ее все чаще потрясают внутренние скандалы, а клирики подвергаются нападкам за отсутствие толерантности к различным «меньшинствам». И это дает свои «либеральные» результаты. Причем во главе церковной «либерализации» и движения экуменизма (глобалистский проект по объединению *всех* религий) стоит не кто иной, как сам Ватикан!

Свобода совести на Западе уже доведена до абсурда. Например, в США с 1966 г. официально разрешена «церковь сатаны»(!). Деструктивные секты («саентологов», «иеговистов», «мунитов» и др.) не только не преследуются, но даже защищаются правительством от нападок «мракобесов», т.е. здоровой части общества; причем не только в США, но и в других «развитых» странах.

Магия и оккультизм, т. е. замаскированный сатанизм, становится все более популярной темой на телевидении и в кино (колдуны помогающие людям, волшебники спасающие мир и пр.). А многие западные массовые шоу все больше напоминают бесовские шабаши... Не забывают и про детей – юным зрителям и читателям в качестве образца для подражания предлагается

«добрый» колдун Гарри Поттер, который, очевидно, является прообразом грядущей антихристианской, «оккультной власти», к принятию которой уже пора готовить подрастающие поколения.

В кино и СМИ все чаще и чаще мы наблюдаем откровенно антихристианские сюжеты и постановки. Христианство уже изгоняется из школ, госучреждений и частных компаний. За ношение крестика человека могут подвергнуть взысканию или даже уволить. Это уже не просто нарастающее безверие, это – воинствующее богоборчество! На языке Православия – наступление на мир царства антихриста. И происходит это наступление при молчаливом согласии большинства населения. С духовной точки зрения, именно попустительство мировому злу и является первопричиной современного кризиса, остальное – только следствия. Идеологи глобализации все эти вещи прекрасно понимают, и поэтому методично бьют по последним островкам религии. Из всех орудий.

Одно из следствий духовного кризиса фазы обскурации – небывалое распространение *низкопробной* массовой культуры, которая кое-где уже переходит в антикультуру. Её расцвет, помимо естественных этнологических причин, сегодня связан с политикой глобализации, урбанизацией (т. е. потерей традиционной деревенской культуры) и быстрым развитием СМИ, в первую очередь, телевидения и Интернета. Об этом следует сказать подробнее.

В Древнем Риме периода упадка тоже была примитивная массовая культура, но в те времена не было возможности её тиражировать и распространять с такой скоростью, как это делается сегодня посредством глобальных СМИ и Интернета. В наше время американизированная поп-культура – это уже больше, чем просто низкопробная культура. Это разновидность информационного оружия, которое бьёт по всему миру, поражая, в первую очередь, больные и слабые этносы.

Массовая культура бывает здоровая и нездоровая. Здоровая – это когда Шекспиров и Моцартов уже нет, но по театральной сцене в обнаженном виде не бегают, на метле не летают и нецензурно не выражаются. И мультфильмов, после которых у детей случается истерика, не снимают. Например, мультфильм «Ну, погоди!» – это относительно безобидная массовая культура, а «Покемоны» – не безобидная. Пахмутова и «Голубой огонек» – здоровая массовая культура, «Камеди клаб» и «Дом-2» – нездоровая…

Однако бывает еще хуже. Когда в составе этноса начинают доминировать «негативщики», субпассионарии, и разные другие «меньшинства», массовая культура превращается в *антикультуру*. Это то, что на наших глазах набирает обороты: воинствующее антихристианство, культ насилия, секса, разрушения. Кровавые зрелища становятся не просто модными, но востребованными. Пускай сегодня на Западе нет цирков с гладиаторами, но есть возможность увидеть какое угодно кровавое насилие на экране. Психиатрами давно установлено – потребность в кровавых зрелищах возникает преимущественно у людей слабых, безвольных, неуверенных в себе – то есть субпассионарных. Для людей данного типа это является своеобразным допингом, визуальным

наркотиком. Еще римлянин Сенека писал, что после подобных цирковых представлений люди возвращаются домой опустошенными и еще более порочными, чем были.

Пошлость на современном экране и на сцене становится почти нормой. Если юмор – то «ниже пояса». Любовь заменяется «свободной любовью», то есть грубым сексом. Порнография выходит из тени и превращается в целую отрасль индустрии зрелищ, пускай формально запрещенную, но вполне доступную.

Появляется новая эстетика – «*эстетика безобразного*». Это когда отклонения от нормы, страхолюдство – преподносится как нормальное явление, или как милое уродство, не более. Мы это видим в мультфильмах, где вместо зайчиков и мишек фигурируют отвратительные монстры-мутанты и «герои» с уродливыми лицами и телами. А так же – в фильмах ужасов, в компьютерных играх, книгах, журналах и т.д. Корни подобной «эстетики» уходят в модернистские художественные направления авангарда и абстракционизма начала XX в. (Известно, что среди авангардных художников и прочих «экспериментаторов» было немало пациентов психиатрических лечебниц.)

Характерная черта деградации массовой культуры – качественный переворот в западном кинематографе. Начался он с конца 1970-х (Голливуд. «Звездные войны».) и закончился в конце 80-х – 90-х годах XX века. Сравните американские или французские фильмы, сделанные до и после этого времени. Ну, например, французский фильм про добрых людей – «Игрушка», или американский про недобрых – «Крестный отец», – с такими фильмами как «Властелин колец» или «Матрица». Позитива резко убавилось, негатива – прибавилось. И дело даже не в содержании («хорошие парни», по-прежнему побеждают «плохих парней»), а в *оккультно-гностическом духе* этих произведений. От современного западного кинематографа все больше отдает сатанизмом. Даже цвет кинопленки стал какой-то – мертвенно синий.

Более того, в последние годы в Голливуде появился стандарт «правильного фильма». Он включает в себя следующие идеи. Белый персонаж по сюжету – плохой; черный – хороший (белый – нацист, психопат). Женщина – сильная, умная; мужчина слабый, тупой. Дети – маленькие взрослые, могут командовать родителями, имеют все права. Гомосексуалисты – талантливые, креативные, нежные; «натуралы» – примитивные, грубые. Христиане – отсталые, фанатики, мракобесы; маги и колдуны – молодцы, приносят пользу. Этнические меньшинства и мигранты в таких фильмах – хорошие; этническое большинство – плохое, злобное. Популярна антипатриотическая, глобалистская идея: любые границы – это плохо. Хорошие люди сносят границы и объединяются, а плохие строят заграждения и изолируются.

Если в фильм заложено две-три таких идеи, можно рассчитывать на награду, если все – тогда «Оскар». Как говорится, «приехали!». Следующая остановка «Новый Вавилон»...

В литературе мы наблюдаем то же самое, но в несколько меньших масштабах. Во-первых, происходит снижение качества литературных произведений и отказ от традиций «Модерна», что выражается в засилье «поп-

литературы» и нарастании нигилизма. Во-вторых, и это главное, в конце XX века происходит знаковый мировоззренческий переход от нормальной научной фантастики к *мистико-оккультному* жанру – «фэнтези». А это уже означает наступление мира инфернального на мир рациональный...

Антикультура бьет по всем направлениям. На Запад неумолимо наступает Антизапад. Даже шире – на мир наступает антимир!

И дело здесь не только в кознях глобализаторов, контролирующих мировые масс-медиа. Сегодня уже ни для кого не секрет, что против человечества ведется крупномасштабная информационно-культурная война, в ходе которой Голливуд и глобальные СМИ поражают умы и души людей вполне осознано и целенаправленно. Однако все дело в том, что **умы и души огромного количества западных людей уже подготовлены к поражению и разложению всем ходом тысячелетнего европейского этногенеза…**

При этом весьма показательно, что сама фаза обскурации уже получила на Западе «культурное» название – «постмодерн». (Заметим, попутно, что сегодня многие российские интеллигенты, точно так же как их «образованные» предшественники в XIX в., дружно ухватились за очередную западную сказку о переходе *всего человечества* к новой культуре постмодерна, которая вовсе не деградация, а просто новое качество, характеризующееся абсолютным плюрализмом, «полной свободой самовыражения» и восприятием мира как «нормального хаоса».)

Выделим главное. Среди так называемых художников и творцов в фазе обскурации появляется всё больше людей с нездоровым, злобным взглядом на мир. Сами себя они называют «художниками не для всех», а Гумилёв называл это «негативным мироощущением». Ученый писал: «Для выражения мироощущения (как негативного, так и позитивного) логических доказательств не требуется. Например, одни люди считают, что собак можно и нужно бить, а другие полагают, что бить беззащитных животных нельзя. Доказательств ни те, ни другие вам не приведут: каждому его правота очевидна, он ее ощущает. И вот один говорит: «Ну, какая свинья – взял и ударил собаку!». А другой ему возражает: «Ты, что, дурак, что ли? Что ж ее не бить, она же собака!».

Отношение к собаке кажется мелочью, но именно из таких поведенческих мелочей слагаются глобальные симпатии и антипатии этнического и суперэтнического значения. И поэтому невозможно логическими доводами примирить людей, взгляды которых на происхождение и сущность мира полярны. Ибо они исходят из принципиально различных *мироощущений*, одни ощущают материальный мир и его многообразие как благо, другие – как безусловное зло».

Благодаря Гумилёву мы знаем, откуда берутся люди с искривленным, злым мироощущением. Они берутся из этнических химер и их порождений – антисистем, которые в фазе обскурации разрастаются, как ядовитые грибы после дождя.

Вновь срабатывает железный закон: «Дух творит форму».

После конца. Мемориальная фаза

Как уже было сказано, этногенез – процесс, закономерно проходящий несколько фаз. Но если этнос при всех испытаниях фазы обскурации не распадается, то он продолжает существовать *не развиваясь*. Это гомеостаз. Люди в этой фазе подобны большинству гармоничных людей инерционной фазы. Они честные, доброжелательные, дисциплинированные консерваторы. «Их не терзают страсти и не соблазняют пороки». Это старички. «Они выбрасывают из своей системы и гениев, и авантюристов и преступников», поскольку с ними слишком много хлопот, в то время как хочется жить тихо и спокойно. Такая этническая система, писал Гумилёв, успешно сопротивляется неорганизованным пассионарным захватчикам и может наносить удары субпассионарным сообществам, ибо нулевая пассионарность выше отрицательной. Однако эта гомеостатическая система может быть легко уничтожена высокопассионарными и организованными соседями или пришельцами. Именно это и произошло с большинством индейских племён Северной Америки, многими аборигенами Африки, Австралии, Океании. (Только добрые русские люди, столкнувшись с реликтовыми этносами Сибири, – эвенками, ненцами, чукчами и многими другими, – не только не стали их убивать, но включили в состав своего суперэтноса.)

Человек этой фазы, писал Гумилёв, «умеет ценить подвиги и творческие взлёты, на которые он сам не способен. Особенно нравятся ему герои и гении времён минувших, так как покойники не могут принести никакого беспокойства. И он вспоминает о них с искренним благоговением, что даёт право называть описываемую фазу «мемориальной»… Но и это ещё не предел упрощения этнической системы… если этнос-изолят доживает до глубокой старости, то его члены не хотят ничего вспоминать, любить и жалеть». Вместе с потерей памяти о прошлом люди последней фазы теряют ощущение времени. Например, чукчи, до появления паспортов, не знали ни года своего рождения, ни календаря как такового. Они ограничивались сменой времён года.

Если этнос находится в полной изоляции, и вблизи его местообитания не происходит никаких пассионарных толчков, то рано или поздно наступает неизбежный конец. Гумилёв приводит такой пример. На одном из субтропических островов в чудесном климате живёт небольшое негроидное племя онгхи. «Никто их никогда не обижал. Там устроен заповедник, и даже туристов не пускают. Кормятся они собирательством и рыбной ловлей.… Казалось бы, рай, а население сокращается. Они попросту *ленятся жить*. Иной раз предпочитают поголодать, чем искать пищу; женщины не хотят рожать, детей учат одному – плавать.… Жизненный тонус онгхи понижен. Четвёртая часть молодых женщин бесплодны».

На этом уровне пассионарности кончаются этногенезы. Однако, касается это лишь тех народов, кому удалось дожить до глубокой старости.

Большинство же этносов, как уже говорилось, исчезает, не дожив до своего «реликтового» конца.

Интересно, что местные антропологи считают, что онгхи живут так, как жило всё человечество 20 тысяч лет назад. На что Гумилёв возражает: «Вот сила гипноза некритически воспринятой эволюционной теории этногенеза. А как попали на Андаманские острова предки онгхи? Ведь они должны были знать не только каботажное плавание; да и вряд ли они плыли по Индийскому, очень бурному океану наобум. Луки и стрелы тоже надо было изобрести или позаимствовать у соседей».

Добавим от себя еще один пример. Ученые всего мира до сих пор спорят, почему погибла маленькая цивилизация острова Пасхи. Кто-то видит причины в искусственном изменении кормящего ландшафта и исчерпании природных ресурсов. Кто-то сводит все к жестоким межплеменным войнам, приведшим к самоуничтожению населения. Другие считают, что всему виной была какая-то природная катастрофа. Но никто, насколько нам известно, не видит причины в том, что все кончилось потому, что должно было рано или поздно кончиться. Просто этнос-изолят прожил весь отпущенный ему природой срок и наступил естественный конец. И если даже незадолго до этого произошли какие-то неблагоприятные изменения природной среды, то это могло лишь ускорить неизбежную смерть этих глубоких старичков.

Вообще, надо заметить, все эти споры на тему: «почему все закончилось?» ведутся западными и не западными учеными уже давно, и касаются практически всех исчезнувших цивилизаций, от шумеров до майя. Большинство объяснений сводятся, как правило, к довольно поверхностным вещам. Ну, например, – «правительство было плохое», «враги напали», или просто – «не хватило еды». Остается недоумевать: неужели почтенные ученые до сих пор не знакомы с пассионарной теорией этногенеза Льва Гумилёва?

Вместо заключения. Оценка теории

Прежде чем дать нашу скромную оценку той удивительной теории, с которой мы познакомились, позволим себе несколько критических замечаний. Сразу оговоримся, что эти замечания не являются принципиальными и касаются, в основном, частных вопросов.

Во-первых, в работах Гумилёва не очень чётко определено понятие субпассионариев. В ряде примеров, они выглядят довольно энергичными людьми, пускай и с отрицательным знаком. Складывается впечатление, что иногда Гумилёв включал в состав субпассионариев обыкновенных мерзавцев (антисистемщиков), беря за критерий не только «энергоемкость», но и морально-нравственные характеристики.

Не все ясно с определением субэтноса. Так, например, в ряде работ Гумилёв выделяет в особый субэтнос русское служилое дворянство, что, на наш взгляд, является преувеличением этнического фактора в ущерб социальному.

Кроме того, трудно согласиться с утверждением Гумилёва, сделанным в его трактате «Этногенез и биосфера Земли», что «национальный характер – это миф». (Так как стереотип поведения при смене фаз этногенеза изменяется, то изменяется и характер). На наш взгляд, национальный характер, т. е. ментальность – явление более глубокое и более устойчивое, чем этнический стереотип поведения. Как уже говорилось, ментальность в отличие от стереотипа поведения, передаваемого от родителей детям путем сигнальной наследственности, сохраняется и передается на *генном* уровне. Это уже сфера бессознательного. Напомним, что эти вопросы, практически обойденные Гумилёвым в опубликованных трудах, разрабатывал ученик и последователь ученого В. А. Мичурин, к сожалению рано ушедший из жизни.

Заметим в скобках, что *этнический архетип (архетипы)*, связанный с ментальностью, тоже видоизменяется (рассеивается), только очень медленно. Насколько медленно, и в какой степени на этот естественный процесс влияют техногенные факторы, например, массированное информационно-психологическое воздействие – трудно сказать. Вместе с тем практика показывает, что вскрыть эти глубинные слои бессознательного с помощью целенаправленного воздействия на сознание и даже подсознание, – очень трудно, а может быть и невозможно.

Нет, на наш взгляд, полной ясности по вопросу: каким образом появляются новые этносы на территориях, не затронутых пассионарным толчком, или спустя длительное время после очередного толчка? Гумилёв объясняет появление таких этносов дрейфом пассионарности, при условии положительной комплиментарности сторон. И приводит убедительный пример образования латиноамериканских этносов в результате слияния индейцев с пассионарными испанцами. Но как быть, например, с большинством восточноевропейских и балканских этносов, предками которых были славяне? Если с поляками все ясно (литовская пассионарность), то с сербами – не очень.

Кто передал сербам пассионарность? Если турки, то, как это сочетается с турецко-сербской комплиментарностью, отнюдь не положительной?

Помимо того, вызывает сомнение утверждение Гумилёва о том, что современные белорусы находятся уже в мемориальной фазе, то есть, живут в гомеостатическом равновесии со средой. Разумеется, нулевая пассионарность выше отрицательной, но этого, по словам самого же Гумилёва недостаточно, чтобы можно было оказывать сопротивление организованным захватчикам. Но как в таком случае объяснить тот факт, что во время Великой Отечественной войны самое мощное партизанское движение было именно в Белоруссии? Даже с учетом подходящего ландшафта и помощи Москвы… И, кроме того, как быть с русско-литовским толчком XIII в., который прошел «через Минск и Киев»? (Гумилёв объясняет это тем, что в начале фазы подъема пассионарии устремляются от центра толчка на границы этнических ареалов.) Белорусы, конечно, народ спокойный и миролюбивый, но, на наш взгляд, на этнический реликт они совсем не похожи...

Но, пожалуй, больше всего вопросов вызывает оценка личности и деятельности Ивана Грозного. И в первую очередь вопрос: почему опричников Ивана Грозного, да и самого царя, Гумилёв относит к антисистеме?.. Впрочем, если в отношении какой-то части опричников-исполнителей это еще можно допустить, то «жизнеотрицание» царя Ивана Васильевича вызывает большое сомнение. Возникает вопрос: если царь Иван IV, вполне обоснованно укреплявший государственную власть, представитель антисистемы, то кем тогда были жертвы опричнины – бояре-саботажники? И как совместить ревностные усилия Ивана Грозного по защите Православия от «латинства» и прочих ересей с его «антисистемностью»? (Еще раз заметим, что, согласно такой *эмоциональной* логике, Гумилёв и Сталина, тридцать лет боровшегося с антисистемой, тоже относил к «негативщикам». Впрочем, по-человечески это вполне объяснимо…) Разумеется, идеализировать царя Ивана IV не следует – перегибы были. Но была в тех репрессиях и своя логика: в экстремальной ситуации всегда используются экстремальные методы борьбы. И еще – плохих правителей у нас обычно не травят…

Эти и некоторые другие неясности теории этногенеза являются сегодня одной из причин слишком вольного и даже ошибочного толкования как исторических, так и современных событий и явлений. (Это помимо *сознательных* извращений теории Гумилёва.) Например, некоторые публицисты-журналисты, ссылаясь на теорию Гумилёва, относят большую часть советской номенклатуры к субпассионариям, а некоторые записывают в субпассионарии и современных олигархов, и коррумпированных чиновников, путая субпассионариев с *антисистемщиками* (Гумилёв этот термин почти не употреблял). Другие «эксперты», опираясь на Гумилёва, клеймят «традиционно антисистемный» российский деспотизм, и, особенно, сталинизм. Третьи называют весь сложносоставной украинский (малороссийский) этнос химерой, а белорусов русским субэтносом. Есть и такие, которые считают, что фаза инерции у нас началась со Сталина и продолжалась бы до сих пор, если бы не

переворот 1991 года. Но это уже очевидные нелепости; следствие поверхностного прочтения книг Гумилёва.

Если же говорить об оценках ученых, то следует заметить, что настоящих специалистов по Гумилёву в современной науке немного. Его учение уже не поливается грязью, как раньше (хотя попытки оболгать предпринимались), но зачастую интерпретируется в научной среде не совсем верно. А иногда совсем неверно. Например, на ученом круглом столе, посвященном 100-летию Л. Н. Гумилёва (телеканал «Культура», передача «Что делать?») прозвучала мысль, что нам «надо повысить пассионарность» (?). А следом было сказано, и не кем-нибудь, а известным неоевразийцем А. Дугиным, что вот де Гумилёв обещал нам в конце 1980-х «Золотую осень» (фазу инерции), а она все не наступает... нестыковка получается. Действительно, Гумилёв в одном из интервью, данном в 1989 г. сказал, что, возможно, Россия уже находится на пороге фазы инерции, и даже сравнил Горбачева с Августом, но затем изменил свое мнение.

Кроме того, до сих пор в научной среде можно услышать популярное в 90-е годы суждение о том, что «в России уже наступила фаза обскурации», и надежды нет никакой. А на одной из конференций приуроченной к 100-летию Л. Н. Гумилёва было сказано, что для того, чтобы Россия возродилась «надо *вернуться* из начала фазы обскурации в фазу подъема» (?!). Иногда в ошибку впадают даже те люди, которые были лично знакомы с Гумилёвым и слушали его лекции. Например, профессор А. Буровский, выступая на Петербургском телевидении в передаче посвященной Л. Н. Гумилёву, признал существование «славянского суперэтноса», который по Гумилёву давным-давно распался.

Но чаше всего подвергается сомнению «Солнечный фактор», под воздействием которого якобы и появляются пассионарии (А. Дугин, А. Фурсов и др.). Действительно, гипотеза о возможной связи пассионарных толчков с многолетней вариацией солнечной активности, обнаруженной Д. Эдди, Гумилёвым рассматривалась. Однако, в конечном счете, Гумилёв остановился на другой гипотезе: на запуск этногенеза влияет не солнце, которое освещает всю поверхность полушария (в то время как толчок проходит по линии шириной в 200 – 300 км.), а излучение из дальнего космоса. Возможно, говорил Гумилёв, пассионарные толчки связаны со вспышками «сверхновых», возможно с чем-то еще. Ответ за астрофизиками.

В связи с подобными, мягко говоря, поверхностными оценками Гумилёва следует заметить, что дело здесь не только в некоторых неясностях теории этногенеза – их не так много. Дело в том, что научное наследие Гумилёва столь огромно, разносторонне и оригинально, что *сразу* его усвоить, и разложить по мозговым полочкам просто невозможно. (Еще Ленин говорил, что все читали Маркса, но поняли марксизм человек пятьдесят во всем мире… Ну, разумеется, Гумилёва, в отличие от «научного талмудиста» Маркса, читать куда легче.) Поэтому Гумилёва надо не просто «просматривать». Его надо читать, потом перечитывать, затем откладывать, и вновь читать. И в первую очередь, напомним, – его *теоретические* книги: «Этногенез и биосфера Земли», «Конец и вновь начало», «Струна истории» и «Тысячелетие вокруг Каспия». Кроме

того, представляют интерес многие статьи и комментарии ученого, особенно последнего периода, а так же – сохранившиеся видеоматериалы: лекции, выступления, отдельные интервью.

Следует заметить, что к научному наследию Гумилёва необходимо относится очень осторожно. Поверхностное прочтение Гумилёва может привести не только к неверным выводам по каким-то отдельным вопросам, но, что еще хуже, – к попыткам оторвать Гумилёва от Гумилёва – т. е. к стремлению встроить его концепцию в чужую методологию. Именно это пытается сделать весьма уважаемый социолог и философ А. Дугин, который разработал новую дисциплину «Этносоциологию», и который на одной из юбилейных гумилевских конференций заявил, что «этнос – есть социологический концепт» (?). На наш взгляд смешивать этнологию с социологией не следует. Получается «ни два, ни полтора». Гумилёв с самого начала четко разделил общество и этнос – это две совершенно разные системы: открытая и закрытая. Они существуют *параллельно*, взаимодействуя между собой. И в этом взаимодействии – этническое всегда *больше* социального. Иерархия здесь простая: *Биосфера – Этносфера – Социосфера.* Как в пирамиде. Поэтому смешивать этнос и социум, то же самое, что смешивать базу и надстройку, дорогу и телегу… Тем более, что нынешняя постмодернистская телега давно сбилась с дороги и едет «не в ту степь».

Складывается впечатление, что проблема многих даже не «либеральных» (с ними все давно ясно), а национально-ориентированных ученых (настоящих, талантливых ученых!) заключается в том, что они слишком «перечитали» западных коллег. И не дочитали своих – русских. Очевидно – это уже такая национальная традиция...

Вообще, надо заметить, что на сегодняшний день многим ученым-гуманитариям, особенно историкам, Гумилёва явно не хватает. (Да и политикам тоже.) **При нынешней идейной неразберихе гуманитарной науке недостает самого главного – методологии истории.** В результате чего, во главу угла ставится не причина, а *следствие*. Когда при наличии многих ручейков – маленьких и второстепенных закономерностей, нет самой реки – главного Закона исторического развития. Отсюда – непонимание глубинных механизмов Большой Истории. Непонимание настоящего, непонимание будущего.

А теперь обратимся к вызовам современности. Как все эти вызовы совместить с теорией этногенеза?

Гумилёв не затрагивал вопрос о непосредственном влиянии НТР на природный процесс этногенеза. Он ставил вопрос шире: «Каким образом один из видов млекопитающих сумел до такой степени испоганить всю Землю, на которой он живет?»…

Сегодня уже очевидно, что научно-технический прогресс вступил в неразрешимое противоречие с природой в целом, и с процессом этногенеза в частности. НТП, безусловно, вносит существенные коррективы в запрограммированные этногенезы: какие-то этнические процессы ускоряются, какие-то замедляются, а какие-то искажаются. И искажаются довольно сильно.

Этот вопрос в начале XXI века особенно актуален и заслуживает подробного рассмотрения. Сегодня мы наблюдаем очередную революцию в технологиях. Например, появились и уже активно используются совершенно новые виды оружия: организационное, информационное (в т. ч. «сетевое»), психологическое, психотропное и пр. Война в наше время может вестись совсем по-другому – не так как она велась в течение предыдущих тысячелетий…

Если посмотреть на данную проблему, как учил Гумилёв, «с высоты полета орла», то мы увидим такую картину. «Человек разумный» появился на планете около 50 тысяч лет назад. Первый ресурсный кризис ударил по человечеству в X тысячелетии до н. э. Он был вызван совершенствованием орудий и способов охоты (загонной), что привело к сокращению поголовья животных. С X – IX тыс. до н. э. начался переход к земледелию и скотоводству – неолитическая революция.

Встав на путь цивилизации, т. е. выделившись из природы, человек тут же начал природу разрушать. Вначале это шло почти незаметно. Затем, приблизительно с IV – III тыс. до н. э., нажим на природу усилился. Древнее земледелие и скотоводство стало наносить окружающей среде уже заметный ущерб. Правда, при этом какая-то часть ландшафтов успевала восстановиться. Но с начала XIX в., по мере развития финансового капитализма и крупной промышленности, все стало стремительно ускоряться – и в эпоху НТР произошёл экологический обвал. Вдумайтесь, **только за один XX век людьми на Земле разрушено больше, чем за многие тысячелетия всей человеческой истории!** А ведь это краткий эпизод в истории человечества, не говоря уже об эволюции живой природы.

Сегодня «цивилизованный» человек думает, что природу можно «подчинить». Он не понимает того, что понимает любой «дикарь»: в природу грубо вмешиваться нельзя, *она отомстит.* Современный «глобализированный» человек торопливо изобретает искусственную природу – моделирует, клонирует, геномодифицирует… Пилит сук, на котором сидит сам.

Очевидно, что такой «технический прогресс», несмотря на кажущуюся бесконечность, тоже прерывист – он имеет своё начало и свой конец. И зная теорию Гумилёва можно прогнозировать, что этот конец уже не за горами…

Другая проблема современности – демографическая. Пассионарный толчок XVIII в. прошедший через весь Евразийский континент от Японии до Северной Африки разбудил от спячки огромные массы населения. На бескрайних просторах Азии началось активное размножение, подстегнутое подоспевшей к XIX веку НТР и бурным развитием мировой экономики. На этих дрожжах в XX веке поднялись некогда дремавшие цивилизации Востока: Япония, Китай, Индия, Исламские страны. Почти одновременно стала набирать силу Латинская Америка. На наших глазах просыпается Африка.

В последние десятилетия человечество переживает настоящий демографический взрыв – население планеты растет невиданными темпами. За последние сто лет оно увеличилось с 1,5 млрд. до 7 млрд. человек! На Земле стало тесно. И это повлекло за собой миграции людей за пределы своих

суперэтносов в куда больших масштабах, чем в древности. Чем это грозит? Нарастанием межэтнических конфликтов? Смещениями этногенезов?..

Наряду с этим, заслуживает особого внимания вопрос о природе и движущих силах глобализации. Важно понять, как этот деструктивный процесс влияет на индивидуальные этногенезы и на ход мировой истории в целом? (Подробнее об этом в отдельной главе.) Сегодня под страшный каток глобализации попало множество стран и народов. Зацепил он и Россию. И зацепил довольно сильно.

Надо сказать, что буквально на наших глазах человечество вступает в какое-то совершенно новое качество. **Мы живем не просто в очередную предвоенную эпоху, мы живем в эпоху планетарного исторического перелома – история сжимается и ускоряется, как перед глобальным взрывом.** (Будем надеяться – взрывом очистительным.)

Все вышесказанное дает повод критикам теории Гумилёва говорить о том, что в современных условиях концепция этногенеза не работает, что она устарела и надо придумывать что-то новое.

Можно согласиться с критиками в том смысле, что в наше время необходимо делать серьезную поправку на глобализацию, НТР, демографический взрыв и другие вызовы современности. Как уже упоминалось, Гумилёв в своих книгах эти вопросы почти не затрагивал. Только на одной из своих последних лекций он заметил, что если техника и дальше будет так же развиваться, то человечество погибнет, и теория этногенеза будет не нужна. (Вообще-то, замечание исчерпывающее. Но оно касается финальной фазы человеческой истории.)

Однако, на наш взгляд, все эти проблемы и вызовы современности не меняют сути учения Гумилёва, ибо главное в теории этногенеза – это принцип. Гумилёв сформулировал его просто: «Конец и вновь начало». Это – возрастной, пассионарный фактор, который объясняет нам, **как** и **почему** происходит движение мировой истории. И который до Гумилёва практически не брался в расчет. Ученые цивилизационной школы – Данилевский, Шпенглер и Тойнби, безусловно, совершили прорыв в исторической науке, обозначив наличие цивилизаций и показав алгоритм их развития, но они не ответили на ключевой вопрос: Почему?

И если о социально-экономическом, политическом, культурном и других факторах повлиявших на ход мировой истории были написаны горы литературы, то о природном, энергетическом факторе – ничего. Практика показала, что этот пассионарный фактор работает. Поэтому можно смело утверждать, что теория Гумилёва, несмотря на некоторые неясности, гораздо достовернее и ближе к жизни, чем все западные «мир-пост-теории» вместе взятые; не говоря уже о концепции Маркса, которую, в основных ее положениях (историософских) жизнь опровергла.

Времена, конечно, меняются, и иногда очень сильно, но законы-то природы остаются! **Сила концепции Гумилёва в том, что она построена на твердой почве законов мироздания. Законов данных Богом**.

Именно поэтому пассионарная теория этногенеза не только логична и четко аргументирована – она еще и красива. Но главное – она *духовна*. Ибо провозглашает торжество духа над материей, торжество цветущей сложности над гибельным упрощением, торжество жизни над смертью!

И потому не удивительно, что учение Гумилёва зачастую не принимается нынешними рационалистами и бухгалтерами от науки воспитанными на марксистско-протестантском, сугубо материалистическом подходе. Все дело – в «духе времени», в охватившей цивилизованный мир примитивной *одномерности*, то есть – бездуховности. (Когда популярный российский историк-атеист всерьез говорит, что в основе эволюции человеческой цивилизации лежит животная мотивация – голод, сексуальный инстинкт и стремление к доминированию – становится страшно… за историческую науку. И еще, возникает чисто этнологический вопрос: а не было ли среди предков историка протестантов из Европы?)

Цивилизованный человек за истекшие столетия сильно деградировал: он изменил своей богоданной сущности и перестал следовать законам природы. Он забыл о Боге, выпал из природы, и стал строить искусственную реальность на основе придуманных им искусственных теорий. Цивилизованный человек начал переделывать природу для своего удобства, уверовав, что ему за это ничего не будет.

Не получится! Природу обмануть нельзя. Она, как мы уже знаем, обладает способностью самоочищаться. Теория Гумилёва еще раз научно подтверждает ту истину, что «цивилизованный» человек будет наказан за все свои преступления перед природой, и наказан жестоко. Кровососущая короста современной *потребляющей* цивилизации будет сорвана с тела планеты. И никакие Римские клубы и Великие Инквизиторы здесь не помогут.

Согласно логике этногенеза, конец планетарного «постмодерна» должен стать концом выродившегося «цивилизованного» человека. В первую очередь – западного человека. Но есть надежда, что это будет конец, за которым последует начало. **Теория Гумилёва говорит нам о том, что даже в такие, казалось бы «последние времена», регенерация – возможна.** И когда под воздействием *новых импульсов пассионарности* биосфера очистится от «цивилизованных» насильников, а этносфера освободится от диктата антисистем, то в жизни этносов уже не будет таких разрушительных смещений этногенеза, которые происходят в наше время. И большинство народов возвратится к себе; к своему кормящему ландшафту и своим этническим традициям.

Таким образом, после Большого Планетарного Очищения все пойдет своим естественным путем, как и шло. До следующего Большого Очищения. И так до тех пор, пока планетарная цивилизация не войдет в свою финальную, деструктивную фазу, после которой, собственно, и закончится *земная история* человечества... Но здесь мы уже переходим от научной методологии к более

глубокой и совершенной методологии – религиозной, которая на все наши вопросы давным-давно дала свои ответы...

Пассионарная теория Гумилёва в духовном смысле – это последняя ступенька при переходе от строгого научного знания к Божественному Откровению. От Земного к Небесному. Именно за это она так ненавидима «метафизическими нигилистами» – извечными врагами рода человеческого, приходящими в этот мир не созидать, а разрушать.

Часть II

История… без историософии – это
то же самое, что тело без души.
Г. Шиманов

«Уроки Льва Гумилёва». Или зачем нам нужна теория этногенеза

Вспомним золотые слова Льва Николаевича Гумилёва: «Я давно знаю, что такое пассионарность, и что в исторических категориях возможно применять работающие пассионарные подходы. И что решаются исторические проблемы с помощью моей концепции с такой же легкостью, как человек, знающий алгебру, решает арифметические задачи».

Зная теорию пассионарности, мы сегодня можем: 1) абсолютно по-новому оценить ход отечественной и мировой истории; 2) ответить на такие вопросы современности, на которые до появления концепции этногенеза никто вразумительно ответить не мог; 3) составить вероятный прогноз на будущее России и других цивилизаций современного мира.

Здесь главный пункт – прогноз. Практика показала, что большинство историков и философов, пользующихся марксисткой и другими западными теориями, – плохие прогнозисты. Они могут быть отличными тактиками, но слабыми стратегами. Такие ученые могут хорошо показать «системный кризис капитализма», или «переход от модерна к постмодерну», или еще что-нибудь, уже случившееся. Но предсказать, чем это безобразие закончится они не в состоянии. Чаще всего говорится о вещах несерьезных – о «последних временах», «электронном концлагере» (который уже на подходе!), или о спасении избранных в городах-оазисах посреди «Дикого поля» (?). Ну и само собой, выражается надежда, что человечество спасет наука, новые технологии, освоение космоса и пр.

Гумилёв говорил, что его теория может иметь прикладное значение. Это означает, что она может помочь нам увидеть *глубинные механизмы* таких тектонических процессов, как глобализация, мировой кризис, столкновение цивилизаций, и, исходя из этого, прогнозировать их (процессов) развитие.

Но главное, теория этногенеза может помочь нам в конкретном деле укрепления российской государственности и восстановлении Русского мира – Большой России. Пример тому – создание в 2015 году Евразийского экономического союза, который стал первым реальным воплощением гумилёвской идеи Евразийской интеграции.

Об этом и многом другом пойдет речь во второй части книги.

Развенчание мифов

Начнем с вещей очевидных. До сих пор в нашем общественном сознании сохраняется множество разнообразных мифов и ложных представлений об истории России, её настоящем и будущем. Например, миф о том, что наша история, в отличие от истории Европы, была особенно ужасной, кровавой и катастрофичной. В общем, всё у нас было «не как у людей» (цивилизованных) – то бунты, то репрессии, то революции. А с XIX века даже появляется мнение, что история России – это вообще какой-то необъяснимый зигзаг в истории человечества…

Гумилёв по этому поводу писал следующее: «Чтобы не говорили, хоть Чаадаев, хоть Бердяев, наша история не более кровава, не более мрачная, не более катастрофичная, чем история той же Европы, Ближнего и Среднего Востока или Китая, где при этнических потрясениях уничтожалось две трети, три четверти и даже эпизодически, девять десятых населения (Китай, VI век)».

Нет нужды перечислять здесь все ужасы европейского средневековья и, особенно, Реформации. Это общеизвестно. Достаточно напомнить, что только за одну Тридцатилетнюю войну (1618 – 1648 гг.) Германия потеряла 75 процентов своего населения, было 16 миллионов, осталось – 4. А за одну Варфоломеевскую ночь в Париже было уничтожено больше людей, чем за семь лет опричнины Ивана Грозного.

Согласно теории Гумилёва, это ошибочное мнение о Российской истории сложилось потому, что европейцы свои безобразия и катастрофы пережили гораздо раньше русских: они, как мы знаем, старше нас на 450 – 500 лет. Гумилёв писал: «Франция … в XV в., точно также как и Россия в XX, полыхала в огне гражданской войны, только сражались в ней не белые и красные, а сторонники герцога Орлеанского и герцога Бургундского. Повешенные на деревьях люди расценивались тогда французами как привычный элемент родного пейзажа». Но, как мы знаем, к середине XVII века надлом в Европе закончился, и последующие столетия европейцы прожили в относительно благополучной фазе инерции. За это время многое забылось…

Когда молодой Петр I в конце XVII века впервые приехал в Западную Европу, он испытал настоящее потрясение. После бедной, «дикой», бунташной России (акматическая фаза) он увидел спокойную, сытую и культурную жизнь. Благоустроенная Голландия показалась ему земным раем. И он решил позаимствовать всю эту «красоту» целиком – от новых технологий в кораблестроении до париков и курения табака. Петр I находился на уровне знаний того времени, поэтому не мог знать законов развития цивилизаций. Он был типичным технарем-рационалистом. И он очень торопился. Поэтому решил, что вместе с необходимыми нам военно-техническими новшествами можно перенести на русскую почву чужие обычаи, право, экономические отношения. Потом все это вышло боком. Но хотелось-то как лучше…

С конца XVIII века ведёт начало ещё одно распространённое интеллигентское заблуждение. Суть его в следующем: Россия – это часть Европы, и поэтому незачем искать какой-то свой особый путь, какую-то Русскую идею (ведь посмотрите «как люди живут!..»), надо просто делать всё по европейскому образцу, и жизнь наладится сама собой…. Пробовали несколько раз. Не получается! Особенно, если взять печальный опыт заимствования в области политического устройства («демократия») и идеологии (либерализм).

Гумилёв писал: «Механический перенос в условия России западноевропейских традиций поведения дал мало хорошего, и это неудивительно. Ведь российский суперэтнос возник на 500 лет позже. И мы, и западноевропейцы это отлично ощущали, осознавали и за «своих» друг друга не считали. Поскольку мы на 500 лет моложе, то, как бы мы не изучали европейский опыт, мы не можем сейчас добиться благосостояния и нравов, характерных для Европы… Это вовсе не значит, что нужно с порога отвергать чужое – но стоит помнить, что это именно чужой опыт». Европейский суперэтнос «возник в IX веке и за тысячелетие пришёл к естественному финалу своей этнической истории. Именно поэтому мы видим у западноевропейцев высокоразвитую технику, налаженный быт, господство порядка, опирающегося на право. Всё это итог длительного исторического развития»

Гумилёв писал это о Европе, находящейся ещё в фазе инерции. Сейчас, как мы знаем, там наступают другие времена…

Вместе с тем, надо заметить, что наряду с известными и уже привычными «либеральными» мифами, вызванными комплексом неполноценности перед Западом, в последние годы у нас появились и другие мифы, точнее – антимифы, цель которых ответить ударом на удар и превознести русский народ и русскую историю над всеми другими народами и историями. Например, в последнее время издано немало «исторических» книг, в которых рассматривается вопрос о происхождении русского народа. Одни «историки» относят появление русских чуть ли не к ледниковому периоду, другие к III – II тыс. до н. э. («арийцы»), третьи вообще считают, что сначала на территории Евразии были одни только русские («дети богов»), а уже потом от них произошли все остальные.

Пишутся такие книги, в основном, хорошими людьми, искренними патриотами России. Чаще идеалистами. Цель благая – возрождение Русского Духа через возвращение к истокам, укрепление национального самосознания и восстановление оскорбленного достоинства русских людей. Все это прекрасно, но совершенно не научно. Это патриотизм сказочный, мифологический. А иногда – антихристианский, поскольку он опирается на славянское язычество, о котором науке известно очень немного, и которое по определению не может быть *основой* для современной общенациональной идеологии. (Возвращаться из Православия в язычество сегодня, то же самое, что возвращаться из университета в начальную школу!)

В конечном счете, такие «исследования» историков-фантастов больше вредят, чем помогают делу возрождения России, поскольку дают в руки противников весомые аргументы против патриотической идеологии как таковой. (Особая тема – это «исследования» историков-провокаторов, которые под прикрытием *неоязыческого «родноверия»*, противопоставляемого «жидо-христианству», пытаются оторвать пассионарную русскую молодежь от православных корней, т. е. от своего этноса. Это – типичная неонацистская технология, нацеленная на «русский майдан».)

В заключение добавим, что теория Гумилёва развенчивает еще один, очень популярный в недавнем прошлом, миф о «приоритете общечеловеческих ценностей». В реальной действительности для торжества общечеловеческих ценностей необходимо слияние всех суперэтносов в один общечеловеческий гиперэтнос. А это, как мы знаем, невозможно, поскольку каждый суперэтнос обладает своим запасом пассионарности, своей ментальностью, своей системой ценностей – этнической доминантой.

Гумилёв писал: «Суперэтнические системы ценностей, как правило, взаимоисключающи и, уж во всяком случае, плохо совместимы между собой… *Доминанты как бы блокируют слияние суперэтносов*… Например, можно найти много общего в теологии христианства, ислама и даже буддизма… Однако историческая практика свидетельствует, что все ранее предпринимавшиеся попытки искусственно создать на основе этого общего не то что общечеловеческую, а просто межсуперэтническую систему ценностей неизменно заканчивались крахом и приводили только к дополнительному кровопролитию. Иначе говоря, хоть и считают мусульмане Азербайджана Евангелие наряду с Кораном святой книгой (Инджиль), а Иисуса Христа – пророком Исой, но к примирению с армянами-христианами сие не приводит, и привести не может принципиально».

В связи с этим заметим в скобках, что сегодняшняя активная деятельность некоторых представителей Русской Православной Церкви по установлению контактов с европейскими католиками и протестантами вызывает серьезную озабоченность. Очевидно, что налаживание такого «сотрудничества» на руку только глобализаторам. Как писал великий Достоевский: «Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особливее его бог… У всякого народа свое

собственное понятие о зле и добре, и свое собственное зло и добро. Когда начинают у многих народов становиться общими понятия о зле и добре, тогда вымирают народы, и тогда самое различие между злом и добром начинает стираться и исчезать».

Это к вопросу о современном «экуменическом движении»…

Продолжая мысль Гумилёва о плохой совместимости различных систем ценностей, мы обнаруживаем, что, то же самое касается не только религий, но и общих идеологий. Например, и в СССР и в Китае идеология была одна – марксизм-ленинизм. Но мира между двумя державами это не принесло. Слишком различны, более того – взаимоисключающи этнические стереотипы поведения и системы ценностей китайцев и русских. В отличие, например, от той же Монголии Китай всегда был и остается нашим потенциальным противником. Не только геополитическим, но и *метафизическим*. Повторим, это не значит, что с китайцами следует прекращать политические и торговые контакты, на сегодня вполне оправданные. Это значит, что надо держать порох сухим. И не питать никаких иллюзий. Комплиментарность, как мы помним, у нас с китайцами отнюдь не положительная… То же самое касается коммунистической Северной Кореи, и социалистического Вьетнама.

Однако бывает и по-другому. Например, с латиноамериканскими странами социалистической ориентации мы дружили в советское время и вполне можем дружить в постсоветское. И дело здесь не в идеологических симпатиях, а в том, что наши стереотипы поведения и наши системы ценностей имеют определенные точки соприкосновения, и уж, как минимум, они не взаимоисключающи. (Тем более, что католицизм в Латинской Америке отличается от европейского, и в последнее время теряет свое монопольное положение.) Комплиментарность между латиноамериканским и российским суперэтносами если и не положительная, то определенно – не отрицательная. Русскому характеру гораздо ближе Фидель Кастро и Уго Чавес, чем американский ковбой Буш или хитрый китаец Дэн Сяопин. То же самое мы можем сказать и об отношениях с большинством мусульманских стран, которые нам следует рассматривать не как источник «мирового терроризма», а как стратегических союзников в борьбе с Западом. В отличие, например, от наших недавних друзей по соцлагерю – восточных европейцев…

Незнание элементарных законов этногенеза и утопическая установка на построение коммунизма во всем мире привели к тому, что в хрущевско-брежневский период мы впустую потратили огромные средства на братскую помощь странам социалистического лагеря. Особенно много денег было затрачено на поддержку слаборазвитых стран третьего мира «выбравших социалистический путь»; в первую очередь – в Африке, где некоторые племенные вожди-президенты использовали коммунистическую риторику исключительно для получения безвозмездной помощи из СССР.

Отсюда вывод: искать союзников и налаживать с ними дружеские отношения, конечно же, надо, но выравнивать всех под один идеологический шаблон, т. е. пытаться соединить несоединимое – нельзя. Этот путь ведет в тупик глобализации.

Гумилёв писал: «Но даже если представить себе гипотетическое слияние человечества в один гиперэтнос как свершившийся факт, то и тогда восторжествуют отнюдь не «общечеловеческие ценности», а этническая доминанта какого-то конкретного суперэтноса». Остается добавить, что эта упрощенная – мировая *тоталитарная* система не будет жизнеспособной.

Законы этнической истории, повторим, – это законы самой природы. А движение природы имеет свою собственную, внутреннюю логику, которую воля людей, а уж тем более, их «разум» изменить не способны. Как показывает историческая практика – *воздействие «ноосферы» вызывает лишь непредвиденные, разрушительные зигзаги в природных процессах*.

Глобализация и этногенез

Что такое глобализация? Как публично заявленный проект «нового мирового порядка» глобализация – это постепенное снятие всех имеющихся на планете границ – экономических, государственных, культурных, религиозных – и объединение человечества в одно счастливое целое. По плану глобализаторов в этом новом глобальном мире не будет ни войн, ни конфликтов, ни прочих безобразий, потому, что везде будет одна экономика, одни деньги, одна власть, одна культура, и даже одна «религия»!..

Глобализация же на практике (кон. XX - нач. XXI в.), по определению А. Фурсова, это установление контроля наднациональных структур («Фининтерна») над: 1) мировыми финансами, 2) глобальными СМИ, 3) ведущими политиками.

/*Примечание: В 2020 г. глобализация вышла на качественно новый уровень, но это тема отдельного исследования/.

Стратегическая цель глобалистов – **мировое господство**. Ближайшие цели: взятие под контроль природных ресурсов, *сокращение населения* планеты до 1 – 1.5 млрд. человек, унификация оставшегося человечества под один стандарт, и его поэтапное *порабощени*е «золотым миллионом».

Средства достижения: как «мирные» («гибридный» геноцид, направленный на снижение рождаемости и увеличение смертности, в том числе, при помощи «биотехнологий»), так и военные.

Современная глобализация – многоголовая гидра. Диктат наднациональных структур и ТНК – это глобализация. Мировой терроризм, цветные революции, бомбежки непокорных стран – это глобализация. Лживые СМИ, Голливуд и дебилизация образования – это глобализация. Война против христианства, проект «чипизации» населения, гей-парады и «Гарри Поттер» – это тоже глобализация… И это еще далеко не все направления данного «общечеловеческого проекта», ряд можно продолжить.

Навязываемая миру тоталитарная идеология глобализации отрицает любую коллективную идентичность: национальную (космополитизм),

религиозную (экуменизм), социальную (атомизация людей), семейную (однополость) и даже в перспективе – человеческую (биороботы и пр.).

Глобализация – античеловеческий проект. Это большая дубина, которая уже более ста лет бьет по этногенезам и культурогенезам всех народов на планете Земля. Даже с поправкой на аберрацию близости можно констатировать: такого грандиозного безобразия человечество за свою многотысячелетнюю историю не испытывало!

Но откуда эта чума взялась? Если посмотреть историю болезни, то мы увидим что продвижению глобализации способствовали накопленные *тысячелетиями* планетарные факторы: финансово-экономические (процент, капитал), научно-технические (НТР), идеологические (подмена религий антисистемными учениями и оккультизмом), конспирологические (тайные общества) и т. д. Это отдельная, большая тема, которую мы здесь развивать не будем.

Но если посмотреть на данную проблему под углом зрения пассионарной теории, то получается, что современная глобализация напрямую связана, во-первых, с резкой интенсификацией за последние столетия (со времен Колумба) *контактов на суперэтническом уровне* и, следовательно, – с образованием новых и активизацией старых *этнических химер* и *антисистем*. (Новый Вавилон!) Во-вторых, глобализация связана с отрывом больших масс людей от естественного, «кормящего ландшафта» и их переселением в города, где могут жить представители *разных этносов* (XIX – XX вв.). И, в-третьих, глобализация непосредственно связана с ходом европейского этногенеза – финальными фазами инерции и обскурации западного суперэтноса (XVIII – XXI вв.).

Говоря языком этнологии – **глобализация есть упрощение сложной планетарной системы**. То есть – ее поэтапное разрушение!

Надо подчеркнуть, что завершение процесса формирования финансовых *наднациональных* структур и их встраивание в тело западного суперэтноса стало возможным только тогда, когда он вступил в расслабленную и материалистическую фазу инерции, которая почти совпала с бурным ростом капитализма в Европе (пртестантизм), началом НТР и первым этапом урбанизации. (В то время как другие цивилизации еще спали, или догоняли.) И когда «просветитель» Дидро в конце XVIII в. уже мог набраться наглости и бросить «освободительный» лозунг: «Наша цель – задушить последнего короля кишками последнего попа!»… После первой мировой войны (1914-1918), приведшей к падению четырех крупнейших монархий, эта «прогрессивная» цель была в основном достигнута. Преграды для развития мирового капитала сняты, (правда, с существенной задержкой на сталинскую мобилизацию). А к моменту, когда Запад ослаб и вступил в фазу обскурации (конец XX в.), и когда последнее препятствие – СССР – рухнуло, финансисты-глобализаторы окончательно сбросили маски и уже *открыто* заявили о своих претензиях на мировое господство.

Современный этап глобализации (10-е годы) – это попытка мировой финансовой олигархии всеми средствами, в том числе силовыми, укрепить свои, заметно пошатнувшиеся после победной эйфории 90-х, «однополярные»

позиции в мире и при этом сохранить за собой ядро Западной цивилизации. Мировая олигархия сегодня – это новая, практически *безнациональная,* т. е. химерная, генерация элиты: в основном – смесь интернационального банковского капитала и *мутировавшей* европейской аристократии (представителем которой, например, является человеконенавистник принц Филипп). Реализовать свой план мирового господства «глобалисты-инопланетяне» рассчитывают за счет ресурсов всего человечества. Это логика развития раковой опухоли. И, надо признать, что за последнее сто лет «Фининтерну» удалось достичь серьезных успехов на этом пути. Однако период побед заканчивается. В последнее время мы наблюдаем торможение глобализационных процессов – **экстенсивное** наступление (капитализма) на мир выдыхается; дальше по-старому «развиваться» некуда.

Очевидно, что в сложившихся условиях правящий класс этого Нового Вавилона предпримет попытку установить «*либеральную» диктатуру*. В первую очередь – на Западе, почти потерявшем свою цивилизационную самостоятельность и в наиболее зависимых странах периферии.

Но… Но ведь согласно теории этногенеза **фаза обскурации рано или поздно заканчивается распадом этнической системы. Следовательно, и глобализация с опорой на военные и человеческие ресурсы Запада тоже обречена на провал…**

В такой ситуации мировым олигархам надо: или искать себе опору в какой-то другой цивилизации, что пока невозможно (попытка с Китаем сомнительна); или придумывать новый, более конструктивный глобальный проект, что маловероятно (ибо созидать они не умеют!). **Остается одно – побыстрее начинать Большую Войну!** Пока еще есть время…

Война – это самый катастрофичный сценарий, который не может не привести к большим жертвам. Но, с другой стороны, только война может заставить ведущие страны мира, и в первую очередь Россию, в короткие сроки мобилизоваться и вырваться из-под «опеки» глобалистов. Тем более, что русская история показывает: из всех серьезных кризисов наша страна выходила одним путем – военным. Получается, что война (в своей последней, *горячей* фазе!) более выгодна нам, чем им. Хотя им, конечно, кажется наоборот. Однако здесь следует сделать существенную оговорку: чем позже мы в эту войну вступим, тем лучше. Потому что время на данном историческом отрезке работает против глобалистов. Оно, как мы знаем, работает на нас.

Если применить учение Гумилёва об антисистеме к проблеме глобализации, то можно сделать следующий вывод: **глобализация есть продукт планетарной антисистемы**, **структурированной в «Фининтерн»**.

Глобальная антисистема – спрут со множеством щупальцев. «Фининтерн» – это центр (весьма неоднородный, с авангардом из IT-гигантов). Его агенты: антисистемы меньшего масштаба – от масонов, экуменистов, сектантов и ЛГБТ-сообществ до неонацистов, радикальных исламистов, «антифа» и прочих – разбросаны по всему миру. Главным образом, по западному миру и его

периферии. Сегодня все эти агенты на марше, они неплохо отмобилизованы и уже провели свои первые «революции».

Если же посмотреть на проблему глобализации с точки зрения христианской эсхатологии, то здесь все предельно ясно: **глобализация – есть подготовка к приходу антихриста.** Глобализаторы – это сатанисты, слуги дьявола… То, что происходит с человечеством уже сегодня, было описано в Откровении Иоанна Богослова две тысячи лет назад. Однако, судя по конечным (ограниченным!) целям «Фининтерна», это еще не конец земной истории, а лишь *первый этап* наступления на мир инфернальных сил.

Теперь – о главном. Последовательность этапов глобализации такая:

1) Банковская глобализация. Финансовый капитализм с XVII в. Вера в деньги и власть. (Подготовительный этап. Заканчивается.)

2) Зональная глобализация. Переход к регулируемому из *нового* центра (центров) многополярному миру, поделенному на зоны, вероятно, в результате Большой войны. Откат назад, к традиции. Внедрение агентов влияния в национальные элиты, с последующим столкновением всех мировых игроков лбами и перехватом политического управления. Вера в «цифровые технологии», «искусственный интеллект» и пр. Нарастание экуменизма. (Промежуточный этап. Начинается.)

Смысл данного этапа: не удалось взять оптом, будут брать в розницу.

3) Религиозная глобализация. Завершение формирования единой мировой религии (для всех) и мирового правительства. Вера в своего «бога» (для избранных). Приход антихриста. (Завершающий этап. Впереди.)

Иерархия целей и *смыслов* глобалистов в этом историческом движении к мировой власти следующая: сначала деньги, затем политическая и *интеллектуальная* власть, и, наконец, реализация религиозной идеи – построение царства антихриста. Таким образом, в финале идейные глобалисты побеждают не идейных («зилоты» – «саддукеев»).

Что именно будет происходить между первым и последним этапом глобализации можно лишь предполагать, здесь возможны варианты. Но начало и конец известны: от мамоны – к мировому царю (ненадолго, см. Апокалипсис).

Но для нас важен вопрос: чем все эти процессы могут грозить современной России? Ответ очевиден: поскольку старое «мировое правительство» не состоялось (сейчас – инерция), а новое еще не сформировано – то впереди передышка. И этой передышкой можно будет воспользоваться для собирания сил и включения Русского мобилизационного проекта.

В связи с этим поспешим успокоить наших исторических пессимистов и прочих «всепропальщиков», которых в последнее время развелось не мало. Не паникуйте! Рано! Конец истории еще не наступил. Почему? **Потому, что согласно теории этногенеза многомилионные пассионарные народы Земли на данном историческом отрезке – сильнее небольшой группы «мировых заговорщиков».** Разумеется, эти «заговорщики» еще достаточно влиятельны, чтобы оказать сопротивление и устроить человечеству какую-нибудь глобальную катастрофу, вплоть до мировой войны. Но стратегически они

проиграли. Ибо ни *верить*, ни *созидать*, они не умеют. Они верят только в деньги-власть-технологии-оккультизм. Это все их козыри (последний — биооружие). Но для полной победы этого недостаточно.

И еще практика показала, что эти «инопланетяне» сильны, пока действуют втихаря. Их принцип ложь! – говорил Гумилёв. Поэтому лозунг сегодняшнего дня должен звучать так: «Гласность, Гласность и еще раз Гласность!». Как говорили в старину: «За ушко да на солнышко!».

Мировой кризис и этногенез

В последнее время (10-е годы) многих ученых и политиков волнует вопрос о причинах мирового кризиса, последнее обострение которого пришлась на 2007 – 2009 гг. Чаще всего наблюдатели рассматривают только один, финансово-экономический аспект этого явления. Однако, не секрет, что финансы и экономика лишь верхушка айсберга; корни нынешнего кризиса уходят гораздо глубже. Если посмотреть на проблему с позиций теории Гумилёва, то получается, что настоящий кризис не столько финансово-экономический, сколько **цивилизационный**. Это 1) кризис всей *сложной планетарной цивилизации*, 2) кризис-обскурация западного суперэтноса.

Кризисы-распады суперэтносов, как мы знаем, происходили и раньше, например, в Древнем Риме, Византии, Древнем Китае. Однако особенность современного кризиса Запада заключается в том, что он протекает в эпоху глобализации. То есть, в эпоху усиления влияния уже не национальных, а наднациональных, *антисистемных* структур (инвестиционные компании, мировые банки, IT-компании, глобальные СМИ, спецслужбы, частные военные компании и пр.), центры управления которыми находятся на Западе.

В этом коренное отличие нынешнего кризиса от предыдущих суперэтнических кризисов: если агония Римской империи затронула только Средиземноморье и его периферию, то сегодняшний кризис Западного суперэтноса в той или иной степени затронул весь мир. Причем в большей степени пострадали, и еще пострадают, те страны, которые оказались втянутыми в орбиту разлагающейся Западной цивилизации (находящейся под внешним управлением).

Но главная проблема современности заключается даже не в этом, а в том, что **сам факт открытого наступления катка глобализации на национальные экономики, культуры и религии говорит о первом за всю историю человечества кризисе сложной планетарной системы – переходе от многообразия к однообразию!** Причем, однообразию во всем – от гамбургеров и дырявых джинсов – до голливудских фильмов и новостей ТВ. От «интернет-шопинга» – до моды на зарубежные поездки, когда миллионы людей носятся по всему миру, как перелетные птицы! (Оптинский старец Амвросий не зря говорил: «Сиди лягушка в своей луже, а то будет хуже».)

Надо подчеркнуть, что попытка глобализаторов упростить «цветущую сложность» на планете Земля – это мощный удар не по каким-то отдельным цивилизациям, а по всему человечеству, по его будущему. В этом и заключается главная особенность современной эпохи – тысячи лет копилось-копилось… и накопилось!

Вторая отличительная черта нынешнего планетарного кризиса в том, что он напрямую связан с кризисом экологическим, *биосферным,* вызванным безумной гонкой потребления невосполнимых природных ресурсов. Этот планетарный кризис был подготовлен всем ходом развития техносферы – от первобытной палки-копалки до роторных экскаваторов, от запруды для ловли рыбы до гигантских ГЭС, от каменного топора до баллистической ракеты. И все это накопленное количество на наших глазах уже переходит в новое, деструктивное качество… Рушится еще один застарелый миф. Миф о том, что Прогресс – это хорошо. Оказывается, что такой прогресс – это плохо. Плохо не урбанизированному обывателю, (ему-то, расслабленному техническим комфортом, пока еще хорошо), плохо Матушке-Земле, которая из последних сил терпит это издевательство над собой. Надолго ли хватит терпения?.. Повторим, за последние 150 – 200 лет научно-технического прогресса Homo sapiens разрушил на Земле больше чем за все 50 тысяч лет своего существования как вида! И, судя по всему, останавливаться он не собирается… (И то, что глобалисты сегодня спекулируют на теме экологии, проблемы не снимает.)

Обращаясь к учению Гумилёва, еще раз подчеркнем – сила теории этногенеза в том, что она основывается на законах природы, данных Богом, а не на научных спекуляциях, проистекающих из западной «теории прогресса», то есть теории уничтожения природы. (Вообще, в духовном смысле – все *эволюционные* теории, в том числе и марксова, происходят от дьявола, потому, что в них нет ни начала, ни конца!)

В последней своей статье, написанной в 1992 году в соавторстве с К. Ивановым, Гумилёв предостерегает: «Учитывая, что каждый этнос представляет собой оригинальную форму адаптации человека в биоценозе ландшафта, можно заметить, что суперэтносы обычно существуют в границах определенных этноландшафтных зон.

Так северная граница Римского мира не пересекала зоны распространения виноградной лозы… Мусульманский Восток, или Левант, как суперэтнос не расширился далеко за границы адаптации финиковой пальмы, возделываемой в оазисах, и почти совпал с зоной полупустынь, где сложился замечательный симбиоз человека и верблюда. Сухие степи Евразии представляют собой экологическую нишу Степного суперэтноса… Великая Китайская стена отделяет степные ландшафты от субтропического Китая, где в бассейне Хуанхэ и Янцзы живут народы Китая, кропотливо выращивая рис…

Конечно, некоторые находят пропитание и за пределами кормящего этнос ландшафта, как делали это, например, англичане в Индии или как поступают жители современных мегаполисов и урбанистических конгломераций. Но с точки зрения истории этносферы это кратковременные флуктуации.

Исключение, а не правило. На популяционном уровне, т. е. на уровне этноса в целом, *существование вне этноса немыслимо*. И поэтому современная промышленная цивилизация обречена. Она не исчезает лишь благодаря беспрецедентным темпам ограбления накопленных биосферой миллиардами лет природных ресурсов и осквернения неповторимых ландшафтов. Ее ждет судьба Мохенджо-Даро и Вавилона. Только экологическая катастрофа произойдет в более крупных масштабах».

Это все к тому же вопросу о перспективах потребляющей цивилизации.

Таким образом, последний кризис – это не только экономический кризис современного *ростовщического* капитализма, превратившегося из национального в наднациональный и уже исчерпавшего свой экстенсивный «рыночный ресурс» (больше, повторим, ему распространятся некуда). Проблема гораздо шире. Сегодня мы наблюдаем очередное обострение начавшегося еще в XX веке **Большого Планетарного Кризиса**. Это три кризиса в одном – кризис сложной *этно-культурной системы* планеты (начало «*глобального всесмешения*» и упрощения!), кризис биосферный, кризис «ведущего» западного суперэтноса.

Такого суперкризиса в истории человечества еще не было… Подчеркнем – не было!

Делаем вывод. Поскольку все эти три кризиса имеют планетарный характер и взаимовлияют друг на друга, то это должно *ускорить* уже идущие процессы распада. Во-первых, – распада мировой капиталистической системы. Во-вторых, – распада западного суперэтноса (раньше «запланированного» срока). В-третьих, и это главное, – упадка, или, как минимум, сильного сжатия потребляющей мегаполисной цивилизации, ведущей свой отсчет от первых городов-государств Египта и Междуречья (IVтыс.).

Этот Большой Планетарный Кризис может разрешиться только через глобальную войну-революцию, точнее – череду войн, несопоставимых по масштабу ни с одной *цивилизационной* революцией, которую когда-либо переживало человечество. Повторим, что НТР и глобализация – не просто этап в развитии планетарной цивилизации, это куда более серьезное и опасное явление, которое приведет к переломной ситуации, когда люди уже не смогут «управлять» природой по старому, а биосфера уже не захочет терпеть это насилие человеков над собой.

В духовном смысле Большой Планетарный Кризис – это наказание. Кара Божья. А грядущая война – это Очищение…

В этом контексте «великие и ужасные» глобалисты, уже начавшие войну против человечества, – просто орудие в руках Божиих!

Если применить гумилёвскую кривую этногенеза ко *всей* человеческой истории, то становится очевидным, что мировая цивилизация, созданная руками «человека разумного», давно прошла свою акматическую середину жизни и уже, как минимум, несколько столетий (с начала финансового капитализма в Европе в XIII в.) движется по пути упрощения. Сколько ей

осталось – никто из людей не знает. Но, повторим, благодаря Гумилёву мы можем прогнозировать: несмотря на то, что исторические тучи сгущаются, этот Большой Планетарный Кризис – не последний, и какое-то время для раздумий у человечества есть.

Поэтому, на весьма популярный сегодня вопрос: что будет дальше? – можно ответить вполне оптимистично: после Очищения будет возвращение к традиции. То есть – возвращение к многополярному миру. К национальным государствам и экономикам, к национальным культурам, к национальным религиям. В каждом суперэтносе, этносе – по-своему. И, разумеется, настолько, насколько это возможно после двухсот лет разрушительной глобализации.

Поэтому вопрос заключается не в том «что будет после капитализма?», а в том, «каким образом?» и в «какой степени?» будет восстановлена сложная *этно-культурная* планетарная система. Напомним железное правило этнической истории: *Все идет от человека*! Поэтому, сначала – этносы! Затем – культуры! И уже потом – «экономики». При этом, разумеется, в каждом суперэтносе будет свой расклад по «капитализму» и «социализму». У нас, вероятно, это соотношение будет составлять 50 на 50, или на первых порах чуть больше в пользу социализма. (Подробнее см. в отдельных главах)

Кто-то скажет: ну и нафантазировали вы тут с три короба! – Будет то, будет это! – И, вообще, какие у вас основания для подобных утверждений? – А мы ответим: основанием для нашего оптимизма служит ключевое положение учения Гумилёва об антисистеме: «**В отрицании была их сила, но так же и слабость: отрицание помогало им побеждать, но не давало победить… Идеологически антисистемы не побеждают никогда. Видимо, в самой природе заложен механизм самосохранения, сопротивляемости. Биосфера обладает способностью выделять энергию, в том числе пассионарную, которая защищает её саму**».

Остается добавить: таким образом, жизнь (суперэтносы) борется со смертью (глобализация).

О мере влияния людей на историю

А теперь от глобальных проблем обратимся к истории. Точнее – к историософии. Познакомившись с концепцией Гумилёва, читатель может задать вопрос: так что же, если этногенез – это природный процесс, и все «идет само», выходит, от нас и вовсе ничего не зависит? Поспешим успокоить читателя, зависит. Но не так много, как кажется. И, главное, не во всякое время. Иногда надо подождать, пока ветер перемен подует в нужную сторону. И можно будет бежать делать историю. (Это к вопросу о нетерпеливых.)

Не будем здесь приводить примеры независимости воли народа (значительной его части) от тех политических и не политических решений, которые принимались в нашей стране в последние десятилетия. Это общеизвестно. Зайдем с другой стороны. Представьте себе, что в «лихие» 1990-

е гг. среди руководства нашей страны вдруг появился товарищ Сталин. Настоящий вождь. Железная рука. Ну и что бы он смог сделать в той ситуации? Ничего бы он не смог сделать! Великий Сталин был необходим и закономерен в конкретной исторической обстановке (да и то ему потребовалось 15 лет подготовительной работы, прежде чем он смог решительно сменить курс в 1936-37 годах). Так же, как закономерен был в другой исторической обстановке пигмей Горбачев. Оба шли в ногу с историей. Каждый в свое время: первый – в период пассионарного всплеска (снизу), второй – в период пассионарной депрессии (и сверху, и снизу).

Другой пример – Дон Кихот. С точки зрения этнологии, трагедия этого благородного рыцаря заключалась в том, что он просто выпал из истории, т. е. из текущей фазы этногенеза. Поэтому и был объявлен сумасшедшим. Дон Кихот – это ностальгия идеалистов-пассионариев о навсегда ушедшей героической фазе перегрева в Европе. В буржуазной фазе цивилизации благородные рыцари оказались никому не нужны. Какие подвиги?! Какая честь?! Не надо фанатизма! Надо деньги делать…

Теория героя и толпы с точки зрения этногенеза – ошибочна. Один герой-пассионарий ничего не сможет добиться, если у него не будет достаточного количества пассионарных помощников. Все вместе – будь то правящая элита или контрэлита – они составляют тот авангард, который ведет за собой всех остальных – гармоничных и слабопассионарных людей. Но чтобы этот авангард пополнялся активными людьми, необходим высокий уровень пассионарности всего этноса (суперэтноса). Другими словами, как русская дворянская элита, так и советский правящий класс (в 1920 – 50-х гг.) черпались из одного источника – толщи народной. Оттуда вышли и Суворовы, и Ломоносовы, и сталинские наркомы, и маршалы Победы 1945 года. Но если бы пассионарное напряжение в русском этносе (российском суперэтносе) было нулевым, то из него никто бы не вышел. Именно в этом смысле народ и влияет на ход своей истории – он ее *двигает*.

Приведем такой пример. После революционных потрясений 1917 г., погрузивших страну в хаос и разруху, многим «наблюдателям» казалось, что – всё: «Россия кончилась, России больше нет!». Западные банкиры, профинансировавшие три русские революции, были довольны – их планы сработали! То, что осталось от Российской империи можно брать голыми руками. Но… Но у них ничего не вышло! Дело в том, что западные банкиры не знали удивительных законов этногенеза. Они не учли, что самые хитроумные планы и волевые усилия лидеров не могут отменить природного свойства пассионарности. Как тополь, спиленный почти до основания, продолжает расти, так и народ, не потерявший своей пассионарности, продолжает возрождаться несмотря ни на что. Именно поэтому уже через *двадцать лет* на месте павшего колосса Российской империи была создана новая сверхдержава – СССР. И начавшаяся так бойко глобализация была задержана на многие десятилетия. (И, повторим, еще будет задержана!)

Но, разумеется, все вышесказанное не отменяет и субъективного фактора. Если говорить о влиянии отдельных личностей и небольших групп людей на

историю, то следует признать, что человеческая воля играет заметную роль в историческом процессе. Но, главным образом, – на уровне тактики, а не стратегии. Это значит, что волевые усилия отдельных людей всегда ограничены неким «коридором возможностей». Как говорил товарищ Сталин: «Есть логика намерений и есть логика обстоятельств, и логика обстоятельств сильнее логики намерений». При этом значение волевого фактора возрастает в том случае, если эта воля направлена в сторону движения истории, а не против нее.

Гумилёв писал: «Было бы смешно отрицать, что людские замыслы и дела рук человеческих влияют на историю, и подчас очень сильно, создавая непредвиденные нарушения – зигзаги – в ходе исторических процессов. Но мера влияния человека на историю вовсе не так велика, как принято думать, ибо **на популяционном уровне история регулируется не социальными импульсами сознания, а биосферными импульсами пассионарности.**

Образно говоря, мы можем, подобно резвящимся глупым детям, передвигать стрелки на часах истории, но возможности заводить эти часы мы лишены. У нас роль самонадеянных детей исполняют политики. Они по своему почину переводят стрелки часов с 3 часов дня на 12 ночи, а потом страшно удивляются: «Почему же ночь не наступила и отчего трудящиеся спать не ложатся?». (Или другими словами, – почему мы уже столько лет «демократию» и «общечеловеческие» ценности «как у них» вводим, а они никак не вводятся?.. Наверное, страна неправильная, отсталая какая-то страна!) «Таким образом, – продолжает Гумилёв, – те, кто принимает решения, совершенно не учитывают *натуральный* характер процессов идущих в этнической сфере. И зная пассионарную теорию этногенеза, удивляешься отнюдь не тому, что в стране «все плохо». Удивляешься тому, что мы все еще существуем». Это Гумилёв писал о временах Горбачева и начале правления Ельцина…

Добавим от себя, что подобные («перестроечному») исторические зигзаги все же не случайны и имеют свои причины. Но, повторим, – на уровне скоротечном, тактическом, но не стратегическом. Историческая практика показывает, что если запас пассионарности в этносе не исчерпан, и этническая традиция не потеряна, то такие зигзаги рано или поздно выправляются историей и все возвращается к природной закономерности этногенеза. То есть – продолжает идти так, как должно идти. Ну а субъективный фактор политического руководства к этому *движению истории* просто прилагается. Именно – прилагается! Поэтому, перефразируя известное выражение можно сказать, что каждый народ заслуживает такого правителя, который соответствует уровню пассионарного напряжения и *вектору развития* данной этнической системы.

Еще раз повторим, что мы сейчас находимся **в начале** нового, большого периода Русской Истории. Не середине, не в конце, не сбоку, а в начале! Чего многие до сих пор не понимают, и поэтому волнуются: как бы чего не вышло! Кругом враги! Они опять готовят переворот…

Разумеется, враг не дремлет и даже может устроить какую-нибудь большую неприятность, но важно понять, что он – этот коллективный

внутренний враг – находится в конце своего очередного (40-летнего) периода, дальше – только инерция! Поэтому преимущество на нашей стороне. И чтобы это уразуметь, не надо иметь «семь пядей во лбу», а надо **научиться видеть историю в движении**! Но не по Марксу и либерал-модернизаторам (там исторический тупик), а по Гумилёву. Тогда в голове будет порядок.

Ошибка нашего времени заключается в том, что большинство людей видят лишь верхушку айсберга (текущую политику) и не видят главного – сам айсберг (состояние народа; шире – планетарной цивилизации). Поэтому большая часть нынешних аналитиков и экспертов с увлечением занимается «ловлей блох», т. е. поверхностными вопросами. Например, такими: почему правитель не сделал это (хорошее), а сделал то-то и то-то (нехорошее)? Наверное, плохой правитель! (А может его подменили?!) Как бы нам его убрать? Или наоборот – правитель сделал все правильно, хотя можно, конечно, еще правильнее. Надо только указать ему на ошибки, и попросить остаться!..

Вроде бы все разумно и придраться не к чему. Но – на уровне тактики, а не стратегии. Если же посмотреть на это с точки зрения этнологии, то есть посмотреть в корень, то мы увидим что правитель вовсе не причина, а следствие глубинного движения истории, в которой главным действующим лицом является сам народ, находящийся в *той или иной фазе* этногенеза. А, иногда, между фазами. Этот закон работает до фазы обскурации включительно, когда потерявший пассионарность этнос распадается и перестает быть народом.

Разумеется, все это – с учетом фактора глобализации в XIX – XXI вв. и прочих техно-безобразий современности, которые, действительно, мешают действовать и правителям и народам.

Если же перейти от научной методологии к религиозной, то есть подняться на более высокий, метафизический уровень, то картина мира становится еще яснее и убедительней.

История – есть промысл Божий. Как каждому человеку свыше определена своя задача в жизни, так и каждому народу – своя. Поэтому не бывает плохих и хороших народов. Для исполнения воли Божией нужны все. И, как человеку Бог посылает испытания и скорби для его же пользы, так и народы врачуются Богом испытаниями и скорбями, причем, иногда посредством соответствующих правителей. И так продолжается до тех пор, пока народы этого врачевания заслуживают. Ибо, как известно, «лечат живых, трупы украшают».

Основополагающим *духовным законом* при метафизическом подходе к истории является **Закон Соответствия**. Он гласит: **Каково духовное, религиозное состояние народа, такова и реальность**. Другими словами – *что у людей в головах, то и в делах.* И что заслужили – то получили. (В этом контексте пресловутые «экономики» и «политики» вещи второстепенные!)

И главное. Согласно религиозной методологии у человеческой истории на планете Земля есть свое начало и свой конец, за которым следует – Новое Начало! А раз так, то в истории появляется смысл. Настоящий, а не пластмассовый.

С таким подходом к истории можно соглашаться, можно не соглашаться. Каждый решает сам. Но все же стоит задуматься (людям с позитивным мироощущением), почему этот мир устроен так умно и целесообразно? И почему в истории можно найти тысячи примеров, когда люди хотели сделать так-то и так-то, а получалось по-другому. И это «по-другому», в конечном счете, было лучше для людей…

Атеист скажет: это ничего не доказывает, мало ли чего в жизни бывает. Верующий скажет: воля Божия!

Вообще, надо заметить, что неверующий историк уступает верующему историку в *понимании истории* (впрочем, это касается и других областей науки). Во-первых, потому, что историк-атеист не видит конца земной истории (антихрист и Суд Божий), и, следовательно, – не видит всей картины будущего. Во-вторых, атеист часто недооценивает высшую (религиозную) мотивацию в поведении человека. В то время, как данная, «нерациональная» мотивация и есть главный двигатель истории! Именно поэтому историки-атеисты могут быть хорошими тактиками, но не стратегами.

И самое главное (что невозможно объяснить атеисту), верующему исследователю, идущему правильным путем, сам Бог помогает! Он делится с ним Своей мудростью, открывая новые горизонты познания. По ступенькам – чем выше духовный уровень, тем шире горизонт. Поэтому на самых высоких ступенях познания находятся православные святые, с их, зачастую, небольшим образованием. Например, Серафим Саровский и Паисий Святогорец. Лев Гумилёв был верующим человеком. Его тезис: «Конец и вновь начало»!

Что же касается свободы выбора каждым человеком того или иного направления действия в конкретной фазе этногенеза, то в этой связи представляется полезной мысль Константина Леонтьева (ставшего монахом в конце жизни) о соотношении консервативных и прогрессистских элементов в государстве.

Он ставит вопрос так: «Когда правы прогрессисты, а когда консерваторы? До времен Цезаря, Перикла, Людовика XIV и т. п. (т. е. до времен цветения, до цветущей эпохи) правы прогрессисты. Они в это время ведут государство к цветению и росту. Но после цветущей и сложной эпохи, когда начинается процесс вторичного смешения и упрощения (По Гумилёву – фазы надлома, инерции, обскурации. – Авт.) все прогрессисты делаются не правы в теории, хотя они часто торжествуют на практике; думая исправлять, они только разрушают. Консерваторы в эту эпоху вполне правы: они хотят лечить и укреплять государственный организм, они редко торжествуют, но, сколько могут, замедляют разложение, возвращая нацию, иногда и насильственно, к культу создавшей ее гос*у*дарственности.

До дня цветения… лучше быть парусом или паровым котлом, после этого невозвратного дня достойнее быть якорем или тормозом для народов, стремящихся, часто весело, к своей гибели».

В точку!.. И до чего актуально в наше «веселое» время…

Национальный вопрос

Об ошибках в советской национальной политике

Выше уже говорилось об ошибочности теории построения мировой системы социализма. Однако ошибки, допущенные КПСС в межнациональных отношениях не ограничивались одной только внешней политикой. На те же грабли ортодоксального марксизма советская власть наступила и при проведении национальной политики внутри СССР.

В связи с этим попробуем, опираясь на теорию этногенеза, ответить еще на один вопрос: каковы *этнологические* предпосылки распада СССР? О крушении СССР много говорилось и писалось, но, насколько нам известно, с позиций теории Гумилёва эта проблема всерьез еще не рассматривалась.

Общеизвестно, что в СССР царило подлинное национальное равноправие. В отличие от других империй у нас не было экономически и политически господствующей нации; и не один народ, даже самый малочисленный, не исчез. Поэтому, безусловно, достижений в советской национальной политике было немало. Однако наряду с этим были допущены и серьезные стратегические просчеты.

Главной ошибкой в национальной политике ВКП (б) – КПСС была установка на постепенное выравнивание всех этносов под один шаблон – «советский народ». То есть безнациональный какой-то народ. Эта установка вытекала из идеологии марксизма, в которой на первом месте были классы, а нации уже потом. После мировой революции все народы на планете должны были слиться в одну братскую космополитическую семью. (Поэтому, заметим, современные «фининтерновские» глобалисты к левому глобалисту Марксу относятся весьма благосклонно.) И в это верили не только ортодоксальные марксисты-теоретики, но и многие советские руководители сталинской эпохи. У Молотова, когда он уже был на пенсии, писатель Ф. Чуев как-то спросил: «А при коммунизме сохранятся национальные особенности? – Ну, это сотрется. – Но это же плохо! – Почему плохо? Обогатимся!..». А ведь Молотов был долгое время вторым человеком после Сталина. У Сталина, заметим, подобных высказываний нет.

Установка на нивелирование этносов по *социальному шаблону* привела к серьезным перекосам в советской национальной политике. В первые годы после революции был нанесен удар по всем религиям и национальным обычаям (т. е. культурно-этнической *традиции*), которые были объявлены пережитками феодализма. Это коснулось и православных, и буддистов, и шаманистов, и, в частности, мусульман, которые, в большинстве своем, жили до революции по законам шариата. Например, зачем надо было «освобождать женщин Востока», если они вовсе не нуждались в освобождении. Или ставить вне закона религиозные праздники и посты, или запрещать калым – плату за невесту? Зачем надо было отнимать детей у северных народов и помещать их в школы-

интернаты, где они, отрываясь от векового кочевническо-охотничьего уклада, теряли традиционные навыки и зачастую превращались в поселковых бомжей.

Это была, заранее обреченная на неудачу, попытка с помощью декретов исправить (снивелировать) этнический *стереотип поведения и ментальность*, которые, как мы знаем, являются результатом длительного природного процесса – этногенеза. И которые «исправлению» в принципе не поддаются.

Кроме того, с первых лет советской власти всячески поощрялось перемешивание народов внутри СССР. В первую очередь – практика переселения русских, украинцев, белорусов на национальные окраины – в республики Средней Азии, Кавказа, затем – в Прибалтику, на Западную Украину и в Молдавию.

Такая национальная политика компартии вызывала естественное недовольство национальных меньшинств и *ассоциировались с русской властью*. И все эти обиды они запомнили… Потом это всплывет в конце 1980-х годов.

Незадолго до распада СССР Гумилёв в одном из интервью говорил: **«Не нужно навязывать людям других этносов не свойственный им образ жизни. Не нужно обижать людей потому, что их поведение отличается от нашего… Не нужно заставлять всех жить вместе. Лучше жить отдельно, зато в мире».**

Таким образом, получается: то хорошее, что было в идеологии социализма – идеи социальной справедливости, равенства, дружбы народов – помогло построить уникальное государство СССР. А плохое, точнее неосуществимое, вступило в противоречие с жизнью и явилось одной из причин возрастания местных национализмов в союзных и автономных республиках. Ведь те же узбекские или якутские националисты были недовольны не столько «русификацией», сколько *унификацией* по национальному признаку. Хотя и могли называть это русификацией. Такая вот выходит диалектика.

Теперь надо особо сказать о положении русского этноса в СССР. Ведь что получилось? Во-первых, в результате «интернациональной политики» проводимой ВКП(б), русские потеряли значительную часть своих земель. Границы между РСФСР и союзными республиками, так же как границы внутри РСФСР, были проведены очень вольно, по принципу – нарисуем, будем жить! В итоге от России оторвали не только Новороссию с Донбассом и (позже) Крым, но и Северный Казахстан, земли терского и уральского казачества, и отдельные территории внутри России. При этом русские даже не получили своей собственной государственности.

Во-вторых, и это главное, при образовании СССР по ленинскому плану национальным республикам было дано не только право на закрепление за собой территории, но и право на *отделение* от империи. А это уже противоречило логике существования самой империи! Мало кто знает, но знаменитое ленинское «право наций на самоопределение» вытекало отнюдь не из стремления защитить малые нации, а из-за стратегической установки на мировую революцию, в перспективу которой в 1922 году Ленин еще продолжал верить. Предполагалось, что европейские и азиатские народы, свергая своих капиталистов, смогут добровольно присоединиться к такому свободному

«союзу равных». (В результате на планете возникнут Соединенные Штаты Мира, о которых Ленин писал еще в 1915 году.) А вот войти в состав унитарного, централизованного Российского государства, которое предлагал Сталин (по плану автономизации), эти страны вряд ли пожелают.

Весьма показательно, что уже после образования СССР, в начале 1923 г. Ленин предлагал пойти на еще большие уступки национальным республикам, и вместо Союза создать *Конфедерацию*, лишь с военным и дипломатическим центром. Причиной стало раздутое противниками Сталина «грузинское дело» с участием Орджоникидзе, который «сильно обидел» грузинских коммунистов. Боясь раскола в партии, что повредило бы дальнейшему продвижению мировой революции, Ленин готов был пойти навстречу требованиям «национал-уклонистов», среди которых самыми рьяными были грузинские и украинские партийные руководители. Ленин обещал выступить в их поддержку на ближайшем съезде. И выступил бы, но помешала болезнь; после третьего инсульта Ленин уже не оправился.

Еще одним неприятным результатом политики «интернационалистов» в руководстве ВКП (б) стала установка на *коренизацию* национальных окраин, которая была официально провозглашена в апреле 1923 года. Это было целенаправленным ударом по так называемому «русскому шовинизму». На первом этапе коренизации планировалось заменить русский язык национальными языками в администрациях, школах и учреждениях культуры. Например, на Украине эта программа получила название украинизации. Все служащие госучреждений до 1 января 1926 г. должны были выучить украинский язык под угрозой увольнения с работы. Решено было украинизировать газеты, книжные издательства, театры, вывески, надписи и прочее. То есть, все, на что ложится глаз.

Евразиец Н. Алексеев, предчувствуя, чем может обернуться такой избыток национальной свободы, в конце 20-х гг. писал: «Создав в пределах Союза большое количество национальных республик… коммунисты… способствовали пробуждению местного национализма, который не может не угрожать превращением в самостоятельную силу… Это чрезвычайно грозное явление, быть может, одно из самых опасных для судеб не только советского правительства, но и будущей России».

Итак, выделим главное: с созданием национальных государственных образований в рамках СССР и введением пункта о самоопределении в декабре 1922 года в структуру СССР была заложена *бомба замедленного действия*, которая на рубеже 90-х гг. взорвалась. И это ударило в первую очередь по 25 млн. «заграничных» русских, большинство из которых оказалось в национальных республиках не по своей воле. Они были или искусственно отрезаны от России при образовании новых республик (Новороссия, Сев. Казахстан), или выехали в 1930 – 60 гг. по оргнабору – поднимать экономику и социальную сферу национальных окраин (это – помимо эвакуированных во время войны). Особенно много русских выехало из России при Хрущеве, который, будучи стихийным троцкистом, вообще не понимал, что кроме классового существует еще и национальный подход! Хрущев всерьез собирался

построить в СССР коммунизм за двадцать лет (к 1980 г.). А раз так, то смешение разных этносов рассматривалось как шаг к слиянию наций в единый «советский народ» («коммунистическую нацию»), как непременное условие строительства коммунизма.

В конечном счете, все эти искусственные перемещения привели к тому, что был нарушен главный принцип существования народов в *полиэтническом* государстве, сформулированный Гумилёвым: «Рядом и порознь»**.** Когда этносы живут в мире, не вмешиваясь в дела друг друга (как уже упоминалось – этнический симбиоз, или другой вариант – ксения). При этом, подчеркнем, основной вектор миграций тогда был направлен не в Россию*,* а *из России.*

Историческая практика показывает, что национальные конфликты вспыхивают тогда, когда происходят массовые этнические слияния и взаимопроникновения. Именно массовые, когда счет мигрантов идет не на тысячи, а на сотни тысяч и миллионы. Гумилёв говорил: «**Межнациональные конфликты происходят так же естественно, как… возникновение при вольтовой дуге искры**». И особенно острыми эти конфликты бывают в тех случаях, когда перемешивание этносов происходит при контакте на *суперэтническом* уровне. Именно это произошло в Прибалтике (европейский суперэтнос), на Западной Украине (особый регион, тяготеющий к Европе), на Кавказе (суперэтнический перекресток) и в Средней Азии (мусульманский суперэтнос).

В результате в конце 1980 – нач. 90-х гг. миллионы русских подверглись гонениям (особенно на Кавказе и в Сред. Азии) и вынуждены были бежать от «братьев меньших» на историческую родину в Россию. А те, кто убежать не смог оказались в бывших республиках СССР в положении граждан второго сорта.

Говоря о положении русских в СССР, следует обратить внимание еще на один перекос. Так получилось, что в последние десятилетия существования Союза уровень жизни русского населения оказался ниже, чем в большинстве национальных республик. Национальные меньшинства на Кавказе, в Прибалтике, да и в отдельных районах Средней Азии жили богаче, чем национальное большинство в вечно нищей Центральной России. И это притом, что национальные окраины были подняты из бедности в основном русскими, и на русские деньги. Огромные средства были брошены на создание местной промышленности, науки, образования, медицины. В Средней Азии, например, все это пришлось поднимать с нуля. В итоге Большой брат стал постепенно превращаться в Бедного родственника. И это, естественно, не прибавило уважения к русским со стороны нерусских народов. Ведь стремятся дружить, как известно, с сильными и богатыми.

Почему же русские оказались в таком униженном положении? Корни уходят туда же – в троцкистско-бухаринскую «интернациональную», точнее – русофобскую политику. Известно заявление Бухарина на XII съезде партии в 1923 году: «Мы в качестве бывшей великодержавной нации… должны поставить себя в неравное положение… Только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с

другими, только этой ценой мы сможем купить доверие прежде угнетенных наций».

При этом главной задачей для подобных руководителей-космополитов продолжала оставаться борьба с «великорусским шовинизмом». В том же 1923 году на совещании ЦК с партийным руководством национальных республик было заявлено, что уклон к местному национализму «является реакцией против великорусского шовинизма». Наиболее рьяные участники совещания призывали «заткнуть глотку» «чудищу великодержавничества» (Скрыпник), «вытравить его окончательно, прижечь каленым железом» (Зиновьев), не расслабляться, а настраиваться на длительную борьбу, поскольку «великорусский шовинизм будет, пока будет крестьянство» (Микоян). Здесь надо подчеркнуть – «на длительную борьбу».

К этому следует добавить, что неприязнь к русской нации была, в известной степени, унаследована многими марксистами от их учителя – Карла Маркса. В советское время эта русофобия Маркса замалчивалась, но факт остается фактом: Маркс Россию (да и всю «славянскую сволочь», как он выражался) сильно не любил. Считал русский народ варварским, «неисторическим», «контрреволюционным», и поэтому обреченным на гибель (!) в огне мировой революции. Он всерьез утверждал: «Ненависть к русским была и продолжает быть первой революционной страстью». (Вот тебе и «Интернационал»! – Авт.)

Что касается Ленина, то он в подобные русофобские крайности не впадал. Однако его позиция по национальному вопросу не была однозначной. Многое здесь зависело от конкретной политической ситуации. Когда требовалось, Ленин называл себя «великоруссом», когда требовалось – клеймил «русский шовинизм». Но чаще все-таки клеймил. Особенно выделяется в этом отношении его статья «К вопросу о национальностях и «автономизации», датированная 30 декабря 1922 г. (день образования СССР). В ней Ленин берет под защиту национализм угнетенных «малых наций» и гневно осуждает национализм «больших наций». (Хотя в истории бывало и наоборот: малые нации угнетали большие нации.) Помимо нападок на «русский национализм» в статье говорится о «роковой роли Сталина». К нему относится выражение «шовинистическая великорусская шваль» (!), поясняется, что и грузин может быть «грубым великорусским держимордой». Заодно достается и сторонникуСталина поляку Дзержинскому… По этому поводу Сталин позже скажет: «Это не Ленин говорит – это болезнь его говорит».

Надо, однако, заметить, что такой болезнью – под названием синдром мировой революции – болел не только Ленин, ею болели почти все «старые большевики». И поэтому неудивительно, что после смерти вождя мирового пролетариата Сталину пришлось вступить с этими старыми большевиками в ожесточенную борьбу, затянувшуюся на 15 лет и закончившуюся, как мы знаем, победой Сталина. (Увы, временной, тактической победой.)

Войдя в силу в конце 30-х гг. Сталин начал проводить прямо противоположную национальную политику. Это проявилось и в расстановке кадров (главное!), и в экономике, и в культуре. Антирусский перекос 20-х гг.

был преодолен, программа оголтелой коренизации свернута, нападки на «русский шовинизм» прекратились. В идеологии стала вырисовываться концепция «Старшего Брата». А при создании единого хозяйственного комплекса была сделана ставка на укрепление экономики исконно русских областей. Не будет преувеличением сказать, что сталинская национальная политика, даже с учетом отдельных ошибок, была достаточно выверенной, без крайностей, – как в сторону узкого национализма, так и в сторону чрезмерного интернационализма. Незадолго до войны Сталин так обозначил свою позицию: «**Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом. Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм**». (Здесь слово «пролетарский» – уступка марксизму.)

В целом это было возвращение к традиционной национальной политике, проводимой в Российской империи с XVI века. Разумеется, настолько, насколько это было возможно в советских политических и идеологических рамках. А царская национальная политика, заметим, была очень взвешенной и продуманной. Во всяком случае, она оставалась таковой до второй половины XIX в., когда под воздействием западных идей, была предпринята попытка русификации Польши, Прибалтики и Бессарабии. Но даже с учетом этих *либерально-консервативных* перегибов (особенно при Александре III) можно утверждать, что Российская империя вовсе не была «тюрьмой народов». Ограничены в правах были лишь два этноса: евреи (вначале по экономическим и религиозным причинам, а потом и по политическим), и поляки (по политическим). Остальные народы фактически имели те же права, что и русские. Более того, царское правительство предоставляла национальным окраинам определенные льготы (по налогам, военной службе и т. д.) и давала полную свободу в сфере культуры, религии и традиционного бытового уклада. То есть – не пыталось переделать разные народы в какую-то «общность». Принцип был простой: политический и административный контроль при невмешательстве в «личную жизнь» той или иной нации. При этом традиционная для русских терпимость и доброе отношение к инородцам совмещались с особым статусом русского народа, как главного имперского народа. Помимо того, в дореволюционной России старались не допускать *массовых* миграций и перемешивания этносов, особенно на суперэтническом уровне (за исключением расселения немцев-колонистов при Екатерине II и Александре I).

Таким образом, национальная политика «Белого царя», в целом проводилась в русле евразийской полиэтничной традиции, унаследованной Россией от древних кочевых империй гуннов, тюрок и монголов. Красный император Сталин стал продолжателем этой традиционной имперской политики в экстремальных условиях русского надлома. Но – ненадолго... После смерти *отца народов* Сталина троцкистско-бухаринская «интернациональная» линия, хотя и не в полной мере, была восстановлена.

При Хрущеве вновь оживились разного рода «космополиты». Возобновились гонения на Православную Церковь. Был нанесен удар по

русской деревне – хранительнице традиционной культуры. Опять возобладала прямолинейная установка на формирование *химерной* этнической конструкции под названием «коммунистическая нация». В результате РСФСР стала превращаться в дойную корову для многочисленных меньших братьев. Чуть ли не во «внутреннюю общесоюзную колонию». (В СССР было четыре республики-донора: Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан. Все остальные – дотационные.) Это естественно, привело к нарастанию недовольства русского населения: «Ну, сколько можно их кормить!». И стало одной из причин той политической индифферентности, которую проявило большинство населения России после распада СССР. (На этом русском недовольстве в свое время сыграл «русский националист» Солженицын, который объяснил нам тогда «как обустроить Россию».)

Таким образом, получилось, что добрые русские власти, проводившие даже не интернациональную, а какую-то сверхинтернациональную политику, помогли бедным и слабым соседям стать богаче и сильнее. И сформировать свою *национальную элиту*, которая, естественно, захотела получить больше власти и денег, и поэтому ударилась в крайний национализм. Вот вам еще одна причина нарастающего сепаратизма. Ведь те же номенклатурные узбеки или грузины к 80-тым годам как рассуждали? Мы и так живем хорошо, а без русских, которые уже немного надоели, заживем еще лучше! Дружба дружбой, а хочется пожить самостоятельно, ведь это все-таки наша земля…. И их, кстати, вполне можно понять – всякому народу хочется пожить самостоятельно. Вопрос в другом – а кто же тебе даст?! В мире стало очень тесно. Поэтому, хозяин для небольшого, беспризорного этноса всегда найдется, тем более, если он проживает в экономически и стратегически важном регионе. Но тогда наши меньшие братья об этом не думали. Так же как не думали о том, что нефть, газ, электричество, стройматериалы Россия посылала им почти бесплатно. А они свои абрикосы и персики продавали в России задорого. Они привыкли к этому, как привыкают дышать воздухом. Но когда этот кислород перекрыли, националистический угар начала 90-х сменился похмельем.

Правда, это случилось не у всех. Дело в том, что среди множества этносов проживавших в СССР была своя, так сказать, ***пятая колонна***. **В нее входили те этносы, которые, формально входя в состав Советской империи, в российский суперэтнос не только не входили, но и были *отрицательно комплиментарны* на суперэтническом уровне.** Они являлись инородным, лишним элементом в суперэтнической системе. Это, напомним, – прибалты, западные украинцы, крымские татары и отдельные северокавказские народы. Не случайно, что во время войны эти народы, *в большинстве своем*, поддержали Гитлера. За что и были по законам военного времени репрессированы Сталиным. И не случайно, что именно там, в конце 80-х годов произошел самый сильный взрыв национализма, даже больше – шовинизма! Именно среди этих народов были сильны *русофобские* настроения, и в советское время, и в досоветское. (Заметим, что СССР в этом отношении не являлся каким-то исключением: например, в китайский суперэтнос не входят (и

отрицательно комплиментарны) тибетцы и уйгуры, в европейский – сербы и греки, в индийский – кашмирцы и т.д.)

Если рассматривать проблему этнической «пятой колонны» с позиций теории Гумилёва (ученый этот вопрос почти не затрагивал), то получается, что здесь виноватых нет. Есть нарушение законов этногенеза с одной стороны и логика формирования военной империи с другой. Ведь территории, населенные данными некомплиментарными народами были завоеваны и включены в состав Российского государства по необходимости, поскольку имели важнейшее геополитическое (оборонное) значение, особенно Прибалтика и Сев. Кавказ. Конечно, в идеале их вообще не нужно было включать в состав Большой России, как и Польшу и Финляндию, которые стали головной болью еще для царской власти. Такие оторванные этносы, сколько их не ублажай, все равно будут диссидентствовать и стремиться назад, к «своим». Как, например, после распада СССР тут же вернулись к своим прибалты, пускай и на задний двор Европы, на правах провинциалов.

Однако в мировой истории всегда было так: все империи в период пассионарного подъема выходили за пределы своих суперэтносов (этносов). Сначала новая этническая конструкция выглядела относительно благополучно, но по мере снижения имперской мощи (пассионарности) на окраинах, в первую очередь, некомплиментарных, вспыхивали сепаратизмы. Что, вкупе с другими причинами, и приводило к краху все империи без исключения. Одни распадались в фазах акматики-надлома: Монгольская, Арабский халифат, Османская. Другие – в фазе обскурации: Римская, Византийская. Третьи (колониальные) – в фазе инерции: Испанская, Британская.

Эта *природная* этнологическая закономерность имеет прямое отношение к вопросу, почему распался Советский Союз.

Пока центральная власть в СССР была сильной, ситуация на Северном Кавказе, Западной Украине, в Прибалтике и других национальных районах – контролировалась. С ослаблением имперской власти и снижением пассионарности в российском суперэтносе в конце фазы надлома, окраинные национализмы закономерно вырвались наружу.

При этом следует еще раз подчеркнуть, что кроме рассмотренного фактора – этнического – на рост местного национализма повлиял и другой фактор – идеологический (связанный с этническим!). Как уже говорилось, сепаратизм окраин с самого начала образования СССР сильно подогревался марксисткой установкой на постепенное стирание национальных отличий. Поэтому вспышка местных национализмов в конце 1980-х гг. была подготовлена еще и той *лево-глобалистской* национальной политикой, которая с разной интенсивностью проводилась советским правительством в течение многих десятилетий (с перерывом на позднего Сталина). Сепаратистские устремления малых наций были *естественной* защитной реакцией множества национальных идентичностей на попытку лишить их собственного «Я», то есть, своей, оберегаемой каждым народом, непохожести на других. Это была закономерная реакция на планомерную политику (отчасти удавшуюся) по соединению всех народов СССР в одну большую *этническую химеру*!

В результате именно идеологический фактор стал *катализатором* центробежных процессов в большой этнической системе под названием СССР.

Гумилёв говорил в памятном 1991 году: ««Парад суверенитетов» не был запрограммирован в ходе этногенеза. Его вполне можно было избежать, если бы не проводимая коммунистическим правительством «линия партии». Она сознательно игнорировала сам факт существования в стране этносов со своими традициями и стереотипами поведения и тем самым провоцировала эти народы к отделению».

Как сказал по этому поводу академик Панченко: «*всех обидели, и русских тоже обидели»*…

О национализме и интернационализме

А теперь попытаемся ответить на вопросы, что такое национализм и что такое интернационализм? Надо еще раз подчеркнуть, что интернационализм при Ленине и интернационализм при Сталине – это два разных интернационализма. При Ленине интернационализм был *космополитическим*. При Сталине интернационализм стал *великодержавным.* И это было то, что надо! Подобную систему межнациональных отношений, типичных для евразийского пространства, славянофилы называли **«единством в многообразии»**.

Сталин, будучи нерусским человеком, прекрасно разбирался во всех тонкостях имперской национальной политики. Он прекрасно понимал всю опасность узкого национализма. Сталин еще по своему дореволюционному опыту работы на Кавказе знал, что такое местечковый национализм, и как его любит раздувать национальная интеллигенция. И чем это может быть чревато для имперской власти. Сталин отлично понимал феодальную психологию национальных элит, всех этих местных князьков, баев, нойонов, беков и их нукеров. И всех их он держал в кулаке.

Красный император Сталин четко осознавал, что русские – это становой хребет империи. Что они – центр силы. Поэтому, как уже упоминалось, на банкете в честь Победы в 1945 году он назвал русских самым талантливым и руководящим народом. А потом, уже в узком кругу, добавил, что он вообще-то, считает себя «русским грузинского происхождения». И это весьма показательно. Если в ранней юности Сталин был романтическим грузинским националистом, то со временем он закономерно превратился в русского империалиста. То есть, поднялся с этнического уровня, на более сложный – суперэтнический.

Именно такой национализм – на уровне *суперэтноса* – нам и нужен. Ибо Россия может существовать или как евразийская военная империя (суперэтнос плюс комплиментарные союзники), или никак! Времена узкого национализма («Россия для русских!», «Якутия для якутов!» «Башкирия для башкир!»), к которому до сих пор призывают некоторые горячие головы, закончились у нас еще в XVI веке. Когда с присоединением Поволжья и

началом присоединения Сибири, небольшое Московское Царство (этнос великороссов) стало превращаться в огромную Российскую империю, где со временем вокруг стержневого русского народа объединилось более ста других народов. Узкий национализм с тех пор – это *самоизоляция* с последующим дроблением изнутри. Как, например, это было у самых первых русских националистов – старообрядцев.

Именно в такой национальной изоляции и заинтересованы наши враги, мечтающие о расчленении России и возвращении ее в границы Московии начала XVI века! И те «русские националисты», которые призывают сегодня объединяться с «белыми людьми» из Европы для борьбы против «всех черных», льют воду именно на мельницу наших врагов. Источник такого «национализма» нам хорошо известен. Это – нацизм. Или, говоря языком этнологии, – *нацистская антисистема,* которая по своей разрушительной природе ничем не отличается от антисистемы космополитической.

Все сказанное, однако, не означает, что национализм, как *культурно-духовный* феномен и уж тем более, как идеология национально-освободительной борьбы («*защитный национализм*») не имеет права на существование. На земле нет этносов без национализма. Ни одного. Ибо когда исчезает национальное чувство, исчезает сам этнос.

С этнологической точки зрения **– национализм есть то самое «неосознанное чувство» внутриэтнической комплиментарности, которое выражается в чувстве патриотизма, и которое лежит в основе естественного противопоставления одной нации всем другим: «*мы – не мы*»**.

И, повторим, это *объединяющее* этнический коллектив чувство не надо путать с шовинизмом и фашизмом, которые идейно направлены не на поддержание этнического разнообразия (совокупность национализмов) и усложнение этнических систем (суперэтносы), а на их упрощение и уничтожение!

Гумилёв говорил: «Истинный национализм состоит не из заимствований у чужих этносов, и не в навязывании соседям своих навыков и представлений, а в самопознании». Данное определение, на первый взгляд неброское, на самом деле очень глубокое. Оно означает, что не надо обезьянничать на чужой манер, и не надо учить других жить, а надо быть самими собой. И как Божий дар хранить свою этническую неповторимость. В этом – внутренняя сила народа!

Что же касается *широкого национализма* на суперэтническом уровне, то опираясь на Гумилёва, можно дать ему следующее определение. **Суперэтнический (имперский) национализм – есть ощущение всеми народами, проживающими в одном географическом ареале *чувства общности исторической судьбы***.

Наш географический ареал – Северная Евразия – огромная территория от Бреста (не от Лиссабона!) до Владивостока, и от «южных гор до северных морей». Поэтому можно даже расширить наше определение и назвать такой имперский национализм – евразийским. Точнее, это будет уже не национализм, а **геополитический Союз национализмов**. И в этом союзе ведущую роль,

конечно же, должен играть стержневой, системообразующий русский народ. Потому, что без русского народа все остальные народы Северной Евразии объединиться не смогут. Это геополитическая аксиома. **(**Ну, например, как смогут объединиться казахи и белорусы? Или даже родственные – буряты и калмыки?) И в основе такого Евразийского союза должен лежать золотой принцип «единства в многообразии». Ибо *сложная система – крепче*!

Здесь важно подчеркнуть, что идея Евразийства, о которой, заметим, узкие националисты не имеют ни малейшего представления, заключается не в том, чтобы «запустить таджиков в наши города», а в том, чтобы таджики жили (и работали!) у себя дома, и при этом не пускали к себе китайцев. А киргизы – не пускали американцев. А узбеки – турок. Потому что и Таджикистан, и Киргизия, и Узбекистан – тоже наша земля. Наша *общая* евразийская земля…

Евразийство не есть гибельное всесмешение и «саморастворение в Азии». Евразийство – это выгодный всем народам Северной Евразии *имперский* (или другой) *централизованный* порядок, который распространяется на всё – от регулирования миграционных потоков до строительства интегрированной экономики и налаживания совместной обороны. Еще раз напомним важнейший евразийский тезис Гумилёва: «Для народов Евразии объединение всегда оказывалось гораздо выгоднее разъединения. Дезинтеграция лишала силы, сопротивляемости; разъединение в условиях Евразии значило поставить себя в зависимость от соседей, далеко не всегда бескорыстных и милостивых». Вот в этом-то и заключается истинное Евразийство! Остальное – от лукавого…

Но вернемся к нашей истории. Если мы посмотрим под заданным углом зрения на советскую национальную политику, то увидим, что в СССР объединительный принцип (евразийской интеграции), в целом, соблюдался. И в этом была сила Красной империи. Но не соблюдался другой принцип: «быть самими собой». И в этом была её слабость!

В одной из последних своих статей (в 1992 году, соавторстве с В. Ю. Ермолаевым) Гумилёв писал: «Местными национальными движениями политика коммунистов воспринимается как русская национальная политика. Такая аберрация рождает величайшее заблуждение, ибо русские с октября 1917 г. точно также были лишены возможности проводить свою национальную политику, как и все другие народы»…

Трудно с этим не согласиться. Все правильно. Однако с учетом рассмотренного нами материала, позволим себе внести одну поправку. Сильнейший удар по всему русскому, как уже упоминалось, пришелся на правление большевиков первой волны – троцкистов. Которые, в большинстве своем, будучи евреями по рождению, вообще не относили себя ни к какой нации. Они были *безнациональны* и *безрелигиозны* (как и полагается глобалистам). Вспомним известное определение Троцкого – «кочевники революции» и высказывание Мехлиса: «Я не еврей, я коммунист».

Поэтому надо все-таки разделять советскую национальную политику до и после Сталина. Факты нам говорят о том, что при Сталине, в период с середины

1930-х по 1945 гг., эта политика изменилась в патриотическую, русскую сторону. Хотя, конечно, – не до конца. Но, повторим, в реалиях того времени, при монополии марксистской идеологии этот поворот на национальные рельсы и не мог быть полным. (Взять, например, довольно темное «Ленинградское дело», когда была уничтожена целая фракция «русских националистов».)

И потом не надо забывать, что **советская национальная политика проводилась в тяжелейших условиях этнического надлома, т. е. в то время, когда *любая* этническая система несет невосполнимые потери**. Независимо от гимна и флага. В такие периоды, как уже упоминалось, часто приходится выбирать из плохого, и очень плохого. Поэтому, отнюдь не идеализируя Сталина, надо признать: все, что было сделано в советской национальной политике до и после него – было сделано хуже.

При Хрущеве (1953 – 1964 гг.) вновь возобладал лево-глобалистский курс на «интернационализацию», со всеми вытекающими из него последствиями. (Хрущев незадолго до своего снятия даже предлагал удалить графу о национальности из паспортов!) Затем, при раннем Брежневе (середина 1960-х – начало 1970-х гг.) этот процесс был несколько приостановлен. Глобалистскую формулировку «коммунистическая нация» заменили менее раздражающей формулировкой «многонациональный советский народ». Хрущевскую политику открытых дверей в «железном занавесе» немного прикрыли, космополитов слегка приструнили, антисталинскую компанию тихо свернули.

В это время была даже предпринята попытка русского возрождения в культуре. В литературе, художественном искусстве и кинематографе вновь зазвучала русская тема (писатели-деревенщики Ф. Абрамов, В. Белов, В. Распутин; режиссеры В. Шукшин, С. Бондарчук; художник И. Глазунов, искусствовед С. Ямщиков; патриотические журналы «Молодая гвардия» и «Наш современник). Оживился интерес к Православию. В среде гуманитарной интеллигенции возникло движение почвенников-русистов (В. Кожинов и др.). Появился даже русский самиздат. (В. Осипов).

Однако это национально-патриотическое оживление продолжалось недолго, и с середины 1970-х гг. опять возобладала уже знакомая либерально-интернациональная линия. В соответствии с которой и была развязана борьба с почвенниками и русскими патриотами. Тогда же против Православной церкви, внутри которой предварительно поработал КГБ, был запущен коварный неоязыческий проект. За всей этой «либеральной» политикой стоял Андропов. Известна его фраза: «Главная забота для нас – русский национализм; диссиденты потом – их мы возьмем за одну ночь»…

Параллельно с этим шел процесс деградации власти: после смерти Сталина имперская власть стала быстро слабеть, и как только при Горбачеве ослабла окончательно – по окраинам вспыхнуло. Повторим, что дружат, даже если кому-то дружить не очень хочется, всегда с сильными.

И вот здесь мы подходим к очень важным вопросам. Почему советская власть, то есть правящая коммунистическая элита, выродилась и ослабла? Почему она так быстро обуржуазилась и почти потеряла национальную

идентичность, т. е. – свою русскость? Почему она допустила формирование внутри системы мощной «пятой колонны»?..

Ответив на эти вопросы, мы ответим и на вопрос, почему распался Советский Союз. Ведь те ошибки в национальной политике, о которых здесь говорилось, можно было исправить. Если бы русский народ не перестал быть руководящим народом. И если бы правящий класс не сгнил на корню. И не отдал нашу страну на поругание и разграбление.

Почему распался Советский Союз? Этнический аспект

Здесь мы вновь должны возвратиться к фазе надлома, ключевой для нас фазе. Как мы уже знаем, в надломе резко уменьшается число пассионариев – людей, которые являются стержнем этноса. В то же время, резко увеличивается количество субпассионариев: бомжей, «алкашей», тунеядцев, мелких преступников и т. п.

Это к вопросу: «куда у нас мужики подевались?» Если поставить рядом русского человека из XVII в. и среднего российского гражданина из XXI века, то мы увидим между ними большую разницу. На смену воинам, монахам, землепроходцам и казакам-разбойникам пришли мелкие буржуа. Нельзя сказать, что русские гармоничники полностью вытеснили и заменили русских пассионариев, но, очевидно, что героев стало меньше, а равнодушных обывателей – больше. Теперь легко ответить на вопрос, почему мы в XVII – XVIII веках территории забирали, а в XX в. стали отдавать… Кстати сказать, сегодняшняя, пока мирная экспансия Китая в Сибири и на Дальнем Востоке очень напоминает русскую экспансию 400-летней давности. Та же высокая пассионарность с одной стороны и малозаселенные территории с «мирным населением» – с другой. Сила всегда стремится в зону наименьшего сопротивления. Это такой физический закон.

Как мы помним, с резкой потерей пассионарности в надломе слабеют нравственные скрепы этноса: падает мораль, ослабевает религиозное чувство, разрушаются традиционные ценности, деградирует семья. В результате нарастает *атомизация* этноса – коллективизм уступает место эгоизму. Надо признать, что у русских, в конце советского периода, все эти поздние «надломные» признаки проявилось в немалой степени. В то время как у многих нерусских народов, особенно в Средней Азии и на Кавказе, коллективизм и взаимопомощь оставались высокой, рождаемость росла и бомжей почти не было. При этом куда строже соблюдались моральные нормы и сохранялись традиционные ценности. И, соответственно, – женщина оставалась на своем традиционном месте, а мужчина на своем…

К концу XX века стало ясно, что у большинства этих народов пассионарность оказалось выше нашей. Не радикально выше, а *сравнительно* выше. А если в ряде случаев и не выше, то это компенсировалось отсутствием *антисистем* (или их неразвитостью) и большей этнической сплоченностью, то

есть – отсутствием раскола в данном этносе, родовыми связями и еще компактностью проживания.

Для наглядности приведем следующий справочный материал.

Возьмем такой показатель, как соотношение русского и нерусского населения империи. В начале XX века русских вместе с украинцами и белорусами было 72%, т. е. абсолютное большинство; к 1991 году – уже около 60 %. В 1989г. русские составляли 50,8% населения СССР (на самом деле меньше, потому, что тогда и не русский мог записаться в паспорте русским). К концу советского периода русские вплотную подошли к *критическому порогу*, который составляет от половины до двух третей коренного населения страны. Этот факт так же имеет прямое отношение к вопросу, почему распался СССР.

В связи с этим весьма показательными являются данные о демографической ситуации в бывших советских республиках Сред. Азии и Сев. Кавказа. После 1991 года, за 20 лет, население этих окраин выросло в среднем в 1,5 (!) раза. Больше всего – в Туркмении, Узбекистане, Таджикистане, Чечне. И это несмотря на низкие зарплаты, безработицу, и другие неприятности, которые обрушились на братьев наших меньших после распада СССР. За этот же период Россия потеряла около 15 млн. человек!.. Разумеется, дело здесь не только в снижении русской пассионарности. Причин, как всегда, несколько, и этнологических (природных) и неэтнологических (в первую очередь, это целенаправленный «либеральный» геноцид русского народа), но фактор пассионарности – один из основополагающих.

Еще пример. В азербайджанском городе Баку в начале XX века – почти треть населения – русские. В Тифлисе – еще больше. А Грозный до конца XIX века был, практически, русским городом. (У автора этих строк бабка, чистокровная белоруска, родилась в 1917 г. в Грозном.) Это кавказцы тогда говорили про русских: «Понаехали тут!»… Сегодня же только в Москве – больше миллиона азербайджанцев, не считая остальной Кавказ и Среднюю Азию. Это к вопросу о миграциях...

И последняя справка для сравнения. К 1914 г. население России достигло 163 млн. человек (без Польши и Финляндии). Это означало, что всего лишь сто лет назад приблизительно каждый восьмой(!) житель Земли, население которой составляло менее 1,4 млрд. человек, проживал в пределах Российской империи. Сегодня в том, что осталось от империи, т. е. в РФ, проживает 145 млн. человек. Это составляет около 2-х процентов от более 7 млрд. населения планеты. Даже если учитывать потери в двух мировых и одной гражданской войне – разница колоссальная.

Чтобы проиллюстрировать факт снижения уровня пассионарности в русском этносе (российском суперэтносе) вспомним все тот же акматический XVII век. Это было время, когда русские и украинские казаки совершали дерзкие морские набеги на Турцию, Крым и даже Иран! Яркий пример – поход «за зипунами» ватаги Степана Разина. Тогда русские казаки-разбойники наводили ужас на мусульманское население Дагестана и Азербайджана. Россию распирало от избыточной пассионарности, а прикаспийские мусульмане находились в спячке.

Еще один пример – покорение Сибири. В 1582 году 800 казаков во главе с Ермаком перевалили через Урал и захватили столицу Сибирского ханства, которую защищали несколько тысяч воинов. Затем казачьи отряды за 60 лет (!) дошли до Тихого океана, поставив по дороге десятки крепостей-острогов. И это в условиях бездорожья, жестоких морозов (XVII в. был очень холодным), и сопротивления местного населения. Одной из самых горячих точек была Красноярская «землица», которой, до прихода русских в 1628 году, владели енисейские кыргызы. Здесь война продолжалась долгих 75 лет! Много раз Красноярский острог штурмовали, поджигали, однажды перебили почти половину гарнизона, но взять не смогли. Этот эпизод можно сравнить с более масштабным событием того времени – знаменитым «Азовским сидением» донских казаков в 1641 году, когда 5 тысяч казаков смогли отбиться от 100-тысячного турецкого войска!

С тех пор прошло почти четыреста лет. За это время многое изменилось. **Пассионарный накал, полученный от «русского» толчка XIII в. заметно снизился, в то время как новый, «азиатский» толчок XVIII в. разбудил всю южную часть евразийского континента от Японии до Сев. Африки.** Он прошел, как мы помним, через Корею, Китай, Сев. Индию, Иран и Ближний Восток. Последовавший вслед за этим толчком мощный *пассионарный дрейф* прямо затронул подбрюшье России: Кавказ и Среднюю Азию. **Результаты этого последнего пассионарного сверхтолчка, возбудившего огромные массы населения Азии, мы и наблюдаем сегодня на всей территории РФ – от Москвы до Дальнего Востока…**

Все это, однако, не означает, что Россия, как евразийская держава, уже не имеет перспектив в своем развитии и обречена на заселение мигрантами из южных стран. Повторим, сегодня наша пассионарность далеко не нулевая, по уровню она ближе к средней. Со средней пассионарностью вполне можно жить, и даже очень хорошо, но при условии, что этническая система не расколота на части и находится в состоянии равновесия. А равновесие, как известно, наступает только в *следующей* после надлома фазе – инерции, когда этнос выздоравливает и вновь набирает силу.

А теперь вспомним, как наш народ отреагировал на распад СССР в 1991году. Надо признать, что он, в большинстве своем, отреагировал довольно вяло. Нет, наш народ, конечно, проголосовал за сохранение Союза, но когда тот распался – даже с печки не слез! А почему? Да все потому же – обострение болезни и упадок сил. Ну и, конечно, – иллюзии. Под дымовой завесой «Перестройки» наш доверчивый народ, сильно обманули. Его, оставшегося без поводырей и растерявшегося, быстро прибрали к рукам лукавые бесы. Они пообещали ему капиталистический рай, прочистили мозги насчет ужасов сталинизма, озлобили очередями и искусственным дефицитом, а потом добили талонами на мыло, сахар и водку… Все это так. Но… Но возникает вопрос: а почему он, народ, так легко сдался-купился? Ведь были люди, которые понимали, что происходит, и которые говорили: Безумцы! Куда вас понесло!

«Реформы» и «демократия» – это смерть России!.. Но народ не послушал этих немногих мудрых людей и прогнал их от себя…

Надо признать, что в хрущевско-брежневский период русский народ перестал быть руководящим народом. Он потерял веру в «светлое будущее» и как-то очень быстро *обуржуазился*. Опустился, в массе своей, на «гармоничный», кулацко-обывательский уровень. Сделался жадным. Легко соблазнился колбасно-автомобильными прелестями Большого Западного Супермаркета… *Он просто устал быть героическим народом.* Так всегда бывает в финале надлома – запас энергии иссяк. После сталинской сверхмобилизации наш народ сел отдохнуть, потом прилег, и – расслабился… После перенапряжения всегда нужна передышка, но эта передышка у нас сильно затянулась. Советские герои уступили место персонажам из «служебных романов» и «осенних марафонов»… И вот тут-то на него, лежачего, навалились враги! Кто виноват? Враги? Да нет, – сами виноваты, – нельзя расслабляться! Вмиг сожрут. Волки всегда кружат где-то рядом…

Таким образом, причина распада Советской империи заключается в нас самих. А если еще точнее, то *коренная* причина кроется в природной закономерности этногенеза, согласно которой в конце фазы надлома неизбежно наступает пассионарная депрессия.

В последние десятилетия XX в. стержневой, государствообразующий русский народ, на котором в течение нескольких столетий все держалось, дал слабину и перестал быть центром силы. Перестал быть тем *ядром*, которое долгое время притягивало множество народов. Еще раз повторим, что законы этнической истории – это, в основе своей, законы природы. Как солнце притягивает к себе планеты, так и большие, сильные народы втягивают в свою орбиту множество малых народов.

А что касается врагов, то они просто умело воспользовались нашей нарастающей слабостью. Дождались… Ведь внешние враги у России были всегда. И на Востоке, и на Юге, и, особенно, на Западе. НАТО двигалось на Восток с XIII века, начиная с крестоносцев. Европа мечтала уничтожить Россию все эти 800 лет. Но, сначала Московское царство, а затем Российская империя, не только держались, но век от века усиливались. Потому, что был пассионарный подъем! Заметьте, за всю более чем тысячелетнюю историю Руси-России внешние враги смогли покорить наши земли именно тогда, когда восточнославянский этнос, потеряв пассионарность, сделался больным и слабым. Произошло это в XIII веке в последней фазе славянского этногенеза – обскурации.

Разумеется, говоря о геополитических угрозах в наше время надо делать поправку на новые технологии и глобализацию. Сегодня у внешних врагов есть серьезные преимущества перед своими предшественниками, которые в старину не имели возможности вести полномасштабную финансовую и информационно-психологическую войну. (Но с другой стороны примеры Северной Кореи и Ирана, не говоря уже о Китае, свидетельствуют о том, что можно успешно противостоять противнику и в этих войнах нового типа.)

Если же говорить о врагах внутренних, из той самой антипатриотической партии, то они начали активно плодиться именно тогда, когда российский суперэтнос заболел, то есть, вступил в тяжелую эпоху надлома – начиная с 20-х – 30-х годов XIX века – от декабристов-масонов до нигилистов всех мастей. Повторим, когда организм ослаблен – микробы всегда найдутся. Однако, для полноты картины надо сказать, что этих микробов, в том числе *антисистемных*, у нас к началу XX века скопилось уж очень много – целые полчища. Да и к концу советского периода – тоже. При этом они проявили себя хорошо организованными и очень активными микробами.

Надо заметить, что говоря о распаде СССР, почему-то редко упоминают о том, что **за один только XX век Российская империя распадалась два раза**: в 1917 и в 1991 годах. Вдумайтесь, с XIV века – пассионарный подъем, завоевание и присоединение огромных территорий – до Аляски и Калифорнии, создание мощного государства. И при этом только один кризис – Смута начала XVII века (кризис роста). А со второй половины XIX века – стопятидесятилетний спад, правда, с серьезным перерывом на сталинскую регенерацию. Более 500 лет поступательного развития, и затем сбой – два системных кризиса за одно столетие! Это уже не случайность, а, как говорится, тенденция, звенья одной цепи. И, надо сказать, что после Февраля 1917 года события развивались не менее, а даже более катастрофично, чем после августа 1991-го. В. Розанов писал о том времени: «Русь слиняла в два дня, самое большее в – три. Ни царства, ни церкви, ни армии…».

И вот здесь необходимо рассмотреть крайне важный вопрос о том, что же происходило с русской правящей элитой на протяжении последних семи веков.

Правящий дворянский класс начал формироваться в России с XIV века. Тогда это московское служилое сословие, которое в основном занималось войной. При Иване Грозном в XVI веке происходит первая массовая чистка и обновление верхушки – боярства. Причем больше чистка, чем обновление. Через 130 лет, при Петре Великом проводится вторая чистка-обновление. Но тогда уже с упором на обновление. И после этого 200 лет никаких чисток не происходит! Правящий дворянский класс, который в XVIII веке еще неплохо справлялся со своими обязанностями, в XIX веке начинает разлагаться. К началу XX века российская политическая элита, изрядно разбавленная за два века иностранцами, теряет пассионарность и дегенерирует. В условиях череды политических кризисов 1900 – 1917 гг. – она обречена. Наверху плетут заговоры либералы, снизу давит народ, сзади подкрадываются революционеры!

В феврале-октябре 1917 года срабатывает железный закон элит – потерявшая пассионарность, но не пускающая наверх «чужаков», старая дворянская элита сметается мощной пассионарной волной. Важно подчеркнуть, что в этой волне *основной* рабоче-крестьянский пассионарный потенциал (изнутри) направляется антисистемными революционерами (извне). Происходит полная смена правящего класса. К власти приходят люди не только фанатично преданные своей идее, то есть, пассионарные, но что важнее, – на *тот момент* лучше всех организованные (Ленин).

После сталинской чистки 1937-38 гг. к остаткам старой большевистской элиты добавляется большая группа национально ориентированных молодых руководителей, имеющих в основном рабоче-крестьянское происхождение. В итоге, кардинально обновленная элита решает те сверхзадачи, которые стоят перед страной в 30-х – 40-х годах. И какое-то время после... Однако уже к началу 70-х годов советский правящий класс костенеет и начинает быстро разлагаться. Возникает вопрос: А почему так скоро? Петровская дворянская элита продержалась 200 лет (если считать с Ивана Грозного, дольше), а советская – всего 70! Получается, что запас прочности у советской правящей элиты был изначально меньше чем у их предшественников. А почему меньше?

Дело в том, что советский правящий класс так и не смог обрести единство и цельность. В нем изначально было заложено противоречие, которое не смогли разрешить репрессии 30-х годов. В политической элите постоянно боролись между собой две партии, которые можно условно назвать патриотической, антипатриотической. И победила, в конце концов, антипатриотическая.

Следует еще раз напомнить, что сталинский период – это этническая регенерация, но не полная, а частичная. Так случилось потому, что в этнической системе остались *антисистемные* и конфликтные элементы, в первую очередь – троцкисты-космополиты и западники буржуазного типа. Этническая болезнь продолжала тлеть где-то внутри, и к концу XX в. вновь вылезла наружу. **Глубинные причины крушения СССР уходят корнями именно в этот, так до конца и не преодоленный, внутренний этнический раскол, усугубленный воздействием антисистем.**

Но все-таки, почему патриотическая или «русская партия» в советской правящей элите оказалась слабее и, в конце концов, сдала позиции почти без боя? Здесь надо отметить три фактора. Во-первых, патриотам противостояла не просто сила, а очень мощная сила в лице антипатриотической партии, которая действовала по принципам организованной **антисистемы**, и которая всегда пользовалась активной поддержкой Запада. Эта космополитическая партия с течением времени видоизменялась (от сперанских и пестелей до керенских, троцких и гайдаров), то усиливаясь, то уходила в тень, но всегда представляла собой очень серьезную разрушительную силу.

Исходя из этого, второй фактор поражения патриотической партии можно сформулировать так: ей просто не хватило борцов – сильных, смелых лидеров – пассионариев. Их с самого начало было не так уж много. После революции 1917 года из народной толщи, конечно, хорошо зачерпнули, – но этого оказалось недостаточно. Задачи перед страной стояли грандиозные, условия были экстремальные, а уровень пассионарности в фазе надлома был уже не тот. Затем множество патриотичных пассионариев погибло на войне, какую-то часть унесли репрессии, а те немногие, что остались, были вытеснены в хрущевско-брежневские времена чиновными посредственностями, которые ни к какой партии не принадлежали, и тихо занимались своими буржуазно-шкурными интересами. *И* при *молчаливой поддержке* которых, уже другие пассионарии из антипатриотической партии сначала привели к власти

Горбачева в 1985 году, а затем подготовили переворот 91-го года. (Поэтому неудивительно, что 70 % советской элиты встроилось в новую «демократическую» элиту.) Происходило все это на фоне расслабления и обмещанивания большей части советских людей.

Таким образом, третьим фактором поражения коммунистов-патриотов стал уже знакомый нам буржуазный человек, который к концу фазы надлома сильно расплодился и представлял уже самостоятельную силу. В своем стремлении к богатству он явился *естественным союзник*ом антипатриотов-космополитов.

При этом весьма показательным является тот факт, что после смерти Сталина среди его ближайшего окружения пассионариев-патриотов вообще не оказалось. Там были или скрытые троцкисты-бухаринцы (Хрущов, Берия, Микоян), или аппаратчики-коньюктурщики (Маленков, Каганович, Булганин), или кондовые ортодоксы (Молотов). Какое-то количество пассионарных патриотов было во втором эшелоне партруководства (Шелепин, Семичастный, позже – Демичев, Мазуров, Кулаков и др.), а так же, в среднем звене; но их запаса пассионарности хватило лишь на слабый консервативный откат раннебрежневского периода. В результате, к приходу Горбачева «русская партия» была нейтрализована и «практически загнана в подполье».

И еще один момент – идеологический. После Сталина партийные идеологи так и не смогли придумать ничего нового в теории социализма. Советская идеология в хрущевско-брежневский период просто заржавела и перестала работать. Национальное было полностью подчинено классовому. В результате в 1960 – 80-х гг**. наступила пора безверия** – в коммунизм уже никто не верил, ну а Бога советская власть отменила.

Все это еще раз подтверждает известную истину о том, что социальное учение в принципе не может заменить религию. Это лучше, чем вера в деньги, но хуже, чем вера в Бога. Социальное учение – это суррогат религии. Подмена. Для надлома, увы, характерная.

А теперь, как говорил Гумилёв, остановимся и сделаем вывод.

Если посмотреть на проблему с привычных позиций социально-экономической и политической истории, то причины краха Советской империи (на видимом уровне) заключаются:

1) В «буржуазном перерождении» значительной части советских людей, которые превратились в городских кулаков и захотели жить «как все нормальные люди» при капитализме.

2) В разрушительной работе внутри руководства КПСС кротов-неотроцкистов (яковлевых-шеварнадзе), которые воспользовались немногочисленностью коммунистов-патриотов и попустительством расплодившихся коммунистов-буржуа. И которым («кротам») действительно активно помогали внешние враги – ЦРУ и прочие бжезинские.

3) В догматическом отношении к идеологии, что завело КПСС в идейный тупик.

4) В допущении партийной властью серьезных ошибок в национальной политике, о чем подробно говорилось выше.

Но если задаться вопросом: *А каковы причины всех вышеназванных причин?* Почему сделалось возможным и перерождение-расслабление, и разрушительная работа кротов, и утрата веры, и многое другое? То есть куда уходят глубинные корни этих неприятных явлений?.. Все известные теории на этот вопрос не отвечают или отвечают частично. А вот теория этногенеза Льва Гумилёва отвечает вполне убедительно. Глубинная причина заключается в том, что наш народ сделался больным. Началась эта болезнь почти 200 лет назад. Это – надлом. А главные беды надлома, повторим, – это резкое снижение числа пассионариев (при засилье субпассионариев, которые разъедают тело этноса изнутри), и это раскол этнической системы на враждующие лагеря, которые начинают воевать между собой. Сначала война идет холодная, потом – горячая, затем – опять холодная. И так несколько раз.

Говоря по-простому, надлом – это когда свои бьют своих, а чужие им помогают.

А теперь – главное. Этнологическая причина этих внутренних конфликтов заключается в том, что **в надломе, на фоне раскола этнического поля (что вызывает конфронтацию между людьми на уровне *ощущений*!) происходит непрекращающаяся ломка стереотипа поведения – болезненный переход от религиозно-героического (акматическая фаза) к буржуазно-обывательскому (инерционная фаза) типу поведения**. Что и приводит сначала к деформации, а затем *разрушению* единого стереотипа поведения, то есть на ментальном уровне – *к какофонии мировоззрений и мироощущений* (которая усиливается в периоды кризисов внутри надлома и затем на фазовом переходе к инерции).

Именно поэтому этническая система выходит из состояния равновесия и самолет, образно говоря, входит в пике… И мы здесь не исключение. Все народы, прожив половину жизни, заболевают. Эту болезнь, приводящую к раздвоению «коллективного бессознательного» можно назвать **этнической шизофренией**, протекающей на фоне резкого снижения иммунитета этноса.

Причем, применительно к русскому надлому следует делать серьезную поправку. Нашу этническую болезнь обострило, во-первых, вторжение западной культуры («идеологическая агрессия»), и главное – внедрение в тело этноса мощной космополитической антисистемы, впитавшей в себя смердяковых всех мастей. Эти *катализаторы* надлома действовали в девятнадцатом и двадцатом веках, действуют они и по сей день. Пока действуют…

Поэтому, ужесточение режима при Николае I, «подмораживание» России при Александре III, и, наконец, сталинскую «интенсивную терапию» надо рассматривать именно как попытки привести расшатанную и разъеденную микробами этническую систему в нормальное состояние. Как лечение больного различными средствами. Ленин и, затем, Сталин провели революцию «не по Марксу» именно потому, что к началу XX в. болезнь обострилась настолько, что таблетки, которые использовали Николай I и Александр III, уже не

помогали. *Надо было делать операцию. И делать быстро.* Ленин это понял раньше всех, и не стал дожидаться, когда капитализм в России «дозреет до своего предела».

Другое дело, что Ленин вовсе не собирался восстанавливать историческую Россию. Но здесь главное, что Ленин поставил точный диагноз Российской империи («стена, да гнилая!..»). А Сталин назначил ей интенсивное лечение. На несколько десятилетий помогло.

Возможен ли новый Союз народов?

Если посмотреть на весь советский период, то мы увидим, что это полный виток этногенеза в миниатюре. Пройдены все фазы: При Ленине – начало подъема; при Сталине – подъем и акматическая фаза; при Хрущеве – надлом; при Брежневе – инерция; при Горбачеве – Ельцине – обскурация.

Если посмотреть на усредненную кривую этногенеза (см. приложение А), то мы увидим в середине фазы надлома небольшой всплеск. У нас получился довольно большой всплеск: конец 20-х – начало 50-х гг. XX в. с последующим затуханием. Это и было сталинской регенерацией.

Сегодня нам опять надо начинать все сначала. На повестке дня стоит архиважный вопрос – каким быть будущему российскому государству? Можно ли возродить Союз народов, а вместе с этим восстановить державную мощь? Согласно концепции евразийцев и гумилёвской теории этногенеза – это возможно. Ведь надлом рано или поздно кончается. **Этническая система, в отличие от системы социальной, более эластична, то есть – *живуча*!** Даже ослабленная болезнью этническая система обладает способностью к регенерации за счет *резервной пассионарности*. Поэтому ядро суперэтноса при переходе в фазу инерции всегда восстанавливается (хотя оно и становится меньше).

Отсюда вытекает, что считать распад СССР необратимой геополитической катастрофой не следует. Ибо с восстановлением суперэтнической системы будет восстановлена и имперская (централизованная) государственность. Когда русские, наконец, выйдут из надлома, обретут силу и воспрянут духом, то вокруг них объединятся остальные этносы. Сначала на уровне Большой России, затем на уровне всего Евразийского пространства. Но, разумеется, это произойдет уже на новой основе – не все бывшие республики СССР войдут в этот новый Союз; какие-то некомплиментарные ломти уже отрезаны навсегда. Надо быть реалистами: былой мощи и размаха нам уже не достичь – пассионарность не та. Но, рано или поздно, большинство бывших союзных республик должны будут собраться вокруг России. Какие республики, и в какой политической форме – покажет время.

В конце 80-х годов, словно предчувствуя, что произойдёт с нашей страной, Гумилёв говорил: «Каждый этнос, тем более составляющий

государство, должен думать не о том, как нажить врагов – они всегда найдутся, а о том, где найти верных друзей».

И надо заметить, что наши противники все эти вещи прекрасно понимают, поэтому и вцепились мертвой хваткой в Украину, удерживают за собой Грузию, «работают» в Молдавии и Закавказье. И потому же все эти годы они делали пакости батьке Лукашенко и пытались устроить цветные революции в Средней Азии.

Но глобалисты – технократы, и думают, что законы природы можно обойти (у этих глобалистов-инопланетян, действительно мозги какие-то другие, «марсианские»). А они, эти законы, пока еще работают на нас. Во-первых, сама география России-Евразии способствует объединению народов, живущих на этой огромной территории, защищенной с трех сторон – севера, востока и юга – естественными преградами: горами, пустынями, океанами. Как писал лидер евразийцев П. Савицкий: «Природа евразийского мира минимально благоприятна для развития разного рода сепаратизмов, будь то политических, культурных или экономических… Громадная система *равнин*, именуемая российско-евразийским миром, как бы самой природой созданный колоссальный ассимиляционный котел. Тогда как в Европе и Азии временами можно было жить только интересами своей колокольни».

Сегодня многие бывшие национал-сепаратисты, в первую очередь, – среднеазиатские – начали понимать, что в одиночку им не прожить. И что американцы оказались гораздо хуже русских. Да и китайцы тоже… Сунешь палец – откусят руку. Свобода и самостоятельность дело, конечно, хорошее. Но стоит ли из-за нее рисковать национальной безопасностью, не говоря уже о личной власти?..

Другой евразиец Г. В. Вернадский еще в 20-х годах писал: «Предпосылки исторического развития изменились, т. к. нынче Евразия представляет такое геополитическое хозяйственное единство, какого ранее она не имела». К этому остается добавить, что сегодня роль экономического сотрудничества возросла в разы. Поэтому не случайно в «нулевые» годы экономические связи России с рядом бывших республик СССР, стали все более и более укрепляться, что в итоге и привело к созданию сначала Таможенного, а затем Евразийского экономического союза. Пока только между Россией, Белоруссией, Казахстаном, Арменией и Киргизией. Но это – начало. Причем начало многообещающее! Как тут не вспомнить великое предсказание Гумилёва: «…**если Россия будет спасена, то только как евразийская держава, и только через евразийство**». Поэтому лозунг сегодняшнего дня должен звучать так: «Либо – вместе, либо нас сомнут!». И это – «вместе» надо понимать не как слияние и взаимопроникновение народов (миграция в Россию), а как **союз соседей, живущих каждый в своем доме**.

И главное. Наши геополитические противники никак не могут понять того, что ясно даже школьнику знакомому с теорией этногенеза. Дело в том, что можно развалить подгнившую с головы империю, но невозможно уничтожить суперэтнос, который еще не потерял своей пассионарности. Ведь суперэтнос – это живой организм. Невидимые родственные связи, в

первую очередь между русскими, белорусами и украинцами (малороссами), как были, так и остались. Их, даже в условиях этнического раскола и ужесточения гибридной войны, так просто не разорвешь. Мы по-прежнему один большой народ. Ну а правящие «элиты» имеют свойство обновляться, причем, иногда очень сильно…

По кастрюле и крышка!
народная мудрость

Об Украине

Лев Николаевич Гумилёв говорил: «Мы не можем предотвратить ливни, оползни, цунами, но мы имеем метеослужбу, которая предсказывает нам погоду… Точно так же и моя теория этногенеза может иметь прикладное значение. Но до этого дело пока что, к сожалению, не дошло».

Эти слова ученого имеют прямое отношение к недавним событиям на Украине.

Для начала вспомним историю Юго-Западной Руси. Как уже говорилось, судьба русских людей, попавших под владычество Литвы и Польши, была очень печальной. Гумилёв писал: «Велико-, бело- и малороссы, которые оказались подданными Речи Посполитой, в целом были вполне лояльны по отношению к польскому правительству. Однако поляки относились к своим православным подданным свысока и даже с презрением… Русское дворянство с занятых поляками земель, было лишено всех прав на чины, а значит, и всякой возможности делать карьеру; русское купечество и городское ремесленное население было начисто вытеснено из торговли евреями, пользовавшихся покровительством католической церкви и польских панов… Перед русским населением Речи Посполитой стоял выбор не столько тяжелый, сколько аморальный сам по себе: или переходить в католицизм и становиться поляками, или терпеть всевозможные унижения. Русские, украинцы и белорусы пошли на огромные жертвы ради сохранения даже не свободы совести (этой свободы у них не было), а самой православной веры».

Православие в тех условиях выступало как индикатор принадлежности к вполне определенному этническому коллективу – «своим». Отказаться от веры означало отказаться от своего этноса. Русские люди на это пойти не могли. Но, как это часто бывает, предала верхушка – большинство православного епископата, поддержанного частью русского дворянства, пошла на заключение *унии*, т. е. объединение с католиками. В 1596 г. они признали главенство римского папы и католических догматов (при сохранении православного обряда) и стали называться униатами или греко-католиками.

После принятия католической (Брестской) унии положение православных в западных областях и без того тяжелое стало просто невыносимым. Православных священников, не принявших унии, изгоняли из храмов; им

запрещали крестить, венчать, отпевать на дому. Монастыри отбирались и оскверня́лись. Люди не могли крестить своих детей, вступать в законный брак, совершать главные христианские таинства – исповедоваться и причащаться.

В городах православный человек не имел право записаться в ремесленный цех, т.е. оставался без квалифицированной работы. Жить православные должны были вдали от центра города, в отдельных кварталах. Покойника можно было вывозить из города только через те ворота, в которые вывозились нечистоты. Бывали случаи, когда трупы православных вырывались из могил и выбрасывались на съедение собакам… Католики и униаты официально приравняли православных к скотам, по-польски – быдлу.

На селе было не лучше. Поскольку заниматься хозяйством в своих поместьях польские магнаты ленились, то они нашли себе энергичных посредников – евреев (которых пригласил в Польшу еще в XIV в. король Казимир Великий). Евреи стали управляющими польских панов – факторами – и выжимали деньги из русских крестьян. Гумилёв писал: «налогами были обложены земли, водоемы, охотничьи угодья, сенокосы и даже православные церкви. Последнее особенно возмущало православных: еврей-фактор пользовался ключами от церкви так же, как ключами от амбара, открывая храм для службы по своему желанию в зависимости от уплаты прихожанами соответствующей суммы».

Православные люди очень долго терпели все эти издевательства, но когда терпение кончилось – вспыхнуло. Началось с Запорожья, куда издавна бежали от шляхетского гнета русские и украинские пассионарии, и где со временем сформировался новый субэтнос – запорожское казачество. Выступление запорожцев поддержали остальные казаки польской Украины, в первую очередь те, кого поляки отказывались записать в «реестр», т.е. в служилое сословие. Во главе восставших в 1648 году стал Богдан Хмельницкий, у которого были личные счеты с польскими панами. Один из таких панов, помощник губернатора, сначала ограбил хутор Хмельницкого, а затем приказал жестоко выпороть его десятилетнего сына. На третий день мальчик умер. Богдан Хмельницкий, не добившись правосудия у польского правительства, поехал в Запорожье. Там он бросил клич: «Хватит нам терпеть этих поляков, давайте соберем раду, и будем защищать церковь православную и Землю Русскую!» Этот призыв был подхвачен всеми запорожцами.

Первоначально, казаки вовсе не собирались отделяться от Польши. Их требования были кратки: «во-первых, зачислить в казаки всех желающих… во-вторых, запретить на Украине пропаганду католической унии… и вернуть захваченные католиками церкви православным, позволив каждому свободно исповедовать его веру; в-третьих, изгнать с Украины евреев».

Сначала восставшим сопутствовала удача, польские войска были разбиты в нескольких сражениях. По Украине пронеслась волна жесточайших польских и еврейских погромов. Однако затем польская шляхта собралась с силами и нанесла ответный удар. Над казаками нависла угроза полного разгрома. И тогда гетман Хмельницкий обратился за помощью к Москве. Московское правительство, после долгих раздумий, пошло навстречу и в октябре 1653 года

приняло решение о присоединении Украины (Гетманщины) к Московскому государству. «Соединение с Россией спасало подавляющее большинство православного населения Украины, и потому 8 января 1654 года в Переяславе собравшаяся рада поддержала политику присоединения к Москве словами: «Волим под царя московского, православного». Вскоре царь московский двинул свои войска, и поляки были разбиты по всему фронту.

Однако война за Левобережную Украину на этом не закончилась, она продолжалось еще *полвека*. Большинство гетманов и казацких старшин после смерти Хмельницкого или перешли на сторону поляков, или пытались бороться за «Вольную Украину» – независимую ни от России, ни от Польши. Последним был Мазепа, которого поддержала только часть запорожцев, настроенных в это время уже против союза с Россией. Точка в истории воссоединения братских народов была поставлена лишь в 1709 году, после Полтавской битвы.

А теперь зададимся вопросом, почему воинственные (тогда пассионарные) поляки все-таки проиграли войну за Украину, а многочисленные попытки украинских гетманов присоединиться к Польше, или создать независимое, «самостийное» государство – ни к чему не привели? Если посмотреть на это с точки зрения этногенеза, т.е. копнуть глубже, то ответ на этот вопрос будет отличаться от множества объяснений, которые дали марксистские и либеральные историки (у которых все – от «экономики» и «политики»).

Гумилёв писал: «Подобно большинству наших современников, польские паны и украинские старшины были убеждены, что их воля преобразует жизнь, и потому они игнорировали объективные природные зависимости… Так поляки считали, что достаточно привлечь к себе казацких старшин, дав им шляхетские привилегии, и все казаки будут верно служить; что можно убедить русских православных, будто католическая вера лучше, и они станут ревностными католиками…

На самом деле, первостепенное значение имела *единая суперэтническая принадлежность* России и Украины*,* массовая поддержка «своих», которыми были единоверцы. Об это всеобщее ощущение единства, как волны о скалу, разбивались рациональные планы волевых, умных искателей власти. Два близких народа – русский и украинский – соединились не благодаря, а вопреки политической ситуации, поскольку народное «волим» или «не волим» неизменно ломало те инициативы, которые не соответствовали логике этногенеза».

И вот здесь необходимо обратиться к современности. Если посмотреть внимательнее, то мы увидим, что ситуация на Украине после распада СССР во многом напоминала ситуацию второй половины XVII века. Гетманы кравчуки, ющенки и прочие тимошенки – против России, более половины населения – за Россию*. /* Примечание: Так было до присоединения Крыма и начала тотальной информ-войны против России./ И это несмотря на многолетнюю «промывку мозгов» через антирусские СМИ и систему образования. Тогда Украину трясло почти 60 лет, современную Украину трясет больше 25-ти лет. (Предпоследняя «тряска» происходила при гетмане Скоропадском, продавшемся немцам в 1918 г., и

затем – при Петлюре, сдавшем Украину полякам. Все шло по той же схеме: большинство народа – в одну сторону, большинство «политиков» – в другую.)

Однако, с точки зрения этногенеза, сегодня положение более тяжелое. Народное «волим» к России, по-прежнему, есть, пускай оно и стало меньше. Но, во-первых, Россия еще не набрала силу. Во-вторых, и это главное, былой пассионарности в украинском народе уже нет: «Волим-то волим… Да кто бы за нас все сделал!». Нет тех дрожжей – казачества! Украинская (малоросская) пассионарность оказалась ниже русской.

Большинство малороссов давно превратилось в мирных обывателей, живущих по «окраинному» принципу: «Живу себе на хуторе – никого не трогаю… И вы меня не трогайте». И этой гармоничной пассивности, нередко граничащей с субпассионарностью, есть свое объяснение: множество украинских пассионариев за три века было оттянуто Россией, куда они уезжали делать карьеру (только в XVIII в. – братья Разумовские, канцлер Безбородко и многие другие). Ведь украинцы по своему стереотипу поведения и тогда были более усердными служаками, нежели русские.

Помимо того, в XVII – XVIII вв. многие пассионарные малороссы бежали с польской Правобережной Украины на Левобережье (до присоединения Правобережья к России в 1793 году) и расселялись на пограничных землях слобожанщины – современных территориях Сумской и Харьковской областей. Именно поэтому восточные украинцы оказались более пассионарными, чем центральные. Ну, а при Екатерине II, запорожское казачество, которое долгое время втягивало в себя самых отчаянных украинских пассионариев, было окончательно упразднено, накал снизился. Часть запорожцев, после долгих мытарств, переселилась на Кубань и стала называться кубанскими казаками.

Но все-таки главное отличие от ситуации XVII века даже не в снижении общего уровня пассионарности, а в том, что **единого украинского народа сегодня просто нет**. После присоединения к Украине в 1939 г. западных земель – с XIII в. оторванных (!) – в состав малороссов был искусственно включен инородный элемент – галичане (западные украинцы), представляющие собой отдельный *некомплиментарный* этнос. Который, надо это подчеркнуть, в значительной своей части был *химеризован* тесным контактом с чуждым европейским суперэтносом.

Гумилёв об этом зигзаге в истории Западной Руси не писал, но мы знаем, что, согласно теории этногенеза, этнические химеры возникают не где придется, а в зонах **суперэтнических контактов**, когда в одном котле длительное время варятся несовместимые этнические субстраты. В Галиции, глубоко вклинившейся на территорию Европы (см. карту), такими субстратами стали: малороссы, поляки, евреи, чехи, немцы, венгры, валахи и пр. То есть – представители, как минимум, трех (!) суперэтносов. **В результате этого многовекового варева и появилась «евро-украинская» этническая химера, породившая религиозную *антисистему* – униатство (греко-католицизм) – противоестественный гибрид католицизма и православия.**

Западных украинцев-униатов сравнительно немного, но у них есть то, чего не хватает центральным украинцам-малороссам – повышенная пассионарность.

И этому есть свое объяснение: по наблюдению Гумилёва, в химерных этнических конструкциях всегда происходит выброс негативной энергии... Именно западенцы-бандеровцы и являются сейчас теми самыми дрожжами, которые будоражат Украину. Но, увы, их энергия направлена не на собирание, а на разрушение страны. Отсюда следует вывод: пока эти две совершенно разные, взаимоотталкивающиеся этнические системы – «укры-галичане» и украинцы-малороссы – живут под одной крышей – мира на Украине не будет. Ни при каких обстоятельствах.

И дело здесь не только в отрицательной комплиментарности между галичанами и малороссами (не говоря уже о русских). Дело в том, что антисистема по своей деструктивной природе ни с кем ужиться не может – она фатально настроена на разрушение окружающего мира. Поэтому с точки зрения укро-фашистов надо убить всех: сначала русских, потом «неправильных» украинцев, затем поляков, венгров, румын и так далее. А если вдруг убивать будет уже некого, то надо поискать врагов среди своих, и тоже убить…

Униаты – это типичная психология сектантства. Первые греко-католики XVI – нач. XVII вв. – это предатели-отщепенцы, отступившие из страха и корысти от веры отцов. С них и начался **отрицательный отбор.** С течением времени к потомкам первых предателей добавились новые предатели-вероотступники. Ну а далее униатская антисистема стала воспроизводить себя, включая в свой состав выпавших из своих этносов «химеризованных» людей. Накопление происходило постепенно, – в первую очередь, через смешанные браки и незаконные связи в зоне этнических контактов. И к началу XX в. количество перешло в деструктивное этническое качество. Поэтому совсем не случаен тот факт, что Бандера был сыном униатского священника, а Грушевский – сыном учителя униатской гимназии. Отметим, однако, что сегодня укро-фашистская антисистема включает в себя не только униатскую церковь и нацистские группировки, но и радикальных националистов и химеризованную часть интеллигенции, которая всегда и везде слабое звено.

Кроме того, свой исторический вклад в отрицательный отбор внесли и многочисленные сектанты, которые бежали на Украину из России, начиная с XVI века. От первых русских протестантов и хлыстов (с XVII в.) до духоборов и молокан (переселенных в XIX в.). Помимо того, негативное влияние оказали и немецкие колонисты, от которых произошла ересь штундизма-баптизма. И разнообразные раскольники. И прочее и прочее… Окраина есть окраина, кто туда только не бежал и не ссылался… Это, кстати, к вопросу, почему на современной Украине сектантов гораздо больше, чем в России («на душу населения») и широко распространены суеверия, ворожба, «бытовое» колдовство и прочие оккультные практики. Вспомните Гоголя.

Мы знаем, что любая антисистема, проникая в слабопассионарную среду, начинает развиваться в ней как раковая опухоль, пуская метастазы в зоны наименьшего сопротивления. Первоначально греко-католики поглотили Галицию, потом – ее окрестности (не все), а с конца XIX века они стали распространять свое влияние на коренную Украину – Малороссию. Первая мировая война, вызвавшая репрессии против сохранившегося православного

населения Галиции, стимулировала эту экспансию. Затем, после проведения троцкистской компании «коренизации» в 1920-е гг. и затем, присоединения Западной Украины в 1939 г. – процесс идейного инфицирования малороссов резко ускорился. Ну, а после распада СССР в 1991 г. на бандеровской улице наступил долгожданный праздник! И началась поголовная «украинизация»…

Именно эта доморощенная униатская антисистема, а не австрийцы и немцы ее использовавшие, и породила в XX в. нацистскую идеологию «украинства», которую сегодня «свидомые» западные украинцы в агрессивной форме навязывают «несвидомым» украинцам, т. е. малороссам.

Именно эта разрушительная антисистема, и ее союзники – православные раскольники и религиозные сектанты (антисистемы поменьше) являются источником того агрессивного «*метафизического нигилизма*», который подпитывал *снизу* все украинские майданы, а после переворота 2014 г. стал идеологией войны на Донбассе.

Истинные причины оголтелой русофобии – в этом.

Причины религиозной вражды – в этом.

Причины политической деградации и криминализации – в этом...

А теперь вопрос: кому выгодно? Ответ очевиден. **Все это выгодно второй, руководящей украинской антисистеме – либерально-олигархической, находящейся под контролем третьей, глобальной антисистемы («Фининтерна»), которая и является главным заказчиком и выгодополучателем**.

Таким образом, беда Украины заключается в том, что в условиях спада пассионарности, начавшемся еще в донадломный период, в ее ослабленном теле свило гнездо не одна антисистема, как в России, а целых две: либерально-космополитическая и укро-нацистская! (Причем, «либеральная» антисистема на Украине – мощнее, чем в России, а тем более – в Беларуси, которой в этом смысле повезло больше.) Все это означает, что кроме штабов и командиров у них есть солдаты. Этих фашиствующих солдат сначала использовали на Майдане, потом вооружили, и бросили на русский Восток. Отсюда следует вывод – это надолго.

Чтобы понять, что произошло с Украиной достаточно просто перечислить тех «героев», которые пришли к власти на волне *либерально-фашистской* революции 2014 г. Это – президент-олигарх, с психологией типичного гангстера; его помощники: спикер-баптист и премьер-саентолог (т. е. «научный» сатанист). Далее следуют: министр МВД-гомосексуалист, глава СБУ – штатный агент ЦРУ, ряд депутатов-педофилов... и много-много других «героев», которых судебная психиатрия диагностирует как неизлечимых социопатов, т. е. человеконенавистников. (Вообще, эта гоп-компания даже хуже той, что пришла к власти в России в 90-е годы.) Если составить собирательный портрет либеральной антисистемы образца 2014 г., то мы там увидим стеклянно-ненавидящие глаза мадам Тимошенко, истеричную гримасу гомо-радикала Ляшко и хитрую ухмылочку господина Коломойского...

Таким образом, можно констатировать, что разразившийся на Украине конфликт имеет чисто *этнологическую* подоплеку: сдвоенная либерально-

бандеровская антисистема, плюс антисистемы поменьше, начали тотальную войну против возрождающейся Русской системы, в которую, надо это подчеркнуть, входят не только этнические русские, живущие на Украине, но и малороссы, и другие дружественные русским народы. То же самое, заметим, происходило в Югославии в 1991 – 95 гг., где против православных сербов была задействована католико-хорватская антисистема – нацисты-усташи.

С точки зрения этнологии, цель заокеанских заказчиков этой войны – предотвратить начавшееся на пространстве Русского мира объединение братских народов на *суперэтническом* уровне. То есть, «майдан» в Киеве – это прямая реакция глобализаторов на возрождение Имперской России и создание Евразийского экономического союза (тогда – Таможенного). Таким образом, они убивают двух зайцев: вбивают клин между русскими и малороссами и получают удобный плацдарм и орудие для нападения на Россию.

Война, развязанная Киевом весной 2014 г., получила название гражданской, что не верно (гражданская война – война *внутри* этноса); это, повторим, – межэтнический конфликт, спровоцированный и управляемый «либералами» под общим руководством зарубежных структур. Два полюса этой войны – «западенцы» Галичины и русские Юго-Востока. И то, что в качестве пушечного мяса со стороны Украины используется в основном зомбированное малороссийское большинство, не меняет сути дела, но является продуманной технологией взимоуничтожения братьев-славян.

Другие факторы конфликта: церковный, политический и даже социальный, с точки зрения этнологии, есть *следствия*, вытекающие из глубинных *этнических* противоречий, усугубленных внедрением антисистем.

Например, церковный раскол на Украине практически совпадает с разделением по этническими границам. Греко-католики – это в основном галичане (Западная Украина). Раскольники-«филаретовцы»* (УПЦ КП) и «автокефалисты» (УАПЦ и др.) – это те же «западенцы» и часть малороссов, зараженных галицийским вирусом национализма, – в основном представители «старшины» и «свидомой» интеллигенции (Западная Украина и отчасти Центр). Истинные православные (УПЦ МП) – это большинство малороссов и все русские на Украине (Центр и Юго-Восток). И поэтому, заметим, нет ничего удивительного в том, что *химерного* президента Порошенко в народе окрестили «полууниатом», так как он, будучи полуевреем, причащается и у греко-католиков, и у православных. При этом, искренне не считая за своих ни тех, ни других, ни третьих (ортодоксальных евреев).

/ * Примечание: В 2019 г. украинские раскольники и еретики объединились в, так называемую, ПЦУ, но суть дела от этого не изменилась. При этом произошло очищение УПЦ МП от чуждого элемента, что укрепило ее, и вывело на передовую борьбы с экуменизмом. В отличие от РПЦ, которой такое очищение еще предстоит пройти. /

Если же взять социальную (антиолигархическую) составляющую «народной революции», то мы обнаружим, что она тоже напрямую связана с главной, этнической составляющей, поскольку среди ведущих украинских олигархов ни одного этнического малоросса или русского – нет...

Конфликт на Украине осложняется тем, что в данной ситуации деморализованное большинство населения – малороссы – оказалось между двух огней. Причем, порой, в буквальном смысле слова. С одной стороны – пугающие репрессиями и взывающие к украинскому патриотизму либерал-фашисты, с другой – восставшие на Донбассе русские. Коренная Украина пребывает в растерянности: душой многие малороссы с русскими, умом же, поврежденным антирусской пропагандой, – сомневаются. Чтобы «украинизированные» братья-малороссы пришли в себя и осознали, в какой капкан они попали, нужно определенное время. Столько, сколько потребуется, чтобы «животы подтянуло». И «чубы, как следует, затрещали». Ну и потом еще маленько...

По-другому, увы, уже не получится…

Что же касается украинской государственности, то зная теорию этногенеза можно смело утверждать, что никакого «независимого государства» на Украине не будет. Никогда. А если что-то и будет, то абсолютно зависимое. Собственно, наличие такого «государства» мы и наблюдаем сегодня.

Каким образом будут развиваться события в этом «государстве» покажет время, но, скорее всего, униатскую Западную Украину ждет незавидная судьба. Обескровленная, она рано или поздно уйдет на Запад – что будет очень правильно с этнологической точки зрения – и будет использована, как орудие уже против новых противников на территории Европы. Скорее всего, в этой будущей войне ее добьют, как когда-то добили Гитлера. Этническая история показывает, что, при *положительной* динамике этногенеза, локальная антисистема обречена: ее или уничтожают антисистема-покровитель, или разбивает позитивная система, или она самоуничтожается. Это вопрос времени.

Если же говорить о коренной Украине, то независимое государство ей просто не нужно. Потому, что она была и остается частью Большой России. Как говорится «от добра, добра не ищут». Что, впрочем, не исключает наличия формальных признаков государственности в будущей культурно-национальной автономии.

Но даже если пофантазировать и представить, что украинцы вдруг захотят построить суверенное государство, то у них это вряд ли получится. И не только потому, что в составе коренных малороссов слишком велик «гармонично»-буржуазный элемент, руководствующийся сугубо личным интересом, а потому, что у них нет самого важного – государственной традиции, вошедшей в плоть и кровь, то есть – в этнический архетип. Так уж случилось, что, начиная с XIV века, украинцы жили или под кем-то, или с кем-то, и у них, естественно, не смог развиться государственный инстинкт. Вместо него развился *индивидуально-местечковый* инстинкт, причудливо перемешанный с инстинктом казацко-партизанским. (И поэтому, как говорил историк Костомаров, «душа южнорусса не такая распашная, как великорусская»…)

С точки зрения этногенеза, мы имеем дело с тем редким случаем, когда на формирование этнического стереотипа поведения кроме основного природно-климатического фактора (мягкий климат, плодородные земли – индивидуально-

хуторская, *мелкобуржуазная* психология) заметно повлиял фактор тревожного пограничья, и главное – фактор «давящего» этнического окружения в *буферной* суперэтнической зоне (поляки, евреи и др.). Это, повторим, – чистая география – зона контакта трех суперэтносов.

Гумилёв, в одном из интервью, говорил о малоросском стереотипе поведения: «…Нельзя бороться с украинцами за их желание есть галушки со сметаной, иметь садик и столик рядом, а не строить заводы, которые им не интересны»… И можно добавить: не заниматься большой политикой, которая им тоже не интересна.

Именно поэтому нормальной политической элиты на Украине никогда не было, и быть не может в принципе. Если оставить за скобками олигархат и партизанщину, то, что принято называть украинской политической элитой всегда напоминало, с одной стороны, ловкого шулера, задача которого всех обмануть и при этом не получить по морде, а с другой – бесстыжую блудницу, готовую продаться любому, кто больше заплатит.

И, строго говоря, виноватых тут нет. Это такая этническая история. Для того чтобы просто выжить в условиях жестокого давления со стороны польских панов, евреев-факторов и католической церкви малороссам приходилось постоянно *приспосабливаться* под ситуацию: терпеть, хитрить, выкручиваться, а кому-то, как реестровым казакам, выслуживаться. И, в конце концов, – бунтовать.

Вся пассионарность украинцев в течение многих веков была направлена не на строительство собственного государства, как у русских, а на то, чтобы освободиться из польского плена и отстоять православную веру.

И в этой тяжелейшей борьбе Украина выстояла – братья-малороссы сберегли свою национально-религиозную идентичность, явив собой пример выживания в самых неблагоприятных геополитических и этнических условиях! Это и было их главной исторической задачей, которую они выполнили. Поэтому примерять к украинцам чужие исторические задачи и требовать от них чего-то большего, с точки зрения этногенеза, бессмысленно и даже вредно.

Таким образом, можно констатировать, что судьба братской Украины напрямую зависит от судьбы России. Сама Украина с той бедой, которая на нее свалилась, не справится. Сегодня – это самое слабое звено в Евразийской суперэтнической системе. Поэтому западные глобалисты-финансисты (да и не только они!) взялись за нее всерьез. Они вложили в «самостийность» Украины большие деньги и оргресурсы, и так просто ее не отдадут. Бжезинский прямо заявил, что если Россия и Украина воссоединятся, то «это опять будет империя». А этого допустить нельзя. Тем более, что кроме геополитического и военного интереса у Запада есть и экономический интерес – Украина нужна ему как колония. (Это – третий заяц на убой.)

Безусловно, в своем нынешнем, ослабленном состоянии Россия не может позволить себе резких движений. Для того чтобы после тяжелой болезни набрать вес необходимо время. Но что-то уже можно делать, и это делается. С

2014 года русский геополитический вектор вполне определился: началось собирание потерянных земель…

Очевидно, что борьба за Украину сегодня – это борьба за Россию. Однако, повторим, рассчитывать на быструю победу не следует. И дело здесь не только в пока еще недостаточном для большой войны экономическом потенциале России. Все дело в основополагающем факторе – этническом. Только тогда, когда Россия придет в себя после надлома, обретет свое собственное *внутрирусское* единство и избавится, наконец, от «либеральной» пятой колонны, – два братских народа, русский и украинский, смогут воссоединиться. И залогом этому будущему объединению тот факт, что, несмотря на оголтелую антирусскую пропаганду, множество малороссов по-прежнему связывают свое будущее с Россией; так как были и остаются составной частью российского суперэтноса. Сегодня многие из этих людей напуганы и дезориентированы, но придет время, и они скажут свое слово.

А теперь вопрос: Так имеет теория Гумилёва прикладное значение, или это не более чем «фантазии романиста от истории»?..

О патриотизме и антипатриотизме. Маятник истории

Лев Николаевич Гумилёв учил смотреть на историю «с высоты полета орла». Если, используя его метод, посмотреть на весь период русского надлома под определенным углом зрения, то мы увидим очень интересную колебательную динамику. Это динамика противоборства уже известных нам сил – национальной и антинациональной. Попробуем проследить в заданном параметре все русские царствования за истекшие двести лет.

При Александре I (1801-1825гг.) в правящей элите и в «обществе» окончательно оформляется и набирает силу антипатриотическая партия. (Эта партия появляется еще при Петре I. Затем, в период «бироновщины» она усиливается; при Елизавете Петровне следует небольшая патриотическая реакция, но при Екатерине II западники вновь укрепляются.) После разгрома восстания декабристов-масонов, нашествие либерализма в России приостанавливается; при Николае I (1825-1855гг.) следует жесткая консервативно-патриотическая реакция (больше консервативная, чем патриотическая). Однако в эпоху реформ Александра II (1855-1881гг.) либерализм – уже с революционным оттенком – вырывается наружу. Антипатриоты резко усиливают свое влияние. При Александре III (1881-1894 гг.) вновь происходит поворот в сторону патриотизма и следует «подмораживание России», правда, не очень глубокое. При последнем царе Николае II (1894-1917 гг.) антипатриоты собираются в серьезную политическую силу и в феврале 1917 года захватывают власть. Временное правительство проводит откровенно прозападную, антинациональную политику. Империя начинает распадаться.

Таким образом, за первые сто лет – динамика отрицательная.

После октября 1917 года большевики-интернационалисты останавливают распад и начинают собирать империю, но не ради национального величия, а во имя мировой революции. Они еще большие антипатриоты, чем либералы-западники. Однако в 1930-х происходит сталинский патриотический переворот и смена курса. Страна переходит на национальные рельсы, хотя и не до конца. (В идеале следующим шагом должен был стать поворот в официальной идеологии – переход от марксизма-ленинизма к русскому социализму.)

После смерти Сталина в 1953 году, при Хрущеве вновь происходит антипатриотический откат назад. При раннем Брежневе, как и при Александре III следует умеренно-консервативная реакция. Но уже через десять лет, с середины 70-х годов усиливается все та же либеральная, антинациональная линия. При еще живом, но бессильном Брежневе в партийной элите происходит ползучий переворот организованный Андроповым. Верх берут наследники Троцкого и Бухарина – так называемые «либералы», которые и подготавливают «перестройку». Ну, а с 1985 года наступает очередь разрушителей Красной империи Горбачева и Ельцина. В начале 90-х к власти приходят радикальные реформаторы чубайсовского типа, которые начинают проводить антисоциальную и антинациональную политику одновременно. Это уже не просто антипатриоты, а оголтелые антипатриоты. К концу 90-х страна подходит к краю пропасти – еще немного и полный распад.

Однако этого не случается, и при Путине происходит, пускай вначале слабый и непоследовательный, но все-таки поворот к патриотизму. Опять срабатывает национальный инстинкт самосохранения. Начинается медленная регенерация почти полностью парализованного национального организма.

Итак, за последние сто лет – динамика половинчатая, положительно-отрицательная. Были провалы, но были и патриотические подъемы: самый мощный – в 1930 – 1940-х гг.

Делаем вывод. Если мы внимательно посмотрим на более чем двухсотлетнюю историю борьбы патриотической и антипатриотической партий в России, то увидим, что это – **маятник,** качающийся туда-сюда.

Россию бьют, но она не сдается. Однако и победить не может. Не может вернуться на свою почву, в свой русский дом. Один раз почти вернулась, при товарище Сталине, но ненадолго и почти…

Надо признать: за почти 200 лет пассионарного спада наша этническая система потерпела существенный урон. До нуля еще довольно далеко (пассионарность средняя), но по сравнению с тем, что было – потери серьезные…

Чем это может закончиться? Очевидно, что по логике этногенеза эти двухсотлетние колебания маятника должны закончиться устойчивой консервативно-патриотической реакцией, которая будет означать вступление России в стабильную фазу инерции. Поэтому у нас есть все основания полагать, что посленадломный патриотический качок будет гораздо мощнее и *продолжительнее* всех предыдущих. В пользу него говорит и тот факт, что в последние годы патриотические настроения, в том числе и среди молодежи,

усиливаются, а популярность Сталина растет. И это несмотря на все усилия либеральной пропаганды и дебилизацию образования.

Потребовалось пройти через «лихие 90-е», чтобы не только рядовые русские люди (которые очень быстро все поняли), но и многие интеллигенты-идеалисты и наши доморощенные буржуа наконец-то осознали, что под дымовой завесой «демократических реформ» нас всех банально ограбили. А страну – опустили. Большинство людей поняло, что никто нас на Западе не ждёт, и что бежать, в случае чего, некуда. Все мы в одной лодке. Надо поднимать и защищать собственную страну. И с этого момента к удивлению патриотов-традиционалистов у нас стали появляться патриоты буржуазного типа; правда, не слишком последовательные.

Тем не менее, это дает надежду на то, что при переходе в фазу инерции вековой красно-белый раскол в нашем этносе будет преодолен естественным, мирным путем. Во всяком случае, тот факт, что импортная «цветная» зараза в послеельцинский период в России так и не привилась, говорит о том, что времена радикальных либералов 90-х – уже прошли. Их отвергли и левые, и правые, и те, кто между ними. Иммунная система национального организма, хотя и со скрипом, но сработала.

Повторим, русский медведь сильно ослаб в надломе, но вовсе не умер. Такое случалось в истории: думали – убит, а оказалось – только ранен...

Когда мы, наконец, придем в себя и вернемся в свой русский дом, то первым делом надо будет взять в руки большой веник и вымести всю чужеземную идеологическую заразу, которая накопилась у нас за 300 лет. По идейной линии: протестантизм – просветительство (с XVIII в.) – либерализм – левый глобализм (XIX - XXвв.) – современный глобализм (нач. XXI в.).

Еще раз подчеркнем, что идеология национального возрождения должна впитать в себя все то, что было выработано русской культурой за тысячу лет. В ней уже не должно быть места для импортных «измов». Новая государственная идеология должна базироваться на своем собственном, национальном фундаменте. И в первую очередь – на русской коллективисткой традиции и Православии. А также на многовековой традиции сильной, *имперской* власти. Это наш главный ресурс. Нравится кому-то или не нравится, но тысячу лет православной культуры и четыреста лет имперского строительства выкинуть из истории России невозможно. (Можно только в фазе обскурации.)

Что такое русский имперский тип? Это человек, который всю Большую Россию – от Бреста до Владивостока – **ощущает** своей землей. И не просто ощущает, но готов за нее биться! (Повторим, что патриотизм, в *глубинной своей основе*, – есть врожденное качество. Он проистекает из *обостренного чувства своей земли* и передается на генном уровне, от далеких предков.) Например, автор этих строк – типичный русский империалист. Мои предки по матери пришли в Сибирь в далеком XVII веке. Поэтому Сибирь – это моя земля! Другие предки переселились с Восточной Украины в XIX веке. И Украина – моя земля! Мои предки по отцу – из-под Могилева. И Беларусь – моя земля! И нас таких в России – миллионы. У Гумилёва это называется суперэтнической

общностью. Именно в этом наша сила! Проблема же «либералов» в том, что у них, вообще, никакого чувства земли нет. Они – безрелигиозные и безнациональные «инопланетяне».

За последние сто лет Россия прошла через тяжелейшие испытания: она переболела либерализмом начала XX века, затем перемолола интернационал-большевизм 1920-30-х гг, потом отбила атаку неолиберализма 1990-х гг, а сегодня схватилась с «глобализмом»!

Враги России очень хорошо изучили русскую историю, и знают все наши сильные и слабые стороны. (А. Зиновьев точно подметил, что «Они изучали СССР так, как охотник изучает слона, чтобы убить его одним выстрелом».) Поэтому Бжезинский еще в 1993 г. прямо сказал, что после крушения коммунизма в России главную опасность для Запада будет представлять «русский национализм, соединенный с православный фундаментализмом». Больше у русских ничего не осталось… Все правильно. Не осталось.

О русском имперском национализме мы уже говорили, но что такое «православный фундаментализм»? Термин, конечно, не самый удачный, однако если посмотреть на перемены, которые произошли у нас после 1991 г. с точки зрения религиозной, то те тысячи храмов, которые были восстановлены из руин и отстроены заново всего лишь *за двадцать лет* – это «фундаментализм». И миллионы русских людей, пришедших приложится к Афонским Святыням – это «фундаментализм». И антицерковная пропаганда в СМИ, и активная работа «предателей в рясах» по разложению церкви *изнутри*, – это реакция именно на «православный фундаментализм»!

Но истинный смысл духовного возрождения России заключается даже не в этом, а в том, что глубинным, *метафизическим* стержнем православного сознания русского народа – ослабленного, но духовно живого – по-прежнему является мессианская идея **«Москва – Третий Рим»!** И здесь надо подчеркнуть – «мессианская». Это значит, что **«судьба русского народа – есть продолжение священной истории от Сотворения мира».** Это значит, что после священной истории Ветхого Завета, Нового Завета, Первого Рима, и Второго Рима-Константинополя – России «было даровано свыше стать *хранилищем истинной веры* вплоть до Второго пришествия Христа и Страшного суда». Потому, что Четвертому Риму «не быти».

Отсюда следует, что русский народ является не только наследником своей собственной тысячелетней истории, он является духовным наследником *всей* Священной истории. И в этом смысле – он богоизбранный народ. Не возвышающийся над другими народами, но несущий тяжкий крест. **Русский народ с XVI века является *Удерживающим* мир от падения в царство антихриста**. До сих пор! Несмотря на искушение материализмом XIX века, отпадение от церкви в советский период и бесовский соблазн «обществом потребления» в послесоветское время... И именно за это свое спасительное удерживание русский народ так ненавидим теми силами, которые антихристу уже поклонились…

Третий Рим сегодня – это последний бастион на пути армии сатаны к мировому господству. В *духовном* смысле Россия является главной преградой

для врагов человечества; куда более серьезной, чем высокопассионарные и многолюдные цивилизации Азии и Латинской Америки. Ибо главный фронт – духовный!

С русским человеком, который все это понимает, и который чувствует *такую* ответственность перед Богом и перед миром – ничего нельзя сделать! Его невозможно ни купить, ни запугать! Такой православный фундаменталист непобедим. И поэтому, конечно же, он представляет главную опасность для врагов России.

Кто-то скажет: ну, когда все это было! С тех пор как старец Филофей пророчествовал о Третьем Риме, прошло 500 лет! Да и людей таких уже не осталось, сами же говорите, что пассионарность не та. Ответим: да, не та. Потери большие. Но люди остались. Их меньше чем было, но они остались. Просто они пока не видны*. Вот на этих-то людях все до сих пор и держится!

Помните у Достоевского: «…больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых»… и будут все глядеть с изумлением…»

С точки зрения науки, главный двигатель истории – пассионарность. С точки зрения духовной – воля Божья. А Бог на нашей стороне.

/*Примечание: Война на Донбассе показала, что первые – уже видны. Кроме того, их много и не надо./

где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.
(Мф. 6:21)

Почему мы никак не построим правильный капитализм?

(Генезис русского буржуазного человека)

Теория Гумилёва действительно универсальна. Опираясь на нее, мы можем по-новому посмотреть не только на политику или идеологию, но и на экономику. Зададимся вопросом, почему у нас до сих пор не может развиться «нормальный капитализм»? Сегодня мы переживаем вторую не очень удачную попытку. Первая была предпринята во второй половине XIX – начале XX вв. и закончилась, как известно, антибуржуазным переворотом 1917 года.

Сегодняшние неудачи в деле построения «светлого капиталистического завтра» обычно объясняются засильем прозападных олигархов, сырьевым перекосом в экономике, коррупцией, криминалом, недостаточной поддержкой малого и среднего бизнеса и т. п. Об этом уже много говорилось и писалось.
Однако, все это причины лежащие на поверхности. Даже не причины, а следствия. Если же посмотреть на данную проблему с точки зрения теории этногенеза, т. е. посмотреть в корень, то ответ прост. Мы с вами к «правильному» капитализму просто *не готовы*. Ни сто лет назад, ни сегодня. И вряд ли будем когда-нибудь готовы, даже при самых благоприятных политических обстоятельствах. Именно – к развитому капитализму западного

типа. Ну, а то, что у нас называют диким капитализмом и олигархократией, это вовсе не капитализм, а обыкновенный грабеж. Результат антинациональных гайдаро-чубайсовских «реформ», которые следует рассматривать как насильственный исторический зигзаг.

Заметим в скобках, что в этнологическом смысле таким же историческим зигзагом, но уже планетарного масштаба, является весь современный *наднациональный* финансовый капитализм. И между этими двумя зигзагами – российским и глобалистским – прямая связь: грабеж России есть часть грабежа общемирового. Однако, это уже отдельная тема, выходящая за рамки нашего исследования.

Но возникает вопрос: почему мы не готовы к капитализму? Не к финансовому капитализму (этот поезд не наш, и он давно ушел), а даже к обыкновенному – торгово-промышленному? А не готовы мы потому, что в современной России, для его построения все еще недостает необходимого человеческого материала. Другими словами, в составе русского этноса до сих пор нет достаточного количества людей *буржуазного типа* – аккуратных и предприимчивых индивидуалистов-накопителей, разносчиков капитализма. «Либеральных» рвачей, для которых Россия – колониальный объект для грабежа, немало; доморощенных бандитов и мошенников от бизнеса еще больше, а *законопослушных* и добропорядочных русских бюргеров все еще не хватает. Именно законопослушных и добропорядочных русских кулаков, как мелких, так и крупных. То есть, не хватает людей с определенным, **буржуазным стереотипом поведения**, с определенной **ментальностью**. Таких, считающих каждую копейку, монотонных людей-конторщиков, которые засыпают с мыслью о делании денег и просыпаются с мыслью о делании денег. И у которых самый большой праздник в жизни – когда они заключают удачную сделку. Причем не обязательно на большие деньги, можно и на «три копейки», главное, чтобы был прибыток. И можно было поставить еще одного слоника на комод.

Но почему же таких людей нет в достаточном количестве, т. е. подавляющем большинстве? Здесь несколько причин, в том числе известных задолго до появления теории Гумилёва. Во-первых, это *географический* фактор. О нем мы уже говорили. В отличие от Европы, в России крайне неблагоприятный холодный климат и малоплодородные земли. Отсюда низкая урожайность и, следовательно, очень небольшой прибавочный продукт (который и должен идти на развитие торговли и предпринимательства). Поэтому в течение многих веков государство было вынуждено прибегать к жестокому внеэкономическому принуждению, в том числе крепостничеству. Это было необходимо, главным образом, для обеспечения обороноспособности страны находящейся в окружении враждебных соседей.

Геополитическое положение России так же было долгое время неблагоприятным. В отличие от Западной Европы, которая представляет собой большой полуостров, защищённый с трёх сторон морем, Россия вплоть до XVIII – XIX вв. не имела естественных границ: морей, непроходимых гор, пустынь. Это было открытое поле, переходящее на севере в лес. Нам постоянно

угрожали с трёх сторон – запада, юга, юго-востока. Поэтому, для того чтобы не быть убитым или угнанным в рабство, русский человек должен был терпеть гнёт государства и отдавать ему порой последнюю копейку. Почти весь прибавочный продукт шёл на государственные и военные нужды.

А если добавить к этому огромную территорию, редкое население, отсутствие нормальных дорог и невозможность (до XVIII в.) заниматься самой выгодной, морской торговлей, то получается совсем невеселая экономическая картина. Какое уж там накопление капитала и развитие товарно-денежных отношений. Как говориться не до жиру…

Все эти природные особенности России давно заметили и описали русские историки XIX века, особенно В. О. Ключевский. (Сегодня географический фактор возвращен в науку школой Л. В. Милова.) Однако о другом важнейшем факторе – *возрастном* – они даже не помышляли. Первым его научно обосновал Л. Н. Гумилёв. Поэтому, отвечая на вопрос, почему у нас не хватает людей буржуазного типа, надо добавить – **возраст не позволяет**. Сначала нужно войти в инерционную фазу…

В Европе «буржуазный человек» начинает набирать силу в XV – XVI веках, в фазе надлома, а где-то и раньше (итальянские торговые республики). Учитывая благоприятные природно-климатические и геополитические условия европейского полуострова, дающие возможность развивать крупнооптовую морскую торговлю, буржуазный тип там, хотя и не без борьбы (протестанты!), начинает доминировать уже в XVII веке. Тогда-то европейский суперэтнос и вступает в фазу инерции, по сути – *буржуазную* и слаборелигиозную фазу. Европа «рыцарская» окончательно превращается в Европу «торгашескую». Христианскую религию вытесняет **религия денег** (*кальвинизм* и его отростки).

Сам Гумилёв о буржуазной сути инерционной фазы прямо не говорил (только один раз мимоходом сказал о человеке буржуазного типа, ну а мы за эту мысль ухватились). Однако вывод напрашивается сам собой. И в Древнем Риме и в Византии и в других цивилизациях древности торговля и предпринимательство, дающие импульс капитализации общества и распространению частной собственности, активно развивались именно в этой, сытой и «человеколюбивой» фазе. И рабство этому совсем не мешало.

Другое дело, что из-за географических отличий («Суша – Море») древний капитализм на Западе и Востоке был разным. В Греции, Риме и поздней Византии – олигархическим, ростовщическим, транснациональным (в масштабе Древнего мира). В Китае, Индии, на мусульманском Востоке – государственным, национальным. В Средиземноморье – более «развитым» (банковский процент, «делание денег из денег»). В странах Азии – менее развитым, не таким хищническим, спекулятивно-ростовщическим. Ну и понятное дело, что все это имело место до наступления эпохи мировых колониальных империй, НТР, всеобщей урбанизации и т. п.

И здесь надо подчеркнуть, что генезис капитализма на *западе* евразийского континента в различные исторические периоды имел одну важную особенность. По наблюдению Гумилёва, именно в этом регионе чаще возникали и проявляли высокую активность **«народы-торгаши»**, которые

обладали одним общим признаком – *«высокой степенью метисации»*. Это означает, что люди активного буржуазного типа (не мещане, а пробивные и изворотливые дельцы) размножались и проявляли себя не где-нибудь, а **в зонах этнических контактов**. В тесной Европе и в Средиземноморье таких зон было гораздо больше, чем в континентальной Азии, где зонами контактов были в основном участки караванных путей. Такими зонами на Западе являлись: восточный берег Средиземного моря (в древности – финикийцы, евреи и др.); низовья Рейна (фризы и др.); Север Италии (флорентийцы, венецианцы); Андалусия; Южная Италия и др.

Если заглянуть в историографию капитализма, то мы обнаруживаем два основных подхода: по М. Веберу капитализм вышел из протестантизма («протестантская этика»), по В. Зомбарту – из иудаизма («еврейский процент»). По компетентному мнению профессора В. Ю. Катасонова, и тот и другой были правы. Поэтому иудеи и радикальные протестанты со временем нашли общий язык. Но корни капитализма уходят еще глубже – древние евреи прошли первую школу ростовщического капитализма еще в Вавилонском плену (VI в. до н. э.), ну а в сам Вавилон этот капитализм пришел из Шумерского царства.

Если посмотреть на генезис древнего капитализма под углом зрения теории этногенеза, то все сходится – и Шумер, и Вавилон, и, затем, Палестина, в древности были не только перекрестками торговых путей, но и зонами активных этнических контактов.

Гумилёв писал о европейском капитализме: «В акматической фазе, а еще больше в фазе надлома они (торгаши) живут за счет раздоров, пользуясь покровительством правителей. Но постепенно они набирают силу и производят второй переход – к инерционной фазе, наиболее для них удобной…

XVI – XVIII вв. «остывание» романо-германского суперэтноса идет быстро. Пассионарии уезжают в колонии и либо гибнут там, либо возвращаются больными. Особи гармоничные упорно работают дома, на своих полях, в мастерских, канцеляриях… И тут-то место освобожденное пассионариями, занимают «торгаши» – флорентийские менялы, услужливые дипломаты, интриганы, авантюристы. Они местному этносу чужды, но именно поэтому крайне удобны для венценосцев, особенно тогда, когда у них вообще нет родины.

И вдруг им на благо Уатт строит паровую машину, и за этим следуют самые разнообразные технические усовершенствования. Города укрупняются, становятся полиэтничными. Человек начинает жить без связи со своим этносом, иногда поддерживая с ним только далекий контакт. Тут-то и проявляется «капиталистический дух» европейца».

Вот оно, по-гумилевски, – коротко и ясно!

Добавим к этому, что бурную капитализацию Европы, и ее заокеанского продолжения – США, сильно подстегнуло еще одно важное обстоятельство – появление к началу XIX века общемировой банковской системы и начало формирования *наднациональных структур* мирового финансового капитала («Фининтерна»). И еще раз следует подчеркнуть, что начавшаяся в XIX веке НТР, подготовленная многими тысячелетиями развития науки и техники,

удачно совпала по времени с самой благоприятной для роста техносферы европейской фазой инерции. (С начала XIX в. – паровой двигатель, затем электричество, двигатель внутреннего сгорания, и – пошло-поехало…)

А теперь проверим выводы Гумилёва на примере Древней Руси. Если сравнить Киевскую Русь в период ее расцвета с раннесредневековой Европой (X – нач. XII вв.), то мы увидим между ними очень большую разницу. Киевская Русь была гораздо богаче, цивилизованнее, *буржуазнее* тогдашней, еще полудикой Европы. Почему? Потому что восточнославянский этнос в X веке вступил в самую благоприятную для капитализации, т. е. накопления, фазу инерции. (Этническая история славян начинается в I – II в. н. э.) Прибавим к этому сравнительно небольшую территорию Киевской Руси и удобное географическое положение для развития транзитной торговли – путь «из варяг в греки». И на этом пути мы наблюдаем две зоны *этнических контактов*: на севере – Новгород (немцы, скандинавы и пр.), на юге – Киев и территория Северного Причерноморья (греки, евреи и др.).

Скандинавы тогда называли Русь – «Страной городов». Городов, которые, будучи крупными торговыми центрами, поражали заезжих иностранцев своей красотой и богатством. Киев в это время считался третьим по значению и богатству городом в Европе после Константинополя и Кордовы! Продолжался этот экономический расцвет Киевской Руси до середины XII века, т. е. до фазы обскурации, после наступления которой, как мы знаем, ослабший восточнославянский этнос стал самораспадаться, сначала медленно, затем все быстрей. А у молодой Европы все было еще впереди…

Итак, главный герой фазы инерции (цивилизации) – человек буржуазного типа. У западных ученых – это «массовый человек». Попробуем нарисовать его идеальный образ. Такой человек не обязательно – предприниматель. Чаще рядовой обыватель, который в массе своей и является **питательной средой** для развития капитализма. Например, в Европе (XX в.) – это представитель среднего класса «с домиком и садиком». Его главное отличие от человека *традиционного* заключается в том, что он руководствуется в своей жизни исключительно материальными интересами. Духовные ценности для него – пустая абстракция. В Бога буржуазный человек не верит, а если и посещает церковь, то только потому, что это полезно для «дела», ну и, вообще, – «так положено» (классический протестантизм – есть *этика*).

Человек с буржуазным стереотипом поведения – это *эмоционально пассивный*, трудолюбивый накопитель денег, который все время считает прибытки-убытки. Он очень расчетлив, даже жаден. Любит судиться по пустякам. Не любит бедных родственников. Много детей не заводит, потому, что они мешают «жить для себя». В случае войны такой человек добровольцем на фронт не записывается, а если и идет по призыву, то риска избегает, на передний край не лезет. Помогать ближнему считает невыгодным, и свои частные интересы всегда ставит выше интересов коллектива. Поэтому буржуазный человек всегда за «демократию», «гражданское общество», и

«свободу» (для себя, любимого). При этом он законопослушен и очень не любит беспорядка, особенно, когда этот беспорядок граничит с анархией.

Выделим главное. Буржуазный человек – это принципиальный эгоист и сугубый материалист, верующий только в одну религию – религию денег.

Стопроцентный буржуазный человек – это такое высокоорганизованное потребляющее животное. Оно наделено разумом и поэтому потребляет по максимуму, отметая при этом все, что «не рационально» и мешает жить. Жить в свое удовольствие, то есть «цивилизованно». О том, что такое сверхпотребление убивает природу, это существо не задумывается.

С точки зрения этногенеза, буржуазный человек – есть *результат снижения пассионарного напряжения* в этнической системе, но не до нуля, а до уровня ниже среднего. По классификации Гумилёва такому уровню пассионарности соответствует установка: «Стремление к благоустройству без риска для жизни» (см. приложение А). Ниже буржуазного человека – только «последний герой» из финальной фазы обскурации – паразит-субпассионарий.

В российском суперэтносе «буржуазный человек» с характерным стереотипом поведения выходит из тени и начинает размножаться, как и в Европе, в начале фазы надлома (XIX в.); и набирает силу, как мы уже знаем, именно при антибуржуазном, социалистическом строе. Однако надо еще раз отметить, что наш русский буржуазный человек в большинстве своем еще не стал полностью и окончательно буржуазным. То есть не успел, как следует «цивилизоваться». Он еще довольно дикий, *недоделанный* – индивидуалист с остатками коллективизма. (В большинстве своем – это кулак, который легко может пришибить за сорванный с его грядки огурец. И который потом, в минуту душевной тревоги, может покаяться за свое жестокосердие и даже всплакнуть… Душа-то еще не вся выветрилась.) Но это дело времени – когда-нибудь и он «цивилизуется»… Это закон, который можно назвать **законом буржуазного накопления**. Накопления в этносе не капиталов, а **людей** с буржуазным, точнее – мелкобуржуазным стереотипом поведения.

Однако надо сразу оговориться, что, применяя этот закон, следует делать обязательную поправку не только на современную глобализацию, ускоряющую все разрушительные процессы, но и на географические и культурные особенности той или иной цивилизации, поскольку они накладывают определенный отпечаток на менталитет народа. Например, евразийские и азиатские цивилизации всегда отличались от западных более развитым коллективистским, общинным укладом. Повторим, что многие поведенческие стереотипы закрепляются на генном уровне и хранятся в глубинных слоях бессознательного – индивидуального и коллективного – в течение многих столетий. На уровне наследственной памяти (архетипов). Поэтому, например, китайский буржуазный человек будет отличаться от мусульманского буржуазного человека. А оба они, в еще большей степени, – от европейского. (Это, кстати, к вопросу о перспективах глобализации и посткапитализме…)

А теперь проследим историю развития русской буржуазии.

Первые буржуазные ростки появляются у нас в XVIII веке, но их совсем немного и они еще слабы. Петр I, как известно, ставил цель развить торговлю и предпринимательство, опираясь на русского купца. Он, например, приказал прорыть каналы на Васильевском острове, чтобы по ним, как в Голландии, купцы возили свой товар. Но ни купцов, ни покупателей в нужном количестве не нашлось. Каналы зарыли. Демидовых в XVIII веке у нас оказалось немного, да и те смогли развернуться по настоящему только после того, как стали дворянами и получили в распоряжение массу крепостных рабочих.

Историк Погодин так писал о наших дореформенных (до 1860-х гг.) предпринимателях: «У нас много толкуют о торговле, не обращая внимания на характер народа. Никогда торговля наша не сравнится с английскою, потому, что она *не в духе народа*… Купец у нас принаживет капитал, бросает торговлю и отказывается от оборотов, а живет себе спокойно процентами. У англичан напротив…».

К концу XVIII в. большинство среди крупного русского купечества составляли старообрядцы, которые, надо это подчеркнуть, всегда находились в непримиримой оппозиции к царской власти (вплоть до 1917 года !). И которые, в отличие от европейских капиталистов, пускали в оборот *общинный* капитал. Для притесняемых властью старообрядцев такое артельное предпринимательство было одним из способов выживания во враждебной среде.

Сегодня некоторые исследователи проводят прямые параллели между европейскими протестантами и русскими старообрядцами. Это неверно, так как протестанты – это целая группа народов, появившаяся в результате раскола европейского суперэтноса в фазе надлома, а старообрядцы – небольшой субэтнос, отколовшийся от русского этноса в фазе перегрева. Поэтому протестанты-индивидуалисты в бога уже не верили (по-настоящему), а старообрядцы-коллективисты – верили.

Надо подчеркнуть, что старое патриархальное и богобоязненное русское купечество отличалось от своих западных коллег, тем, что старалось в своей предпринимательской деятельности руководствовалось неписанными, нравственными законами. Конечно, бывало всякое, но мошенничать, обманывать и уж тем более, заниматься откровенным грабежом, как это делали протестанты в колониях, у русских было не принято (как после этого в церковь идти?). При заключении сделки, как правило, обходились без юридической волокиты – достаточно было одного только «купеческого слова». Выставлять богатство напоказ считалось неприличным. Жили скромно. Но главное: немалые деньги шли «на спасение души» – т. е. на церковные вклады и благотворительность. Поэтому называть *дореформенных* русских купцов и промышленников «капиталистами» нельзя. Это были, не буржуа в западном смысле этого слова, а *хозяева*. Именно такой тип старомосковского купца-хозяина, вышедшего их старообрядческой среды, выведен в замечательном романе И. С. Шмелева «Лето Господне».

Первыми по-настоящему крупными капиталистами XVIII – начала XIX века в России стали не представители «третьего сословия», как в Европе, а

близкие к царскому двору дворяне-аристократы, которые сколотили огромные состояния, пользуясь государственной поддержкой и «административным ресурсом». Некоторым из них, например, удалось за бесценок «приватизировать» государственные металлургические заводы, заложенные еще Петром I. (Вам это ничего не напоминает?)

Качественный сдвиг в деле построения капитализма происходит только после «рыночных» реформ Александра II, которые стали, по сути, началом *буржуазной революции* в России. На ее волне, во второй половине XIX века, складывается слой доморощенных капиталистов уже не из дворян и немцев, а из бывших кулаков. Но их сравнительно немного, и они, повторим, до конца неоформленные – одной ногой в патриархальной Руси, другой – в новой, капиталистической. Как писал философ Бердяев, русский купец-миллионер в глубине души все еще считал своё неправедно нажитое богатство грехом и в минуты раскаяния мечтал о монашестве или странничестве. Поэтому и церкви строил и благотворительностью занимался. Но это – лучшие. А не лучшие бежали от этого внутреннего противоречия в самодурство, разврат и безудержные пьяные загулы, которые устраивались с чисто русским размахом. Бывало пропьет такой «бизнесмен» с вечера тысячи, а на утро посылает приказчика в трактир за чаем и копеечными пирожками.

Наш ранний капиталист, выскочивший «из грязи в князи» был одновременно и разбойником, и кулаком-мироедом, и кающимся грешником. Он являл собой нечто среднее между законченным шулером Чичиковым (прародителем нынешних «либеральных рыночников») и совестливым купцом-меценатом Третьяковым…

Известно, что первые большие деньги обладают страшной магической силой. Редкий человек выдерживает искушение быстрым богатством и при этом не превращается в жадного и свирепого зверя... Должно пройти какое-то время, чтобы первая жадность перегорела и превратилась в спокойную, размеренную жадность. И богатый человек мог иногда подумать о чем-нибудь другом кроме денег… Вообще, идеальное предпринимательство, по словам профессора Катасонова, – это не обогащение, а – *служение*. Служение не деньгам, а обществу. Но, увы, таких идеальных капиталистов при «развитом капитализме» не бывает. (Ну, разве что, – при недоразвитом…)

Начало капитализма всегда очень болезненно. У Маркса это называется периодом первоначального накопления. Однако повторим, у Маркса совсем другой подход – сначала экономика, а уже от нее – человек (общество, политика, идеология и т. д.). У Гумилёва – сначала человек, сформировавшийся в неповторимой географической и этнической среде, потом все остальное. То есть, согласно теории пассионарности, не экономика делает человека, а человек доминирующий в этносе в данный период – пассионарный, гармонично-буржуазный, субпассионарный или, иногда, «антисистемный» – делает и экономику, и политику и свою историю. На наш взгляд такой подход правильный, поскольку подтверждается самой жизнью. Хотя, разумеется, всегда есть диалектическая обратная связь – от экономики (политики) к человеку.

Большинство русского народа в начале XX в. выступает против «новых русских» капиталистов. Это объяснимо еще и психологически. Еще каких-то 40 – 50 лет назад все были одинаково бедные (с одной стороны помещики, с другой крестьяне, купцов мало), а после отмены крепостного права вдруг появляется целый слой богатеев из бывших мужиков. Конечно, бедному крестьянину становится обидно: не так давно он вместе с этим Ванькой по улице босиком бегал, а сегодня Иван Иваныч уже тысячи загребает и на него убогого плюет… Это – скороспелые капиталисты. Если же говорить о старых купеческих семьях, то в этой среде после буржуазных реформ 1860 – 70-х гг. происходит болезненная либеральная перестройка – от «домостроя» к «прогрессу». Как писал Погодин: «Московские купцы – это негодное поколение, переход от грубости, доброты, простоты к так называемой цивилизации». Происходит этот переход к «цивилизации» довольно быстро. Уже к концу XIX в. дети и внуки старорежимных купцов, пройдя через либеральное сито гимназий и университетов, забывают «заветы старины глубокой», отходят от Бога, и начинают приобщаться к «общечеловеческим ценностям». Русское купечество повторяет ошибки русского дворянства…

К началу XX в. напряженность в обществе нарастает. И не только классовая; по мере развития российского капитализма «либеральные», «рыночные» *ценности* входят в непримиримое противоречие с патриархальными, традиционными ценностями, несколько ослабшими, но по-прежнему преобладающими. В первую очередь это касается отношения русских людей к ростовщичеству и частной собственности на землю. (Развитый капитализм, повторим, – это процент.) Согласно традиционному, православному взгляду на мир все, что связано с банковским процентом, т. е. деланием денег «из ничего», – это грех. Причем такой, за который полагается отлучение от церкви! (Заметим в связи с этим, что когда сегодня многие наши буржуазные и не очень буржуазные люди, поддавшись *психозу потребления*, берут кредиты в банках, они должны четко осознавать, что это прямой грех. Не только банкира, но и клиента.) Во-вторых, согласно традиционному, русскому представлению о формах собственности, частная собственность на землю, есть страшная несправедливость. «Земля – Божья и государева, а так ничья», – испокон веков говорили в народе. Земля может быть отдана во владение (за службу), она может переходить по наследству, но продавать ее нельзя!

Финансовая реформа Александра II одним махом перечеркивает весь русский хозяйственный уклад. Россия начинает втягиваться в мировую экономику, т. е. *в глобализацию*. В 1860 г. учреждается Центробанк (который выпускает деньги). И сразу же «удивительным образом» денег в экономике начинает не хватать! Кредиты становятся дорогими. Банкиры-ростовщики радостно потирают руки: наконец-то настало их время!.. Стараниями близких ко двору «молодых реформаторов» (Штиглиц и пр.) экономика России быстрыми темпами превращается в *рыночную*… Да-да! – все это, до боли знакомое, начиналось у нас 150 лет назад, а по отдельным статьям и раньше.

Следующий этапом становится вредительская финансовая «реформа» Витте (масона высокой степени). В 1897 году Россия переходит на золотой

стандарт… и моментально подсаживается на иглу золотых кредитов (Ротшильды). При действительно бурном развитии экономики: строительстве железных дорог, заводов и т. д. (активы), страна быстро погружается в долговую яму (пассивы – обязательства по долгам). **В результате к 1907 году Россия выходит на *первое место* в мире по государственному долгу перед иностранными инвесторами, которые в большинстве отраслей захватывают более половины уставного капитала.**

Таким образом, пятидесятилетний «капиталистический эксперимент» при *кажущемся прогрессе* доводит страну до экономического тупика, за которым должны последовать политический распад и потеря суверенитета! Но главное – эти чисто экономические противоречия накладываются на более серьезные противоречия ментального характера: большинство русского народа категорически не желает встраиваться в «рыночную экономику»! Именно поэтому буксует столыпинская «фермерская» реформа, поэтому государство насаждает капитализм сверху (в тяжелой промышленности), поэтому привлекаются европейские «инвесторы». И поэтому же, подчеркнем, среди собственно российских капиталистов мы видим много нерусских: евреев, обрусевших немцев, кавказцев и других инородцев – за ними многовековой опыт банковского дела, предпринимательства и торговли. Они буржуазнее наших недоделанных «буржуазных человеков».

В. Розанов писал по этому поводу: «…право, русские напоминают собою каких-то арабов, странствующих по своей земле… И «при свете звезд поющих песни» (литература). *Дело* все не в русских руках». А если какой-нибудь русский вдруг бросает свои кочевья и решается взяться за *«дело»*, то он тут же наталкивается на серьезную проблему: «Все работы и службы, уже заняты евреями или немцами; все *практическое* – расхватано ими. « Русского человека просто никуда не пускают» – аксиома улиц, контор, торговли»…

Преувеличение публициста? Возможно. (Розанов говорил о положении дел в Петербурге.) Но тенденция схвачена верно – вот тебе причина: «странствующих» и «поющих», а вот следствие: «не пускают»...

Повторим, что с точки зрения этногенеза одно из основных противоречий пореформенной эпохи заключалось в том, что капитализм в Россию уже пришел и настойчиво требовал своего развития, а подходящих для этого строя буржуазных людей у нас катастрофически не хватало. Поэтому, в отличие от Европы, где уже в фазе надлома «народы-торгаши» приобрели опору в лице расплодившейся местной буржуазии (протестанты), – в России они такой обильной питательной среды не нашли. Таким образом, у нас «народы-торгаши» оказались в двойной изоляции – этнической и социальной!

Это – первый этап развития капитализма в России, который *закономерно* заканчивается антибуржуазной революцией 1917 года и возвращением к привычному общинно-монархическому (советскому) укладу жизни.

Но… Но начало капитализации все-таки положено и процесс *буржуазного накопления людей* пошел. Обратим внимание на эту динамику.

Второй этап развития капитализма в России приходится на советское время. Да-да, именно на советское. Сталинский период – это тридцатилетняя задержка в развитии нашего буржуазного человека. В трудный для страны момент этот, тогда еще не очень многочисленный слой – в первую очередь кулачество и его отражение в партийной верхушке – «правую оппозицию» – просто придавили и заставили работать на общее дело. Это было жестоко, но закономерно и необходимо – иначе бы не выжили. Это была *плата за индустриализацию,* которая технологически обеспечила Победу 1945 года.

Но как только сталинская мобилизационная система уступила место более мягкой хрущовско-брежневской системе, буржуазный человек – уже городской кулак – быстро пришел в себя и стал набирать силу. Он пробился, как трава через старый асфальт! И социалистическое воспитание ничего не могло с этим поделать. **Согласно теории этногенеза буржуазный человек не воспитывается – он таким рождается**. И чем дальше, тем больше – до фазы обскурации. Можно сказать, что Хрущев, а затем Брежнев были востребованы именно этим слоем советских людей. Их очень ждали и они пришли.

Таким образом, массовое размножение буржуазного (мелкобуржуазного) человека происходит в эпоху позднего социализма, в 60 – 80-е гг. XX века. Получается, что период «развитого социализма» стал *переходным этапом* к капитализму.

В это время в советском обществе происходит своего рода мелкобуржуазный ренессанс. Трудовой народ, настрадавшийся в мобилизационный период, наконец-то начинает жить «для себя». И весьма примечательно, что над слоем мещан-обывателей, которые становятся питательной почвой для будущего уклада, вновь появляется буржуазный авангард – оборотистые дельцы. Эти люди на одну зарплату уже не живут и занимаются добыванием «нетрудовых доходов». В вечно нищей Центральной России их сравнительно немного, однако в крупных городах, особенно в столицах, и на юге РСФСР – уже немало. В национальных республиках, особенно на Кавказе, в Прибалтике, на Украине – еще больше. Это работники торговли, общепита, снабжения, сферы обслуживания, транспорта и др.

Весьма показательно, что в это время образ нового буржуазного человека проникает в литературу и на советский киноэкран. Сначала это явление осуждается, как в повести Шукшина «Энергичные люди», или «как бы осуждается», как в фильме «Берегись автомобиля» (там продавец-спекулянт кричит: «Почему я, человек с высшим образованием, должен таиться и изворачиваться!», а тесть ему говорит: «Тебя посадят, а ты не воруй!»). Потом, в 80-х, уже не только не осуждается, но даже вызывает понимание, как в фильмах «Блондинка за углом», «Прохиндиада или бег на месте» и многих других. И ведь нельзя сказать, что эти образы не типичны. Люди такого типа («умеющие жить») сплошь и рядом встречаются в реальной жизни. Более того, они становятся образцом для подражания для многих советских граждан, которые тоже хотят жить «хорошо» и «красиво»… «ну, как у них!».

Спецслужбы Запада, в это время, конечно, работают, и очень хорошо работают, но дело в том, что ядовитые семена информационной войны падают

на благодатную, уже подготовленную почву. Среди молодежи в это время все меньше встречается тех, кто хочет стать летчиком или конструктором, и все больше тех, кто мечтает о карьере завмага или снабженца. Конкурсы в торговые институты подскакивают до максимального предела. А работа за границей рассматривается, как счастливая возможность обогатиться за счет импортного дефицита.

К концу советской эпохи происходит смена вех: «романтики» уступают место «прагматикам». С точки зрения этнологии это означает, что в конце фазы надлома уже видны первые проблески грядущей фазы инерции...

К началу 80-х годов в СССР складывается высший слой подпольной буржуазии – цеховики, валютчики, крупные фарцовщики. Параллельно с этим, даже раньше, обуржуазивается большая часть партийной и хозяйственной номенклатуры, а так же верхний слой интеллигенции. При этом партийные верхи, и в первую очередь их либерально-прозападная часть, **искусственно подстегивают естественно идущий снизу процесс «буржуазного накопления».** Им не терпится. Будущие «перестройщики» и «реформаторы» почуяв добычу, уже сбились в стаю.

Вся эта новая советская буржуазия, мелкая и крупная, по-прежнему не составляет большинства в составе русского этноса – большинство русских традиционно работает на заводах, в колхозах, в конструкторских бюро; служит в армии и на других «государевых службах». Торгуют на базарах, в шашлычных, делают подпольный бизнес и занимаются фарцовкой, в соответствии с историческим наблюдением Гумилёва, в основном нерусские, или русские с «высокой степенью метисации» – плоды этнических контактов с «народами-торгашами». Но… Но, если сравнить «буржуазные показатели» позднесоветского периода 1980-х с периодом начала XX века, когда 70 % составляли бедные и средние крестьяне и 10 % рабочие, то количество буржуазных людей «на душу населения» в *русских* регионах заметно увеличивается. Особенно в крупных городах. Причем географически это четко просматривается не только по направлению с севера на юг России, но и с востока на запад. От, пожалуй, самого небуржуазного города на Транссибе – Читы – до сверхбуржуазной Москвы, по нарастающей.

При этом новая советская буржуазия очень активна; в первую очередь – теневая и полуподпольная. Она, повторим, пробивается наверх несмотря ни на какие ограничения советской системы, и к концу 80-х гг. уже представляет собой реальную силу. Опираясь на этот социальный слой – своего рода классовую пятую колонну – так называемые демократы, составляющие главную, идейно-политическую пятую колонну, производят антикоммунистический переворот и, пользуясь поддержкой Запада, захватывают власть в августе 1991 года.

Таким образом, получается, что, **если большевики в 1917 г. сыграли на недовольстве бедных, то «демократы» – на недовольстве не бедных**.

Это *второй этап* развития капитализма в России; преждевременно (именно преждевременно!) оборванный либеральной революцией 1991 года.

Возникает вопрос: побеждает ли после переворота 1991 года буржуазный человек человека не буржуазного? Нет. Он заметно усиливается и даже начинает преобладать, но до конца не побеждает. Ибо революция 1991 года по своей *внутренней* классовой наполненности была не чисто буржуазной, а – *полубуржуазной*.

Второй вопрос: получает наш буржуазный человек (именно – наш) то, на что он рассчитывал на заре «перестройки»? Нет! Вместо «цивилизованного рынка», который наконец-то «даст заработать» энергичному и предприимчивому индивиду (не «совку»), он получает в 90-е годы даже не дикий капитализм, а какую-то социально-экономическую яму, наполненную всякими отбросами. И в этой сливной яме он уже много лет должен энергично барахтаться вместе со всеми, чтобы просто выжить. При этом наш недоделанный буржуазный человек вынужден нарушать и человеческие, и божеские законы, потому что сделать бизнес в таких условиях и не преступить черту – нельзя. Таковы правила игры (которые в «нулевые» годы несколько цивилизуются, но, по сути, остаются прежними). В итоге, «тридцать сортов колбасы» и голубая мечта советского мещанина – личный автомобиль, достаются слишком дорогой ценой. И для страны, и для него самого… (Заметим в связи с этим, что та эпидемия потребления, которая в последние годы охватила огромные массы «изголодавшегося» населения, в будущем еще ударит бумерангом по этим массам.)

Конечно, справедливости ради, надо отметить, что среди нынешних крупных предпринимателей есть люди и с идейной составляющей – патриотичные, даже религиозные. Но таковых, увы, немного, и на принятие решений они мало влияют. Влияют в основном все те же «чичиковы»…

Таким образом, получается, что нашего подросшего, но наивного буржуазного человека просто умело *использовали* в своих целях люди совсем другого типа – «либеральные человеки». Те самые либерал-реформаторы 80-х – 90-х, для которых Россия – чужая страна, объект для грабежа и насилия. С точки зрения этногенеза, «реформаторы» гайдаро-чубайсовского разлива – это антисистемщики, которые, воспользовавшись обострением нашей внутренней, этнической болезни, грубо вмешались в ход русской истории и устроили России почти смертельный зигзаг.

И здесь надо еще раз подчеркнуть: такая резкая ломка традиционной, общинно-монархической социальной системы, даже шире – самого **типа цивилизации**, – была произведена в России впервые за всю ее многовековую историю. (После 1917 г. произошел возврат к этой социальной системе в новых формах!) **Что вызвала шок, и как следствие – вымирание населения.**

Выберемся ли мы из этой ямы? Должны выбраться. Да, собственно, уже выбираемся... И надежду внушает тот факт, что в составе нашего этноса все-таки сохранил свои позиции человек старого типа – до-буржуазный, коллективистский. Особенно в провинциальной Большой России. Он, конечно, сильно ужался, оказавшись не у дел после переворота 1991 года, но он никуда не делся. (Хотя жителям столиц и может казаться, что буржуазный человек уже

победил окончательно и коллективист обречен на вымирание. Но это – аберрация близости. Сытой и немного *химерной* близости.)

Как раз такой *традиционный* русский человек и спас страну от распада, на грани которого она находилась в конце 90-х годов. Каждый – на своем месте. Именно на таком человеке, незаметном саботажнике «либеральных реформ», Россия и удерживается! До сих пор. К удивлению и неудовольствию либеральных экстремистов, которые спят и видят, как бы «поменять этот народ», совершенно неспособный к «прогрессу и цивилизации».

А теперь пришло время ответить на вопрос, когда же мы, наконец, построим правильный капитализм «как у них».

Ну, во-первых, «как у них» не получится. Россия – это не Европа, а Евразия, т. е. совсем другая цивилизация. Поэтому, даже окончательно сформировавшийся буржуазный человек у нас не будет похож на европейский образец, он будет другим – с особой, евразийской спецификой.

Во-вторых, даже свой собственный, евразийский капитализм (а может быть и не совсем капитализм) мы построим не скоро. Впереди еще – *третий этап* строительства. Надо будет пожить какое-то время в фазе инерции и подождать пока, по мере срабатывания «закона буржуазного накопления», количество пассионариев-идеалистов у нас сократится до минимума и в составе российского суперэтноса размножится и станет безоговорочно доминировать русский буржуазный человек.

Пока же у нас доминируют в основном не русские буржуазные «человеки». Но так бывает в смутные времена, особенно когда на исторических часах «ни два, ни полтора».

Социализм и этногенез

Сначала – о методологии. Здесь следует еще раз напомнить, что при рассмотрении социально-экономических вопросов нами используется не привычный формационный, а совсем другой – цивилизационный подход. Напомним, что согласно данному подходу цивилизации (суперэтносы) – это живые организмы, которые имеют свой срок жизни – 1200 – 1400 лет. Для нашей же темы важен тот факт, что во всех цивилизациях в заключительный период их существования люди начинают отказываться от духовных ценностей и стремиться к ценностям материальным. Вместо Бога поклоняться деньгам. Это первое.

Второе. Согласно марксистскому экономическому подходу (методологии) развитие производительных сил неизбежно должно привести к мировой коммунистической революции и дальнейшему объединению всех людей в одно *безнациональное* целое. И это будет – прогрессивное развитие.

Согласно цивилизационному подходу – *экономика всегда вторична*. То есть: 1) какая политика – такая и экономика (новая власть определяет новый экономический курс, как это было в 1917 и 1991 гг.); 2) какая идеология – такая

и политика; 3) какая ментальность (народа, элиты) – такая и идеология (или ее отсутствие); 4) каков уровень пассионарности этноса и его география, такова и ментальность (стереотип поведения). Разумеется, все это – с поправкой на культурные коды и религию той или иной цивилизации, а сегодня еще и на глобализацию. **Но в основе – человек с его мироощущением**!

Пример данной цепочки зависимостей и решающей роли ментальности – это советский период 1917 – 1991 гг. – в первую очередь, размножение буржуазного человека (потребителя), *естественное* для фазы надлома.

Методологически выше – уже религиозный, промыслительный уровень, к которому ограниченная научная методология не применима. Здесь, повторим, зависимость простая: **каково духовное (религиозное) состояние народа, такова и реальность** – культурная, нравственная, демографическая, социальная, экономическая, всякая. Главный духовный закон нам известен **– Дух творит форму**! Тут и доказывать ничего не надо, достаточно сравнить религиозных (традиционных) мусульман Ближнего Востока и безрелигиозных аборигенов Европы. Разные планеты.

Но вернемся к марксизму. Согласно цивилизационному подходу слияние наций в принципе невозможно. Мы уже знаем, что если все люди сольются и станут одинаковыми («приятно смуглявенькими») то никакого развития не будет. Будет конец человеческой истории на планете Земля.

Общеизвестно, что Маркс писал свою теорию для Западной Европы. (И только в конце жизни признал, что есть еще, оказывается, «азиатский способ производства».) Он правильно показал динамику капитализации Европы – от средневековой бедности к богатству Нового времени. От старого героя – воина-феодала к новому герою – капиталисту-хищнику. Маркс глубоко изучил современный ему западный капитализм (XIX в.) и предсказал его системный кризис. Хотя, по справедливому замечанию профессора Катасонова, Маркс в «Капитале» описал не весь капитализм, а только его торгово-промышленный сегмент. Дело в том, что левый глобалист Маркс во вторую половину своей жизни был связан с кланом правых глобалистов Ротшильдов, и финансировался ими через Энгельса. Именно поэтому Маркс в своих трудах крупный ростовщический капитал как бы «не заметил». А ведь банковский капитал и был на тот момент самым «развитым капитализмом»…

История показала, что, правильно предсказав кризис капитализма, Маркс ошибся в прогнозе. По его теории (именно теории!), на смену зашедшему в тупик капиталистическому строю должен прийти более совершенный строй – коммунистический… Но он не придёт. На наших глазах наступает «Закат Европы». Европейский виток этногенеза завершается; Западная цивилизация уже вступила в последнюю фазу этногенеза. *На смену буржуа придут не пролетарии, а субпассионарии.* Они уже идут. А мигранты – следом. Это вырождение раньше называлось «постиндустриальной стадией роста», а сегодня – «кризисом постмодерна». (Важно отметить, что современный капитализм является, в основном, порождением Европейской цивилизации.)

Что же касается марксистско-ленинской трактовки социализма как «переходного периода к коммунизму», то если посмотреть на все это с точки зрения этнологии, мы так же увидим, что никакого перехода к коммунизму нет. Есть просто определенный способ распределения имеющегося в этносе богатства.

Историческая практика показывает, что социализм бывает двух типов – *социализм от недостатка*, назовем его – мобилизационный и *социализм от избытка*, назовем его – инерционный. Примерами первого служит Китай (XX в.), по Гумилёву – фаза подъема, и Россия (в сталинский период) – фаза надлома. Примерами второго – страны «золотого миллиарда», среди которых выделяются скандинавские страны («шведский социализм») – вторая половина XX в. – конец фазы инерции.

Это два совершенно разных социализма.

1) **Мобилизационный социализм – есть способ существования в *экстремальных условиях* начальных фаз этногенеза и надлома в эпоху наступления глобализации**.

Когда идет жестокая борьба за выживание в условиях неразвитости экономики, бедности населения, междоусобиц и гражданских конфликтов. Такой социализм находит питательную почву главным образом в *общинных*, «сухопутных» цивилизациях.

Если использовать привычную марксистскую терминологию, то это близко к понятию «государственный феодализм» – т. е. сильная центральная власть, внеэкономическое принуждение работника, уравнительное распределение при невысоком прибавочном продукте.

Отличительная черта такого жесткого социализма, повторим, в том, что он утверждается в период *агрессивной глобализации* (ее первого этапа – XIX – XX вв.). При переходе стран «второго и третьего мира» от аграрного уклада к *индустриальному*, когда «государственными крепостными» становятся уже не крестьяне, а рабочие и служащие. И происходит строительство такого социализма в начале эпохи промышленной цивилизации, а не в конце, как это предполагалось у Маркса.

Мобилизационный социализм всегда опирается: а) на идею вождя, б) идею справедливости, в) традиционные ценности: патриотизм, коллективизм, крепкую семью, высокую нравственность и готовность принести себя в жертву ради высокой цели. При этом религия, как правило, отрицается.

Кроме того, мобилизационный социализм имеет четкую национальную специфику: в России – русскую, в Корее – корейскую, во Вьетнаме – вьетнамскую, на Кубе – кубинскую и т. д.

Можно назвать такой социализм **«пассионарным»**, призванным обеспечить защиту и укрепление развивающейся (в фазе подъема) или ослабленной (в надломе) системы, в условиях нарастающего давления глобалистов (империалистов). Это *социализм движения сопротивления*.

Вообще, если посмотреть на развитие мобилизационного социализма в XX веке с позиции цивилизационного подхода (столкновения цивилизаций), то вырисовывается очень интересная картина. **Марксистское учение,**

разработанное в XIX веке для слабопассионарных стран капиталистического Запада, было взято на вооружение пассионарными народами капиталистической периферии, адаптировано ими к реалиям XX века (глобализация) и… использовано для борьбы с «мировым империализмом», то есть, с тем же Западом!

В результате на уровне мировой геополитики системный капитализм получил системный антикапитализм. Точнее – *системный антиглобализм*! Таким образом, «змея укусила себя за хвост» – идеология дочернего коминтерновского глобалистского проекта бумерангом ударила по материнскому, фининтерновскому глобалистскому проекту. И не просто ударила, а очень сильно ударила, задержав *открытую* глобализацию лет на шестьдесят (до 1991 г.). Ничего не скажешь, диалектика в марксистском духе! Или – в гумилёвском?..

2) **Инерционный социализм – есть результат длительного накопления этносом (суперэтносом) богатства**.

Когда после всех трудностей подъема, перегрева и надлома (через 700 – 800 лет с начала этногенеза) наступает благополучная фаза инерции, и государство уже может позволить себе отдавать часть накопленных богатств «трудящимся» (а потом – и не трудящимся). Как писал Гумилёв: «В сытое время цивилизации для каждого найдётся крыша над головой, кусок хлеба и женщина».

Можно сказать, что с привычной, социально-экономической точки зрения, фаза инерции – это капитализм, плавно перетекающий в социализм от избытка. При этом частная собственность сохраняется. Жить при таком социализме очень приятно… Но это – до поры до времени. На смену инерционному социализму неизбежно приходит другой социализм, назовем его – субпассионарный. Такой *паразитический* социализм «хлеба и зрелищ» мы видим в фазе обскурации в Древнем Риме. Элементы такого «социализма» мы наблюдаем сегодня в странах Запада, особенно США.

Современные западные «социалисты-еврокоммунисты» из развратной фазы обскурации очень сильно отличаются от социалистов и коммунистов из суровых фаз подъема и надлома (Китай, Сев. Корея, Вьетнам, Куба, Никарагуа, Венесуэла, Россия (в сталинский период)). Современные западные «социалисты» борются не за будущее своих народов, а за приближение конца своих народов. Они защищают права субпассионариев, проституток, феминисток, гомосексуалистов и пр. И совсем не хотят защищать всех остальных, нормальных людей от все более возрастающего произвола правящих элит.

Напомним, что в фазе обскурации уголовная психология начинает доминировать как в «верхах», так и в «низах» общества. При этом, в данной фазе возможна консервативная реакция – ужесточение полицейского режима, вплоть до репрессий, с помощью которых властные группировки стремятся, не то чтобы остановить агонию распада, а просто продлить свое собственное существование, как это было в Древнем мире. (В США – что-то подобное уже

на подходе, но, опять же, с серьезной поправкой на глобализацию и прочие безобразия современности.)

Таким образом, для того чтобы от социализма мобилизационного перейти к социализму «от избытка» – надо прожить довольно продолжительный период в фазе инерции и накопить жирок. Если использовать терминологию Маркса, то для того, чтобы достичь высокого уровня жизни большинства членов общества необходимо выйти из феодализма, прожить долгий срок при капитализме, дождаться его «расцвета» и на этой основе построить капитализм «с человеческим лицом». Ненадолго. Разумеется все это – с поправкой на религиозные и культурные особенности того или иного этноса, а так же – с учетом современной экономической ситуации. Например – *исламский социализм* в Иране (религиозно-культурный фактор), или социальное государство в арабских нефтедобывающих странах (богатство в фазе подъема-акматики.)

Впрочем, надо сразу оговориться, что предложенное нами деление социализма на мобилизационный и инерционный, достаточно условно. После выхода этноса из экстремального периода в рамках любой *динамичной* фазы может быть и нечто среднее между ними – полусоциализм-полукапитализм (Китай, Вьетнам). Интересен в этом плане проект обновленного, «русского социализма», соединяющий в себе национально-патриотическую и социалистическую идеологию, и допускающий частную собственность под контролем государства. Или – достаточно популярная сегодня идея «православного социализма» – то есть, идея сильного, социального государства с регулируемой экономикой и духовно-нравственной опорой на Православие.

Классический социализм XX века, как мы помним, был системой принципиально антирелигиозной, замешанной на сугубо материалистическом подходе. (В этом смысле, повторим, советская идеология явилась суррогатом-заменителем религии в *протестантской* фазе надлома. У нас, как и в Европе XVI века, произошла девальвация религии до уровня *этики*.) Возможно, новый социализм XXI века *на определенном этапе* вполне может найти точки соприкосновения с религией. Но… Но в долгосрочной, эсхатологической перспективе на первое место должны выйти чисто религиозные идеологии. **Поскольку в планетарном масштабе *сатанинской* идеологии глобализации может противостоять только религия.** В России – это Православие. Никакая другая идеология с этой духовной чумой XXI века не совладает!

Да и невозможно гармонично соединить несоединимое – религию и идеологию. Несмотря на кажущуюся схожесть – это принципиально разные вещи. Тут уж – или православие или социализм! Об этом хорошо сказал Достоевский: «Православие – наш социализм!».

Еще раз подчеркнем – классический социализм советского типа был *реакцией* на капитализм первой стадии глобализации (кон. XIX – первая пол. XX вв.). Этого капитализма уже нет. Следовательно, и классического социализма, как системного антикапитализма уже не будет. Будет что-то другое, более соответствующее наступающей эпохе.

В настоящее время можно указать на три основные линии развития высокопассионарного социализма (нового типа). Это: 1) латиноамериканский социализм – возможно, в союзе с католической церковью, которая там еще жива, 2) китайско-юго-восточный социализм – с опорой на древнюю коллективистскую традицию, 3) «исламский социализм», – где сначала ислам, а уже потом социализм. И, кроме того, следует выделить особую линию развития «среднепассионарного» социализма – русского, даже шире – евразийского – с опорой на православную традицию (соборность) и идею Справедливости, которая за тысячелетия прочно закрепилась в *евразийском архетипе*, и до сих пор является базовой для русского человека.

Очевидно, что все эти разнообразные социалистические идеологии не будут доминировать в своих политических системах, но будут входить в них, как составные части (противовесы) – в той или иной степени. И в *обозримой* перспективе все они будут иметь одну общую направленность – антиглобалистскую, или по привычной терминологии – антизападную. Такими примерами уже сегодня являются Иран, Вьетнам, Венесуэла и ряд латиноамериканских стран.

При этом надо иметь в виду, что на практике с отдельными социализмами могут случаться и неприятные зигзаги. Таким зигзагом, например, был противоестественный с точки зрения этногенеза (направленный на упрощение системы) и поэтому тупиковый национал-социализм гитлеровского типа или кампучийский «коммунизм» Пол Пота.

Повторим, что жизнь – она сложнее любой универсальной теории-схемы, будь то Маркс или более жизненный Гумилёв. Для нас главное: «насколько процентов» та или иная теория или идеология работает и подтверждается исторической практикой. То есть, в конечном счете, насколько она следует законам мироздания.

А в заключение еще раз обратимся к нашей недавней истории и посмотрим на состояние советского общества в эпоху «развитого социализма» (кон. 1960 – сер. 80-х гг.). Что мы увидим? Мы увидим, что этот период в целом укладывается в предложенную нами схему: Мобилизационный социализм – Капитализм – Инерционный социализм.

Практика показала, что «развитой социализм» в сытое и спокойное время брежневского застоя стал не продолжением, а концом мобилизационного социализма и, одновременно, началом наступления капитализма по широкому «мелкобуржуазному» фронту. Что и явилось одной из объективных *внутренних* предпосылок полубуржуазной революции 1991г.

Ведь что получилось с «развитым социализмом»? Получился идейный тупик. Ибо провозглашенная стратегическая цель социализма образца 1960 – 80-х гг. – «удовлетворение все возрастающих материальных потребностей советских людей» (которая, заметим, объективно отражала процесс внутреннего «буржуазного накопления») вступила в противоречие с самой идеей мобилизационного социализма. И сыграла на руку как раз могильщикам советского строя, которые это противоречие умело использовали. Ведь, строго

говоря, социализм – значит общественный, коллективный. А какой может быть коллектив при стремлении его членов к нарастающему потреблению и индивидуальному накопительству?.. Конечно, в документах КПСС говорилось и о том, что наряду с удовлетворением материальных потребностей, будут удовлетворяться и нарастающие духовные (?) потребности советских людей. Но это также было концептуальной ошибкой – стремление к истинным духовным ценностям в принципе не совместимо со стремлением к ценностям материальным. Тем более, в сообществе атеистов. (Это к вопросу о нарастающем безверии советских людей в 1970 – 1980-е гг., и робких попытках части интеллигенции обратиться к Православию.)

Таким образом, советский социализм, как всеобъемлющая идеология, закономерно уперся в тупик ортодоксального марксизма с его стремлением обмануть матушку-природу и построить на земле искусственную реальность с искусственным «человеком нового типа» – *безрелигиозным* и *безнациональным*… роботом. **Это означало, что первый *антихристианский* проект клонирования человечества потерпел крах.**

Кто-то может спросить: «А как же идея социальной справедливости?». – А мы ответим: она осталась. И будет жить, пока жив человек...

Делаем вывод. Будущая российская идеология не должна быть побирушкой по чужим домам; она должна отражать «свое, родное». И в том числе – свой *этнический возраст*. В этнологическом аспекте идеология должна отражать «состояние здоровья» этнической системы на данном отрезке этногенеза (т. е. уровень пассионарности, ее вектор, целостность системы) и, следовательно, **учитывать доминирующие в данной фазе (подфазе) *стереотип поведения и мировоззренческие установки* .**

Для нас – **это начальная, *полубуржуазная* стадия фазы инерции**. Когда все – на добротном среднем уровне; без крайностей, как в левую, так и правую сторону.

При этом, повторим, новая идеология должна впитать в себя все то, что было выработано Русской Православной цивилизацией за тысячу лет. В том числе – и положительный советский опыт.

Ярким примером того, что такая идеологическая перестройка возможна, является современный Китай. В свое время марксизм там сослужил добрую службу – под красным знаменем коммунизма произошла консолидация китайского народа (в конце бурной фазы подъема). С ростками «цветного либерализма» в 1989 г. в Китае покончили быстро и жестоко. В последние же десятилетия жители Поднебесной стали целенаправленно переходить к своим исконным национальным традициям – конфуцианству, легизму и другим полезным вещам. И строить на этом фундаменте новую идеологию – «китайский социализм».

Конечно, на современном, переходном этапе у них появилось немало проблем, но, как уже говорилось, китайцам легче их решать – они на подъеме (акматическая фаза). И они за четыре тысячелетия существования своей оригинальной культуры кое-чему научились. Например, у китайцев есть такая

притча: «Две с половиной тысячи лет назад жители княжества Чжао славились красивой походкой. Некий недоросль из княжества Янь отправился туда учиться красиво ходить, но так ничему и не научился. Через несколько лет он вернулся домой на четвереньках – добрый малый, пытаясь подражать другим, вообще разучился нормально ходить»…

Что впереди? Фазовый переход – процесс болезненный.

А теперь вновь обратимся к современности. В предыдущих главах мы уже подошли к выводу о том, что в последние десятилетия (вероятно, с конца 1980-х) российский суперэтнос переживает фазовый переход от надлома к фазе инерции. А смена фаз, как мы знаем, всегда протекает очень болезненно. Особенно если это фаза надлома. В такие периоды, говорил Гумилёв, **этнос становится совершенно беззащитным.** («Как змея, когда она меняет кожу».)

Поэтому следует еще раз отметить, что с точки зрения этногенеза причины наших «послеперестроечных» бед заключаются не только во вредительстве внешних и внутренних противников (это само собой). Главная причина в том, что ослабленный межфазовым переходом народ не в состоянии дать врагам должный отпор. Эти два процесса – действие и противодействие – диалектически взаимосвязаны. И, конечно же, особенно тяжело бывает, когда этих врагов становиться слишком много и они начинают выступать как активная организованная сила (антисистема). Очевидно, что в этом случае фазовый переход может затянуться и превысить отведенные природой сроки...

То, что пережила Россия в 90-е годы XX века – это, по сути, вторая гражданская война, только не горячая, как в 1918 – 1920 гг., а холодная, точнее, теплая. Это какая-то новая форма гражданской войны, доселе не известная. Результаты этой войны: огромная убыль населения, полуразрушенная промышленность, расшатанная социальная система. И судя по всему, эта внутренняя война еще не закончена, пройдена лишь ее острая фаза (1990-е – нач. 2000-х). Ведь когда гражданская война оканчивается, то этническая система стабилизируется и единство этноса восстанавливается. Пока этого не видно. Точнее, сдвиг происходит – этническая динамика положительная, но до победы еще надо дожить…

В 1990-м году Россия была сверхдержавой, на сегодняшний день она уже просто большая держава. Убыль населения за 20 лет «реформ» составила около 15 млн. человек. Даже с учетом гибридной войны (фактор глобализации) и естественного «сгорания» субпассионариев, которое всегда происходит на выходе из надлома, это – чудовищная цифра. В 90-е годы страна теряла почти по миллиону в год, в «нулевые» – меньше, но смертность превышала рождаемость. Впервые за 700 лет (!), т.е. с начала образования Московского государства, мы понесли такие людские потери в «мирное время», без больших войн, массового голода и эпидемий.

В России и раньше случались демографические ямы. Они были вызваны внешними войнами и революциями. Но продолжалось это сравнительно недолго, и сразу же после окончания войн и смут происходил быстрый прирост населения. Срабатывал старый демографический закон: «…бабы ещё нарожают». Сегодня рожают мало. Значит, кризис не завершен.

В фазе надлома, как мы уже знаем, происходит раскол этнической системы на противоборствующие группы. Надлом – это постоянная внутренняя борьба, то вялотекущая, то обостряющаяся. Это, повторим, *непрекращающаяся* гражданская война, которая принимает разные формы. У нас она продолжается почти двести лет. Это максимальный срок, даже если учитывать отягчающие факторы – глобализацию, цифровизацию и пр. (В Византии, Киевской Руси и Западной Европе фаза надлома так же была растянутой и продолжалась около двухсот лет.)

Еще раз подчеркнем, что суть любого фазового перехода заключается *в смене этнического стереотипа поведения.* Это означает, что у нас на смену старому – героическому, религиозному, коллективистскому (традиционному) стереотипу поведения идёт новый – мещанский, прагматический (умеренно буржуазный). Как уже упоминалось, борьба между этими двумя стереотипами, даже глубже, мировоззрениями – русским традиционным и российским буржуазным, продолжалась *в течение всей фазы* надлома. И до 1917 года, и после. Новый стереотип в этой борьбе проигрывал, но, проиграв очередной раз (особенно сокрушительно в 1917 г.), он опять оживал и продолжал набирать силу. К концу советского периода этот модернистский стереотип уже составлял серьезную конкуренцию традиционному стереотипу. Сегодня мы наблюдаем последнюю схватку на этом ментальном поле боя.

С этнологической точки зрения то, что происходит с Россией в последние 25 – 30 лет, это не переход от социализма к капитализму, а переход от этнической доминанты фазы надлома (*двоящейся*!) к этнической доминанте фазы инерции (цельной).

Ломка стереотипа и мировоззренческих установок – это всегда очень болезненно. Особенно в современных условиях, когда в естественный, природный процесс этногенеза вмешиваются организованные антиприродные силы, вооруженные новыми технологиями, с помощью которых, например, можно вести информационную войну. При смене стереотипа поведения люди теряют под собой твердую почву: привычная система ценностей уже уходит, а новая, вызывающая у многих отторжение, ещё до конца не утвердилась. В это время, подчеркивал Гумилёв: «системные связи разрушаются, происходит их перестройка... стереотип этнического поведения заметно модифицируется и поэтому легко деформируется». Здесь надо выделить «деформируется»! Именно это и происходит у нас в 1980 – 1990-х гг.

В целом же, повторим, эту надломную болезнь, приводящую к раздвоению «коллективного бессознательного», можно назвать ***этнической шизофренией*,** протекающей на фоне снижения иммунитета этноса.

Сегодня в составе нашего суперэтноса остается еще немало людей советского типа, для которых после переворота 1991 года жизнь потеряла

смысл, и которым противна новая постсоветская действительность. Они не живут, а выживают во враждебной для них среде. (И это не только «старики-коммуняки».) В то же время небольшая группа других, «либеральных людей», весьма активных, приняла «дико-рыночные» правила игры и возвращаться к старым, даже не советским, а просто традиционным ценностям, категорически не желает. Уродливый капитализм и греховная антикультура, вызывающие отторжение у большинства народа, для них – вполне комфортная среда обитания.

Между этими двумя крайними группами находится самая многочисленная, третья группа. Это в основном мелкая буржуазия разной степени зрелости (не обязательно предприниматели). Эти люди возвращаться к «тому» социализму не желают, но в то же время и либеральные, «дико-рыночные» правила игры не признают. Они за то, чтобы дали, наконец, «нормально работать и зарабатывать», они за «порядок», за «сильного национального лидера» и даже, многие, за патриотизм. Это, как уже отмечалось, *переходный* тип от коллективистской, традиционной системы ценностей к индивидуалистической, «инерционной» системе (в столицах – уже с заметным перевесом ко второй).

И, кроме того, можно выделить еще одну небольшую группу, стоящую особняком. Это *традиционалисты* консервативного типа. В основном это люди православного склада (не обязательно воцерковленные), патриоты-государственники, нацеленные на *служение*. Здесь все четко по К. Леонтьеву: «…они хотят лечить и укреплять государственный организм, они редко торжествуют, но, сколько могут, замедляют разложение, возвращая нацию, иногда и насильственно, к культу создавшей ее гос*у*дарственности».

История учит, что при отрицательной динамике этногенеза (в надломе, инерции, начале обскурации) именно на этой небольшой группе вся *этническая* система и удерживается. Консерваторы-традиционалисты, как мы помним, являются тем самым «тормозом для народов, стремящихся, часто весело, к своей гибели»…

Таким образом, в настоящее время мы имеем в наличии четыре социальные группы с различными системами ценностей (не считая какого-то количества промежуточных групп), которые находятся в динамическом неравновесии. И пока между всеми этими группами и подгруппами конструктивного взаимодействия не наблюдается. И это – несмотря на заметное сглаживание красно-белых противоречий.

Например, если посмотреть на, казалось бы, близкие по духу патриотические организации и движения то мы обнаружим удивительную картину, напоминающую идеологический винегрет: патриоты красные, патриоты белые, патриоты радикальные националисты, патриоты евразийцы, патриоты язычники, патриоты православные. Это не похоже на естественное разнообразие («цветущую сложность»), это похоже на разнобой и раздрай. Что, собственно, и является показателем, до конца не преодоленного, этнического раскола.

Таким образом, получается, что (пока еще) единой *системы ценностей* в русском этносе нет, единого стереотипа поведения нет, и, как следствие, – нормальной *социальной* системы – тоже нет. Поэтому внутренний настрой нашего общества в последние 30 лет можно определить, как ценностно-мировоззренческую какофонию в условиях интенсивной ломки стереотипа поведения… Смута в стране действительно происходит от смуты в головах. Какая уж тут «общенациональная» идеология!..

Делаем вывод. **С точки зрения этногенеза, тот мировоззренческий и психологический кризис, который привел к ослаблению у многих русских людей «воли к жизни», был вызван *естественной* межфазовой ломкой стереотипа поведения, усугубленной гибридной войной.**

В такие периоды безвременья место привычных ценностей занимают антиценности. Как в разгар обскурации. Наступает, как говорили в старину, бесовское время, нечисть вылезает изо всех щелей. Мы наблюдаем это уже много лет на телеэкране, в «современном» театре, постмодернистской литературе, в негативных сектах и много где еще. При этом, повторим, в условиях наступления содомской глобализации и ужесточения информационной войны естественные для межфазового перехода негативные процессы предельно обостряются. У нормальных людей все это вызывает отвращение, растерянность, и самое главное, **страх** за завтрашний день. Происходит атомизация этноса. **Системные связи разрываются**. Люди замыкаются в себе. Они перестают ходить друг к другу в гости, избегают смотреть в глаза встречным, а в общественном транспорте рассаживаются друг от друга подальше. Это естественная реакция на продолжительный, *непрерывный* стресс. Наступает усталость. Когда собака болеет, она забивается в укромное место и там отлеживается…

И еще в народе накопилась злость. Она какая-то особая – нутряная. Многими, особенно молодежью, до конца неосознанная. Это не быстрая злость начала-середины 90-х, когда еще сохранялась надежда на скорое разрешение всех противоречий и бед, – это тяжелая, медленная злость людей, которые много лет боролись за выживание, смертельно устали, и не знают, когда все это кончится. Многие наши люди сегодня – как сжатые пружины...

Как долго может продолжаться фазовый переход? Трудно сказать. Иногда он занимает годы, но чаще – десятилетия. И далеко не всегда идет мирным путем. Если такой переход у нас состоится (а внутренний раскол все-таки преодолевается!) – то будущее в долгосрочной перспективе будет принадлежать новому, прагматично-буржуазному стереотипу поведения. В крупных городах он уже доминирует, правда, в несколько извращенном виде. Однако, повторим, что и старый, традиционный стереотип ещё долго не исчезнет, слишком глубоко он въелся. Ведь кроме возрастного, нужно учитывать и другие факторы, в первую очередь географический и религиозный. Суровый климат, огромная территория, постоянная угроза нашествий и, наконец, православное христианство – всё это наложило глубокий отпечаток на склад души русского человека. Ментальный стержень (архетипы), как уже упоминалось, штука весьма устойчивая. Поэтому можно прогнозировать, что

закоренелым индивидуалистом и прагматиком («ходячим калькулятором»), как европеец из фазы инерции, русский человек не станет никогда. Повторим, что Россия это вовсе не Европа, а «страна-континент» – Евразия.

Кроме того, при всех неприятностях фазы надлома, там были и свои положительные моменты. А именно – четыре волны эмиграции на Запад: 1) послереволюционная в 1917 – 1920-х гг.; 2) послевоенная в 1945г.; 3) позднесоветская – в 1970 – 80-х гг .; 4) «новорусская» и др. в 1990 – 2000-х гг.

Это было освобождение от балласта (в большинстве своем), состоящего из русских либералов (1), предателей Родины (2), радикальных националистов и диссидентов (3), и компрадорской буржуазии (4). Разумеется, освобождение не в полном объеме (одни остались, другие пользуются двойным гражданством), но в достаточном для выживания. Говоря языком Гумилёва, из этноса был удален лишний, *мешающий* элемент, что и привело к некоторому повышению устойчивости суперэтнической системы. Добавим к этому такой немаловажный факт, как резкое сокращение числа субпассионариев, которое совпадает с первой и последней волной, и которое сегодня видно невооруженным глазом.

Повторим, законы этногенеза – это законы природы. Когда организм болеет, то при повышении температуры из него выходят всякие шлаки и вредные вещества. Здесь главное, чтобы хватило иммунитета, то есть – пассионарности.

Если же говорить о будущем социальном устройстве России, то вероятно, в обозримой «раннеинерционной» перспективе нас ждёт что-то среднее между коллективизмом и индивидуализмом, между традиционным и «цивилизованным». Как уже упоминалось, в старый социализм советского типа нам уже никогда не вернуться, но и к «чистому» капитализму мы не готовы. Если использовать привычную терминологию, то будущий социально-экономический уклад будет представлять собой нечто среднее между капитализмом и социализмом. И хотя идеология в фазе инерции уже не играет той определяющей роли, какую она играла в предыдущих фазах этногенеза, она будет необходима, особенно в начале. Это будет что-то особое, **евразийское** с выраженной *социальной и имперской* составляющей, с духовной опорой на Православие.

Это будет возвращение к *традиции*, но в умеренном виде, без прежнего накала. Когда, повторим, всё – в меру, всё – на среднем уровне – и религиозность, и патриотизм, и коллективизм, и количество детей в семье. Можно называть такую систему – государственным капитализмом, можно – социальным государством, можно даже – «имперoподобным государственным образованием». Можно как-нибудь еще. Здесь главное не название, а то, что мы и дальше пойдем своим собственным путем – русским. Но это будет уже в следующей фазе этногенеза – то есть, на качественно другом цивилизационном уровне.

В спокойной фазе инерции, как мы знаем, внутренние идеологические разногласия уступают место идеологическому равновесию. Поскольку этнический раскол преодолевается, и идейных бойцов-пассионариев в этой

фазе остается совсем немного, то на смену противоборствующим «горячим» и «революционным» идеологиям приходит консервативная идеология «золотой середины», т. е. идеология *порядка и стабильности*. Немногочисленным пассионарным идеалистам такая субидеология кажется скучной, но гармоничное большинство она вполне устраивает. (Ну, сколько можно воевать! Дайте пожить спокойно!) Очевидно, что Россия беременна именно такой идеологией. Что, впрочем, вовсе не исключает необходимости идеологии мобилизации на современном, переходном этапе. И уж тем более не исключает укрепления позиций Православия, как основы для нового имперского проекта на старом фундаменте «Третьего Рима». Почему? Потому, что в XX веке в мировой этногенез вмешался инфернальный фактор глобализации. И нужен Удерживающий…

Что же касается ситуации в мире, то повторим, благодаря Гумилёву мы можем прогнозировать: несмотря на то, что исторические тучи сгущаются – какое-то время для раздумий у человечества еще есть.

Поэтому на вопрос: что будет с народами (цивилизациями) в будущем? – можно ответить так: будет возвращение к традиции. То есть – возвращение к *многополярному миру*. К национальным экономикам и финансам. К национальным культурам и религиям. К самим себе. Разумеется, настолько, насколько это возможно после тех страшных ударов, что пережило человечество в XX – начале XXI вв., и тех, что еще предстоит пережить.

Поэтому, еще раз подчеркнем, вопрос заключается не в том «Что будет после капитализма?», а в том, каким образом и в какой мере будет восстановлена сложная *этно-культурная* планетарная система после полураспада последних десятилетий и грядущих глобальных потрясений.

Мы надеемся, что Российской цивилизации предстоит сыграть в этом Большом Планетарном Ремонте не последнюю роль.

И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.
(Ин. 1:5)

О современном моменте. Россия сосредотачивается

Лев Николаевич Гумилёв говорил: «По ходу этногенеза мы никогда не знаем: наступил, или – наступает очередной фазовый период». Причина – в той самой аберрации близости, когда недавние события кажутся значительными, а давно прошедшие – маловажными. Поэтому, не будем гадать понапрасну на тему: когда же российский суперэтнос войдет в долгожданную фазу инерции? (Может статься, он уже входит, только мы этого пока не замечаем.) Одно можно сказать определенно: ход колесницы истории с конца XX в. резко ускорился, и быстро нарастающие события повлекли за собой ряд *качественных* изменений, как внутри России, так и во всем мире...

Сегодня, при всех сложностях и проблемах, которые нам достались от «эпохи реформ 90-х», мы наблюдаем, как Россия, наконец, начинает сосредотачиваться. Украинские события весны 2014 г. вызвали, неожиданный для многих «наблюдателей», всплеск имперского патриотизма. Это придавленные «реформами» русские архетипы вырвались наружу. После двадцатипятилетнего либерального отступления Россия начала упираться – дальше отступать уже нельзя: враг вторгся на русскую землю!

Появилась надежда, что этот *народный* патриотический подъем станет залогом преодоления почти двухсотлетнего этнического раскола и грядущего национального единения, как внутри России, так и на всем евразийском пространстве. Похоже, что исторический маятник постепенно начал движение в нужную, созидательную сторону. Несмотря ни на что!

С точки зрения жизни одного поколения – этого поворота ждали слишком долго. С точки зрения этногенеза – не очень. Потребовалось около двадцати лет, чтобы расхристанный и разуверившийся русский народ начал обретать, казалось бы, уже потерянный смысл своего существования. Смысл в борьбе за право жить на своей земле по-своему…

В 1990-е годы многие противники режима думали, что придёт вождь и поведёт народ на баррикады. Оказалось, что перелом произошёл где-то *внутри*. **Сработал инстинкт самосохранения на уровне этнической системы**. Подчеркнем, не политической, не социальной, а именно этнической системы! Включился загадочный «русский фактор». До сих пор не всеми русскими осознанный. Произошло это в начале-середине 2000-х годов.

Со временем стало ясно, что если вождь придет, то, скорее всего, он придет не снизу – его выдвинет наиболее здоровая, ориентированная на сильное государство, часть «верхнего» класса. Пускай эта консервативная часть (те самые созидатели) была очень небольшой, пускай после погрома 90-х она имела узкий коридор возможностей, но она уже была. И она, в отличие от либерального большинства во властных структурах, связывала свое будущее все-таки с Россией, а не с Западом. При всех ее многочисленных буржуазных недостатках…

К середине «нулевых» годов в России, наконец, появился национальный лидер, который полностью отвечал задачам *переходного периода*, то есть умел сидеть сразу на двух стульях – патриотическом и либеральном. (Что многих долгое время вводило в заблуждение. Это как раз тот случай, когда не личность влияет на историю, а история влияет на соответствующую вектору этногенеза личность.) Тогда же наметился «срединный путь» выхода из кризиса. Через **консервативную революцию сверху**; при массовой поддержке снизу.

Сегодня мы наблюдаем постепенный переход от первого, подготовительного этапа этой консервативной революции ко второму – уже явному этапу. Задачи этой, пока мягкой опричнины не новы: нейтрализация олигархии и поэтапная смена правящего класса, в первую очередь, его откровенно прозападного сегмента. Что-то до боли похожее у нас уже было в 1920 – 30-х гг., при товарище Сталине. Вообще, надо заметить, что

сегодняшняя внутриполитическая ситуация отчасти напоминает ситуацию середины 1930-х, когда самых яростных противников режима уже выслали, а до оставшегося большинства руки еще не дошли. При этом, картинка последних ежегодных выступлений президента перед «элитой» порой напоминает картинку «съезда победителей» в 1934 году...

Из истории мы знаем, что консервативная революция, которая в наших условиях является *борьбой этнической системы с антисистемой*, быстро идти не может; особенно с учетом беспрецедентного давления глобалистов (более мощного, чем при Сталине!). Поэтому пробуксовки и даже тактические отступления на этом пути неизбежны. Но, похоже, другого выхода у нас нет.*

Как будут разворачиваться дальнейшие события, покажет время. Ясно одно: для того, чтобы завершить консервативную революцию и войти в стабильное «инерционное» будущее, надо будет пройти через суровый **мобилизационный период**. В воздухе опять запахло большой войной. И вопрос вновь стоит предельно четко: быть России, или не быть. Поэтому дорога в будущее лежит через борьбу. Борьбу за Россию.

P. S. В последние годы нередко приходилось слышать, что Россию может спасти только чудо. Это чудо – наша пассионарность. Отсюда все: и поразительное терпение народа, и живое чувство патриотизма, и готовность к жертве, и сохранившееся религиозное сознание. Чудо приходит к тому народу, который сохранил веру в Чудо. То есть в Бога. У нас это есть. Придавленное, забросанное толстым слоем материализма и атеизма, залитое грязью массовой антикультуры, – но есть! Значит, есть надежда.

……

*Примечание. Последнее тактическое отступление произошло в 2020 г., когда публично заявленная президентом в январе 2020 г. «умеренная» консервативная революция (смена премьер-министра, поправки в конституцию, закон о двойном гражданстве чиновников и пр.) была приостановлена планетарной атакой глобалистов («Пандемия 2020»).

Основная использованная литература

1. Ачкасов В. А. Этнополитология – СПб.: Издательство С.-Петерб.ун-та, 2005. – 337 с.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
3. Горький А. М. Собрание сочинений в 16 т. – М.: Правда, 1979 г.
4. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. – М.: Экопрос, 1993. – 544 с.
5. Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки по русской истории. – М.: Дрофа; Наталис, 1996. – 352 с.
6. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 848 с.
7. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. Популярные лекции по народоведению. – М.: Рольф, 2001. – 384 с.
8. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Рольф, 2001. – 560 с.
9. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 560 с.
10. Гумилев Л, Н. История народа хунну. В 2 кн. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 404 и 437 с.
11. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии: работы 1966-1988 гг. – СПб.: ООО «Издательский Дом «Кристалл»», 2002. – 352 с.
12. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 457 с.
13. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – СПб.: ООО «Издательский дом «Кристалл»», 2003. – 608 с.
14. Гумилев Л.Н. Чтобы свеча не погасла: Сборник эссе, интервью, переводов. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 560 с.
15. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – М.: Айрис-пресс, 2003. - 384 с.
16. Гумилев Л.Н. Черная легенда. – М.: Алгоритм, 2006. – 352 с.
17. Гумилев Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. – М.: Айрис – пресс, 2007. – 608 с.
18. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Высш. шк., 1991. – 478 с.
19. Домострой. – М.: Сов. Россия, 1990. – 304 с..
20. Достоевский Ф. М. Дневник. Статьи. Записные книжки: В 3 т. – М.: Захаров, 2005.
21. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. В 12 т. – М.: Правда, 1982.
22. Дугин А. Г. Геополитика постмодерна. – СПб.: Амфора, 2007. – 382 с.
23. Дугин А. Г. Проект «Евразия». – М.: Эксмо, Яуза, 2004. – 512 с.
24. Зиновьев А. А. Глобальный человейник. – М.: Центрполиграф, 1997. – 459 с.
25. Зиновьев А.А. Русская трагедия. – М.: Эксмо, 2003. – 512 с.
26. История России XX – начала XXI века. / под ред. Л. В. Милова. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.

27. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. – М.: Алгоритм, 2008. – 704 с.
28. К. Леонтьев, наш современник. – СПб.: Издательство Чернышёва, 1993. – 464 с.
29. Ключевский В. О. Сочинения. В 8 т. – М.: Издательство Социально-экономическая литература, 1958.
30. Кожинов В. В. Россия. Век XX (1901 – 1939). Опыт беспристрастного исследования. – М.: Алгоритм, 1999. – 560 с.
31. Кожинов В.В. Россия. Век XX (1939 – 1964). Опыт беспристрастного исследования. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 448 с.
32. Лавров С. Б. Лев Гумилев: Судьба и идеи. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 608 с.
33. Леонтьев Константин. Избранное. – М.: Высш. шк., 1993.
34. Мир Льва Гумилева. Арабески Истории. – М.: Экопрос, 1994. – 521 с.
35. Мир России – Евразия: Антология. – М.: Высш. шк., 1995. – 399 с.
36. Мнацаканян М.О. Нации и национализм. – М.: ТЕРРА, 2004. – 281 с.
37. Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – 304 с.
38. Платонов О. А. Последний государь: жизнь и смерть. – М.: Алгоритм, 2005. – 640с.
39. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. – М.: Высш. шк., 1993. – 736 с.
40. Розанов В.В. Короб первый. – СПб.: Кристалл, 2001. – 157 с.
41. Розанов В. В. Короб второй. – СПб.: Кристалл, 2001. – 254 с.
42. Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. – М.: Правда, 1989. – 768 с.
43. Солоневич И. Л. Народная монархия. – М.: Феникс, 1991. – 512 с.
44.Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. – СПб.: Репринтное издание, 1992. – 674 с.
45. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 592 с.
46. Учение Л.Н. Гумилева: опыт осмысления. Материалы научных чтений. – М.: Дрофа; Наталис, 1998. – 252 с.
47. Учение Л.Н. Гумилева и современность: материалы Международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Л. Н. Гумилева. В 2 томах. – СПбГУ, 2002.
48. Чехов А. П. Собрание сочинений. В 8 т. – М.: Правда, 1969.
49. Чуринов Н.М. Совершенство и свобода. Философские очерки. – САА. Красноярск, 2001. – 432 с.
50. Шафаревич И. Р. Две дороги – к одному обрыву. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 448 с.
51. Шпенглер О. Закат Европы. В 2 томах. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 528 и 624 с.
52. Этнология: Учебник для студентов вузов. / под. ред. А.П. Садохина, Т.Г. Грушевицкой. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 320 с.

Приложение
(справочное)

Словарь терминов

1. Аберрация близости – преувеличение грандиозности недавних событий сравнительно с более ранними.
2. Антисистема – системная целостность людей с негативным мироощущением.
3. Биосфера – оболочка Земли, состоящая из живого вещества и продуктов его деятельности, обладающая антиэнтропийными свойствами.
4. Биохимическая энергия – свободная энергия, поглощаемая организмами из окружающей среды.
5. Гармоничные особи (гармоничники) – люди, пассионарный импульс которых равен по величине импульсу инстинкта самосохранения.
6. Генетический дрейф – явление рассеивания пассионарного признака за пределы популяции путем брачных связей (чаще незаконных).
7. Инкубационный период – часть фазы подъема от момента пассионарного толчка или начала генетического дрейфа до появления этноса как новой этносоциальной системы.
8. Комплиментарность – положительная (отрицательная) – ощущение подсознательной взаимной симпатии (антипатии) людей, определяющее деление на «своих» и «чужих». Связана с феноменом этнического поля (биополя).
9. Мироощущение негативное – отношение к материальному миру, выражающееся в стремлении к упрощению систем.
10. Мироощущение позитивное – отношение к материальному миру, выражающееся в стремлении к усложнению систем.
11. Ностальгия – ощущение несовместимости с иным этническим полем.
12. Пассионарии – люди, пассионарный импульс которых превышает импульс инстинкта самосохранения.
13. Пассионарность – обеспеченная избытком биохимической энергии живого вещества способность человека к сверхнапряжению.
14. Пассионарная индукция – заразительность пассионарности, когда гармоничные люди под воздействием пассионариев ведут себя так, как если бы они были пассионарны. Пассионарная индукция сильнее действует на людей той же этнической принадлежности, что и пассионарии.
15. Пассионарный толчок – микромутация, приводящая к появлению пассионарности в сообществе людей и рождению новых этносов.
16. Реликт – этнос, находящийся в состоянии покоя, т. е. этнос с нулевой пассионарностью.
17. Симбиоз – мирное сосуществование двух и более этносов в одном регионе, когда каждый занимает свою экологическую нишу.

18. Смещение или результат контакта – нарушение запрограммированного хода этногенеза вследствие внешнего воздействия.
19. Стереотип поведения – изменяющийся по ходу времени набор навыков поведения членов этноса, передаваемый путем сигнальной наследственности.
20. Субпассионарии – люди, пассионарный импульс которых меньше импульса инстинкта самосохранения.
21. Субэтнос – этническая система, выделяющаяся внутри этноса, имеющая поведенческие особенности и противопоставляющая себя окружающим.
22. Упрощение – уменьшение плотности системных связей в этнической системе, т.е. её ослабление.
23. Уровень пассионарного напряжения системы, или пассионарное напряжение – количество имеющейся в этнической системе пассионарности, делённое на количество людей, составляющих этническую систему.
24. Усложнение – увеличение плотности системных связей в этнической системе, т.е. её укрепление.
25. Химера – сосуществование двух и более чуждых этнических систем в одной экологической нише.
26. Энтропийный процесс – необратимый процесс потери энергии.
27. Этническая история – функция этногенезов и этнических контактов за периоды, где события зафиксированы источниками.
28. Этническое поле – коллективное биополе имеющее определенный ритм (частоту) колебаний. Подтверждается феноменом комплиментарности и явлением ностальгии.
29. Этническая регенерация – восстановление этнической структуры после потрясений.
30. Этническая традиция – сумма стереотипов поведения, передаваемых механизмом условного рефлекса.
31. Этнический гомеостаз, или гомеостатический уровень, или статическое состояние этноса – устойчивое состояние этнической системы (структуры), при котором колебания биохимической энергии – пассионарности имеют место в ограниченных пределах, определяя этноландшафтное равновесие и отсутствие смены фаз этногенеза.
32. Этногенез – момент возникновения и весь процесс исчезновения этнической системы под влиянием энтропийного процесса потери пассионарности.
33. Этнология – наука, изучающая становление этносферы Земли как результат процессов этногенеза в историческую эпоху.
34. Этнос – устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя другим подобным коллективам, отличающийся от них типом поведения и ощущением комплиментарности. Состоит из субэтносов, консорций; группа близких между собой этносов составляет суперэтнос.

Приложение А

Кривая этногенеза

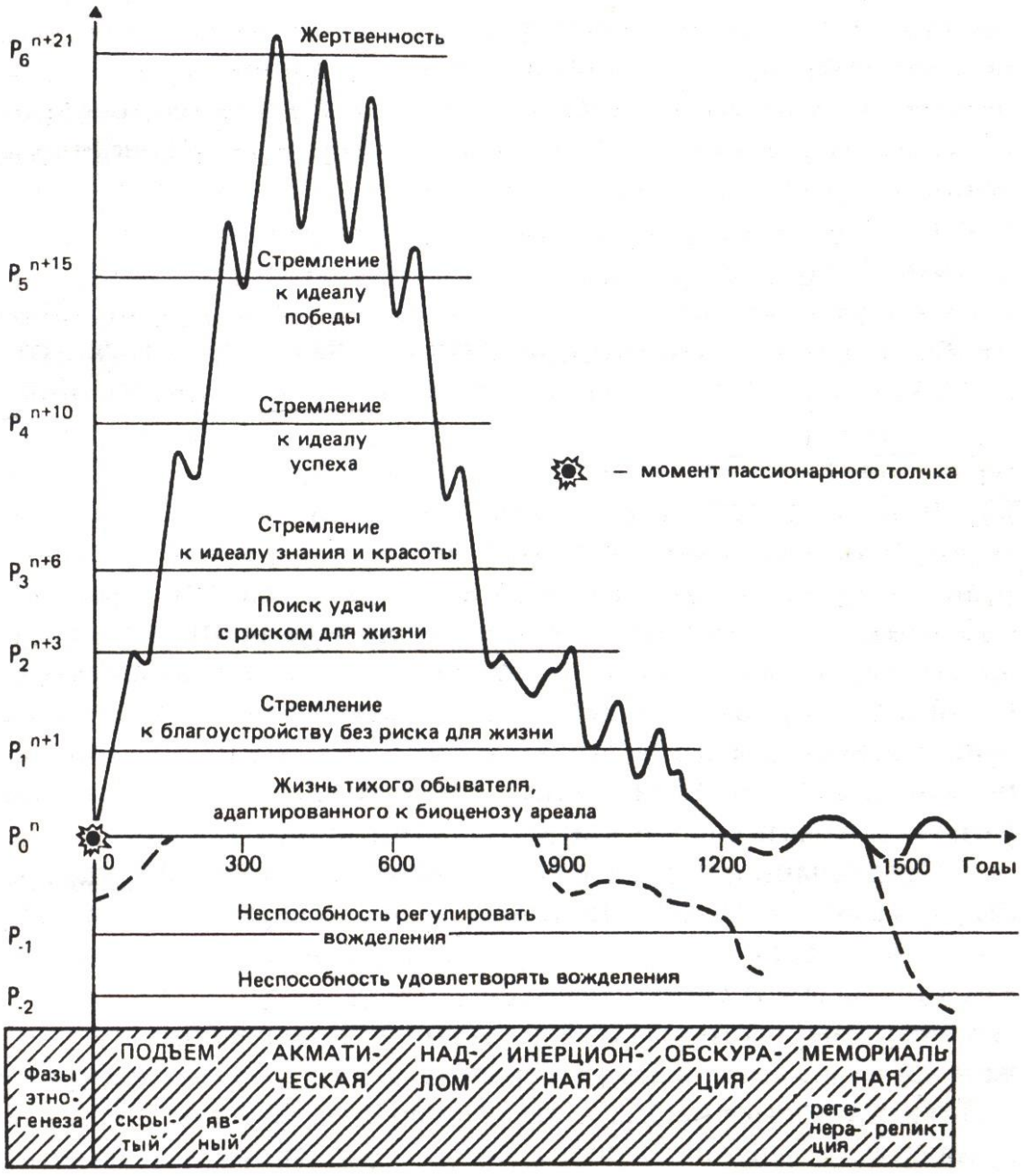
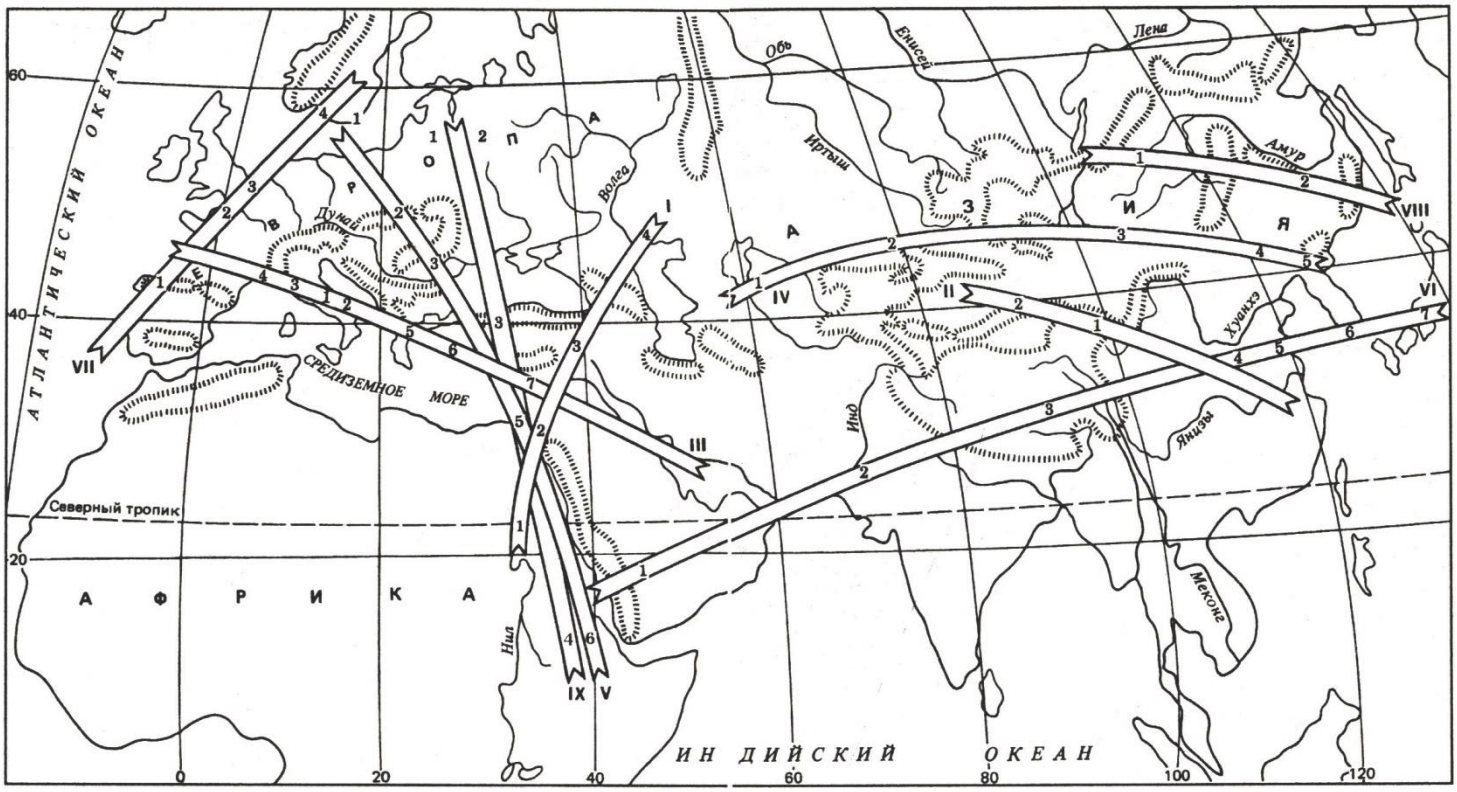


Рис. 4. Изменение пассионарного напряжения этнической системы (обобщение)

Приложение Б

Пассионарные толчки

На рисунке римской цифрой обозначен порядковый номер толчка, арабскими цифрами пронумерованы этносы, возникшие вследствие данного пассионарного толчка.



I (пассионарный толчок XVIII в. до н. э.):
1 - египтяне-2; 2 - гиксосы; 3 - хетты; 4 - протохазары.
II (пассионарный толчок XI в. до н. э.)
1 — чжоусцы.
III (пассионарный толчок VIII в. до н. э.):
1 - римляне; 2 - самниты; 3 - эквы; 4 - галлы; 5 - эллины; б - мидийцы; 7 - киликийцы.
IV (пассионарный толчок III в. до н. э.):
1 - сарматы; 2 - кушаны-согдийцы; 3 - хунны; 4 - сяньби; 5 - пуё.
V (пассионарный толчок I в. н. э.):
1 - готы; 2 - славяне; 3 - даки; 4 - христиане; 5 - иудеи-2; 6 - аксумиты.
VI (пассионарный толчок VI в. н. *э.):*
1 - арабы-мусульмане; 2 - раджпуты; 3 - боты; 4 - табгачи; 5 - китайцы-2; 6 — корейцы; 7 — ямато (японцы).
VII (пассионарный толчок VIII в. н. э.):
1 - испанцы; 2 - франки (французы); 3 - саксы (немцы); 4 - скандинавы.
VIII (пассионарный толчок XI в. н. э.):
1 - монголы; 2 - чжурчжэни.
IX (пассионарный толчок XIII в. н. э.):
1 - литовцы; 2 - великороссы; 3 - турки-османы; 4 – эфиопы

Содержание.

Предисловие……..4
Краткая биография……...7
Введение……...……..16

Часть I
Этнос, его свойства и особенности
Стереотип поведения……...30
Этническая структура: субэтнос, этнос, суперэтнос……...40
Комплиментарность……....48
Системный подход……...56
Пассионарность……63
Гармоничные люди……..67
Субпассионарии……...68
Возрасты этноса и разнообразие этнических историй…….....71
Фазы этногенеза. Фаза подъёма (расширение)……76
Фаза акматическая (перегрев)……..86
Фаза надлома (болезнь этноса)……....96
Фаза инерции (золотая осень)……..148
Фаза обскурации (сумерки этноса)……..153
После конца. Мемориальная фаза……...168
Вместо заключения. Оценка теории…..…….....170
Часть II
«Уроки Льва Гумилева».
Или зачем нам нужна теория этногенеза……178
Развенчание мифов……...179
Глобализация и этногенез....……183
Мировой кризис и этногенез……187
О мере влияния людей на историю…….190
Национальный вопрос.
Об ошибках в советской национальной политике…….....195
О национализме и интернационализме……..203
Почему распался СССР? Этнический аспект……207
Возможен ли новый Союз народов?.....215
Об Украине……217
О патриотизме и антипатриотизме. Маятник истории…….....226
Почему мы никак не построим правильный капитализм?....….....230
Социализм и этногенез……..……..243
Что впереди? Фазовый переход – процесс болезненный……250
О современном моменте. Россия сосредотачивается……..255
Список литературы…...……..258
Приложение справочное. Словарь терминов……260
Приложение А. Кривая этногенеза……..262
Приложение Б. Оси зон пассионарных толчков…….263

Евтушенко Евгений Альбертович

Пассионарная теория этногенеза Л. Н. Гумилёва: осмысление и попытка применения

Подписано в печать 21. 08. 17. Формат 60Х84 1/16
Усл. печ. л. 26,75. Бумага офсетная.
. Заказ 08-098.

Отпечатано в типографии «ЛИТЕРА-принт»